ПЛОВДИВСКИ УНИВЕРСИТЕТ „ПАИСИЙ ХИЛЕНДАРСКИ“

ФИЛОЛОГИЧЕСКИ ФАКУЛТЕТ

ПАИСИЕВИ ЧЕТЕНИЯ

ЧУЖДОЕЗИКОВИ КОНТЕКСТИ: ЛИНГВИСТИКА, ПРЕВОД, МЕТОДИКА

Пловдив
2025 г.

НАУЧНИ ТРУДОВЕ

том 63, кн. 1, сб. Б, 2025

Филология

Публикуването на настоящото издание на Научните трудове на Филологическия факултет на Пловдивския университет „Паисий Хилендарски“ е реализирано с финансовата подкрепа на Фонд „Научни изследвания“ по проект № КП-06-МНФ/26 от 13.08.2025 г. Фонд „Научни изследвания“ не носи отговорност за съдържанието на включените материали.

PAISII HILENDARSKI UNIVERSITY OF PLOVDIV – BULGARIA
RESEARCH PAPERS – LANGUAGES AND LITERATURE
VOL. 63, BOOK 1, PART B, 2025

ОТГОВОРЕН РЕДАКТОР

доц. д-р Юлиана Чакърова
Пловдивски университет „Паисий Хилендарски“, България

НАУЧНИ СЕКРЕТАРИ

гл. ас. д-р Ана Маринова
Пловдивски университет „Паисий Хилендарски“, България

гл. ас. д-р Боряна Тенчева
Пловдивски университет „Паисий Хилендарски“, България

гл. ас. д-р Райна Танчева
Пловдивски университет „Паисий Хилендарски“, България

РЕДАКЦИОННА КОЛЕГИЯ

проф. д.ф.н. Борис Норман
Беларуски държавен университет, Минск, Беларус

проф. д.ф.н. Галин Тиханов
Лондонски университет „Куин Мери“, Великобритания

проф. д.ф.н. Диана Иванова
Пловдивски университет „Паисий Хилендарски“, България

проф. д.ф.н. Кирил Чекалов
Институт за световна литература „А. М. Горки“ към РАН, Москва, Русия

проф. д.ф.н. Красимира Алексова
Софийски университет „Св. Климент Охридски“, България

проф. д.ф.н. Сергей Николаев
РАН, Москва, Русия

проф. д.ф.н. Фьодор Поляков
Виенски университет, Австрия

проф. д.ф.н. Христина Тончева
Пловдивски университет „Паисий Хилендарски“, България

проф. д-р Богуслав Желински
Познански университет „Адам Мицкевич“, Полша

проф. д-р Жизел Валанси
Университет в Каен – Нормандия, Франция

проф. д-р Красимира Чакърова
Пловдивски университет „Паисий Хилендарски“, България

проф. д-р Леони Ормънд
Кингс Колидж – Лондон, Великобритания

проф. д-р Малгожата Корицковска
Институт по славистика към ПАН, Варшава, Полша

проф. д-р Михаела Солейман-пур-Хашеми
Масариков университет, Бърно, Чешка република

проф. д-р Надежда Сталянова
Софийски университет „Св. Климент Охридски“, България

проф. д-р Николина Бурнева
Великотърновски университет „Св. св. Кирил и Методий“, България

проф. д-р Петя Осенова
Софийски университет „Св. Климент Охридски“, България

проф. д-р Родолф Боден
Сорбона, Париж, Франция

проф. д-р Саша Шмуля
Университет в Баня Лука, Босна и Херцеговина

проф. д-р Светла Коева
Институт за български език, БАН, София, България

доц. д.ф.н. Дияна Николова
Пловдивски университет „Паисий Хилендарски“, България

доц. д-р Борян Янев
Пловдивски университет „Паисий Хилендарски“, България

доц. д-р Владислав Миланов
Софийски университет „Св. Климент Охридски“, България

доц. д-р Елена Крейчова
Масариков университет, Бърно, Чехия

доц. д-р Жан-Пол Рог
Университет в Каен – Нормандия, Франция

доц. д-р Златороса Неделчева-Белафанте
Пловдивски университет „Паисий Хилендарски“, България

доц. д-р Елица Миланова
Пловдивски университет „Паисий Хилендарски“, България

доц. д-р Марияна Биелич
Университет в Загреб, Хърватия

доц. д-р Марцел Черни
Институт по славистика към ЧАН, Прага, Чехия

доц. д-р Мийрям Салим-Ахмед
Шуменски университет „Епископ Константин Преславски“, България

доц. д-р Павел Крейчи
Масариков университет, Бърно, Чехия

доц. д-р Раджни Сингх
Университет в Данбад, Индия

доц. д-р Соня Александрова-Колева
Пловдивски университет „Паисий Хилендарски“, България

доц. д-р Стефка Кожухарова
УНСС – София, България

доц. д-р Христо Боев
Шуменски университет „Епископ Константин Преславски“, България

доц. д-р Христо Салджиев
Тракийски университет – Стара Загора, България

доц. д-р Яна Роуланд
Пловдивски университет „Паисий Хилендарски“, България

гл. ас. д-р Ана Маринова
Пловдивски университет „Паисий Хилендарски“, България

гл. ас. д-р Борислав Борисов
Софийски университет „Св. Климент Охридски“, България

гл. ас. д-р Боряна Тенчева
Пловдивски университет „Паисий Хилендарски“, България

гл. ас. д-р Райна Танчева
Пловдивски университет „Паисий Хилендарски“, България

гл. ас. д-р Юлия Митева
Великотърновски университет „Св. св. Кирил и Методий“, България

ас. Дарка Хербез
Пловдивски университет „Паисий Хилендарски“, България

Технически сътрудници

ас. д-р Таня Нейчева
Пловдивски университет „Паисий Хилендарски“, България

ас. Владислава Иванова
Пловдивски университет „Паисий Хилендарски“, България

докт. Анастасия Кехайова
Пловдивски университет „Паисий Хилендарски“, България

Коректори

ас. Гергана Иванова
Пловдивски университет „Паисий Хилендарски“, България

ас. Вадим Банев (английски език)
Пловдивски университет „Паисий Хилендарски“, България

ас. Здравко Генов (английски език)
Пловдивски университет „Паисий Хилендарски“, България

ISSN 0861-0029

СЪДЪРЖАНИЕ

СЪПОСТАВИТЕЛНА СЛАВИСТИКА
ЛИНГВИСТИЧНИ ПРОБЛЕМИ НА ПРЕВОДА
ЛИНГВОКУЛТУРОЛОГИЯ

НЕДОИЗКАЗАНОСТТА ИЛИ МЪЛЧАНИЕТО
НА ЕКСПРЕСИЯТА
Майя Кузова 11

АКТУАЛИЗАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ
ВРЕМЕН СССР В РОМАНАХ А. МАРИНИНОЙ
И ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА
Наталия Христова 26

НАБЛЮДЕНИЯ НАД ПЕРЕВОДОМ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ
В РОМАНЕ АНДРЕЯ ГЕЛАСИМОВА «ДОМ НА ОЗЕРНОЙ»
Силвия Петкова 44

РЕЧЕВЫЕ ФОРМЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ВЕЖЛИВОСТИ:
ПЕРЕВОД НАИМЕНОВАНИЙ ГЛАВ ГОСУДАРСТВ
И ПРАВИТЕЛЬСТВ И ОБРАЩЕНИЙ К ВЫСШИМ
ДОЛЖНОСТНЫМ ЛИЦАМ
Марианна Конова 62

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ КОНЦЕПТЫ *ГУАНЬСИ* И *СВЯЗИ*
В КИТАЙСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ
Елица Миланова, Инг Ванг 83

ДОКТОРАНТИ

КОНЦЕПТ КАК ЕДИНИЦА ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА:
СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И МЕТОДЫ АНАЛИЗА
Анастасия Хаджийска 95

МУЗИКАЛНИЯТ КУЛТУРЕН КОД КАТО ЛИНГВОКУЛТУРЕН
ФЕНОМЕН (ВЪРХУ МАТЕРИАЛ ОТ РУСКИЯ ЕЗИК)
Анастасия Кехайова 112

ЛИНГВИСТИЧНИ И ЛИНГВОКУЛТУРОЛОГИЧНИ ИЗСЛЕДВАНИЯ НА ДРУГИ ЧУЖДИ ЕЗИЦИ

FROM *MULTI-NESS* TO *COULD-NESS*: REVISITING THE COMBINATORIAL PROPERTIES OF THE ENGLISH SUFFIX *-NESS*
Maria Kolarova..... 127

FROM SYNTAX TO PRAGMATICS: THE ROLE OF "THERE" IN ENGLISH INFORMATION STRUCTURE
Krasimir Spasov..... 141

STICK WITH ENGLISH OR CHANGE LANGUAGES? THE ROLE OF CODE-SWITCHING IN THE AMERICAN DRAMA TV MINISERIES *POLITICAL ANIMALS* (2012)
Alexandrina Ugrenova 157

GENERAL METAPHOR TYPOLOGY IN RESEARCH ARTICLE INTRODUCTIONS IN THE FIELD OF ECONOMICS
Ivaylo Dagnev..... 165

LOS PREFIJOS CUANTIFICATIVOS EN ESPAÑOL Y EN BÚLGARO
Rayna Tancheva..... 177

NOMBRAR LO INNOMBRABLE. ENFERMEDADES Y ESTADOS FÍSICOS Y ANÍMICOS QUE CONTIENEN UN ADJETIVO DE COLOR
Mariya Naneva..... 193

LOS MUDÉJARES DE HUESCA ENTRE EL ÁRABE Y EL ROMANCE ARAGONÉS-II
Yuliya Miteva 204

HÖFLICHKEIT UND KULTURELLE DIMENSIONEN IM OFFIZIELLEN SCHRIFTVERKEHR: EIN VERGLEICH DEUTSCHER UND BULGARISCHER VERWALTUNGSDOKUMENTE
Kalina Shtereva-Emrich 220

ZUR FUNKTION DER LEXIKALISCHEN EINHEITEN IN DER DIGITALEN STÄDTEWERBUNG
Milena Ivanova..... 235

ЛЕКСЕМАТА *BAŞ* В ТУРСКИЯ ЕЗИК:
СЕМАНТИКА, ФРАЗЕОЛОГИЧНА ПРОДУКТИВНОСТ
И ПРАГМАТИЧНА УПОТРЕБА
Харун Бекир **255**

МЕТОДИКА

МЕТОДИЧЕСКАТА ПОДГОТОВКА НА УЧИТЕЛИТЕ
ПО ЧУЖД ЕЗИК В БЪЛГАРИЯ: СЪСТОЯНИЕ
И НЕОБХОДИМОСТ ОТ ОБНОВЯВАНЕ
Нина Чочева **273**

AI AND ASSESSMENT: BEYOND THE CAT
AND MOUSE GAME?
Irina Kyulanova **287**

СЪПОСТАВИТЕЛНА СЛАВИСТИКА

ЛИНГВИСТИЧНИ ПРОБЛЕМИ НА ПРЕВОДА

ЛИНГВОКУЛТУРОЛОГИЯ

ПЛОВДИВСКИ УНИВЕРСИТЕТ „ПАИСИЙ ХИЛЕНДАРСКИ“ – БЪЛГАРИЯ
НАУЧНИ ТРУДОВЕ, ТОМ 63, КН. 1, СБ. Б, 2025 – ФИЛОЛОГИЯ,
PAISII HILENDARSKI UNIVERSITY OF PLOVDIV – BULGARIA
RESEARCH PAPERS, VOL. 63, BOOK 1, PART B, 2025 – LANGUAGES AND LITERATURE

DOI 10.69085/ntf2026b011

НЕДОИЗКАЗАНОСТТА ИЛИ МЪЛЧАНИЕТО НА ЕКСПРЕСИЯТА

Майя Кузова
Пловдивски университет „Паисий Хилендарски“

THE UNDERSTATEMENT OR SILENCE OF EXPRESSION

Maya Kuzova
Paisii Hilendarski University of Plovdiv

m_kuzova@uni-plovdiv.bg

As a multifaceted phenomenon, expression consistently intrigues researchers and continually and inventively enriches its resources at all linguistic levels. In addition, to shock combinatorics, characterological structures, emotional clichés, and ambivalent phrases, typical participants in the temperamental expression of emotion and assessment are the expressives of understatement – interruptions, rethinking, pauses, refusal to speak. They can vary in shades, be a symptom of rage or euphoria, or be an admission of the powerlessness of words. The material confirms the attribution of expressiveness to the area of indistinct semantics, strongly tied to the characteristics, manner, and tone of communication. The article is dedicated to similar phenomena in the Bulgarian and Russian languages.

Key words: emotion, evaluation, expression, paradoxes of expression, pause, understatement, rethinking

Като многолик феномен експресията устойчиво интригува изследователите. Представена е на всички езикови нива, борави с богат (и собствен) инструментариум, използва непредсказуема комбинаторика на крайните си съставки, а в допълнение непрестанно и изобретателно обогатява ресурсите си.

В прагматиката на човешкото общуване и в контекста на интеракционния подход първа е метакомуникационната аксиома за невъзможната некомуникация: „Поведението няма противоположност, не

съществува неповедение“ (Попов 1994: 48). И действието, и бездействието, и думите, и мълчанието имат стойността на послания: възприемани от другите, те им влияят и предизвикват ответност.

Н. Д. Арутюнова има изследване за „думите на мълчанието“, за значението, екстенсионала и контекстите на употребата им. Според нея мълчанието в диалога може да е неволно и целенасочено. В първия случай то е симптоматично, предизвикано от различни причини (обърканост, смущение, разсеяност...), във втория е семиотично, а отказът от реч или неспособността за реч може и в най-общ план да бележи човека като „чужд“. След разглеждането на „целите“ и функциите на мълчанието в общия извод звучи следното: „В зависимост от контекста мълчанието може да се приравнява към речев акт или форма на поведение, към постъпка – антидействие или противодействие“ (Арутюнова 2000: 435).

Освен познатите клишета, *присвоената* лексика, шоковите съчетания, амбивалентните фрази, характерологичните структури... специфични участници в емотивния контекст са някои „празни“, но с ярък комуникативен капацитет детайли на емоционалното общуване – да ги наречем „експресиви на недоизказването“. Ще стане дума за емоционални паузи, прекъсвания и недоговорености, които успешно могат да създават, добавят, сменят емоционални оттенъци; могат да варират в присъжданата оценка; могат да са непроизволни симптоми на стрес или душевно неблагополучие, на колебание или афект; могат да бъдат неясно изразяване на неясни, сложни, смесени, противоположни чувства; могат да са признание за безсилието на думите; могат да са интуитивно или осъзнато самоотстраняване от комуникацията (като ефект от разнопосочни емоции, включително апатия); могат, накрая, запазвайки мъглявост, да остават чист абстрактен знак за пикова емоция, за излишество на чувства. Т.е. те опосредствано преследват и постигат най-обща *цел* да възклицават, доколкото изобщо е допустимо да се говори за цели при изразяването на емоции[1].

Материалът, върху който се съсредоточаваме, потвърждава отнасянето на експресивността към областта на неотчетливата семантика, силно обвързана с характеристиките, стила, маниера, тонуса на общуването. Статията е посветена на подобни явления в българския и руския език. Още в етапа на проучването и активното събиране на материали стана ясно, че се набелязва *грапава* и нелека за проучване територия, трупат се показателни факти, очертават се прилики и отсъствия на паралели в двата езика. Предизвикателството е в самото посягане към

[1] Няма да подхващаме стария спор за възклицателните изречения, които условно, но официално се обособяват именно по *цел на изказването*.

експресията на емоцията, още по-голямата трудност е в неосъществената ѝ експликация, в намирането на *неоткриваемото* в различните му *предполагаемости* – то е скрито, завоалирано, потискано или неосъзнавано, т.е. изцяло инстинктивно.

Приблизително и в широк план ще стане дума за хезитация, дефинирана най-просто като отказ, обобщаващ знаците на мълчанието, паузите от нерешителност, за размисъл, колебание. А тук има и друго: мълчанието е оценяващо, говорещо, крещящо. То е сигнал, който се чува в комуникацията, но не е лесно да бъде формално регистриран, систематизиран и описан. Неуловимостта му се определя от факта, че изследваните експресиви се оказват на тънкия ръб между лингвистиката, паралингвистиката и нелингвистиката (отчитаща настроенията на участниците в общуването, особеностите на характера и темперамента им, отношенията помежду им). Този ръб обаче спокойно *побира* емоцията в неназован, чист вид, напълно съответстващ на априори неназовимата ѝ, неизразима същност.

Същинската хезитация е свързана с невъзпроизводимостта, спонтанността на речта, която и субективно, и обективно предполага неравности и паузи, докато нашата задача е да разгледаме *експресивната тишина*: емотивните отсичания, значимите накъсвания, афективните маски в общуването. Графичното многоточие в изследваните случаи също е емотивно оцветено, по-натоварен е класическият възклицателен знак, който даже може и да не съпровожда реч. Затова ще обмисляме и въпроси като този – как и без думи вълнуваме, тревожим, озадачаваме, оскърбяваме събеседника. И колко сигурни можем да бъдем, че ще бъдем разбрани.

Експресивната реч по природа е по-скоро активна реч. А мълчанието, като специфичен, но несъмнен акт на общуване, може да е и пасивно, и активно: може да е израз на вътрешно състояние, съставка на импресивната реч (като възприемане и разбиране на другия) както и обратното – да сочи навън, да оценява, манипулира, заплашва или хвали другия.[2]

Темпът на речта, височината на гласа, същинското мълчание като екстралингвистични компоненти представляват атипични опции на произношение и несъмнено са особен елемент от общуването. Експресивните паузи, недоговорености и накъсвания от своя страна задават,

[2] За опозицията „импресивна/експресивна реч“ в медицината, педиатрията, психологията, логопедията, сурдологията вж. Роман Шиян (Шиян 2021). Нашата идея е осмислянето на лингвистичния аспект на изследваните явления.

усилват, преобръщат семантичните внушения, подчертават и конотативните признаци (съзерцателност, колебание, безразличие, озлобление).

Нека посочим къде и в какви варианти откриваме емоционална недоизказаност или значимо мълчание.

1. В *класическите* фрази, привично изразяващи недоизказана, но откровено **злостна заплаха**.

Потискането на експликацията в тях е свързано с известно умишлено сдържане при формалното изразяване на водещата емоция. Недоизказаността тук не се дължи на неясна мисъл, всъщност е точно обратното – концентрираният изказ концентрира заплахата, а пропускът на компоненти и границата за достатъчност на фразата са обвързани с типологията на езика. Синтетизмът на руския език допуска елипса на глагола и обектния компонент: *Да я у тебя!.. Я сейчас тебе!.. (шею сверну, руки оторву)* [3] – функцията на заплаха поема косвенопадежната форма на местоимението. В българския език недоговорността е друга: акцентът е върху именния компонент с обектно значение, а той закономерно (като най-важен) допълнително се нажежава от добавянето на суфикси: *Твойта кожа (кож**ица**, кож**ичка**)! Кож**ицата** (кож**ичката**) ти мръсна!* (груб.), срв. с невъзможното **Кожата ти мръсна!* (още за тези и подобни колоквиални елиптични конструкции вж. в Кузова 2018: 238, 239).

Аналогични са примерите *Абе ти... Абе ти ли бе?.. Абе ей... Ах, ти... (само ми ела)*; **р.** *Да я тебя!... (просто ненавижу)*, *Я сейчас!..(как дам, как стукну)* или пределно общите, оставени на пауза *Ну, знаешь...*, *Клянусь, что...*, *А то...*, *Или...* Интонационната фигура (маркирана с многоточие) загатва широки възможности за актуализация на експресивни значения. А. М. Пешковски е възприемал съдържанието и предназначението на този емоционален знак в непълното отделяне на някаква мисъл, „…но не от последващото и не от предходното, а от извънезиковите преживявания в конкретния момент“, като сигнал за недостатъчност на казаното, което може да е бледо и непълно отражение на преживяваното (цит. по Кручинина 1988: 143). Паузата като емоционален символ има различни характеристики: вътрешната (прекъсваща) води до спъване на речевия ритъм, външната (отваряща), предизвикана от преливане на чувства и преживявания, говори за недоизказаност,

[3] Произходът на примерите, илюстриращи разсъжденията ни, е широк и свободен – от интернет пространството, социалните мрежи (постове, коментари, чатове), медиите, художествената литература, ежедневното общуване.

усилва усещането за времева перспектива, внушава продължение (Кручинина 1988: 144). Не може да не се съгласим, че умението да задържиш паузата, е незаменимо средство да водиш разговор (секунди мълчание могат да бъдат по-красноречиви от думите), а умението да *чуваш* паузата и да интерпретираш причините за мълчанието, дава още повече информация в процеса на общуване (Василик 2017) [4].

Посочените отривисти откъслечни фрази изливат емоцията и редуват оттенъци (разочарование, гняв, презрение, нова заплаха), попълват се от паралингвистика (мимики, жестове, пози) и емфатични паузи, намекващи за алтернативата или развръзката на ситуацията: *Ще те хвана/пипна! Лошо ти се пише! Да не си стъпил тук! Млъквай! Убих те!* **р.** *Убирайся с глаз долой! А то за себя не отвечаю! Не то убью! Иначе плохи твои дела!* Някои фрагментарни възклицания си остават отворени, но с разпознаваем емоционален знак (включително и изцяло преосмислен: *Ей, момченце... Знаеш ли колко те обичам!*).

Към същата рубрика отнасяме и фрази от друг тип, също умишлено недоизговорени, но убедително внушаващи оценъчен подтекст – неявният им смисъл представлява намек или обобщение, които изискват от слушащия догадки и интерпретации: *Как само ме изгледа... Ама как само го изгледах! Можеш ли да си представиш?!* **р.** *Я на него так посмотрела... Представляешь?!* Събеседникът, предполага се, или лесно разпознава едро маркираното, или всичко е толкова очевидно, че няма нужда от назоваване и обяснения.

2. Специално можем да открoим серия типизирани клишета за **отказ от реакция/оценка**, особено характерни за българския език: *Е, не! Нямам думи! Не може да бъде! Без коментар! Не питай! (Просто) не е истина! Не е за приказка! Не е за приказване (разказване, разправяне, вярване)!* [5]; **р.** *Сил/слов (моих, никаких, просто) нет! Не может быть! Не спрашивай! Нечего (и) говорить! Ничего не скажешь!* Оценъчната

[4] За невербалната комуникация, за паузата, за условията и функциите на мълчанието вж. още Любимская 2017, Меликян 2000, Крестински 2011.

[5] Посочените български фраземи извеждаме като специфичен общовъзклицателен модел, категорично отграничен от стандартната схема с широк лексикален пълнеж, лежаща в основата на прескриптивни оценъчни примери от типа на *Филмът не е за гледане! Супата не е (не става) за ядене! Пътуването не е за изпускане!..* Откъсвайки се от този образец, универсализираните емоционално-оценъчни възклицания придобиват шаблонна форма със силно стеснен и десемантизиран лексикален пълнеж и междуметна (усилителна) семантика.

им възклицателност не е свързана с конкретен знак на емоцията и точно в това е силата им.

В същата функция, обобщаваща нежеланието да се коментира предвид излишеството на емоционално напрежение, битуват постпозитивните комплекси *Не ти е работа! Да не говорим! Да не ти обяснявам (разправям)!*; **р.** *Что скажешь?! Что сказать?! Немею! Молчу... Помолчу!*

На този фон се откроява специфичният български отрицателен модел ***няма такъв + съществително***: *Няма такъв приятел! Няма такава красота! Няма такава бира!* Той е честотен, оценява неповторимост на хора, изключителност на предмети, ситуации и вече се възприема като еквивалент на огромно възхищение (всеки българин лесно разпознава и еманацията *Един път!*).

Понякога отказът да бъде назована емоцията (включително и собствената), съвпада с ясна формулировка за (псевдо)отсъствието ѝ. Подобно *нулиране* обаче също е значимо – допълнително привлича вниманието на събеседника, който в крайна сметка с лекота се ориентира в завоалираната ситуация. Следователно примери от този род могат да се считат за речеви стратегии за изразяване на емоционално състояние: *Жена ми ме чака в колата на една странична уличка, готов съм да ѝ прочета тази малка лекция за творчеството и щастието. Но тя плаче. Познавам очите ѝ толкова отдавна, че го разбирам отдалеч. – Какво стана? – учудвам се, тъй като я оставих и нея в добро настроение. –* ***Нищо.***

Ей това „нищо“ при нея обикновено значи много (Дончо Цончев, „Старост“).

Нулирането е очевиден пример на деструктивен акт за привличане на внимание, като опит за въздействие. В специфичната манипулация прозира както невинно самосъжаление и порив за самозащита, така и донякъде прикрита стратегия за предизвикване на чувство за вина у партньора в общуването.

3. Към разгледаното дотук се приближават **моделните по характер фрази** от типа *Да полудееш! Да се побърка човек! Ще откача! Ще припадна! Падам (от стола, от коня)! Умирам!*; **р.** *С ума сойти! Умереть не встать! Закачаешься! Падаю! Столбенею! Шизею!*

Недоизказаността в тях е посвоему особена: възклицанието, отново предвид силата на емоцията, мигновено се изчерпва, затваря се и не продължава с формулиране на външна оценка (за обекта на емоци-

оналната реакция). Налице е образно описание на собственото състояние като резултат от видяното, чутото, преживяното. Тази екстремност обяснява типичната метафорична употреба на негативни устойчиви езикови ресурси, тематично свързани с инциденти, падане, загуба на разсъдък, смърт... Ето още примери: *Дръж ме да не падна! Падна ми шапката! Свят да ти се завие! Писнаха ми ушите! Събраха ми се очите! Останах като гръмнат!*; **р.** *Глаза в пучок! Глаз выпал! Чокнулся! Вошел в столбняк! Хожу кипятком! Крыша поехала! Крышу оторвало! Выставил кеды! Откинул копыта!*

Активността на семантиката „полудявам, умирам“ е съвършено разбираема: тя е символна, затова удобно и крайно убедително внушава идеята за най-висока степен, за предел. Афектът е емоционален взрив и от възторг, и от гняв, а те еднакво минават през някакво отрицание. Езикът, т.е. човекът в състояние на афект, сякаш абдикира от вербалното усилие (поради осъзнаваната невъзможност) да бъде конкретен (повече вж. в Кузова 2018: 216 – 218).

4. Условно, но категорично откриваме недоизказаност в продуктивната група от спонтанни общи възклицания, **фрази реакции**.

И амбивалентността им, и компресията (те са монолитни, критично кратки, до еднословност), и характерната кодираност, понякога шокираща с произволност, убедено разглеждаме като хезитация, като експресивно отграничаване от конкретно говорене. Т.е. като своеобразно експресивно мълчание.

В тези стихийни емотиви реактиви намираме темпераментен отказ от именуване на оценката/емоцията, налице е и отказ от всъщност често експлицирания в самата лексема плюсов или минусов знак. Имаме предвид епатажни речеви клишета, устойчиви афективи: *Айде бе! Стига бе! Ама че работа! Страшна работа! Голяма работа! Ум да ти зайде! Тури му пепел! Ти пък! Виж ти! Я гледай!*; **р.** *Вот это да! Вот так дела! Ну и дела! Еще чего! Стало быть!* или моноремни експресивно-оценъчни фрази от типа на *Кърти! Убиец! Пирон! Кошмар! Ужас! Страхотия! Майтап! Смешки!*; **р.** *Кошмар! Чудо! Отпад! Убой! Улет! Капец! Ништяк!*

В асиметричните варианти, изключително чувствителни към контекста и интонацията, импулсивните реагиращи фрази са прояви на семантично автоотричане и това според нас е не просто заложено (и като прагматична цел), а е принципно свързано с трудното именуване на всичко извънредно.

Обичайно фразите реакции са присъщи на диалогичната реч, а в разшифроването им живо участва целият комплекс от характеристики на диалога – конситуацията, съседните реплики, авторските ремарки. Към тяхната обективност задължително следва да се добавят неречевите субективни фактори, определящи темпа и тоналността на общуването. Външни, но неотменимо важни са ангажираността на участниците, отношенията помежду им, темпераментите им. Всичко изброено в съвкупност дава верния ключ за разчитане на неизреченото. Разбира се, в хода на комуникацията стъпките за установяване на скритите смисли и внушения са стремглави. Всъщност най-кратко протича именно емоционалното общуване. То не търпи подробности, понякога няма и разумни основания, затова почти винаги е негладко, с произволни, необработени изразни средства, със скокообразни, мълниеносни отзвуци и обрати.

Справедливо отбелязвайки, че изучаването на художествените текстове изисква особено внимание към езиковите средства за постигане на изразителност, Елена Рижова разглежда от тези позиции конкретно стихотворния език и тук намираме общо с нашите позиции. Емоцията в стихотворната реч руши нормите, оттам и лежерния, познат, удобен автоматизъм на ежедневното общуване (Рижова 2015: 287). Опитите за предаване на емоция се характеризират със своя организация, с особени лексикални и синтактични средства, налице е своеобразно единство от експресивна интонация и ритъм на речта, а думата „…придобива характер на дума преживяване благодарение на своята подчертаност, обособеност, смислова и интонационна наситеност“ (Рижова 2015: 288). Безспорно казаното се отнася и за емоционалнооценъчната реч като цяло – там винаги се усеща енергията на концентрацията, усилваща напрежението, способно да обърка нормите, да накъса и деформира неутралната акцентна структура, да *подчини* синтаксиса. Добре известно е, че колкото по-интензивна е емоцията, толкова по-експресивно е изразяването ѝ в езика.

В актуализирани, акцентирани позиции се оказват автономно употребени лексеми: неочаквани или несистемно съхраняващи образност (следи от образност), предизвикващи асоциации или намекващи за сравнения. Във всички случаи те оцветяват и емоционално насищат тоналността на общуването. Част от последното са и паузите, които ги включват в речта. Но не неутралните (синтактични) паузи, а разхвърлянитe, с видимост на произволни, експресивни паузи, които са част от специализираните речеви експресивни тактики. За тях вече стана и още ще става дума.

5. Несъменено фразите реакции са обхванати от процеси на преход в междуметни, но освен тях отделен корпус от неформулирани реакции оценки образуват **същинските междуметия**, по-точно афективните, емоционално оцветени междуметия, които справедливо могат да се смятат за звукови жестове. Фразите с тях градират експресията, тъй като са силно наситени емоционално (вж. Киреева 2010). Това е така, защото емоционалното съдържание е всъщност денотативното, основно значение на междуметията и именно с това те се диференцират от знаменателната лексика, която описва, назовава, разказва действителността.

Цялата територия на междуметната възклицателност е специализирана в изразяването на интензивна, експлозивна емоция, очаквано амбивалентна, априори наситена с множество нюанси и оттенъци: *Опа! Упс!*

Подобна специализация може да преследва и целеви ефект: *– Бау! – ухили се той, надничайки през прозореца, опрял лакти на рамката.* Сигнал за ярко раздразнение, отвращение, презрение са самостоятелно употребените *Уф! Пфу! Брр!* **р.** *Фу! Фи! Ба!*

Типично обаче междуметният потенциал е унифициран и изразява афект или неразчленен уау ефект. *Празна* е например семантиката на автономните междуметни възклицания, задължително уточнявани с авторски ремарки: *– Ах! Така било прието, видите ли... Направо ти повярвах! – нервно поклащаше крак Нина*; **р.** *– Ба! – помотала она недоверчиво головой*; *– Во! – развел он беспомощно руками в отчаянной невозможности вставить словечко среди ее плача и криков*. Такава е употребата и на *Ох! Еха! О-о! Опа!*; **р.** *О! Ого... Эхма! Ух ты! – вывернули шеи дружно они, прослеживая глазами фигуру девушки*. Те са активни в разговорната реч (особено руската), където има примери и за кратки диалози, състоящи се само от междуметия:

– *Эх, ты!*
– *Да уж!*
– *Ну и ну...*
– *Ой-ой-ой!* (https://dzen.ru/,18.12.2025)

Смисълът се отгатва смътно, т.е. въпреки информативната роля на паралингвистиката и конситуацията знакът на междуметната емоция може да остане неясен. Това обаче също изглежда важно: ролята на подобни реакции е в опита да се предаде силата на емоцията, имитирайки я и даже пренебрегвайки вариантите за интерпретация и уточняване на нейния знак.

Изключително точни са разсъжденията на Т. Г. Хазагеров по повод на емоционално-експресивната многозначност и преодоляването ѝ.

Според него начините са три: първият – „изхвърляне“ на многозначните компоненти от синтагматичната ос за сметка на интонацията, частично компенсираща недостига; вторият – удължаване на речевата верига с допълнителна атрибутизация; третият – усложняване на езиковия код. Последният е единственото специално средство. То може да се съчетава с първите две, но собствените му активи са достатъчно богати, сред тях е оформянето на свиване – пропуск на линейно (сегментно) реализуеми означаващи, които се възстановяват със суперсегментни средства (интонация, словоред, синтактична позиция, значещи паузи, контекст) (Хазагеров 1997: 199 – 202).

5. Функционална близост с междуметните примери демонстрират някои **злободневно-свежи занимателни възклицания**, заслужаващи особено внимание. И заради своята актуалност, и заради общественото внимание, което им се отрежда. Ще разгледаме три ярки примера.

Да започнем със съпровождания от специфичен жест сленгов интернет мем **6 – 7** (**шест-седем**, **шесть-семь, six-seven**), който е напълно безсмислен. В изгражданата от нас парадигма това всъщност изглежда съвсем нормално – като произволен начин да се изрази силно чувство. Когато тийнейджърите от Gen Alpha произнасят **6 – 7**, те *изкрещяват и изиграват* емоция – текуща, някаква, каквато и да е, всеки път различна. Така те заявяват принадлежност, вписват себе си в момента, отбелязват мига, *празнуват* го. По напълно празен начин, но лавинообразно и в световен мащаб. Опитите на възрастните да проумеят подобна реакция са многобройни и не съвсем успешни – има хипотези, които изглеждат възможни, но може и да не са[6].

В крайна сметка изразът е типичен пример за хаоса в интернет, както и за хаоса извън интернет. И предизвикателството е именно в това, че нищо не може да бъде обяснено, т.е. че предизвикателство липсва – фиксираната числова фраза е разфиксирана, откровено абсурдна и точно в това е смисълът ѝ. Тя обединява възрастово, манталитетно, по интереси и по липса на интерес представителите на поколение, за което абсурдът е естествен обединител, а **6 – 7** е своеобразна парола за посветеност, за близост и диалог между онези, които се чувстват заедно в хаоса. Родители и учители оценяват **6 – 7** като универсална шеговита или радостна реакция, по-скоро като израз на широк спектър емоции или като отговор на скуката, на стреса, на училищната рутина, т.е. все

[6] За тях може да се прочете свободно в интернет.

още търсят обяснения, дразнят се, борят се, забраняват. Междувременно загадъчният вирусен мем **six-seven** вече е обявен официално за **дума на 2025** година. И това все още не дава никакви отговори на въпросите на порасналите от целия свят.

В българската актуална действителност с широка ажиотажност се сдобиха фразите **Мяу, бе!** и **Ту-туу**.

Мяу, бе! е интернет жаргон, роден, най-общо казано, от нашумял инцидент с избягал и нататък неоткриваем леопард. Интензивно надграждайки произхода си, възклицанието се използва за изразяване на намек, ирония или подигравка, показва учудване, недоумение, внушава асоциации с нещо забавно, странно или абсурдно. Набирайки популярност в социалните мрежи, се обиграва в колажи, мемета, анекдоти, коментиращи реплики, свързани с инцидента (*Народ, който вика **Мяу, бе!** на леопард, няма как да бъде унищожен, брат!*), появяват се и варианти, обиграващи оригинала (***Никакво мяу, бе!***).

Ту-туу е широко обсъждана фраза псиоп на бивш министър-председател на България, прозвучала в политически контекст (при обсъждане на вот на недоверие към правителството), но в религиозна времева рамка (във Велика сряда преди Великден) и като въображаемо произнесена от възкръсналия Исус. Точно преувеличената образност е в основата както на емоционалното тълкуване, така и на по-нататъшното функциониране на шеговито-безобидната на пръв поглед фраза. От преките политически внушения (*Още съм тук! Жив съм! Не можете да ми направите нищо! Неунищожим съм!*) към облика на възклицание с широко внушение за смешен патос, за драма, за абсурд.

И трите разгледани възклицания убедително илюстрират отдалечеността на формата от влаганото, внушаваното, интерпретираното, предполагаемото нейно емотивно значение. За адекватното ѝ тълкуване и функциониране е абсолютно задължително отчитането на множество разнородни странични фактори.

6. Особено място заемат и по-редките, но знакови случаи, когато **пунктуацията** сама заявява текущата емоция. Оценъчният ѝ характер отново е имплицитен и въпреки необичайната автономност знакът търси *разконспириране* от конситуацията.

Примерите са единични, но изключително показателни и в този смисъл заемат, струва ни се, върха на нашата пирамида. Мълчанието е глухо, думите напълно изчезват, заместват ги жест, мимика и специфични допълнителни сигнали, „озвучаващи“ и в крайна сметка подчертаващи тишината: **...** – *<u>шмыгнул носом</u> я на то, что вдруг подумалось,*

*тотчас разжал пальцы, потом встал, чтоб прогнать холодный ужас, тихо охвативший меня; – **?!** – глухо пробубнил и лихорадочно повел плечами он. И это могло означать все. И безразличие, и упрек*.

Попадна ни и любопитно обговаряне на пунктуационния знак за пауза, понеже... думите не достигат: *Отношенията там са... **тире...** Сложно е!* („Игри на волята“, 2025).

В този пункт включваме и устния вариант на пунктуацията – едва ли ще е грешка да възприемаме така **самостойната образна паралингвистика**. Наред с конвенционалната тя реално участва в емоционално-оценъчните контексти, като практически и буквално замества непроизнесени оценки: например завъртането на пръста около слепоочието като красноречива реакция на нелепи думи и нелепо поведение на събеседника (*Ти луд ли си/откачи ли/наред ли си?!..*) или жеста, предлагащ да (ти) погледнат в окото за проверка дали там плуват корабчета (*Ти да не мислиш, че не разбирам, че съм вчерашен, че ще се хвана/за идиот ли ме мислиш?!..*). Тези кратки и мълчаливи жестови етюди типично са съпроводени от мимика и експресивни паузи, чиито позиции вече набелязахме, отнасяйки ги към тактическия експресивен потенциал на езика в динамика.

Коментирайки стереотипа на (не)комуникативното мълчание в руското съзнание, С. В. Меликян предлага анализи, които извеждат мнението, че преобладава неговата дисконтактна функция, че „…мълчанието в руското общуване не е съгласие, а по-скоро разногласие“ (Меликян 2000: 47) и че емоционалната замяна на вербалното общуване с мълчание по-често има негативен заряд[7]. Много важен изглежда изводът на автора, че функциите на акта на мълчание „…са системни, те са заложени в съзнанието на говорещите“ (Меликян 2000: 52), което, струва ни се, ратифицира потенциала му.

От позициите на настоящото изследване акцентът не е върху дисконтактната функция на паузите и мълчанието, която може да се приравни със самоотстраняване на говорещия или адресата, а върху значимото мълчание, изразяващо букет от емоции – недоверие, упрек, срам,

[7] Сред прагматичните функции на мълчанието на говорещия са *риторичната* (придаваща тежест на думите), *емотивната* (за преживяване на емоции и неспособност/нежелание да говориш, щом си подвластен на емоции, под емоционално напрежение) и на *емоционална замяна* на вербалното общуване (като маркер за близост на общуващите). В речта на адресата любопитни са *емотивно-оценъчната* (мълчанието демонстрира негативна оценка на чутото) и функцията за изразяване на *недоверие* (Меликян 2000: 48 – 49) (подчертаването и акцентите са наши – М. К.).

страх, възмущение, възхищение... Разбира се, то е *действено* и *действително*, ако адекватно се идентифицира от събеседника.

В пикови условия мълчанието, предаващо информация без думи, приема *формата* на общ интензивен емоционален колорит, а паузите се превръщат в невербални аналози на същински емоционални изблици. Неизговорената емоция сякаш увисва във въздуха, но едновременно *се озвучава* по силата на неотменимо действащи в комплекс различни фактори.

Ако обобщим.

Невербалните, формално некомплектуваните, несиметричните или имплицитно внушаваните съставки в системата на речевото общуване са изключително важни. Показателни са изследванията на А. В. Василик за възприемането на емоционална информация: „За определянето на емоционалната импресивност, т.е. способността на човек да възприема емоционална информация, се използва понятието **емоционален слух**. [...] Степента на развитост на емоционалния слух корелира с емпатията – осмисляне на състоянията на другия човек под формата на съпреживяване“ (Василик 2017). Оказва се, по-открито е възприемането на емоции като ирония, гняв и страх в сравнение с емоции на радост. Това за пореден път подкрепя и нашия отдавнашен извод за преобладаващата ангажираност на човека с отрицателни емоции – и преживяването им, и изразяването им е по-богато и темпераментно.

Във всичките си варианти недоизказаността е всъщност липса на (нужда от) съобщение, тя е аналог на критично висока по градус оценка и/или собствена емоция. Това силно, *до тишина*, стеснява възможностите за (ясно) формулиране на оценката или състоянието – набраната енергия прелива, а възбудата не намира думи. В резултат закономерно, **системно** се появяват непредсказуемост, атипичност и парадоксалност на импулсивните емоционално-оценъчни реакции.

И автономната пунктуационна експресия, и развълнуваното мълчание на паузите, и звънката междуметна празнота, и табуираността при произволните форми и деформации на фразите, и плътната им зависимост от злободневното в живота на обществото – всички емотиви с такова естество имат характер на не(до)изказаности, мълчаливо предполагащи пренос на наситената емоция към собеседника **по най-прекия път**. Често неуловимо и винаги без посредничеството на ясното говорене, което вече е предпоставка както за конвертирането и разгадаването ѝ, така и за очакване на ответно съпреживяване от страна на партньора в комуникацията.

Непременно следва да се отчита всичко онова, което е *(от)белязано* с недоизказаност, пауза или мълчание. Безсловесните сигнали не са за пренебрегване – те нерядко са по-ефективни (с думи можеш да кажеш едно, с интонация, мимика, жест – съвсем друго).

Не бива да пропускаме и факта, че *изборът* на реалната форма за *изразяване* на емоции в крайна сметка винаги е индивидуален и съзнателен. Дори да изглежда спонтанен и рефлексивен. Последното не отменя селектирането на системни речеви експресивни стратегии, оттам – и корпуси примери за стандартизация на антистандарта[8].

Въпреки че експресията винаги е субективна, разгледаните импулсивни тактики могат да бъдат признати за обективна и неотделима част от емоционалния речник като цяло и от емоционалния идиолект – в частност. От човека и неговия темперамент зависи тяхното системно, предпазливо, епизодично или инцидентно присъствие в речта.

Литература

Арутюнова 2000: Арутюнова, Н. Д. Феномен молчания. [Arutyunova, N. D. Fenomen molchaniya.] // *Язык о языке.* Москва: Языки русской культуры, 2000.

Василик 2017: Василик, А. В. *Пара- и экстралингвистические особенности невербальной коммуникации.* [Vasilik, A. V. Para- i ekstralingvisticheskie osobennosti neverbal'noj kommunikatsii.] Центр дополнительного образования ЭЛИТАРИУМ, 2017 <www.elitarium.ru/neverbalnoe-obshenie-temp-rech-golos-informacija-kommunikacija-intonacija-vnimanie> (18.10.2025).

Киреева 2010: Киреева, Г. В. *Междометие как показатель градуальности в современном русском языке.* [Kireeva, G. V. Mezhdometiye kak pokazatel' gradual'nosti v sovremennom russkom yazyke.] Саранск, 2010 <http://www.dslib.net/russkij-jazyk/mezhdometie-kak-pokazatel-gradualnosti-v-sovremennom-russkom-jazyke.html> (26.10.2025).

[8] Така или иначе, езикът (по Е. Косериу) е „явление с целеви характер", а средствата, по-точно системата от средства, за постигане на целите му са приблизително подсказани – като достатъчни или недостатъчни, ефективни и недостатъчно ефективни, „Целта говори за съвкупност от средства. Но последващия *избор* се диктува вече не от целите, а от условията на реализация. И този избор, нашият избор, може да е добър или лош", което определя **качествата** на речта (Хазагеров 1997: 197).

Крестински 2011: Крестинский, С. В. Молчание как средство коммуникации и его функция в языковом дискурсе. [Krestinskij, S. V. Molchanie kak sredstvo kommunikatsii i ego funktsiya v yazykovom diskurse.] // *Вестник ТвГУ* [Vestnik TvGU.] Серия «Филология» 2011. Выпуск 1, 34 – 37.

Кручинина 1988: Кручинина, И. Н. Сочинительная связь и эмфаза. [Kruchinina, I. N. Sochinitel'naya svyaz' i emfaza.] // *Язык, система и функционирование* (отв. ред. Ю. Н. Караулов). Москва: АН ИРЯ, 1988.

Кузова 2018: Кузова, М. *Парадоксите на експресията в българския и руския език*. [Kuzova, M. Paradoksite na ekspresiyata v balgarskiya i ruskiya ezik.] Пловдив: УИ „Паисий Хилендарски", 2018.

Любимская 2017: Любимская, О. М. Пауза как средство невербальной коммуникации. [Lyubimskaya, O. M. Pauza kak sredstvo neverbal'noj kommunikatsii.] // *Филологический класс*, 3(49)/2017, Зарубежная литература XX – XXI вв., Екатеринбург: ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет», 119 – 123.

Меликян 2000: Меликян, С. В. Молчание в русском общении. [Melikyan, S. V. Molchanie v russkom obshhenii.] // *Русское и финское коммуникативное поведение.* Воронеж: ВГТУ, 2000, 47 – 52.

Попов 1994: Попов, Хр. Прагматика на човешките комуникации. [Popov, Hr. Pragmatika na choveshkite komunikatsii.] // *Българско списание по психология*, София, 1994, № 2.

Рижова 2015: Рыжова, Е. Функционально-прагматическая роль переноса в стихотворном тексте. Особенности изучения. [Ryzhova, E. Funktsional'no-pragmaticheskaya rol' perenosa v stihotvornom tekste. Osobennosti izucheniya.] // *Русский язык в иностранной аудитории. Лингво-социокультурные аспекты обучения РКИ* (ред. Елена Невзорова-Кмеч). Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2015, 287 – 294.

Хазагеров 1997: Хазагеров, Т. Г. Экспрессивная стилистика: границы и задачи. [Hazagerov, T. G. Ekspressivnaya stilistika: granitsy i zadachi.] // *Stylistyka-VI.* Opole: Uniwersytet Opolski, 1997, 197 – 212.

Шиян 2021: Шиян, Р. *Задержка развития экспрессивной речи.* [Shiyan, R. Zaderzhka razvitiya ekspressivnoj rechi.] 2021 <https://prodetei.website/content/late-talkers> (09.10.2025).

ПЛОВДИВСКИ УНИВЕРСИТЕТ „ПАИСИЙ ХИЛЕНДАРСКИ“ – БЪЛГАРИЯ
НАУЧНИ ТРУДОВЕ, ТОМ 63, КН. 1, СБ. Б, 2025 – ФИЛОЛОГИЯ,
PAISII HILENDARSKI UNIVERSITY OF PLOVDIV – BULGARIA
RESEARCH PAPERS, VOL. 63, BOOK 1, PART B, 2025 – LANGUAGES AND LITERATURE

DOI 10.69085/ntf2026b026

АКТУАЛИЗАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ВРЕМЕН СССР В РОМАНАХ А. МАРИНИНОЙ И ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

Наталия Христова
Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского

ACTUALISATON OF HISTORICAL REALIA IN THE USSR ERA IN A. MARININA'S NOVELS AND TRANSLATION PROBLEMS

Natalia Hristova
Paisii Hilendarski University of Plovdiv

n_hristova@uni-plovdiv.bg

Fiction involves incorporating a wide variety of historical facts, figures, and objects from a particular era into its narrative, creating a believable backdrop for the unfolding plot. In this regard, we examined the role of historical realia (culture-specific words) as symbols using examples from one of Alexandra Marinina's detective novels. Examples include references to Soviet life and aesthetics, coverage of political and social themes, specific historical events, or other motifs, such as the phenomenon of samizdat. The translation process addresses the question of how much explicitness is needed for historical realia from this period (70s – 80s).

Key words: historical realia, cultural signs, translation strategies

В фокусе нашего исследования исторические и бытовые реалии времен СССР в ретроспективном детективном романе Александры Марининой «Тьма после рассвета» и их перевод на болгарский язык. Актуализация определенных предметов, ставших в коллективном сознании своеобразными эмблемами советской эпохи, в современной литературе происходит путем использования узнаваемых образов и символов чаще в целях критики и гораздо реже с ноткой ностальгии.

Термин «историческая реалия» в данном сопоставительном анализе использован в классическом понимании: как маркер национально-специфического своеобразия данной страны в определенный период. В тексте художественного произведения реалии служат для реконструкции прошлого и помогают понять культурно-исторический контекст. В хронотоп «СССР 80-х» в рассматриваемом нами романе входят как имена партийных лидеров (Брежнев, Андропов, Щелоков) или традиционные слова (докторская, двушка), словосочетания (10 ноября – День милиции, Всесоюзный День бегуна) и аббревиатуры (ЦК, МВД, ОБХСС, Мосгорисполком), так и целые коммуникативные ситуации («*Наш сын уже достаточно большой, чтобы понимать: если он хочет учиться в МГИМО и получить диплом, который позволит выезжать за границу, то нужно уметь держать себя в руках и не разводить сопливые нюни по пустякам.»* АМ 2022: 160). Анализ реалий (лексем или фразем) позволяет вычленить релевантные для определенной эпохи культурные феномены. Опираясь на принцип актуального историзма, т.е. обращаясь к таким лингвокультурным конструктам, которые известны всем носителям русского языка, и путем рефлексии над безэквивалентной (фоновой) информацией, в своей работе над переводом мы старались обеспечить максимальное приближение к чужой картине мира. В процессе перевода основополагающим принципом нам служила теория функциональной эквивалентности В. Н. Комиссарова (Комиссаров 1990). Проблемы перевода в историческом романе можно рассматривать в двух аспектах. Во-первых, наблюдаем относительную отдаленность во времени и, соответственно, незнание культурно-политической истории конца 70-х – начала 80-х, которая является подоплекой событий в романе и предполагает дополнительное описание ситуации или пояснение смысловых основ реалий. Во-вторых, известную трудность восприятия чужой действительности создают рассуждения героев и их реакции на определенную коммуникативную ситуацию. Здесь намечается вопрос: насколько нужно эксплицировать затекстовые внушения А. Марининой и в какой мере можно оставлять интуиции читателя болгарского текста разгадывать своеобразные „интеллектуальные“ загадки, которые, по всей вероятности, не предполагались автором для носителей русского языка, но возникли на стыке расхождения своей и чужой картины мира. Решения переводчика зависят от каждой реалии в отдельности: иногда можно внушить имплицитно ее значение, иногда пропустить, а в некоторых случаях заменить более знакомой для читателя.

80-е годы в СССР – время, относительно отдаленное от современного читателя, если понятием „современный“ называть людей младше

40 лет. В нашем понимании история является метафизической ценностью. Хотя исторические факты по своей сути однократны и ситуативны, они в состоянии зарисовать устойчивые картины мира и мировоззрения своих участников, то есть носителей памяти. А эта память превращает их в символы определенного порядка. При том географическое ситуирование событий тоже предполагает его пространственную универсализацию, связывающую время с пространством. Согласно классическому определению, символ – это закрепленный социокультурный знак, который несёт в себе тройную смысловую нагрузку: информативную, коммуникативную и консервативную (Каприев 2017). На значение символов в культуре акцентирует Маслова, указывая, что они не существуют вне общества и отражают «способы видения, понимания и преобразования мира» (Маслова 2001: 11). В своей работе «Язык и мир человека» Н. Д. Арутюнова обращает внимание на то, что «символ определяется через апелляцию к образу и знаку», притом «образ психологичен, метафора семантична, символ функционален» (Арутюнова 1999: 338). Для нас интерес вызывает именно функциональность символа в образе исторической реалии. Возникает вопрос: насколько текст перевода способен передать все пласты чужого исторического опыта и, соответственно, традиции, закрепленной в символическом знаке языка и культуры.

Общий контекст сюжета следующий: В ноябре 1982 года в день годовщины свадьбы супругов Смелянских народ узнает о смерти Леонида Брежнева. Вопрос серьезный, так как выбор нового генерального секретаря партии является большим стрессом для людей, которым есть что терять. А Смелянские и их гости как раз представители таких кругов – настоящая номенклатурная элита. В ту же ночь исчезают сын Смелянских и дочь их друзей. Пропавшие дети не вписываются в почерк серийного убийцы. В канве романа переплетаются голоса и характеры уголовников, сотрудников милиции и КГБ, простых граждан и тех, кто был допущен к «социалистической кормушке» (термин времен критики распила).

Наше исследование имеет прежде всего практико-прикладной характер: показать на примерах конкретных отрезков текста процесс анализа символа и выбор приема для его полноценной функционально-эквивалентной передачи на болгарский язык (БЯ). В связи с намеченной целью мы постарались выделить в семантико-семиотические группы самые характерные маркеры указанного периода.

Итак, опираясь на текст романа, в первую группу интересующих нас символов данной эпохи войдут **квартира** (примеры А и Б) и **мебель** (примеры В и Г), как иллюстрация социального расслоения**.**

А) *Как же им повезло с этой квартирой! (...) тут проект был разработан специально для дома, в котором квартиры улучшенной планировки получат те,* ***кого простые люди причисляют к небожителям: известные артисты, писатели, крупные руководители****. Уж на что Смелянские не рядовые чиновники, но* ***даже им пришлось задействовать все свои связи и возможности, чтобы добиться ордера. А сколько денег ушло на подарки и подношения*** *для тех, от кого зависело решение вопроса, – даже вспомнить страшно.*

(АМ 2022: 7)

Какъв късмет извадиха с този апартамент! (...) защото блокът бе ***предназначен за избрани, за онези, които обикновените хора наричат безбожници: известни артисти, писатели, партийни ръководители****. Смелянски въобще не са от редовите чиновници,* ***но и на тях им се наложи да задействат сума ти връзки, за да получат заповед за настаняване.*** *Тогава* ***хвърлиха огромни пари за ходатайстване и подаръци****, направо я хваща страх, като си спомни.*

(АМ 2025)

Б) *Деньги эти она почти не тратила, чтобы (...)* ***решить квартирный вопрос и разменять трехкомнатную квартиру, в которой они жили, на двухкомнатную для мамы и отчима и «однушку» для Насти.*** *В принципе, «трешка» менялась либо на две однокомнатные, либо на «двушку» и комнату в* ***коммуналке. Для того, чтобы выкроить две отдельные квартиры, требовалась солидная доплата.***

(АМ 2022: 32)

Тя почти не харчеше, за да може (...) да решат въпроса с жилището, ***като разменят тристайния апартамент, в който живееха, за двустаен за майка ѝ и доведения баща и едностаен за Настя****. По принцип тристаен се разменяше или за два едностайни, или за двустаен и стая в* ***комунално жилище. За да се получат два отделни апартамента, беше нужно солидно доплащане.***

(АМ 2025)

В указанных примерах наблюдаем вполне реальную картину разграничений в обществе по возможностям приобрести квартиру. В при-

мере А мы ввели уточняющее слово *избрани*, чтобы подчеркнуть значимость хозяев дома. Оценочную конструкцию в последнем предложении трансформировали целиком. В примере Б реалии разговорного стиля *однушка, двушка, трешка* и *коммуналка* получили свои литературные варианты в переводе за неимением стилистически маркированных соответствий в БЯ.

В) *Их начальница стояла посреди кабинета* ***с открыткой*** *в руках.*

– Нам ***открытка пришла на югославский гарнитур****, год ждали, а теперь вот… – огорченно сказала она.*

– А вам разве не надо? – спросила Настя. – Вы же, наверное, сами хотели, раз ***в очередь записались.***

– Да не я, а сын. (...) Мой сын ***впахивает как проклятый*** *на своем предприятии, поэтому* ***его в профкоме и поставили на очередь.***

(АМ 2022: 166)

Началничката стоеше по средата на кабинета ***с талон*** *в ръка.*

– Дойде ни редът ***за югославска холна гарнитура*** *– пратиха ни* ***покана****, цяла година чакахме, а сега... – с огорчение каза тя.*

– Защо не я искате? – попита Настя. – Нали сте ***чакали на опашка****.*

– Не беше за нас, а за сина ни. (...) Синът ми ***работи като вол*** *в предприятието, затова от* ***профсъюза са го сложили в списъка за вносни мебели*** *(...)*

(АМ 2025)

Г) *– А можно поделить? – робко спросила Настя. – Мне стенка не нужна, стол со стульями тоже не нужны. А журнальный столик и два кресла я бы взяла. Больше ко мне в «****однушку****» ничего не влезет.*

Начальница против ***раздербанивания гарнитура*** *не возражала (...).*

(АМ 2022: 167)

– А може ли да си ги разделим? – плахо попита Настя. – На мен библиотека не ми трябва, нито маса със столове. Но мога да взема холната масичка и двата фотьойла. Повече от това няма да се побере в ***едностайния ми апартамент****.*

Началничката нямаше нищо против ***разбиването на комплекта*** *(...).*

(АМ 2025)

В примере идет речь о явлении, неизвестном болгарскому читателю, но оно частично подсказано самим контекстом. Мы решили передать контекстовую реалию *открытка* двумя аналогами – *талон* и *покана,* после того как навели справку в Академическом словаре болгарского языка, где второе значение слова *талон* указано как „документ, който дава право на участие“, а для слова *покана* приведено значение „писмено известие, формуляр от институция, учреждение и под.“ (РБЕ 2025), опираясь на статью Андрея Лёшкина и Дины Рябовой для интернет-сайта Озерск (Озерск: 2025). В том же предложении ситуацию *поставили на очередь* развернули с уточнением: *сложили са го в списъка* ***за вносни мебели***. В примере Г просторечной форме от глагола *раздербанить гарнитур* выбрали нейтральный эквивалент *разбивам комплекта*. Стоит еще отметить, что символика реалии **югославский** в сознании советского человека вбирает в себя понятия как „качественный“, „красивый“, „модный“, „по западному образцу“, а также „труднодоступный“, потому и „ценный“, „дорогой“.

Во вторую группу интересующих нас маркеров позднего социализма можем включить **предметно-бытовые реалии.** Предметные маркеры другого исторического периода прежде всего связаны с домашним укладом, одеждой, обувью и продуктами питания. Интересно отметить, что символы, на которые мы хотели бы заострить внимание, имеют не только знаково-понятийный, т.е. семиотически нагруженный, но и четкий сенсорный образ в сознании носителей русского языка (далее в тексте – РЯ): конкретную форму, материю изготовления, цвет, а некоторые и вкус. И опять появляется югославский товар:

> *– Вон в той коробке* ***югославские кофточки****. Между прочим, на всю мою экспедицию одной тебе так подфартило, целых десять штук выписали, а всем остальным по две-три штучки. И* ***финские сапоги*** *тебе привезла, пять пар.*
>
> (АМ 2022: 78)

> *– Ей там в кутията има* ***югославски блузи****. Държа да отбележа, че от всички магазини днес само ти извади късмет, цели десет бройки са ти пуснали, а на останалите се паднаха по две – по три. Освен това сме ти докарали пет чифта* ***финландски ботуши****.*
>
> (АМ 2025)

Рая – продавщица **сельпо** (магазинов сети сельских потребительских обществ, что-то вроде болгарского КООП, что мы указали в

сноске). Она типичный образ матери-одиночки и хитрой предпринимательницы, которая прячет и перепродает ценный товар знакомым с личной выгодой.

> *(...) сперва распечатала коробку с югославскими кофточками, рассмотрела, приложила к себе, глянула в зеркало. Ничего так,* ***с руками оторвут. Парочку вынесем на прилавок, остальные придержим****. Теперь финские сапоги. Достала, посмотрела размеры: из пяти пар три – тридцать шестой, еще две – тридцать седьмой. Ну вот куда это, а? Кто это будет носить? Сапожки-то – чудо, высокое мягкое голенище, внутри мех, и* ***цвет такой аппетитный, темно-шоколадный, но на какую ж ногу****? На детскую?* ***По семьдесят пять рублей за пару*** *для девчонки-школьницы или студентки? Да не купит никто!* ***А не продать – план не выполнишь.*** *Ну, ничего, Раечка знает, кому позвонить, у кого* ***и дочки-старшеклассницы имеются, и денежки.*** *Тридцать шестые сбагрим как-нибудь,* ***по пятерочке на пару набросить*** *– так еще и выгода выйдет, а тридцать седьмые и через магазин, бог даст, уйдут.*
>
> (АМ 2022: 78 – 79)

> *Добре изглеждаше,* ***ще се избият за тези блузи. Ще сложи две на щанда, а останалите ще скрие за всеки случай.*** *После извади ботушите. (...) Ботушите са чудесни – високи и меки, отвътре подплатени,* ***цветът им също е хубав, апетитен като тъмен шоколад****. Но са детски!* ***Струват седемдесет и пет рубли,*** *обаче кой ще купи за ученичка или студентка толкова скъпи ботуши? Никой!* ***А ако не ги продаде, няма да изпълни плана****. Нищо де, Рая знае на кого да се обади, знае* ***кой има момичета в гимназията и разполага с пари****. На тези, по-малките, ще им сложи* ***надценка по пет рубли отгоре*** *и ще ги пласира на познати, хем изгода ще има. А за трийсет и седми се надява, че ще се купят от магазина.*
>
> (АМ 2025)

В рассматриваемом абзаце можно выделить следующие детали, свидетельствующие о действительном образе жизни граждан СССР:

1. Существует большой спрос на красивую одежду и обувь;
2. Советский покупательный стандарт гораздо ниже финского;
3. Плановая экономика не учитывает нужды и возможности потребителей;
4. Спекуляция идет на всех уровнях общества.

Мы не прибегали к лишней экспликации, рассчитывая на интуицию интеллигентного читателя.

Кроме красивой одежды, среди дефицитных товаров были колготки и косметика.

> ***Натягивая колготки**, с огорчением обнаружила дырочку. (...) Достала флакончик с ярко-розовым лаком для ногтей, **мазнула вокруг дырки**, получилось некрасиво, зато надежно. Как бы ухитриться забежать в **универмаг** и купить новые колготки… **Промтоварные магазины открываются в одиннадцать и закрываются в семь**, если работающей женщине нужно что-то купить в будний день, то получается только в обеденный перерыв или сразу после работы.*
>
> (АМ 2022: 125 – 126)

Героиня пользуется знакомым приемом, чтобы справиться с возникшей «бедой» – она замазывает дырку лаком для ногтей. Первые колготки появились в СССР на рубеже 50 – 60-х годов, их привозили из Чехословакии и стоили они дорого: от 7 до 15 рублей (при зарплате в 70 – 100 рублей). В ту пору появился и следующий анекдот: *«Что такое богатая советская женщина? – Это та, которая надевает под брюки целые колготки.»* (Радуга 2025). К 70-м годам в продаже появляются колготки из ГДР и цены на это изделие снижаются до 3 рублей.

Появляется новый элемент – рабочий день советской женщины, как особый артефакт. В статьях на эту тему указывается на 13-часовой рабочий день для женщин СССР: семь часов по профессии и шесть часов дома (Уайтсайд 2020). И если посчитать, что большая часть магазинов открыта в то же самое рабочее время, или только на час больше, то можно понять проблему героини «как ухитриться» туда попасть. По свидетельствам многих снабжение продуктами в семье в те годы было поручено пенсионерам, а женщины выходили на пенсию в 55 лет, при необходимом минимальном стаже 20 лет, что кажется исключительно социально справедливым.

Еще один пример, указывающий на трудность достать определенные товары, дает парикмахерша, которая рассказывает участковому про машину спекулянтов у подъезда:

> *Была машина (красный „Москвич“). Я знаю, что в той подворотне иногда продают… Я у них не покупала никогда, мне это не надо, но видела, что продают. То **колготки импортные, то косметику, то компакт-кассеты.***
>
> (АМ 2022: 55)

В примере выше указывается на явление уличной спекулятивной торговли. Но гораздо большими возможностями располагали управляющие магазинов, как сама Смелянская. Будучи **завунивермагом,** она серьезно воспользовалась своим служебным положением:

> *Мы **на нее давно зуб точили**, но она хитрая и верткая, как угорь, никак **ухватить** не могли. И тут нам **информашка прилетела**, что она скупила в своем универмаге большие партии **дубленок, финских мужских и женских костюмов**, там еще **чешская и югославская обувь**, короче, **затарилась импортом по самое не балуйся**. Еще и по золоту-бриллиантам вдарила.*
>
> (АМ 2022: 24)
>
> ***Отдавна сме ѝ вдигнали мерника,** но тя е много хитра и хлъзгава, като змия, все не можехме **да я сгащим**. И ето че едно **пиленце ни пошушна**, че е изкупила в собствения си универмаг големи **партиди кожени палта, мъжки и женски анцузи, чешки и югославски обувки**, с една дума – **натрупала е вносни стоки до тавана**. Че си е добавила отгоре злато и диаманти.*
>
> (АМ 2025)

В разрез официально-деловому стилю, госслужащий ОБХСС использует разговорные слова и просторечные обороты, чтобы подчеркнуть свое возмущение. Весь абзац насыщен эмоционально-оценочным зарядом, который мы постарались передать аналогическими языковыми средствами на БЯ.

В данном отрывке присутствует и завуалированной намек автора о том, что дочь Брежнева (Галина) занималась тем же, но в гораздо больших объемах, что мы решили не уточнять в переводе.

> *Раз в несколько лет в СССР поднимали цены на ювелирные украшения. Мероприятие готовилось заранее в обстановке секретности, но дочь генсека всегда знала о предстоящей переоценке. Они с подругой за несколько дней до поднятия цен скупали ювелирку, а через неделю перепродавали весь товар уже по новым ценам.*
>
> (Карасюк 2023)

Следуя рассуждениям о том, что было дорого, а что дешево, можем сделать вывод, что историческим символом могут служить и сами понятия о доходах и деньгах, как **зарплата, пенсия, цена**.

> *Знаешь, – неторопливо заговорил он, – Лихачева пенсию получала **девяносто рублей**.*

– И чего?

– Ничего. ***Большая пенсия-то****. Значит, когда она работала, зарплата тоже была не маленькой. Я проверил, она всю жизнь на механическом заводе* ***отпахала****, высшего образования нет, значит,* ***не ИТР****, а просто рабочая. Получается, она очень хорошо работала. Наверное, даже* ***на Доске почета висела****.*

(АМ 2022: 104)

(…) цял живот е бачкала в завода за механика, няма висше образование, излиза, че ***е била проста работничка.*** *Обаче е работела много добре, вероятно* ***са окачвали снимката ѝ на почетното табло като ударничка.***

(АМ 2025)

Доска почета – тоже символ социалистической реальности. В советском Энциклопедическом словаре 1953 года утверждается, что это «средство поощрения передовых рабочих, инженерно-технических работников, служащих, колхозников, учащихся». Но, как отмечает Наталья Воронцова, она «быстро переросла свою первоначальную задачу и превратилась в этакий эконом-вариант коллективного памятника при жизни» (Воронцова 2011).

Реалию „Доска почета“ в переводе мы развернули, опираясь на словарь Совдепа (Мокиенко, Никитина: 1998) и передали описательно, а, соответственно, аббревиатуру ИТР (инженерно-технический работник) сократили из-за избыточности информации.

Что можно было купить на три рубля становится понятно чуть далее в тексте:

Во-первых, у него были деньги, ***три рубля****. Сколько-то он, наверное, истратил на кино или на мороженое, девочку угощал, но, по моим прикидкам, у него должно было остаться* ***от рубля до полутора.*** *Можно свободно купить билет на любой автобус, любую электричку.*

(АМ 2022: 137)

Първо, имал е ***три рубли****. Колкото и да е изхарчил за кино и сладолед, да почерпи момичето, то, по мои сметки, трябва да има* ***около рубла и половина****. Може да си купи билет за всеки автобус или влак.*

(АМ 2025)

На три рубля еще можно было приобрести импортный кофе:

Она побрела на кухню, поставила чайник, достала из шкафчика банку растворимого кофе, коричневую с рисунком, импортную, ***по три рубля****.* ***В три раза дороже****, чем отечественный, зато вкус гораздо приятнее, не отдает кислятиной.*

(АМ 2022: 129)

В приведенных примерах, благодаря приему экспликации в рамках контекста, нет необходимости в дополнительных разъяснениях насчет таких понятий как дешевизна-дороговизна, создающих бытовой фон действия романа, развивающегося в 80-х. Сама купюра в три рубля – это своеобразный маркер советской действительности. Мы установили, что на три рубля можно было купить 20 билетов в кино, 10 бутылок кефира, килограмм свинины или 1 кастрюлю (Озкан 2012). В период 1970 – 1980 гг. студенты получали стипендию в 40 рублей. Соответственно «трешка» имела солидную покупательную стоимость, а автором подсказана идея о том, что продукты, привезенные из заграницы хотя и стоят дороже, но более качественны.

Некоторые продукты были недоступны для обычных граждан, например икру и ананасы можно было раздобыть на черном рынке, а мандарины и бананы появлялись на прилавках только под Новый год и за ними стояли в больших очередях.

Леонид Петрович зашел по пути в магазин, взял бутылку коньяку, две банки сайры в собственном соку и ***четвертинку черного хлеба****. (…) Икра, ананасы и изысканная дичь – это только в кино или в старых книжках.* ***Икру нужно доставать по огромному блату, а ананасы Черменин попробовал пару раз в жизни****, да и то консервированные, в сладком сиропе, из жестяной банки с голубой этикеткой.*

(АМ 2022: 173)

Леонид Петрович мина през един магазин, купи бутилка коняк, две консерви с риба в собствен сос ***и черен хляб****. (…) Хайвер, ананаси и изискани блюда от дивеч има само по филмите или в старите книги.* ***Хайвер може да се набави само с дебели връзки, а ананаси Черменин беше пробвал само два пъти в живота си****, при това от консерва със син етикет, потопени в сладък сироп.*

(АМ 2025)

Хлеб продавался целыми булками и батонами, но можно было купить еще или полбатона, или даже четверть – продавщицы резали. В переводе мы решили упустить эту деталь.

Проблема добычи продуктов питания представлена автором приемом иронии в целях стилизации образа молодой героини Насти Каменской.

Плавленые сырки «Дружба», две банки паштета из шпрот, килька в томате, нечто под названием «колбасный сыр», не очень вкусное, зато дешевое по сравнению и с сыром, и с колбасой. Пачка творожной массы «Особая», с изюмом, в золотистой обертке. Кирпичик черного хлеба. Полкило развесного печенья, полкило пряников. ***Улов небогатый, но чтобы его собрать, пришлось обойти несколько магазинов.*** *(...)* ***Ее сегодняшний завтрак был подвигом. Вершиной. Пиком Коммунизма.***

(АМ 2022: 67)

Топени сиренца „Дружба“, две консерви пастет от шпроти, цаца в доматен сос, нещо с етикет „колбасен кашкавал“, не особено вкусен, но по-евтин и от кашкавала, и от колбасите. Един пакет извара „Особена“, със стафиди и в златиста опаковка. Един черен хляб. Половинка бисквити на килограм, половинка меденки. ***Уловът не е кой знае какъв, но за да събере всичко това, ѝ се наложи да обиколи няколко магазина****. (...)* ***Приготвянето на сутрешната закуска беше за нея истински подвиг. Връх. Пик на Комунизма****.*

(АМ 2025)

Идеологические намеки и иронизация пафоса времени – один из излюбленных приемов автора.

И деревенская жизнь прекрасно показана в романе. Дальше следуют некоторые особенности уклада русского захолустья, которые могли бы показаться странными для неподготовленного читателя. Одна из героинь, которая помогает уголовникам, пенсионерка Лихачева.

Сахар тащат мешками, к Новому году ***гнать будут****, как обычно. Бабка Лихачева в своем репертуаре, скупает водку литрами и колбасу килограммами.* ***Небось подторговывает?***

(АМ 2022: 79 – 80)

Както обикновено: купуват захар с чували, ***да варят домашна ракия*** *за Нова година. А пенсионерката Лихачова почти всеки ден купува по две бутилки водка и салам на килограми.* ***Да не би да ги продава спекулативно?***

(АМ 2025)

*Сколько Лихачева **накидывает сверху** за каждую бутылку, Рая не знала, но предполагала, что немало. Этим **нехитрым промыслом пробавлялись и таксисты, и пенсионеры**. Вот и колбасу в таких количествах она берет не просто так, ведь к выпивке закусь требуется, а где ее брать, когда магазины закрыты?*

(АМ 2022: 79 – 80)

*Рая не знаеше колко **горница вземаше** Лихачова на бутилка, но можеше да предположи, че е доста. По този **елементарен начин си докарваха пари и таксиджиите, и пенсионерите.** Явно затова и салам купува в големи количества – нали за водката трябва мезе, а откъде ще вземеш, когато магазините са затворени?*

(АМ 2025)

К бытовым зарисовкам можно отнести и факт, что организационно-технические средства связи в деревне сильно ограничены по сравнению с городом, например:

*У Лихачевой домашнего телефона нет. (...) Если она с кем-то связывалась, то либо звонила от соседей, либо **приходила сюда и заказывала разговор.** Ну, **или ее вызывал кто-то из другого города.***

(АМ 2022: 93)

*(...) ако трябва да се свърже с някого, тя или се обажда от съседите, или **идва в пощата и поръчва разговор**. Или когато някой я търси от друг град, **я канят в кабинката**.*

(АМ 2025)

Итак, попытаемся обобщить свои наблюдения. В описании бытового уклада и социального разделения советской эпохи в романе часто встречаются такие символы, как:

Квартира – основная проблема приобретения жилища, жилплощади, покупки техники и мебели.

Рестораны, столовые и блюда домашней кухни как картина двух противостоящих миров – зажиточности партийной элиты и массовой ограниченности на фоне проблемы с продовольствием.

Культурные мероприятия – театр, балет и кино, как фон, на котором резко очерчиваются приближенные к власти (везунчики) и обычные граждане, которые не могут попасть на аншлаговый спектакль, ни радоваться карьерному росту или заграничным командировкам.

Телевизоры и радиоприемники и соответствующие программы, транслировавшие официальную пропаганду. **Фильмы и сериалы,** как эмблема рассматриваемого периода:

> *Романтика борьбы с преступностью была ей чужда,* ***сериал «Рожденная революцией»*** *ни на что не вдохновлял,* ***«Знатоки»*** *казались конфетно-приторными и чересчур морализаторскими, зато* ***кинофильм «Золотая мина»*** *вызвал массу вопросов (...).*
>
> (АМ 2022: 32)

> *На киножурнал они все равно опоздали, как ни бежали, но было не жалко. Что за интерес смотреть «Новости дня» или «Зарубежную кинохронику»? Вот «****Фитиль****» – совсем другое дело, но тут уж как повезет, а везло нечасто.*
>
> (АМ 2022: 169)

Культурные вкрапления в виде непрямых цитат, например:

«Если кто-то кое-где у нас порой честно жить не хочет, значит с ними нам вести незримый бой. Так назначено судьбой для нас с тобой – Служба дни и ночи.» Цитата песни из фильма «Следствие ведут ЗнаТоКи» (1971) – популярный советский криминальный сериал.

При переводе изъясняли в сноске все названия фильмов, песен, произведений, выявляли скрытые цитаты.

Телефон и телеграф, как средства общения. Служба ПОЧТА – ТЕЛЕФОН – ТЕЛЕГРАФ служила не только средством связи, но и предоставляла банковские услуги: *«Вот! – радостно воскликнула Ляля, протягивая ему* ***корешок почтового извещения****. – Двести рублей от Лихачева Д. П. из Новочебоксарска»* (АМ 2022: 92). В переводе: *«и му подаде* ***картончето с пощенското известие****»*.

Автомобильный парк. *Волга,* как маркер зажиточности, и *Москвич* обычного гражданина: *«Прасолов Михаил Филиппович, работает в Минторге на какой-то высокой должности. Он очень помогал,* ***ездил со мной на служебной машине*** *к кинотеатру...»* (АМ 2022: 21).

Средства массового транспорта с ненадежным расписанием и труднодоступное такси:

> *– Как Олег поехал? Вызвал такси? Городской транспорт ведь уже не ходил.*
>
> *–* ***Поймал частника****. Вызывать по телефону, дозваниваться в диспетчерскую, потом ждать неизвестно сколько...*
>
> (АМ 2022: 22)

Состояние дорог:

По пути из Москвы в Канавино он почему-то совсем не замечал неудобств, зато обратная дорога превратилась в настоящую пытку, а каждая колдобина отзывалась жгучей болью. ***Амортизаторы старые, дороги плохие****.*

(АМ 2022: 126)

Культ к заграничным изделиям и поездкам. Даже в рамках обычной ситуации, когда выскакивает такой предмет, всегда намечается реакция удивления, например, когда Разин полез в карман за сигаретами и щелкнул зажигалкой: *«****Новенькая, заграничная****, – машинально отметил Гордеев. – Вчера была другая, попроще, квадратная, желтого металла»* (АМ 2022: 145). Вот почему и молодая актриса Жанна является информатором симпатичного кагебешника Кирилла, так как цена этой услуги – возможность ездить за границу с труппой театра: *«А* ***без гастролей не видать ей заграницы*** *как собственных ушей*» (АМ 2022: 25). В переводе: *А без турнета ще види чужбина през крив макарон* (прием замены образа фразеологического порядка).

Одежда и обувь, как предмет спекуляции:

Конечно, его зимняя шапка ***из ужасного кролика*** *давно уже потеряла товарный вид, но где взять время на стояние в очередях? Может, попросить Гогу Телегина, чтобы помог* ***купить без очереди****? На носу декабрь, конец года, во все магазины* ***будут выбрасывать дефицит для плана****…*

(АМ 2022: 179)

Неговата шапка ***от проскубан заек*** *отдавна беше загубила търговския си вид, но как да отдели време, за да се реди по опашки? Може да помоли Гога Телегин да му съдейства* ***да си купи под тезгяха****. Скоро е декември, краят на годината, по всички магазини* ***ще пуснат дефицитни стоки, за да изпълнят плана****...*

(АМ 2025)

Когда речь идет о носителях языка, то атрибуты советского быта и общественного порядка создают вполне распознаваемую атмосферу, позволяя читателю погрузиться в исторический контекст произведения. Не так просто с носителями другого культурно-языкового сознания, хотя можно наметить частичные параллели при сопоставлении

болгарского и русского быта, приуроченного к социалистической действительности.

Если опираться на философию, Хайдеггер, например, объясняет бытие в несколько приемов, разделяя подход античных философов, которые называли четыре причины всех прочих причин:

1) causa materialis – материал, вещество, из которого что-либо изготовляется; 2) causa formalis – форма, которую принимает этот материал. 3) causa finalis – цель изготовления, чему служит; 4) causa efficiens – сила или событие, породившие предмет/явление/символ (Хайдеггер 2003: 222). В романе Марининой наблюдаем актуализацию бытовой картины на всех уровнях – от самого материала к форме, цене, цвету и запаху, к прямому назначению и, наконец, к идеологически-символической функции названного предмета.

Чтобы обобщить картину, можем привести рассуждение главной героини – Анастасии Каменской, которое является голосом автора:

> *Кругом одно вранье и притворство. Но на службе* ***нужно исправно делать вид, что тебе все нравится*** *и ты свято веришь в правильность и справедливость того, как все устроено. Но все равно както противно, что нужно все время врать. Коррупции нет. Проституции нет. Организованной преступности тоже нет, есть только групповая. Среди работников милиции преступников нет. Как там у Булгакова? «****Ну что за страна! Чего ни хватишься – ничего нет****», или что-то в этом роде.*
>
> (АМ 2022: 71)

Процитированы слова Воланда из романа «Мастер и Маргарита» М. Булгакова (гл. 3 «Седьмое доказательство»), что мы надлежаще объяснили за текстом.

Итак, если подвести итоги, то самые частотные переводческие стратегии, к которым мы прибегали для передачи весьма объемной картины описываемой действительности начала 80-х в СССР, это:

– уточнение в контексте посредством расширения в рамках предложения;

– объяснение за текстом;

– упущение из-за несущественности детали;

– передача имплицитной информации ИТ без экспликации.

Зафиксированные нами в данной работе исторические реалии – это своеобразные короткие воспоминания об относительно недавних временах, но, вместе с тем, распознаваемые единственно в хронотопе «СССР 80-е годы».

В этом ракурсе можем утверждать, что специфическая совокупность культурных кодов, описанных нами в примерах, выступает как маркер времени, поскольку отражает и фиксирует уникальные характеристики рассматриваемой нами эпохи, такие как ценности общества, стереотипы, символы, образы и традиции. Их перевод возможен с известными ограничениями, учитывая прагматический потенциал текста и фоновые знания получателя.

Литература

Арутюнова 1999: Арутюнова, Н. Д. *Язык и мир человека*. [Arutyunova, N. D. Yazyk i mir cheloveka.] Москва: Языки русской культуры, 1999.

Каприев 2017: Каприев, Г. *Механика срещу символика*. [Kapriev, G. Mehanika sreshtu simvolika.] София: Изток – Запад, 2017.

Комиссаров 1990: Комиссаров, В. Н. *Теория перевода. Лингвистические аспекты*. [Komissarov, V. N. Teoriya perevoda. Lingisticheskie aspekty.] Москва: Высшая школа, 1990.

Маринина 2022: Маринина, А. *Тьма после рассвета*. [Marinina, A. T'ma posle rassveta.] Москва: ЭКСМО, 2022. ISBN978-5-04-180578-4.

Маринина 2025: Маринина, А. *Мрак след разсъмване*. ИК „Хермес", 2025. [Marinina, A. Mrak sled razsamvane.] ISBN 9789542625070.

Маслова 2001: Маслова, В. А. *Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений*. [Maslova V. A. M 31 Lingvokul'turologiya: Ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedenij.] М.: Издательский центр «Академия», 2001.

Мокиенко, Никитина 1998: Мокиенко, В. М., Никитина, Т. Г. *Толковый словарь языка Совдепии*. [Mokienko, V. M., Nikitina, T. G. Tolkovyj slovar' yazyka Sovdepii.] Санкт-Петербург: «Фолио-Екпресс», 1998.

Озкан, ред. 2012: Озкан, В. *Сделано в СССР. Символы советской эпохи*. Под ред. В. Озкан. [Ozkan, V. Sdelano v SSSR. Simvoly sovetskoj epohi. Pod red. V. Ozkan.] Москва: АСТ, 2012.

Хайдеггер 2003: Хайдеггер, М. *Бытие и время.* [Haydegger, M. Bytie i vremya.] Пер. с нем. В. В. Бибихина. Харьков: «Фолио», 2003.

ИНТЕРНЕТ-ИСТОЧНИКИ

Воронцова 2011: Воронцова, Н. Доска почета. Опубл. 28.03.2011 <https://vorontsova-nvu.livejournal.com/421757.html> (12.05.2025).

Карасюк 2023: Карасюк, Дм. *Галина Брежнева и другие крестные матери бриллиантовой мафии*. Опубл. 2.03.2023 <https://diletant.media/articles/45261094/> (4.04.2025).

Озерск 2025: *О голодных временах и очередях, светлых мечтах, рукоприкладстве и коммунистической партии*. Опубл. <https://ozersk74.ru/news/city/455790.php> (30.08.2025) <https://ozersk74.ru/news/city/455790.php> (14.09.2025).

Радуга 2025: З*наете ли вы, как появились колготки в СССР?* <https://radvga.ru/blogs/blog/istoriya-kolgotok> (20.06.2025)

РБЕ 2025: Институт за български език. *Речник на българския език (онлайн). Статия „талон“*. <https://ibl.bas.bg/rbe/lang/bg> (16.03.2025).

Уайтсайд 2020: Уайтсайд Е. *13-часовой рабочий день для женщин СССР: семь часов по профессии и шесть часов дома*. Опубл. 6.03.2020 <https://inosmi.ru/20200306/247006181.html> (9.09.2025).

ПЛОВДИВСКИ УНИВЕРСИТЕТ „ПАИСИЙ ХИЛЕНДАРСКИ“ – БЪЛГАРИЯ
НАУЧНИ ТРУДОВЕ, ТОМ 63, КН. 1, СБ. Б, 2025 – ФИЛОЛОГИЯ,
PAISII HILENDARSKI UNIVERSITY OF PLOVDIV – BULGARIA
RESEARCH PAPERS, VOL. 63, BOOK 1, PART B, 2025 – LANGUAGES AND LITERATURE

DOI 10.69085/ntf2026b044

НАБЛЮДЕНИЯ НАД ПЕРЕВОДОМ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ В РОМАНЕ АНДРЕЯ ГЕЛАСИМОВА «ДОМ НА ОЗЕРНОЙ»

Силвия Петкова
Софийский университет им. св. Климента Охридского

OBSERVATIONS ON THE TRANSLATION OF DIALOGIC SPEECH IN ANDREI GELASIMOV'S NOVEL „THE HOUSE ON LAKE STREET“

Silvia Petkova
St. Kliment Ohridski University of Sofia

silvia_petkova@slav.uni-sofia.bg

The translation of dialogue speech units is examined based on Andrei Gelasimov's novel "The House on Lake Street" (2010), translated into Bulgarian by Vasil Danov (2011). The analysis focuses on approaches to conveying metacommunicative markers and formulas. Special attention is given to the techniques for rendering the speech mode in accordance with the speaker's intentions and with respect to the common usage of the target language. The results of this study may be useful for systematizing translation strategies that ensure the communicative equivalence of the original and translated text.

Key words: Russian, Bulgarian, translation strategies, metacommunicative markers, discourse formulas

Специфика перевода разговорного диалога заслуживает особого внимания с позиций коммуникативно ориентированной транслатологии. Непринужденность общения и ситуативная обусловленность значений диалогических единиц приводят к необходимости применять гибкие переводческие стратегии, направленные на передачу актуального смысла, порождаемого в динамике речевого взаимодействия.

В данном исследовании приемы, используемые при межъязыковом транслировании единиц, характерных для русского диалога, анализируются на материале романа Андрея Геласимова «Дом на Озерной» (2010 г.), который издан на болгарском языке в переводе Васила Данова (2011 г.).

Объектом анализа являются способы передачи на болгарский язык двух категорий метакоммуникативных диалогических единиц, придающих речи персонажей естественное звучание:

- метакоммуникативных маркеров: *(по)слушай/(по)слушай (те)* и *ты знаешь/вы знаете;*
- метакоммуникативных реплик: *Уж кто бы говорил, Да ладно тебе, Да погоди ты* и др.

Мы исходим из понимания, что метакоммуникация в диалогическом дискурсе направлена на обеспечение эффективного речевого обмена посредством осуществления процедур управления процессом взаимодействия с коммуникативным партнером.

I. Перевод метакоммуникативных маркеров

Метакоммуникативные дискурсивные маркеры (метакоммуникативы), вербализующие призыв к собеседнику, стремление привлечь его внимание к речи и оказать на него определенное иллокутивное воздействие, относятся к группе интеракциональных маркеров. Выступая как регуляторы диалогического взаимодействия, они обладают главными категориальными характеристиками метадискурсивных единиц языка: «их значение относится к процедурному типу»; «их основная функция является инструктивной»[1] (Стефчева 2020: 48).

Императивная форма 2 л. формы глагола слухового восприятия *(по)слушай(те*), выполняющая функцию метакоммуникатива, отличается особой востребованностью в диалоге (о чем свидетельствует и тот факт, что в анализируемом тексте она встречается 22 раза). Значение этой метадискурсивной единицы представлено в специализированном словаре структурных слов как «возглас, с помощью к-рого привлекают внимание для того, чтобы вступить в разговор, спросить о чем-л., предложить что-л. и т. п.» (Морковкин и др. 2003: 276).

В результате обработки текстового материала были выявлены разнообразные подходы к переводу маркера *(по)слушай(те).* Они

[1] Перевод цитат из исследований, опубликованных на болгарском языке, и словарных толкований из РБЕ (2002 – 2015) мой – С.П.

включают использование: 1) функционального аналога; 2) дискурсивного маркера с иной функцией; 3) семантически полноценного императива; 4) междометия; 5) междометия и частицы; 6) приема опущения.

Примечательно, что отсутствуют примеры перевода посредством семантического эквивалента – болг. *слушай(те).* Судя по всему, переводчик сознательно стремился не попадать в ловушку формального сходства, учитывая то обстоятельство, что употребление болг. *слушай(те*) гораздо более ограничено, чем рус. *(по)слушай(те).* Болгарский вводящий императив характерен только для авторитарных высказываний: порицаний, запретов (*Слушай, колко пъти ще ти казвам да гасиш лампата!, Слушайте, не може да се държите така!*).

1. Перевод посредством функционального аналога

Рассмотрим контекст, в котором десемантизированный метакоммуникатив *слушайте* выступает в функции предисловия к речевому акту (РА) репрезентатива, сообщающему о только что установленном неожиданном факте.

Девушка-подросток Женя взялась подстричь Николая, нового знакомого семьи, так, чтобы он стал похож на ее дядю Диму и предъявил на таможне его документы. Отойдя от Николая на шаг, она любуется своей работой.

(1) *р. – По-моему, получилось. Прическа точно такая же.*
Потом она пристально вгляделась в лицо Николая.
***– Слушайте**, а вы ведь вообще на Димку похожи.*
б. – Според мен, не е зле. Почти същата прическа.
После се взря в лицето на Николай.
*– **Чакайте**, ама вие наистина приличате на Димка!*

В качестве функционального аналога переводчик удачно выбрал метакоммуникатив *чакайте*, который отличается высокой частотностью употребления как маркер привлечения внимания адресата к внезапно возникшей новой мысли.

В русском непринужденном диалоге маркер *(по)слушай* может вводить и РА вопроса (рогатива).

В диалоге (2) соответствием маркера *послушай*, вводящего вопрос, является метакоммуникатив *виж какво*[2].

Мария обращается к мужу своей сестры, пытаясь обсудить с ним возникшую проблему в семье.

(2) *р. – Я не могу. Я сейчас занят.*

[2] На способность *виж какво* выполнять функцию десемантизированного вводящего императива обращает внимание Й. Тишева (Тишева 2020: 280).

– Послушай*… – порывисто начала Мария, но почему-то не смогла продолжать.*

Она стояла перед ним, опустив голову, и смотрела на его узкие длинноносые туфли <…>

*– **Послушай**, – опять начала Мария, отрывая взгляд от его туфель. – Ты можешь мне честно ответить на один вопрос?*

б. – Не мога. В момента съм зает с друго.

*– **Виж какво**… – силно пое въздух Мария, но не можа да продължи.*

Замря с наведена глава, загледана в тесните му обувки с остри носове <…>

*– **Виж какво** – отново подхвана Мария, като вдигна очи от обувките му, – можеш ли честно да ми отговориш на един въпрос?*

С учетом того, что *виж какво* служит маркером инициирования «некомфортного» для собеседника речевого хода, перевод следует признать адекватным.

В другом контексте *слушай* выступает как апеллятор, предшествующий РА косвенного побуждения, и снова его соответствием оказывается *виж какво*.

Тетерин и его жена Мария молча выходят из больницы. Супруг решился нарушить неловкое молчание.

(3) *р. – Ну что, на Озерную поедем? – наконец спросил он.*

– По Вале своей соскучился?

*– **Слушай**, ты можешь хотя бы сейчас не язвить?*

б. – Накъде, към „Езерна“ ли? – най-накрая попита той.

– За твоята Валя ли ти домъчня?

*– **Виж какво**, можеш ли поне сега да не се заяждаш?*

Маркер *слушай* вводит косвенный директив (‘перестань язвить’), оформленный как вопрос. Учитывая ситуацию конфликта между супругами, метакоммуникатив *виж какво,* звучащий резко и настойчиво, является подходящим аналогом. Отметим, что этот фокусирующий маркер активно употребляется для пресечения неприемлемых действий собеседника (*Виж какво, стига си ме разпитвал!*, *Виж какво, престани да се хвалиш!*).

Нами были зафиксированы два случая перевода анализируемой единицы посредством конструкции с участием императива *кажи*. Трансформацию метакоммуникативного призыва к восприятию речи в призыв к ответу можно рассматривать как реализацию приема смыслового развития: ‘услышав мой вопрос, скажи’.

В речи одной из героинь маркер *слышь* (просторечный вариант формы *слушай*) используется как метакоммуникатив, привлекающий внимание к последующему вопросу.

(4) *р. Томка нервничала из-за Юрки.*

*– **Слышь**, Степа, – сказала она мужу, забираясь в кабину, – а с Юркой-то чего делать будем? Может, скажем ему?*

– Чего скажем? – покосился на нее Степан.

б. Сърцето ѝ се свиваше заради Юрка.

*– **Кажи**, Стьопа – рече тя още щом седна в кабината, – какво ще правим с Юрка? Хайде да му кажем!*

– Какво да му казваме?

В данных дискурсивных условиях перевод посредством императива *кажи* успешно передает интенцию говорящей обязательно получить ответ от мужа, чтобы срочно составить план действий.

При переводе диалога Жени с ее двоюродным братом был применен весьма креативный подход: учитывая то, что *слушай* служит предисловием к вопросу на деликатную тему, переводчик идентифицировал реализацию фрейма «разговор по душам» и трансформировал аттрактор внимания в метакоммуникатив *кажи ми честно*, призывающий к откровенности.

(5) *р. Несколько секунд они помолчали.*

*– **Слушай**, я очень толстая? – неожиданно спросила Женька.*

– Не парься, – выдохнул дым Юрка. – Люди бывают разные.

б. Помълчаха.

*– **Кажи ми честно**, аз много ли съм дебела? – изведнъж попита Женка.*

– Не се коси – издуха цигарения дим Юрка. – Всякакви хора има.

2. Перевод метакоммуникатива посредством дискурсивного маркера с иной функцией

Интерес представляет зарегистрированный нами случай перевода метакоммуникатива *послушайте* маркером вежливости.

В тексте оригинала вводящий императив усиливает убедительность РА просьбы – говорящая апеллирует к врачу, пытаясь предотвратить осуществление его намерений.

(6) *р. – Давайте «Скорую» вызовем, – снова вмешался травматолог. – Они отвезут вас домой.*

– Нет у меня больше дома, – жалобно простонал Николай, повиснув на плечах Муродали и Степана.

*– **Послушайте**, не надо «Скорую», – заговорила Валя, опуская две сторублевые купюры в нагрудный карман врачу. – Мы его к себе домой отвезем. У нас места много. Спасибо вам большое.*

б. – Да се обадя ли за линейка? – предложи лекарят. – Ще ви закарат у дома.

– Аз вече нямам дом – жално изстена Николай, увиснал върху раменете на Муродали и Степан.

*– **Моля ви**, няма нужда от линейка! – намеси се Валя, като пъхна две банкноти от по сто рубли в горното джобче на лекарската престилка. – Ще го вземем у дома. Имаме достатъчно място. Много сме ви благодарни!*

Так как весь речевой ход придерживается подчеркнуто вежливой тональности и заканчивается выражением благодарности, переводчик принял удачное решение трансформировать исходный метакоммуникатив в маркер вежливости *моля ви*.

3. Контекстуальная замена метакоммуникатива на семантически полноценный императив

Заслуживает внимания и другое нестандартное переводческое решение – контекстуальная замена маркера *слушайте* на императив *вижте,* выступающий в своем прямом значении, как призыв к зрительному восприятию объекта.

Степан, его сын Юрка и его шурин Муродали пытаются войти в квартиру человека, обманувшего их семью. Квартира оказывается опечатанной, поэтому Степан начинает колотить в дверь ногой.

(7) *р. Муродали резонно заметил, что соседи могут вызвать милицию, а поскольку они там сегодня уже побывали, второй раз будет явным перебором.*

– И даже нахальством, – добавил он. – Нельзя людям так надоедать. У них и без нас много работы.

*– **Слушайте**, – неожиданно сказал Юрка. – А печати точно такие же, как на нашей квартире.*

б. Муродали му обърна внимание, че разтревожените съседи биха могли да повикат милиция и понеже днес вече бяха в участъка, второто им появяване там вече би било прекалено.

– И дори нахалство! – добави той. – Не бива така да досаждаме на хората. Те и без нас си имат достатъчно работа.

*– **Вижте!** – каза Юрка. – Печатите са същите като на нашия апартамент!*

Такой контекстуально обусловленный перевод возможен в силу того, что метакоммуникатив *слушайте,* маркирующий сообщение о

внезапно установленном факте сходства печатей, сопряжен с имплицитным призывом к собеседникам самим убедиться в этом сходстве.

4. Перевод междометием

В диалогическом единстве (8) представлен обмен репликами, происходящий при отсутствии знакомства, поэтому характерная для *слушай* (здесь – в просторечном варианте *слышь*) функция привлечения внимания собеседника выступает в чистом виде.

(8) *р. – **Слышь**, мужик, – сказал один из часовых, подходя к Муродали. – Шел бы ты отсюда.*

– Расслабься, боец, – ответил тот. – Я здесь учился пятнадцать лет назад.

*б. – **Ей**, мъжки – приближи се един от часовите, – не стой тук.*

– Спокойно, боецо – отвърна той. Учил съм тук преди петнайсет години.

Как частотный аттрактор внимания незнакомца в режиме невежливого общения, болгарское междометие *ей* оказывается коммуникативно равноценным соответствием просторечного *слышь*.

Тот факт, что в определенных контекстуально-ситуативных условиях метакоммуникативы и междометия являются взаимно заменимыми, свидетельствует о функциональном сходстве этих двух категорий.

5. Перевод посредством междометия и частицы

При наличии близкого знакомства метакоммуникатив *слушай* способен маркировать начало конфликтогенной реплики. Рассмотрим ситуацию, в которой было установлено такое употребление.

Таджик Муродали (бывший военный) быстро расправился с агрессивным парнем-скинхедом, с которым был и сын Томки (его свояченицы). Томка стала обвинять зятя в том, что он вступил в драку с неопытными пацанами.

(9) *р. – **Слушай**, ты чего устроил? – наехала на него Томка. – Нашел, с кем связаться. Мужик ведь здоровый! Иди, найди себе таких же лбов! Они же дураки просто…*

Муродали повернулся и пошел прочь, уводя с собой Гулю.

*б. – **Ей**, какво ти става, **бе**?! – скочи насреща му Томка. – Намерил пред кого да се перчи! Голям, як мъж! Върви си намери такива вратове като тебе! Тези са глупави момчетии…*

Муродали си тръгна заедно с Гуля.

Для передачи интенции негодования, заложенной в маркере *слушай*, переводчик воспользовался возможностью совместного употребления междометия *ей* и прагматической частицы *бе*. Инициальное меж-

дометие *ей* служит для привлечения внимания собеседника и одновременно предвещает коммуникативную напряженность, так как обладает окраской грубой фамильярности. Частица *бе* усиливает иллокутивную силу базового высказывания (косвенного экспрессива *какво ти става?*) и, так же как междометие *ей,* маркирует разговорную фамильярность с оттенком грубости. Актуализируемые под влиянием контекста экспрессивные семы частицы *бе* «неуважение к адресату» и «агрессия/угроза» (Лазарова 2014: 93) полностью соответствуют аффектированному состоянию героини, отраженному в ремарке *наехала на него Томка*.

6. Использование приема опущения

В тех случаях, когда *слушай* вводит вопрос, его опущение, как правило, не приводит к существенной потере смысла. Так, в переводе следующего микродиалога воспроизведение частицы *а*, которая в обоих языках употребляется в начале вопроса для привлечения внимания и побуждения к ответу, оказывается достаточным для передачи иллокутивного плана исходной реплики, снабженной метакоммуникативным зачином.

(10) *р. Димка подловил Томку на кухне, где она торопливо резала колбасу.*

– Слушай, *а где Мария? – спросил он сестру.*

– Да не знаю, – пожала плечами Томка. – Тетерин ей позвонил, она куда-то умчалась.

б. Димка се прокрадна към Томка, която режеше салам.

– А къде е Мария?

– Не знам – вдигна рамене сестра му. ***–*** *Тетерин ѝ звънна и тя хукна нанякъде.*

Если маркер *слушай* выполняет функцию интенсификатора побуждения, прием опущения может сопровождаться добавлением интенсификатора другого характера.

(11) *р. – Экологией, что ли, занимаетесь? – спросил он Юрку.*

– Ага, мусор убирают, – усмехнулся Степан. – Санитары городских улиц.

– ***Слушай****, кончай, а? – негромко сказал Юрка.*

б. – Да не би да е нещо, свързано с екологията?

– Аха, боклук събират – ухили се Степан. – Улични санитари.

– Престани ***най-сетне****! – тихо възрази Юрка.*

Переводчик компенсировал опущение инициального метакоммуникатива, добавив фазисное наречие *най-сетне* (*р. наконец*), которое в побудительных высказываниях выражает недовольство и нетерпение.

Обратимся к способам передачи на болгарский язык метакоммуникатива *ты знаешь/вы знаете*, который употребляется «с целью сосредоточить внимание собеседника на предмете разговора, придать доверительность высказыванию» (Морковкин и др. 2003: 276). Подобно маркеру *(по)слушай(те)*, данный метакоммуникатив находится в препозиции к базовому высказыванию, но, в отличие от него, глагол в нем представлен в вопросительной форме. Точнее говоря, здесь имеет место явление скрытой вопросительности, которое состоит в том, что вопросительность, выражаемая в устной форме посредством интонации, в письменной форме остается пунктуационно невыраженной (см. Кобозева и Захаров 1998).

В переводе романа А. Геласимова было установлено применение двух способов передачи метакоммуникатива *ты знаешь/вы знаете*: 1) посредством функционального аналога; 2) посредством опущения.

Так же как при *(по)слушай(те)*, не был выявлен ни один случай перевода посредством семантического эквивалента – болг. *знаеш ли/знаете ли*.

1. Перевод посредством функционального аналога

В роли болгарского соответствия маркера *ты знаешь/вы знаете* наиболее часто выступает метакоммуникатив в форме императива глагола зрительного восприятия *виж(те)* и *виж(те) какво.*

В диалоге (12) *ты знаешь* является предисловием к побуждению, которое снимает ответственность с говорящего. Тетерин дает себе отчет, что его речевой ход вступает в противоречие с желанием собеседника получить его согласие, и пытается смягчить негативный эффект своего высказывания, предваряя его метакоммуникативом. Благодаря пунктуационному маркированию последующей паузы выбранное переводчиком соответствие *виж какво* приближается по прагматической функции к русскому маркеру.

(12) *р. – Ну? – Димка нетерпеливо хотел от Тетерина согласия на что-то, чего тот не понимал.*

– Ты знаешь*… Поговори сначала с Марией… Такие вопросы я не решаю…*

б. – Е и? – Димка нетърпеливо очакваше от Тетерин съгласие за нещо, което той не бе разбрал.

– Виж какво*… Говори първо с Мария. Тези въпроси не ги решавам аз.*

Когда в вежливом разговоре в деловой ситуации *вы знаете* используется как инициальный маркер, вводящий сообщение неблагоприятной информации, его регулярным аналогом является *вижте.*

Тетерина вызвали в офис инвестиционного фонда, чтобы подписать документы. Пролистав несколько документов, сотрудница протягивает ему один из них.

(13) *р. – Вот, прочитайте и распишитесь.*

Усевшись напротив нее, Тетерин наморщил лоб и попытался сосредоточиться на печатном тексте. Однако буковки были такие маленькие, а слова из них получались такие громоздкие, что он покачал головой и робко посмотрел на девушку.

*– **Вы знаете**… Я плохо понимаю… Все эти финансовые термины… Вы не могли бы мне объяснить?*

Б. – Моля. Прочетете и се подпишете.

Седна на стола срещу нея и се опита да вникне в ситния текст. Но буквичките бяха толкова дребни, а текстът – толкова усукан, че скоро поклати глава и смутено вдигна поглед към момичето.

*– **Вижте**… Не разбирам… Толкова финасови термини… Бихте ли ми обяснили?*

Одновременно с интенцией сосредоточить внимание собеседника метакоммуникатив *ты знаешь/вы знаете* может выражать интенцию откровенно поделиться мыслями и найти понимание. Именно такая прагматическая функция реализуется в следующих двух микродиалогах.

(14) *р. – Ну, зачем об этом сейчас?*

*– **Ты знаешь**, – сказала старшая сестра, приподнимаясь на локте и заглядывая Вале в глаза. – Я, правда… Я очень радовалась, когда ты замуж вышла…*

б. – Няма смисъл да говорим сега за това.

*– **Виж какво** – по-голямата сестра се подпря на лакът и погледна Валя право в очите, – наистина… Аз наистина се зарадвах, когато се омъжи…*

(15) *р. Томка вздохнула и с легкой слезой в голосе повела свою сцену:*

*– **Вы знаете**, Николай, меня бросил муж…*

– А я здесь при чем? – удивился молодой человек.

б. Томка въздъхна и през сълзи разигра етюда си:

*– **Вижте какво**, Николай… Мъжът ми ме изостави..*

– Че аз какво общо имам?

Следует отметить, что в данных контекстах перевод аналогом *виж(те) какво* не является самым адекватным решением, так как этот маркер обычно звучит в ситуации коммуникативного конфликта. В (14) можно предложить семантический эквивалент *знаеш ли*, так как адресат действительно не подозревает о подлинных чувствах сестры и

семантический компонент ‘знание’ подлежит акцентированию. Что касается перевода (15), то в нем было бы уместно использовать маркер *вижте*, который звучит более мягко, ненавязчиво, чем *вижте какво,* и поэтому в большей степени соответствует прагматической функции метакоммуникатива *вы знаете* в реплике героини, собирающейся рассказать о своей личной драме.

В тех случаях, когда маркер *ты знаешь* призван создать атмосферу доверительности, подходящим вариантом перевода оказывается маркер откровенности.

Муродали разговаривает со своим давним другом – полковником, с которым учились вместе в военном училище.

(16) *р. – <…> Все чего-то делим, прижимаем друг друга. А где, спрашивается, интернационализм? Все, вон, Ленина теперь попрекают, а ведь он правильные вещи про национальный вопрос придумал. <…>*

Поняв, что его друг не на шутку завелся, Муродали решил прибегнуть к отвлекающему маневру:

*– **Ты знаешь**, Саня, а я в армии как-то привык думать, что национальность у меня – майор.*

б. – <…> Все има нещо да делим, все някой не е доволен. Къде изчезна интернационализмът? Днес на всички Ленин им е крив, ама по националния въпрос бе казал умни неща. <…>

Като видя, че приятелят му наистина се ядоса, Муродали предприе отвличащ маньовър:

*– **Честно да ти кажа**, Саня, в армията свикнах с мисълта, че истинската ми националност е майор.*

Избегая буквализм, переводчик остановил свой выбор на вводной конструкции *честно да ти кажа*, соответствующей коммуникативной установке исходной единицы. Тактика эксплицирования доверительности удачно вписывается в реализуемую говорящим стратегию возвращения разговора к более спокойной речевой тональности в стремлении сгладить «острые углы».

2. Использование приема опущения

Как свидетельствует перевод диалогического единства (17), в репликах ответа на вопрос опущение метакоммуникатива *ты знаешь/вы знаете*, не приводит к существенной потере смысла.

Увидев семью родственников с дорожными сумками в руках, Степан пытается выяснить причину такого поспешного ухода.

(17) *р. – А вы куда собрались? – удивился Степан.*

*– **Да ты знаешь**, решили пожить пока в училище, – ответил Муродали, стараясь не смотреть на Юрку. – Я обещал там ребятам семью свою показать. Заодно насчет работы узнаю.*

б. – Къде сте тръгнали? – изуми се Степан.

– Местим се във военното училище – обясни Муродали, като нарочно не поглеждаше към Юрка. – Обещах на колегите да ги запозная със семейството си, а и ще си потърся някаква работа.

Метакоммуникатив маркирует колебания, которые испытывает персонаж, пока решает, что сказать. Воздержание от откровенного ответа порождено нежеланием назвать действительную причину ухода из дома родственников. Отметим, что в другом контексте подходящим аналогом была бы разговорная частица *ами*, используемая «при выражении известного воздержания, страха, колебания в ответе» (РБЕ 2002–2015), но в устах бывшего военного она прозвучала бы неуместно. Следовательно, опущение метакоммуникатива можно считать оправданным.

Из анализа видно, что при транслировании метакоммуникативных маркеров невозможно рассчитывать на готовые решения. Установленное множество вариантов перевода свидетельствует о разнообразных нюансах смысла, которые накладываются на основное оперативное значение, связанное с регулированием процессов восприятия и понимания речи.

II. Перевод дискурсивных формул метакоммуникативного характера

Трудности перевода устойчивых метакоммуникативных реплик диалога обусловлены тем, что при передаче их функционально-прагматического содержания первостепенное значение имеет языковой стереотип (то, что принято говорить в целевой коммуникативной культуре в подобной ситуации).

Обработка текстового материала позволила установить четыре способа перевода метакоммуникативных дискурсивных формул: 1) использование семантического эквивалента; 2) перевод посредством семантического эквивалента с добавлением; 3) использование функционального аналога; 4) лексический перевод.

1. Перевод посредством семантического эквивалента

В некоторых случаях переводчик имеет возможность воспользоваться наличием в болгарском языке метакоммуникативной формулы, компонентный состав которой близок по семантике к русской устойчивой реплике.

Так, для передачи стереотипной реплики *Уж кто бы говорил,* произнесенной Женей в разговоре с двоюродным братом, был выбран семантический эквивалент *Кой го казва само.* Эта фраза не только составлена из полных соответствий ключевых компонентов исходной формулы – *кой* (р. *кто*) и *казвам* (р. *говорить*), но и тождественна ей по значению: ‘комментарий к словам собеседника, который, по мнению говорящего, не имеет морального права так высказываться’. Что касается различия в грамматическом оформлении двух устойчивых реплик (русская конструкция имеет форму сослагательного наклонения, а болгарская – форму вопроса), то оно оказывается пренебрежимо малым.

(18) *р. – Не парься, – выдохнул дым Юрка. – Люди бывают разные. Женька насупилась.*

*– **Уж кто бы говорил**.*

– В смысле? – Юрка посмотрел на сестру.

– У тебя же идеология, – насмешливо улыбнулась Женька. – Все должны быть одинаковые.

б. – Не се коси – издуха цигарения дим Юрка. – Всякакви хора има. Женка се нацупи.

*– **Кой го казва само**.*

– Тоест? – Юрка я изгледа втренчено.

– Според твоята идеология – подигравателно рече Женка – всички трябва да сме еднакви.

Этот вариант перевода соответствует коммуникативной стратегии иронии, отраженной в ремарке *насмешливо улыбнулась* к следующему речевому ходу, объясняющему мотивацию высказывания *Уж кто бы говорил*. Ввиду того, что исходная фраза является косвенным обвинением в лицемерии, можно предложить и другие эквиваленты в форме иронического вопроса к собеседнику: *Точно ти ли го казваш?* или *Точно ти ли намери да го кажеш?*

2. Перевод посредством семантического эквивалента с добавлением

Как известно, при передаче русских эллиптических конструкций на болгарский язык часто производится добавление подразумевающегося лексического компонента. В следующем диалоге такой трансформации подвергнута метакоммуникативная реплика *Ты что, серьезно, что ли?*

Дима объясняет своему шурину Степану, что ему нужна крупная сумма для очень выгодной сделки. Вполне резонно Степан задает вопрос, где взять такие деньги.

(19) *р.– Так о чем я и говорю, – натянуто засмеялся Димка. – Нужно заложить наши квартиры. Вот я свою, например, заложил.*

Степан даже уронил сигарету.

– Ты что, серьезно, что ли?

– Ну, конечно, – заторопился Димка. – Все просто!

б. – Точно това ти обяснявам – Димка се изсмя пресилено. – Ще ипотекираме жилищата си. Аз например ипотекирах моето.

Степан изтърва цигарата си.

– ***Ти сериозно ли говориш?***

– Разбира се – отвърна Димка. – Толкова е лесно!

Формула *Ты что, серьезно?* выражает сомнение в правдивости слов собеседника (ср. близкие по значению разг. *Ты что, шутишь?* и жарг. *Ты что, гонишь?*). Она служит призывом к собеседнику подтвердить истинность сказанного, поэтому предполагает ответ (в отличие от таких восклицаний неверия, как *Да ладно!*). Ориентируясь на эту дискурсивную особенность, переводчик добавил недостающий глагол *говориш*. Заметим, что воспроизведение эллиптической конструкции *Ти сериозно ли*? было бы менее удачным, так как в болгарской речи она функционирует как спонтанная реакция на неприемлемое высказывание, и ответ на нее не предусматривается.

Перевод посредством семантического эквивалента далеко не всегда возможен, так как большинство устойчивых реплик диалога характеризуются языковой спецификой. В анализируемом текстовом материале широко представлены болгарские соответствия, чья внутренняя форма не совпадает с исходной.

3. Перевод посредством функционального аналога

Рассмотрим фрагменты диалога, в которых русская формула передана сходной по прагматической функции болгарской формулой с иным компонентным составом.

Переводчик столкнулся с трудностью транслирования метакоммуникативной формулы *Да погоди ты,* выражающей интенцию героини прервать речь мужа и несущей эмотивный заряд сильного раздражения. Диалог происходит в аэропорту, у выхода для встречающих.

(20) *р. Мария нервно скользила взглядом по лицам прилетевших пассажиров, выискивая Димку.*

– Ну что ты волнуешься? – сказал Тетерин. – Он сам нас заметит.

– ***Да погоди ты****, – огрызнулась она.*

б. Нервният поглед на Мария скачаше по лицата на пътниците.

– Какво се тревожиш?! – успокои я Тетерин. – Той пръв ще ни види.

– Я стига! *– озъби се тя.*

Интерпретация актуального значения исходной реплики как ‘прекрати, ты мне мешаешь’ дает основание переводчику использовать дискурсивную формулу. в которой наречию *стига* (рус. *хватит*, *перестань*) предшествует интенсификатор – частица *я*. Эта частица не только усиливает побуждение, но придает ему резкую тональность. Принимая во внимание авторскую ремарку *огрызнулась она,* можно заключить, что прагматический заряд исходной формулы находит адекватное отражение в стереотипной реплике *Я стига!*

Важной характеристикой русских дискурсивных формул является импульсивность и повышенная экспрессивность.

В специализированном словаре устойчивых выражений разговорной речи представлено значение формулы *Да ладно тебе*, которое относит ее к средствам метакоммуникации: «3. Служит для прерывания речи собеседника» (Колосько и др. 2013: 30). В таком употреблении эта формула представлена в следующем диалоге.

(21) *р. – Я испугался? Ты чего, совсем?*

*– **Да ладно тебе**, – махнула рукой Женька. – У всех свои заморочки. Признайся, что твои нисколько не лучше моих.*

б. – Аз да съм се изплашил? Ти съвсем си превъртяла!

*– **Я стига!** – махна с ръка Женка. – Всеки си има слабо място. Признай си, че твоето не е по-добро от моето.*

Русская реплика, направленная на пресечение речевых действий собеседника, не несет напряженности, а выражает известное отстранение с оттенком пренебрежения. Об этом свидетельствует и жест (*махнула рукой*), сопровождающий осуществляемую посредством *Да ладно тебе* девалоризацию[3] реплики-стимула. Болгарская формула *Я стига!* снова оказалась подходящим аналогом исходной метакоммуникативной формулы, так как она принадлежит к числу наиболее частотных реплик, служащих для коррекции линии речевого поведения собеседника.

Приведем и другой пример небуквального перевода формулы метакоммуникативного характера.

(22) *р. – Я говорю, плащ старый, – поторопился объяснить он. – Да и я, в общем, тоже…*

– Другой купи.

Тетерин вздохнул:

– Дорого.

[3] Вслед за Е. А. Гришиной, мы понимаем девалоризацию как «разновидность глубинного отрицания» (Гришина 2017: 448).

Женька отвернулась к окну и, закрывая глаза, негромко сказала:

*– **Вот так всегда**.*

б. – Искам да кажа, че шлиферът е стар – обясни той припряно. – А и аз май също…

– Купи си нов.

– Скъпи са.

Женка се извърна към прозореца, затвори очи и каза тихо:

– Все едно и също.

Разговорная реплика *Вот так всегда* выражает недовольство тем, что определенные досадные события повторяются регулярно. В данном контексте формула приобретает метакоммуникативную функцию – посредством нее героиня сигнализирует о том, что, разговор с отцом снова развивается по знакомому, негативному (с ее точки зрения) сценарию. Использованный переводчиком функциональный аналог также имеет универсальный характер – он способен служить комментарием любых действий (как речевых, так и неречевых). Учитывая статусно-ролевые характеристики коммуникантов, можно считать, что формула *Все едно и също* адекватно передает все эмоционально-оценочные нюансы смысла исходной формулы, посредством которой девушка критикует речевое поведение своего отца.

3. Лексический перевод

Дискурсивная формула *Я в курсе* употребляется для указания на осведомленность говорящего о предмете разговора и, соответственно, на отсутствие необходимости дальнейшего предоставления информации. В диалогическом единстве (23) эту стереотипную реплику-реакцию произносит юноша, разговаривающий с матерью. Он просит ее дать ему взаймы деньги на видеокамеру, а она заявляет, что цена такой аппаратуры слишком высокая.

(23) *р. – Так она ж дорогая.*

*– **Я в курсе**, – пожал плечами Юрка. – Потому и прошу. Я просто не успеваю. Мне быстро надо.*

б. – Доста е скъпа.

*– **Знам**. Затова търся назаем. Закъснявам. Трябват ми спешно.*

В болгарском языке существует семантический эквивалент русской фразы – *В течение съм*. Это выражение, однако, характерно для официально-делового стиля коммуникации, поэтому, принимая во внимание статус и межличностные отношения собеседников, переводчик выбрал лексический способ передачи исходного значения – гла-

гольную форму 1 л. ед. ч. *знам*. Данный вариант перевода передает метакоммуникативный смысл оригинала без потерь и вместе с тем не нарушает естественное звучание речи персонажа.

Проведенный анализ показал, что учет речевой тональности, релевантных параметров коммуникативной ситуации и узуса болгарского языка играет ключевую роль при оценке уместности того или иного способа перевода прагматических маркеров и стереотипных реплик метакоммуникативного характера. На выбор переводного соответствия существенное влияние оказывает также информация о типе реализуемого РА и о его иллокутивной связи с соседними репликами диалога.

Зарегистрированное разнообразие подходов к передаче русских единиц диалога на болгарский язык дает нам основание считать, что их более широкое изучение на материале множества художественных текстов позволит выявить значимые закономерности и механизмы достижения смысловой и функциональной эквивалентности диалогической речи в оригинале и переводе.

Литература

Гришина 2017: Гришина, Е. А. *Русская жестикуляция с лингвистической точки зрения (корпусные исследования)*. [Grishina, E. A. Russkaya zhestikulyatsiya s lingvisticheskoj tochki zreniya (korpusnye issledovaniya).] Москва: Языки русской культуры, 2017.

Кобозева и Захаров 1998: Кобозева, И. М., Захаров, Л. М. О скрытой и смещенной вопросительности. [Kobozeva, I. M., Zaharov, L. M. O skrytoj i smeshhennoj voprositel'nosti.] // *Труды международного семинара Диалог'98 по компьютерной лингвистике и ее приложениям*. Казань: «Хэтер», 1998, 223 – 227.

Колосько и др. 2013: Колосько, Е. В., Попкова, Е. Д., Федотова, Н. С. *Учебный словарь устойчивых выражений русской разговорной речи.* [Kolos'ko, E. V., Popkova, E. D., Fedotova N. S. Uchebnyj slovar' ustoychivyh vyrazhenij russkoj razgovornoj rechi.] СПбг: РГПУ им. Герцена, 2013.

Лазарова 2014: Лазарова, А. Само ние ли говорим на бе? За семантиката и функциите на някои частици в балканските езици. [Lazarova, A. Samo nie li govorim na be? Za semantikata i funktsiite na nyakoi chastitsi v balkanskite ezitsi.] // *Български език*, 61 (2014),

№ 3. София: Издателство на Българската академия на науките (БАН) „Проф. Марин Дринов“, 90 – 101.

Морковкин и др. 2003: Морковкин, В. В., Луцкая, Н. М., Богачева, Г. Ф. и др. *Объяснительный словарь русского языка. Структурные слова*. [Morkovkin, V. V., Lutskaya, N. M., Bogacheva, G. F. et al. Ob’’yasnitel’nyj slovar’ russkogo yazyka. Strukturnye slova.] Москва: Аст – Астрель, 2003.

РБЕ 2002–2015: *Речник на българския език*, т. 1 – 15. [Rechnik na balgarskiya ezik, t. 1 – 15.] София: Изд-во „Проф. Марин Дринов“, 2002 – 2015. <https://ibl.bas.bg/rbe > (12.10.2025).

Стефчева 2020: Стефчева, Р. Така да се каже или както се казва и проблемът за избора на езиковите ресурси. (Върху материал от българския и сръбския език). [Stefcheva, R. Taka da se kazhe ili kakto se kazva i problemat za izbora na ezikovite resursi. (Varhu material ot balgarskiya i srabskiya ezik).] // *Съпоставително езикознание*, № 3. София: Университетско издателство „Св. Климент Охридски“, 2020, 48 – 65.

Тишева 2020: Тишева, Й. Граматикализация и прагматикализация. [Tisheva, Yo. Gramatikalizatsiya i pragmatikalizatsiya.] // *Научни трудове на Пловдивския университет*. Филология, том 58, кн. 1, сб. А. Пловдив: УИ „Паисий Хилендарски“, 2020, 273 – 283.

ПЛОВДИВСКИ УНИВЕРСИТЕТ „ПАИСИЙ ХИЛЕНДАРСКИ“ – БЪЛГАРИЯ
НАУЧНИ ТРУДОВЕ, ТОМ 63, КН. 1, СБ. Б, 2025 – ФИЛОЛОГИЯ,
PAISII HILENDARSKI UNIVERSITY OF PLOVDIV – BULGARIA
RESEARCH PAPERS, VOL. 63, BOOK 1, PART B, 2025 – LANGUAGES AND LITERATURE

DOI 10.69085/ntf2026b062

РЕЧЕВЫЕ ФОРМЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ВЕЖЛИВОСТИ: ПЕРЕВОД НАИМЕНОВАНИЙ ГЛАВ ГОСУДАРСТВ И ПРАВИТЕЛЬСТВ И ОБРАЩЕНИЙ К ВЫСШИМ ДОЛЖНОСТНЫМ ЛИЦАМ

Марианна Конова
Софийский университет им. Св. Климента Охридского

SPEECH FORMS OF INTERNATIONAL POLITENESS: TRANSLATION OF NAMES OF HEADS OF STATE AND GOVERNMENT AND ADDRESSES TO SENIOR OFFICIALS

Marianna Konova
St. Kliment Ohridski University of Sofia

marianna_konova@slav.uni-sofia.bg

Translation in the field of international relations and diplomacy – written or oral – is a very important issue. On the one hand, it requires observing formality limits and avoiding ambiguity, on the other – following the diplomatic etiquette and the international courtesy rules. The article examines the issue of titles translation, i.e. heads of state and government, as well as translation of the forms of addresses as adopted in the system of international relations. Special emphasis is placed on the distinction between addresses and address-titles and their translation.

Key words: international courtesy, diplomatic etiquette, title, address, address-title

Перевод в сфере международных отношений и дипломатии – письменный или устный – занятие очень ответственное. С одной стороны, требуется соблюдение предельной официальности, точности и недвусмысленности, а с другой – знание дипломатического этикета и правил международной вежливости. Как отмечает Н. Б. Мечковская, «В дипломатии всякое отступление от протокольного этикета воспринимается не как изъян в воспитании или личный поведенческий

выбор, но как демонстрация неуважения к партнеру» (Мечковская 2018: 169). Эта утвержденная практика строгого соблюдения дипломатического этикета накладывает дополнительную ответственность на переводчика.

Дипломатический протокол до большой степени создан во времена монархии и несет на себе «придворно-аристократическую традицию блюсти иерархию» (Мечковская 2018: 162). Истории дипломатии известно немало примеров, когда делались попытки кодифицировать титулы и формы вежливости при обращении к монархам, представителям церкви, герцогам, маркизам, баронетам и т.п. Русский посольский приказ еще в середине XVIII века установил перечень титулов, в основу которого был положен принцип взаимного уважения. Но несмотря на тенденцию упростить этот несовременный и слишком церемониальный язык, он остается максимально кодифицированной системой международных поведенческих норм.

Ряд исследователей, в частности Л. А. Курдюкова, считает дипломатический подстиль наиболее «открытым» подстилем деловой речи, так как он «ближе других разновидностей официально-делового стиля соприкасается с политикой и публицистикой, что и обуславливает его языковое и стилистическое своеобразие» (Курдюкова 2010: 17). В этой связи Н. Б. Мечковская подмечает интересную современную тенденцию: с одной стороны, в современном мире нарастает роль «дипломатии по телевизору», т.е. все чаще слышим высказывания политиков, которые далеко не всегда владеют характерным для дипломатии кодифицированным языком, а, с другой, письменная дипломатия остается уделом дипломатов, которые продолжают блюсти кодифицированные нормы дипломатического языка (Мечковская 2018: 163).

Сделаем уточнение: в данной работе мы не будем останавливаться ни на дипломатических ошибках в результате «дипломатии по телевизору», ни на переводческих ошибках. *Цель* данной статьи – рассмотреть вопросы перевода титулов (наименований глав государств и правительств), а также перевод принятых в системе международных отношений обращений к высшим государственным лицам **на уровне кодифицированных дипломатических норм**, так как данный вопрос недостаточно изучен лингвистами.

Вопрос кодифицирования титулов и обращений в мире дипломатии разрабатывается прежде всего специалистами в области государственного и дипломатического протокола и церемониала. Среди современных болгарских работ можно упомянуть фундаментальные труды Йордана Кожухарова, Димитра Романова, Еленко Андреева,

среди современных российских работ труды Анатолия Борункова, Федора Молочкова, Владимира Улаховича, А. В. Алепко.

Для целей настоящей статьи наибольшей интерес представляет труд американского и французского дипломатов Джона Вуда и Жана Серре «Дипломатический церемониал и протокол». Это серьезное монографическое исследование, посвященное дипломатическому церемониалу и протоколу, в котором можно найти перечисление как титулов, так и обращений.

Интерес представляет также практическое пособие нидерландского специалиста в области государственного протокола Генриха де Грута «Дипломатически протокол и етикет», а также пособие А. К. Перевозниковой «Русский язык для дипломатов». Оба пособия касаются вопроса титулов и обращений действующих в современной дипломатии лиц. Что особенно полезно для нас, в первом переведенном на болгарский язык пособии встречаем титулы и обращения на болгарском, а во втором на русском языке.

Однако, все вышеперечисленные труды хотя и рассматривают вопросы кодификации титулов и обращений, не касаются вопроса их перевода.

Теме именно перевода обращений посвящена глава книги Влахова и Флорина «Непереводимое в переводе» (Влахов 2012: 263 – 276), а также статьи Герганы Костадиновой «За превода на някои руски обръщения на български език» (Костадинова 1987) и Силвии Петковой «К проблеме перевода русских разговорных обращений на болгарский язык» (Петкова 2024). Однако вышеупомянутых исследователей интересует перевод обращений в художественной литературе. Влахов и Флорин относятся к обращениям как к реалиям, носителям определенной культуры, и именно в этом ракурсе рассматривают их перевод. Г. Костадинова прослеживает роль обращений как носителей определенных эмоций в художественной литературе и способы их перевода. С. Петкова исследует перевод разговорных обращений к лицам женского пола в зависимости от возрастных характеристик и родственных отношений. Однако отсутствуют специализированные работы, посвященные переводу титулов и обращений в сфере дипломатии и международных отношений.

Профессиональный переводчик в мире международных отношений и дипломатии при переводе обращений не ищет баланса между передачей культурной идентичности и понятностью, а должен точно знать и ни в коем случае не перепутать принятый согласно дипломатическому протоколу перевод. Тут переводчик не соавтор, не твор-

ческий интерпретатор переводимого титула или обращения, а специалист, хорошо знающий не только языки, но и дипломатический протокол. Можно подытожить, что современный переводчик должен балансировать между необходимостью при переводе не нарушить сохранившуюся со времен монархии строгую иерархичность дипломатического мира, а, с другой, «сглаживать» некие ошибки высших государственных и политических лиц, вещающих современную политику в результате «дипломатии по телевизору».

Как было отмечено выше, *цель* данной статьи сугубо прагматическая – проследить принятый согласно дипломатическому протоколу перевод а) титулов, б) обращений и титулов-обращений, в) адрес-титулов при обозначении адресата в дипломатической корреспонденции с русского на болгарский и с болгарского на русский язык. *Задача* – найти точный общепринятый перевод самых популярных титулов государственных глав, обращений к ним и титулов-обращений. Соответственно поставленным цели и задаче, *основными научными методами*, использованными в статье стали синтез и систематизация. *Актуальность* данной статьи в том, что собранная по крупицам из разных источников (научных трудов по дипломатии и по переводу, практических пособий по дипломатическому церемониалу и протоколу, а также из учебных пособий) информация систематизирована в единой системе.

1. Перевод титулов и должностей

Как справедливо отмечает Ф. П. Сергеев: «В сфере дипломатических сношений немаловажен вопрос о титуле» (Сергеев 1984: 107).

При переводе титула на другой язык важно учитывать, что некоторые титулы могут иметь прямое соответствие в разных языках, а некоторые – нет. И если в художественных произведениях, когда речь идёт о титулах персонажей, иногда можно использовать дословный перевод, чтобы подчеркнуть историческую атмосферу, а иногда – более свободный перевод, чтобы сделать текст более доступным для современного читателя, то, как было отмечено выше, в мире дипломатических и международных отношений важно не сохранение национального колорита, а предельная ясность политических обязательств и прав личности, носящей определенный титул. Тем более, что в мире дипломатических отношений принято общение на равнопоставленном уровне, т.е. каждый общается со своим визави: президент с президентом, а премьер-министр с премьер-министром. Поэтому при расхож-

дении наименования титула в разных языках очень важно, как титул будет переведен.

Возможны следующие способы перевода:

- дословный перевод;
- звукобуквенная передача;
- калькирование;
- передача однозначным титулом, воспринятым в другой политической системе;
- описательный перевод;
- преобразующий перевод.

Необходимо уточнить, что если говорить о современных участниках международных отношений со стороны Болгарии и России, следует говорить скорее не о титулах, а о должностях. Титул и должность – это разные понятия, хотя иногда они могут пересекаться. Титул – это формальное звание, указывающее на социальное положение, заслуги или наследственное положение (например, граф, герцог). Должность – это служебное положение (например, президент и председатель правительства). Хотя ряд исследователей не прослеживают разграничений между титулами и должностями в мире дипломатических отношений.

Главы государств. Во многих странах это *президент*, в ряде стран – это монарх: *король* в Великобритании, Дании, Швеции, Бельгии и др., *князь* в Монако, *великий герцог* в Люксембурге, *эмир* в Бахрейне, *султан* в Омане и Брунее.

Перевод всех этих титулов и должностей с русского на болгарский не создаст проблем. Надо только учесть, что в российских официальных документах, в отличии от болгарских, должности в значении «глава государства» пишутся с прописной буквы.

Как и главы государств, главы правительств в различных странах именуются по-разному.

Важной особенностью официальных титулов и должностей, с одной стороны, является их статичность (став титулом, то или иное этническое или географическое понятие сохранялось долго), а с другой, возможность изменения сообразно меняющейся политической обстановке, что приводит и к изменениям в кодифицированной системе перевода титулов и должностей.

Например, в таком авторитетном источнике, как Дипломатический словарь 1971 г., находим следующие наименования глав правительств (Громыко, ред. 1971: 409):

СССР, Болгария, Венгрия, ГДР, Италия и др.	Председатель совета министров
Англия, Франция, Индия, Япония и др.	Премьер-министр
Австрия, ФРГ	Федеральный канцлер
Швеция, Норвегия	Государственный министр
США, Мексика, Чили и др. президентские республики	Пост главы правительства объединен с постом главы государства, так что главой правительства является Президент республики

Новая политическая система в бывших социалистических странах привела к новым должностям. Рассмотрим перевод должности главы правительства Болгарии. С 1879 по 1991 г. – *председател на Министерския съвет*. Именно этот титул переведен в вышеуказанной таблице как *Председатель совета министров.* Но с 1991 г. титул главы правительства Болгарии *министър-председател на Република България*. Как же его перевести на русский язык:

- перевести однозначной должностью в современной России *Председатель правительства*;
- сделать перевод кальку: *Министр-председатель (по примеру перевода немецкого Канцлера, традиционно сохраняющего при переводе свою национальную идентичность)*;
- перевести так, как должность именуется в более чем 80 странах мира – *Премьер-министр.*

Именно третий вариант используется на официальном сайте Правительства Болгарии www.gov.bg, причем титул *министър-председател* и титул *премиер* используюся как синонимы.

Посмотрим на примеры, взятые с российских сайтов:

Президент страны Румен Радев утвердил состав кабинета министров во главе с исполняющим обязанности ***премьера Димитаром Главчевым*** *и назначил дату досрочных выборов – седьмых по счёту всего за три года* (Euronews от 27 августа 2024 года).

На встрече с ***Премьер-министром Республики Болгарии С. Сакскобургготским*** *было отмечено, что состоявшиеся в ходе официального визита в Софию в октябре с.г. встречи и переговоры Председателя Правительства Российской Федерации М. Е. Фрадкова*

позволили провести детальный анализ состояния дел в торгово-экономической сфере (Сайт МИД РФ от 07.12.2004 г.).

Соответственно, **заместник министър-председател** переводится как **вице-премьер:**

5 марта премьер-министр Николай Денков подал прошение об отставке, которое было единогласно одобрено на следующий день. Новое правительство должна была возглавить ***вице-премьер Мария Габриэль*** (ТАСС от 5 апреля 2024 года)

Теперь проследим упоминание российских должностей и титулов в болгарской прессе:

Михаил Мишустин е назначен за ***премиер*** *на Русия. Руският президент Владимир* Путин днес назначи Михаил Мишустин за **министър-председател***, след като номинацията му беше гласувана от долната камара на парламента – Държавната дума. Мишустин заема поста* ***министър-председател*** *на Руската федерация за втори път* (БНТ, 10 май 2024 г.).

Държавно устройство на Русия: ***Министър-председателят*** *е главата на правителството. Правителството включва* ***министър-председателя****, неговите заместници, министри и избрани други лица; всички се назначават от президента по препоръка на* ***министър-председателя*** (Alle.bg).

Официално посещение на ***Председателя на правителството*** *на Руската федерация Дмитрий Медведев в България – 4 – 5 март 2019 г.* (сайт на МВнР).

Кой е Михаил Мишустин – новият стар ***премиер на Русия****? Руският президент Владимир Путин внесе в долната камара на руския парламент – Държавната дума, кандидатурата за* ***министър-председател*** *на сегашния* ***премиер*** *на страната Михаил Мишустин, предаде БТА, позовавайки се на Ройтерс. „Президентът Владимир Владимирович Путин внесе в Държавната дума заявка по кандидатурата на Михаил Владимирович Мишустин на длъжността* ***председател на правителството****“, написа председателят на Думата Вячеслав Володин в своя канал в приложението „Телеграм“* (investor.bg, 10 май 2024 г.).

Даже если остановиться только на последней цитате из investor.bg, то увидим, что должность Председателя правительства Российской Федерации переведена тремя способами:

- наиболее частотный вариант: перевод названием аналогичной болгарской должности: министр-председател;
- перевод-калька: Председатель правительства;
- как должность **именуется в более чем 80 странах мира – *Премьер-министр.***

Подытожим в табличном виде:

Перевод титулов высших должностных лиц с болгарского на русский язык	
Президент на Република България Вицепрезидент	Президент Республики Болгарии Вице-президент
Министър-председател Заместник министър-председател	Премьер-министр, Премьер Вице-премьер

Перевод титулов высших должностных лиц с русского на болгарский язык	
Президент Российской Федерации	Президент на Руската федерация
Председатель правительства	Председател на правителството Министър-председател Премиер

При переводе должности *министър-председател / председатель правительства* с болгарского на русский воспринят вариант перевода западным аналогом: Премьер-министр (Премьер), использованный и самими болгарами как синоним должности. В переводе с русского на болгарский использовано 3 варианта: перевод-калька, болгарская должность, западный вариант в краткой форме.

На наш взгляд, перевод должности зависит от адресата перевода. Для неподготовленной аудитории можно для ясности перевести должность соответствующим названием должности в стране, в случае *министър-председател*, чтобы адресат перевода не углублялся в политическую систему страны. Но для участников международных отношений, наиболее корректным является перевод-калька: *председател на правителството*, т.к. название должности несет в себе не только культурную идентичность, но и особенности политического устройства страны. Именно таким образом и сделан перевод должности на сайте МИД РБ.

От вопроса перевода титулов и должностей, перейдем к переводу обращений, чтобы понять, как обращаться к лицам, занимающим определенные должности.

2. Перевод обращений и адрес-титулов

Как отмечает Гергана Костадинова: «Лингвисты приблизительно одинаково определяют сущность понятия «обращение» – это слово, обозначающее лицо или предмет, к которому мы обращаемся в своем высказывании» (Костадинова 1987: 120).

Обращения являются характерными элементами речевого этикета, доставляющие немало неприятностей любому переводчику.

В своем исследовании «Непереводимое в переводе» Влахов и Флорин выделяют следующие типы обращений (Влахов, 2012: 263):

- обычной вежливости: *товарищ, молодой человек, девушка, мадам, мистер, сэр, синьор, мейн герр;*
- в зависимости от общественного и социального положения: *товарищ водитель, старшина, доктор, господин генерал, ваше преосвященство, паша эфенди, маэстро, герр генерал-музикдиректор, пане, граф;*
- в зависимости от родственных и других близких отношений: *мама, матушка, папа, кузина, тате, бате, тезка, земляк, тит, auntie, maman;*
- узуальные обороты: *сударь, товарищ X, господин Y, dear sir, cher ami, geehrter Herr, messieurs;*
- в зависимости от эмоционально-экспрессивного содержания: *дорогой, голубчик, уважаемая, дружище, джанам, кызым, chéri, darling, damme Gans;*
- оклики, окрики и обращения к животным*: алло, гей, киска, pussy.*

Многие исследователи (Л. И. Шаповалова, Р. М. Гайсина, А. И. Останин) выделяют два вида обращений (специализированные и неспециализированные), неодинаково очерчивая признаки и границы этих двух групп.

Опираясь на работы Гака, Литвинова, Черемисиной, Андреевой, Копыленко, Лошманова, В. Е. Гольдин подразделяет обращения на (Гольдин 2009, 92):

1) адресующие (*водитель, Иван Иванович, мама, инженер, пешеход, лакомка, трус, мудрец);*

2) регулятивы (*старина, голубчик, сударь, браток, дружище, товарищ*).

Исследуя обращения в мире дипломатии, самой удачной нам кажется вышеуказанная классификация Гольдина, т.к. обращения в сфере международных отношениях являются регулятивами.

Что для них характерно?

Для Гольдина это слова, которые выражают представления субъектов речи о «распределении социальных ролей в конкретных ситуациях общения и побуждающие адресатов к общению в определенной тональности. <…> Используя регулятивы, говорящий активно воздействует на складывающуюся ситуацию, на то или иное распределение ролей. <…> В регулятивах закрепляется общий социальный опыт коммуникантов, без которого активное социальное взаимодействие невозможно», «Кто может использовать данное обозначение, в отношении к кому, когда – это и есть значение регулятивов» (Гольдин 2009, 93 – 94).

Трудности перевода обращений в художественной литературе вызваны прежде всего наличием экстралингвистической информации:

- они насыщены национальным колоритом;
- часто отражают социальное положение говорящих;
- выражают особые интенции (уважение, фамильярность, панибратство) или указывают на хорошее или плохое воспитание;
- насыщены эмоциями.

В мире дипломатии, для которого характерен деловой стиль общения, обращения-регулятивы несут частично схожую, но и отличную экстралингвистическую информацию:

- они всегда отражают общественное положение говорящих;
- их основная интенция – выражение подчеркнутого уважения.

Уже было подчеркнуто, что в мире дипломатии действует негласное правило международной вежливости. Под международной вежливостью понимаются «правила, которые, не будучи юридически обязательными, применяются в международной практике вследствие их практического удобства на началах взаимности или по желанию применяющего государства» (Дипломатический словарь 1971: Т. 1, 282). Любое отклонение от нормы является знаком подчеркнутого неуважения[1].

[1] Показательные примеры такого отклонения от нормы приведены в статье Мечковской (Мечковская 2018). Ей принадлежит меткое наблюдение, что „Бесцеремонность в международных отношениях воспринимается миром или как само-

Как отмечает Перевозникова, протокольные формы вежливости включают в себя:

- обращение к лицу, которому адресован документ;
- вступительный и заключительный комплименты (Перевозникова 2021: 89).

Вступительный и заключительный комплименты характерны для дипломатической корреспонденции[2]. Что же касается обращений, которые в мире дипломатии и международных отношений характерны как для корреспонденции, так и для устного общения, то мы считаем, что важно различать обращения и адрес-титулы.

Не все исследователи проводят разницу между обращениями и адресами-титулами, но мы, вслед за Дж. Вудом и Ж. Серре считаем эту разницу значимой и важной для мира дипломатии.

Обращение – это официальный титул адресата: *Уважаемый господин Президент, Уважаемый господин Министр.* Адрес-титул – это почетный титул адресата: *Ваше Превосходительство.*

В мире дипломатии нормой является как обращение, так и адрес-обращение.

Рассмотрим сперва обращения. Как отмечают Влахов и Флорин, если в художественной литературе обращения при переводе лучше транслитерировать (с немецкого: *Frau – фрау,* с английского*: Sir – сер, Mister – мистер, Mrs – миссис* и т.д.), то в дипломатических документах и газетных сообщениях данные обращения переводятся как „господин“ и „госпожа“, например *Mrs Roosevelt – „госпожа Рузвельт“* (Влахов, 2012: 264 – 265).

Приведем примеры:

Пресс-конференция Премьер-министра Бойко Борисова и Президента Владимира Путина в Москве 30 мая 2018 г.:

Владимир Путин: «***Уважаемый господин Премьер-министр****, дамы и господа, только что завершились наши переговоры с Премьер-министром Болгарии Бойко Борисовым».*

Бойко Борисов*:* „***Господин президент****, уважаеми министри, шефове на дружества, мисля, че водихме много полезен и прагматичен разговор*“

(https://www.youtube.com/watch?v=cKfTle3u6Tg).

дурство и хамство, или как демонстрация силы („может себе позволить“) и претензия на особое место в иерархии мировых лидеров“ (Мечковская 2018: 164).

[2] См. Конова 2018.

Встреча Президента Республики Болгарии Румена Радева и Президента Российской Федерации Владимира Путина в Санкт-Петербурге 6 июня 2019 г.:

Владимир Путин*: «**Уважемый господин Президент**, уважаемые коллеги, позвольте мне вас всех поприветствовать в Санкт-Петербурге. Господин Президент, мне очень приятно вновь встретиться с Вами»*

Румен Радев*: „Нашата втора среща, **господин президент**, за такъв кратък период е ясен сигнал за новата динамика в нашите двустранни отношения*“

(https://www.facebook.com/watch/?v=660141127742653).

Как видим, болгарский премьер использует обращение *господин* только по отношению к президенту, чтобы подчеркнуть особое уважение к лицу, занимающему данную должность.

Намного труднее переводчику не ошибиться в адрес-обращениях, которые и являются истинными регулятивами, т.к. напрямую зависят от титула и занимаемой должности.

Перечень установленных обращений и адрес-титулов можно найти в нескольких трудах, посвященных дипломатическому церемониалу и протоколу.

Вот что находим в учебном пособии А. К. Перевозниковой «Русский язык для дипломатов» (Перевозникова 2021: 105):

Титулы и титулование в дипломатической переписке

Титул, должность	**Форма обращения на русском языке**
Король Султан Эмир	Ваше Величество
Наследный принц Великий герцог Шейх	Ваше Высочество
Герцог Князь Граф Маркиз	Ваша Светлость или Ваше Сиятельство

Президент Премьер-министр Глава парламента Глава палаты парламента Министр Посол Посланник Сенатор Губернатор	Ваше Превосходительство
Папа Римский Патриарх поместной православной церкви	Ваше Святейшество
Митрополит Кардинал Нунций Интернунций	Ваше Высокопреосвященство

Как и многие исследователи, Перевозникова не разграничивает обращения и адрес-титулы, но от этого приведенная выше таблица не теряет своей ценности и информативности.

Чтобы наглядно объяснить всю сложность титулования и обращений в мире дипломатии, приведем здесь систему подачи материала в труде Вуда и Серре «Дипломатический церемониал и протокол» (Вуд, Серре 1976: 210 – 241). Следует уточнить, что авторы рассматривают систему титулования и обращений в трех странах: Соединенные Штаты Америки, Соединенное Королевство, Французская Республика, останавливаясь как на общих чертах, так и на отличиях.

Формы адрес-титулов представлены по рубрикам:

Формы адрес-титулов в официальной переписке:

- между монархами;
- между монархами и президентами республик;
- с президентами республик;
- между министрами иностранных дел и дипломатическими представительствами;
- между министрами иностранных дел и дипломатическими представительствами, находящимися за границей – дан свод правил и принятых обращений по странам;
- между иностранными дипломатическими представительствами и правительством страны пребывания;

– с высокопоставленными духовными особами – рассмотрены обращения у католиков, православных, в англиканской церкви, у протестантов, в иудейской церкви, у мусульман и мальтийского ордена.

В том же пособии отдельно рассмотрены обращения к мужчинам и женщинам, занимающие данные должности.

Формы адрес-титулов в полуофициальной (неофициальной) переписке

Формы обращений и адрес-титулов в частной переписке:

– Соединенные Штаты – отмечено, что обращение совпадает с английскими;
– Соединенное Королевство – приведены официальные и неофициальные обращения к герцогам, маркизам, баронетам, сэрам и их супругам, членам парламента, лордам-мэрам и мэрам и к другим лицам, к вдовам и дамам, состоящим в разводе, к коммерсантам.
– Франция – обращения к мужчинам и дамам.

Все формы обращений и адрес-титулов даны на 30-и страницах.

Чтобы дополнить картину насколько нелегко переводчику усвоить и запомнить все титулы и их перевод, приведем и примеры из исследования Борункова:

- В 1984 г. главой Малайзии был султан Искандер. Его полный адрес-титул звучал так: «Его Величество Султан Азлан Шах, Верховный глава Малайзии, Аконг Малайзии»;
- Официальный адрес-титул бывшего главы государства Заир: «Его Превосходительство маршал Мобуту Сесе Секо Куку Нгебенду Ва За Банга, Президент Республики Заир, Председатель Исполнительного Совета, Председатель – основатель Народного движения».
- Адрес-титул главы государства и правительства Брунея звучал так: «Его Величество Султан Сэр Муда Хасса-нал Болкиах Муиззадин Ваддаулах Султан и Глава государства, Премьер-министр Брунея-Даруссалам» (Борунков 2005).

Так как обращения и титулы-обращения являются регулятивами, т.е. указывают на титул и занимаемую должность, а именно на служебную иерархию и одновременно с этим являются частью обязательной в дипломатии международной вежливости, переводчик должен в совершенстве владеть тонкостью их перевода.

3. Перевод обращений и адрес-титулов при обозначении адресата в дипломатической корреспонденции

Важно уточнить, что обращения и адрес-титулы имеют две формы: прямое обращении к лицу и называние адресата в дипломатической корреспонденции.

Относительно обращений в дипломатической корреспонденции к адресату, Вуд и Серре подмечают: «Слова „*Господин и Госпожа*“ всегда сокращаются до „г-н“ и „г-жа“. Они никогда не употребляются самостоятельно, без фамилии. С другой стороны, такие названия и титулы, как *генерал, полковник, профессор* или *президент*, предпочтительно писать полностью, особенно на конверте письма» (Вуд, Серре 1976: 240).

Относительно перевода адрес-титула адресата, надо отметить что происходят изменения, которые наглядно прослежены в переведенном на болгарский язык пособии нидерландского специалиста в области государственного протокола Генриха де Грута (Грут 2012: 23). Таблица содержит три колонки, которые автор обозначил как ***Должность, Разговор и Приглашение***, а мы бы обозначили как употребление адрес-титула, соответственно в устном разговоре и при обозначении адресата в дипломатической переписке.

Държавен глава	**Разговор**	**Покана**
Крал/Кралица	Ваше Величество	Нейно Величество Кралицата на Дания
Президент (ЕС)	Ваше Превъзходителство	Негово превъзходителство Президентът на Франция
Президент (САЩ)	Господин Президент	Президентът на Съединените американски щати
Султан/Принц	Ваше Височество	Негово Височество Султанът на Оман
ООН Генерален секретар	Г-н Генерален секретар	Н. Пр. Генерален секретар на ООН

Министър-председатели	**Разговор**	**Покана**
– ЕС	Ваше Превъзходителство	Негово Превъзходителство Министър-председател на Италия
– МП Великобритания	Г-н Министър-председател	Ваше Превъзходителство Министър председател на Великобритания
– МП Германия	Г-жо Канцлер	Канцлерът на Федерална Република Германия

Длъжност	**Разговор**	**Покана**
Министър	Ваше превъзходителство г-н Министър	Н. Пр. Министърът на правосъдието на Япония
Посланик	Ваше превъзходителство г-н Посланик	Н. Пр. Посланикът на Того
Сенатор	Г-н Доу	(Н. Пр.) г-н Джон Доу, сенатор
Член на парламента	Г-жа Доу	(Н. Пр.) г-жа Джейн Доу, член на парламента (депутат).

Как видим в адрес-титуле местоимение *Ваше* при обозначении адресата меняется на *Его/Ее*, существующее и в сокращенной форме.

Титул	**Адрес-титул**	**На русском языке**	**На болгарском языке**
Президент Премьер-министр Глава парламента Глава палаты парламента Министр Посол Посланник Сенатор Губернатор	Адрес-титул при обращении	Ваше Превосходительство	Ваше Превъзходителство
	Адрес-титул адресата	Его/Ее Превосходи-тельство	Негово/Нейно Превъзходи-телство
	Сокращенный адрес-титул адресата	Е. П.	Н. Пр.

Как выражение особого уважения, при обозначении адресата в кореспонденции часто употребляется и обращение, и адрес-титул:

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ
ГОСПОДИНУ МАРКУСУ ЭДЕРГЕРУ,
ПРЕДСТАВИТЕЛЮ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ДО Н. Пр. г-н ДМИТРИЙ МЕДВЕДЕВ ПРЕДСЕДАТЕЛ НА ПРАВИТЕЛСТВОТО НА РУСКАТА ФЕДЕРАЦИЯ	Е. П. Г-НУ ДМИТРИЮ МЕДВЕДЕВУ ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ДО Н. Пр. Г-Н ВЛАДИМИР ПУТИН ПРЕЗИДЕНТ НА РУСКАТА ФЕДЕРАЦИЯ	Е. П. Г-НУ ВЛАДИМИРУ ПУТИНУ ПРЕЗИДЕНТУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

4. Сводная таблица титулования, обращений и адрес-титулов при общении и при называния адресата в дипломатической корреспонденции

Обобщим все вышесказанное в одной сводной таблице в помощь переводчику:

Титул	**Адрес-титул при обращении, адрес-титул адресата в корреспонденции – полный и сокращенный вариант**		
	Адрес-титул	**На русском языке**	**На болгарском языке**
Король Султан Эмир	Адрес-титул при обращении	Ваше Величество	Ваше Величество
	Адрес-титул адресата в полном и сокращенном варианте	Его Величество Е. В.	Негово Величество Н. В.
Наследный принц Великий герцог Шейх	Адрес-титул при обращении	Ваше Высочество	Ваше Височество
	Адрес-титул адресата в полном и сокращенном варианте	Его Высочество Е. Выс.	Негово Височество
Герцог Князь Граф Маркиз	Адрес-титул при обращении	Ваша Светлость или Ваше Сиятельство	Ваша Светлост или Ваше Сиятелство
	Адрес-титул адресата в полном и сокращенном варианте	Его Светлость / Его Сиятельство	Негова Светлост/Негово Сиятелство
Президент Премьер-министр Глава парламента Глава палаты парламента Министр Посол Посланник Сенатор Губернатор	Адрес-титул при обращении	Ваше Превосходительство	Ваше Превъзходителство
	Адрес-титул адресата в полном и сокращенном варианте	Его Превосходительсто Е. П.	Негово Превъзходителство Н. Пр.
Папа Римский Патриарх поместной православной церкви	Адрес-титул при обращении	Ваше Святейшество	Ваше Светейшество
	Адрес-титул адресата в полном и сокращенном варианте	Его Святейшество	Негово Светейшество

Митрополит Кардинал Нунций Интернунций	Адрес-титул при обращении	Ваше Преосвященство или Высокопреосвященство	Ваше Преосвещенство или Високопреосвещенство
	Адрес-титул адресата в полном и сокращенном варианте	Его Преосвященство/Его Высокопреосвященство	Негово Преосвещенство

В заключении можно сделать следующие **выводы**:

1. При переводе титулов и должностей в мире дипломатии наиболее корректным является перевод-калька, т.к. название должности несет в себе не только культурную идентичность, но и особенности политического устройства страны. Допустимы и другие варианты: перевод названием соответствующей должности в стране или в большинстве стран.
2. Следует разграничивать обращения (официальный титул адресата: *Уважаемый господин Президент, Уважаемый господин Министр.* Адрес-титул – это почетный титул адресата: *Ваше Превосходительство.* В мире дипломатии нормой является как обращение, так и адрес-обращение. Допустимо их совместное употребление в дипломатической переписке при указании адресата.
3. Обращения и адрес-титулы в мире дипломатических отношений являются регулятивами, т.е. выражают представления субъектов речи о распределении социальных ролей и побуждают адресатов к общению в определенной тональности, что должно быть точно передано переводчиком.
4. Традиции титулования и обращений создавались столетиями и их правильное использование в мире дипломатии является выражением международной вежливости, которой должны владеть как лица, принимающие участие в международных отношениях, так и переводчики. Любое отклонение от нормы является знаком подчеркнутого неуважения. Переводчик не соавтор, не творческий интерпретатор переводимого титула или обращения, а специалист, хорошо знающий не только языки, но и дипломатический протокол, т.к. ошибка переводчика может привести к печальным последствиям в отношениях между государствами.

Литература

Борунков 2005: Борунков, А. Ф. *Дипломатический протокол в России.* [Borunkov, A. F. Diplomaticheskij protokol v Rossii.] Москва: Международные отношения, 2005.

Влахов и Флорин 2012: Влахов, С. И., Флорин, С. П. *Непереводимое в переводе*. [Vlahov, S. I., Florin, S. P. Neperevodimoe v perevode.] Москва: Р. Валент, 2012.

Вуд и Серре 1976: Вуд, Д., Серре, Ж. *Дипломатический церемониал и протокол*. [Wood J., Serres J. Diplomaticheskij tseremonial i protokol.] Москва: Прогресс, 1976.

Гольдин 2009: Гольдин, В. Е. *Обращение: теоретические проблемы*. [Goldin, V. E. Obrashhenie: teoreticheskie problemy.] Москва: URSS, 2009.

Громыко, ред. 1971: Громыко, А. А., Земскова, И. Н., Хвостова, В. М. *Дипломатический словарь.* [Gromyko, A. A., Zemskova, I. N., Hvostova, V. M. Diplomaticheskij slovar'.] Под ред. А. А. Громыко, Т. 1. Москва: Издательство политической литературы, 1971.

Конова 2018: Конова, М. К. Специфика перевода дипломатических нот. [Konova, M. K. Spetsifika perevoda diplomaticheskih not.] // *Русистика 2018: Экология языка. Современная коммуникация: Материалы Международного научного симпозиума (Камчия, 26 – 29 април 2018 г.)*. Шумен: Химера, 2018, 357 – 363.

Костадинова 1978: Костадинова, Г. За превода на някои руски обръщения на български език. [Kostadinova, G. Za prevoda na nyakoi ruski obrashteniya na balgarski ezik.] // *Езикови проблеми на превода <руски език>*. Съст. Ив. Васева. София: Наука и изкуство, 1987, 120 – 134.

Курдюкова 2010: Курдюкова, Л. А. *Стилистика русского языка для PR-специалистов*. [Kurdyukova, L. A. Stilistika russkogo yazyka dlya PR-spetsialistov.] Балашиха: Де-По, 2010.

Мечковская 2018: Мечковская, Н. Б. Поведение и язык в истории международного общения: негативные и позитивные нарушения дипломатического протокола. [Mechkovskaya, N. B. Povedenie i yazyk v istorii mezhdunarodnogo obshheniya: negativnye i pozitivnye narusheniya diplomaticheskogo protokola.] // *Вежливость и антивежливость в языке и коммуникации.* Москва: РОССПЭН, 2018, 160 – 175.

Перевозникова 2021: Перевозникова, А. К. *Русский язык для дипломатов.* [Perevoznikova, A. K. Russkij yazyk dlya diplomatov.] Учебное пособие по языку специальности для иностранных учащихся B2. Москва: Русский язык. Курсы, 2021.

Петкова 2024: Петкова, С. К проблеме перевода русских разговорных обращений на болгарский язык. [Petkova, S. K probleme perevoda russkih razgovornyh obrashhenij na bolgarskij yazyk.] // *Научни трудове на ПУ „Паисий Хилендарски“, Филология, Т. 62, кн. 1, сб. Б.* Пловдив: Пловдивско университетско издателство, 2024, 23 – 39.

Сергеев 1984: Сергеев, Ф. П. *Лексика сферы международных отношений*. [Sergeev, F. P. Leksika sfery mezhdunarodnyh otnoshenij.] Киев – Одесса: Вища школа, 1984.

Грут 2012: Хруут, Х. Протоколът в действие. [Gruut, H. Protokolat v deystvie.] // *Дипломатически протокол и етикет. Нормативна база и практически примери.* София: Дипломатически институт, 2012, 7 – 66.

ПЛОВДИВСКИ УНИВЕРСИТЕТ „ПАИСИЙ ХИЛЕНДАРСКИ“ – БЪЛГАРИЯ
НАУЧНИ ТРУДОВЕ, ТОМ 63, КН. 1, СБ. Б, 2025 – ФИЛОЛОГИЯ,
PAISII HILENDARSKI UNIVERSITY OF PLOVDIV – BULGARIA
RESEARCH PAPERS, VOL. 63, BOOK 1, PART B, 2025 – LANGUAGES AND LITERATURE

DOI 10.69085/ntf2026b083

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ КОНЦЕПТЫ *ГУАНЬСИ* И *СВЯЗИ* В КИТАЙСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ[1]

Елица Миланова
Пловдивски университет „Паисий Хилендарски“

Инг Ванг
Пловдивски университет „Паисий Хилендарски“

THE LINGUOCULTURAL CONCEPTS OF ‘GUANXI’ AND ‘SVYAZI’ IN CHINESE AND RUSSIAN LINGUOCULTURAL CONTEXTS

Elitsa Milanova
Paisii Hilendarski University of Plovdiv

elimilanova@uni-plovdiv.bg

Wang Ying
Paisii Hilendarski University of Plovdiv

569923519@qq.com

This paper analyzes the fundamental concept of Chinese linguoculture *guanxi* (关系 guānxì) compared to the Russian concept *svyazi* (*связи*). The leading verbal representation of the concept *guanxi*, often translated in Russian-Chinese dictionaries as *svyazi* (*связи*), sets the mental and behavioral framework of Chinese native speakers. The existing similarity, but at the same time incomplete matching of the elements of the concept structure, create prerequisites

[1] Это исследование профинансировано Европейским союзом – NextGenerationEU, через Национальный план восстановления и устойчивого развития Республики Болгария, проект ДУЕКОС BG-RRP-2.004-0001-C01 (ДУЕКОС D24-FlF-005).

for some difficulties in intercultural communication and translation. In this paper, we will propose functional equivalents of Chinese *guanxi* in Russian.

Key words: concept, Chinese linguoculture, Russian linguoculture, intercultural communication, translation

Языковая репрезентация *лингвокультурных концептов* – это та часть лексики иностранного языка, понимание и употребление которой, с одной стороны, вызывает больше всего проблем в процессе обучения, а, с другой стороны, обеспечивает беспроблемную коммуникацию в реальной языковой среде, за счет понимания культурного контекста.

Понятие *концепта* рассматривается разными смежными науками. Изучая *концепт* с точки зрения когнитивной лингвистики, Е. Кубрякова дает этому феномену следующее определение: „ментальная единица сознания и информационная структура, которая отражает знания и опыт человека“ (Кубрякова 1996: 90). В рамках лингвокультурологии фокус направляется на обладающие национально-культурной маркированностью *лингвокультурные концепты*. Это «конституирующие единицы этнического менталитета, его «опорные точки», совокупность которых образует лингвоконцептосферу как языковую картину мира, фрагментами которой они и являются» (Бастриков, Бастрикова 2012: 15).

Лингвокультурные концепты могут отсылать как к денотатам реалиям, так и к универсальным денотатам, понимание о которых, отличается в разных лингвокультурах. Вторая группа соотносится с т. наз. В. Карасиком *неспециализированными концептами* (см. Карасик 2005). Наличие «квазисхожих» единиц в родной (или в более знакомой) языковой картине мира, создает некоторый когнитивный диссонанс у обучаемых. Истоки этого когнитивного диссонанса можно искать в выявленных В. Карасиком характеристиках *неспециализированных концептов*. Это такие единицы, «культурная специфика которых выражена в меньшей мере и требует поиска скрытых культурно значимых ассоциаций» (Карасик 2005: 96). Однако, чтобы искать скрытые культурные смыслы, обучаемый должен заранее знать или, опираясь на свое языковое чутье, осознать, что концепты различаются на эмотивном, функциональном и/или понятийном уровнях.

В настоящей работе рассмотрим значимый для китайской культуры *лингвокультурный концепт* ***гуаньси*** на фоне предлагаемого двуязычными словарями как переводного эквивалента репрезентанта рус-

ского *лингвокультурного концепта* ***связи*** в значении ‘тесные, взаимовыгодные отношения двух сторон’[2]. На языковом уровне словарные значения двух единиц совпадают, однако, в культурном и эмотивном планах они существенно расходятся. Это расхождение можно объяснить принадлежностью концептов *гуаньси* и *связи* двум разным культурам. «Принято считать, что культура является определенной формой общественного сосуществования людей, в рамках которой они усваивают коллективный опыт»[3] (Тенчева 2011: 288). Коллективный опыт китайского общества отличается от коллективного опыта русского общества, следовательно, *культурные концепты*, кодирующие разный опыт, тоже будут отличаться несмотря на то, что означают универсальное явление.

Русское слово *связи*, хотя и употребляется в нейтральных на первый взгляд сочетаниях, как «поддерживать связи», «налаживать бизнес связи», «развивать / укреплять связи» и т.д., глубоко закреплено в сознании носителей языка за идею *блата*. Толкования этих единиц в Словаре русского языка С. И. Ожегова, по сути, сходятся почти полностью. Хотя слово *связи* и не отмечено как маркированное, само значение указывает на возможное коннотативное употребление: «близкое знакомство с кем-н., обеспечивающее поддержку, покровительство, выгоду» (Ожегов 2008: 922). *Блат* входит в синонимический ряд слова *связи* и определяется как «знакомство, связи, к-рые можно использовать в личных, корыстных интересах» (Ожегов 2008: 63). В своем исследовании «Концепт блат в русском языке» С. М. Колесникова и Чжан Лю отмечают тесную связь между концептуальным полем *блат* и взятничеством (Колесникова, Чжан 2025: 90). По аналогии в большинстве контекстов слово *связи* тоже обретает негативный оттенок, хотя сам концепт – амбивалентен. Использовать связи хорошо и выгодно, но и немножко постыдно, потому что часто – не морально. На эмотивном

[2] В настоящем исследовании не будем рассматривать единственного числа лексемы *связи* (*связь*), так как значение ‘тесные, взаимовыгодные отношения двух сторон’ относится только к форме множественного числа. Хотя и существуют исследования концепта *связь* в русском языке, где ‘выгодное знакомство’ входит в концептуальное поле *связь* (см. Чжоу 2025), все приводимые примеры только во множественном числе (см. Чжоу 2025: 75 – 76). По нашему мнению, с*вязь* и *связи* – это два отдельных лингвокультурных концепта.

[3] Перевод с болгарского, английского и китайского языков тут и далее в тексте – наш (Е. М., И. В.).

уровне русский лингвокультурный концепт *связи* отражает специфическое отношение славян к миру, в котором двойственность проявляется не в противопоставление белого черному, а в идее их диффузии.

Свойственная русскому лингвокультурному концепту *связи* коннотация часто ошибочно переносится носителями русского языка и на китайский концепт *гуаньси,* что создает затруднения при обучении, при преводе и, главное, во время межкультурной коммуникации.

Об искажении эмотивной стороны концепта *гуаньси* под влиянием русского концепта *связи* свидетельствует традиционно принятый перевод в словарях. Словарная статья, посвященная слову 关系 (guānxì) в «Большом китайско-русском словаре» (БКРС), дает шесть разных значений и соответствующих им переводов, из которых только одно соотносится с лингвокультурным концептом *гуаньси*: «связи, блат, кумовство, круговая порука; «гуаньси», напр. 拉关系 налаживать (завязывать) связи; пустить в ход связи» (БКРС: URL).

Словарные переводные соответствия вызывают ассоциации негативной оценки, которых нет у носителей языка. М. Кузова отмечает, что «[о]ценка относится к интенциональному аспекту языка, где переломление мира в сознании человека осложняется рядом факторов – и общественными, и частными критериями, и (варьирующей) нормой, и личностными характеристиками индивида, и условиями или моментом речи» (Кузова 2022: 285).

Гуаньси – это не связи в русскоязычном и вообще в западном понимании, а сложившаяся на протяжении тысячилетий система социальных отношений и взаимодействий, основанных на взаимных обязательствах и доверие, в рамках которой человек существует в обществе; это – социальный капитал, который набирает за свою жизнь.

В историческом плане становление концепции системы *гуаньси* чаще всего относят к периоду Имперского Китая (начиная с династии Цинь, ок. 221 г. до н. э.). Ее истоки связывают с иерархической структурой конфуцианского общества, с конфуцианскими нормами межличностного общения *улун* (五伦 wǔlún)[4] и с принципами конфуцианства – *бао* (报 bào) ‘отплатить, вознаградить, отблагодарить, воздать должное’, *шу* (述 shù) ‘обходиться правильно, принимать как следует’ и *жэнь* (仁 rén) ‘человеколюбие, гуманность; доброта, человечность;

[4] Нормы, которые определяют субординацию и форму общения между правителем и придворными, отцом и сыном, старшим и младшим братьями, мужем и женой, между друзьями.

благожелательное отношение к людям’, как и происходящее из последнего *жэньцин* (人情 rénqíng) ‘особое расположение, личные отношения, благоволение’ .

Хотя само слово *гуаньси* не встречается в классических конфуцианских текстах, практика взаимовыгодных обязательств существовала на протяжении тысячилетий, а значит, для ее обозначения должно было существовать и функционально эквивалентное понятие. Таким, вслед за Дж. Барбалетом, считаем *жэньцин.* Как утверждает Дж. Барбалет, «[р]ассматривая источников понятия гуаньси, важно различать понятие от самого слова. Понятие гуаньси до появления этого слова обычно обозначалось как жэньцин, т.е. обязательства по обмену услугами. Наиболее очевидными «потребителями» жэньцин в позднем имперском Китае были чиновники, вовлеченные в сеть дарения подарков и обмена услугами, которая не только облегчала нормальную работу их ведомства, но и обеспечивала сохранение их должности» (Барбалет 2021: 35).

В современном понимании *жэньцин* – это не синоним *гуаньси*, а составляющий элемент из ядра концепта, наряду с такими элементами, как *мяньцзы* (面子 miànzi) ‘достоинство, репутация (букв. ‘лицо’) ’, *синьюн* (信用 xìnyòng) ‘доверие, надежность’ и *хуйбао* (回报 huíbào) ‘вознаградить, отблагодарить’. Каждый из этих элементов сам по себе является отдельным *лингвокультурным концептом* и вызывает определенные поведенческие модели в контексте *гуаньси* системы.

Соблюдение принципа благорасположения, взаимной симпатии и уважения к человеку *жэньцин* предполагает обмен услугами и подарками. Это вызвано не желанием получить выгоду в конкретной ситуации, а желанием показать человеку, что ты хорошо к нему относишься, что ты думаешь о нем, что считаешь его родным.

Сохранение достоинства – основополагающий концепт китайской лингвокультуры, основным вербальным маркером которого является слово *мяньцзы* (букв. ‘лицо’). Чтобы поддерживать хорошие *гуаньси*, надо «сохранять лицо» – как свое, так и лицо другого человека. Поэтому обязательно надо публично выражать уважение; не оскорблять; не ставить человека в ситуацию, в которой он может показаться некомпетентным, плохим или почувствовать себя «не в своей тарелке»; избегать любые конфронтации.

Китайское представление о надежности и взаимном доверии *синьюн* предполагает всегда сдерживать свои обещания и проявлять лояльность к своим *гуаньси*.

Практика отблагодарить (*хуйбао*) за любое проявление хорошего отношения не только вербально, но и своим поведением, предполагает постоянный обмен услугами и подарками.

Семантическая структура появившегося на более позднем этапе слова *гуаньси* (даже только в исследуемом нами значении ‘связи’) на много шире семантической структуры *женьцин* или других конфуцианских понятий, которые лежат в основе идеологии этой социально системы. Словом *женьцин* означают само явление особого расположения и мотивированное этим благорасположением обязательство по обмену услугами, тогда как в смысловую структуру слова *гуаньси* входят:

1. Доброжелательное, хорошее отношение, которое приводит к взаимопомощи и обмену услугами (как явление).

*пр. 他们也很体惜我，但在我所感应得出的我和他们的**关系**能和蕴姊的爱在一个天平上相称吗？*[5] *(Они тоже доброжелательны ко мне, но смогут ли наши **хорошие отношения**, какими я их чувствую, сравниваться с любовью к сестре Юн?)*

2. Проявление взаимопомощи, обмена услугами и доброжелательного отношения (как процесс).

*пр. 我们**关系**好。 (Мы **поддерживаем хорошие отношения** [имплицитно содержит информацию, что помогаем друг другу и обмениваемся услугами].)*

3. Уровень социального капитала и влияния в обществе (как абстрактно существующая характеристика человека).

*пр. 他与焦委员的**关系**，正如同他与别的要人的**关系**，只能帮忙，而上不了台。 (Его **связи** с членом комитета Цзяо, как и с другими важными шышками [подразумевается его уровень социального капитала и влияние в обществе, вызванные в результат этих знакомств] могли лишь помочь, но не вывести его на большую сцену.)*

4. Круг знакомств (как физически существующий денотат).

*пр. 黄文汉笑道：足下有同乡的**关系** ，为什么不好办？ (Хуан Вэньхань рассмеялся и сказал: «У тебя есть **связи** в этом городе, почему думаешь, что не легко сделать?»)*

5. Название самой системы (как реалия).

*пр. 经济关系是嵌入于社会**关系**系统之中的。 (Экономические отношения вписаны в **систему социальных отношений**.)*

[5] Все примеры эксцерпированы с Корпуса китайского языка, разработанного Пекинским университетом (см. ККЯ URL).

В китайской культуре хорошие *гуаньси* и умение воспользоваться ими равно высокому моралу и доверию. Престиж в обществе – не за счет страха, что человек со связями может навредить при помощи своих знакомых, а наоборот. Этические принципы в основе *гуаньси* системы – гарантия тому, что только высокоморальный, качественный во всех смыслах человек может завести знакомства на высоком уровне.

«Морфология» системы *гуаньси* достаточно сложная. *Гуаньси* начинают оформлятся еще при рождении человека. Его первые *гуаньси* – это родители и родственники. Это т. наз. «константные *гуаньси*», которые нельзя изменить. Раз родственник – навсегда родственник. Потом, в течении всей жизни *гуаньси* увеличиваются – туда попадают интимные партнеры, одноклассники, друзья, коллеги, земляки и специальная группа «важных людей» – т.наз. *гуйбинь* (贵宾 guìbīn). Все эти категории – переменные.

Хотя структура немного напоминает структуру русских *связей*, есть существенные отличия не только на эмотивном, но и на прагматическом уровне. *Гуаньси* – строго индивидуальные и не распространяются на третьи лица. Нельзя попросить одолжение за другого человека. Нельзя полагаться на *гуаньси* своих друзей или родственников.

Гуаньси используют не в экстраординарых ситуациях, когда нет другого выхода, а постоянно – для продвижения на работе, для улучшения социальных условий, для престижа, для личностного развития, для выполнения повседневных задач. Система *гуаньси* предполагает постоянный обмен услугами, мелкими жестами внимания и хорошего отношения, включая обмен символическими подарками, обедами и т.д., не нарушая этические нормы, не ожидая краткосрочной возвращаемости своих усилий.

Понимание этого аспекта очень важно, так как незнание культуры часто приводит к ошибочному восприятию о взяточничестве, особенно в деловых кругах.

Исследование привело к выводу, что семантическая структура китайского лингвокультурного концепта *гуаньси* намного шире руского *связи*. Подтверждение тому находим как в указанных нами примерах, так и в практике сред представителей русскоязычной диаспоры в Китае вставлять слово *гуаньси* как ксеноним в разговорах между собой. Разные пример использования требуют подбирать ситуативные переводные соответствия, которые не всегда полностью передают значение. Особенно сложно, когда в рамках текста раскрывается лингвокультурный смысл слова. Тогда лучше оставить реалию, чтобы «подсказать» адресату о наличии культурной специфики. Словарное переводное соответствие

«связи» больше всего подходит для семемы «круг знакомств» (срв. Получить квартиру благодаря своим связям. / Большие связи у кого-либо / Нет ли у вас связей в министерстве? и т.д.), притом не в полном объеме. Чаще всего не совпадает эмотивный уровень.

Детальное исследование концепта *гуаньси*, именно в сравнении с воспринимаемыми как переводной эквивалент концептами, очень важно. Разница на эмотивном уровне – это то, что нельзя заметить простым глазом, так как «[я]зыковые структуры не являются отражением действительности. Они отражают ее ментальную репрезентацию в сознании человека» (Чакырова 2016: 28). «Эмоции – основная часть человеческого существования. […] Они доминируют в повседневной жизни, так как прежде всего бессознательно оцениваем любую ситуацию при помощи своих чувств» (Чернева 2023: 55). Разницу на эмотивном уровне иногда трудно даже объяснить, а эмоции – самый частый двигатель конфликтов из-за недопонимания. Глубокое познание культуры – гарант уважения и взаимного понимания.

Литература

Барбалет 2021: Barbalet, J. Where does guanxi come from? Bao, shu, and renqing in Chinese connections. // *Asian Journal of Social Science.* 49, 2021, 31 – 37.

Бастриков, Бастрикова 2012: Бастриков, А. В., Бастрикова, Е. М. Лингвокультурные концепты как основа языкового менталитета. [Bastrikov, A. V., Bastrikova, E. M. Lingvokul’turnye kontsepty kak osnova yazykovogo mentaliteta.] // *Филология и культура. Philology and Culture.* 2012, № 3 (29). Казань: Из-во Казанского федерального университета, 2012.

БКРС URL: *Большой китайско-русский словарь*. [Bol’shoj kitajsko-russkij slovar’] <https://bkrs.info/> (24.01.2024).

Карасик 2005: Карасик, В. И. Концепты-регулятивы. [Karasik, V. I. Kontsepty-regulyativy.] // *Язык, сознание, коммуникация*: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М: МАКС Пресс, 2005, вып 3С, 95 – 108 ISBN 5-317-01585-5.

ККЯ URL: 北京大学汉语语料库 [Beijiang daxue hanyu yuliaoku] <http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/index.jsp> (20.12.2025).

Колесникова, Чжан 2025: Колесникова, С. М., Чжан Лю. Концепт БЛАТ в русском языке. [Kolesnikova, S. M., Zhang Liu. Kontsept BLAT v russkom yazyke.] // *Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина*, 2025, № 1 (86), 85 – 93.

Кубрякова 1996: Кубрякова, Е. С. Концепт. [Kubryakova, E. S. Kontsept.] // *Краткий словарь когнитивных терминов.* Под общей ред. Е. С. Кубряковой. Москва: Изд. МГУ, 1996. 90 – 93.

Кузова 2022: Кузова, М. О семантике и прагматике экспрессивных модификаторов и кванторов (в болгарском и русском языках). [Kuzova, M. O semantike i pragmatike ekspressivnyh modifikatorov i kvantorov (v bolgarskom i russkom yazykah).] // *Научни трудове на ПУ „Паисий Хилендарски“. Филология*, т. 60, кн. 1, сб. А. 2022, Пловдив: Пловдивско университетско издателство, 284 – 297.

Ожегов 2008: Ожегов, С. И. *Словарь русского языка.* [Ozhegov, S. I. Slovar' russkogo yazyka.] Ок. 53 000 слов, под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова, М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2008.

Тенчева 2011: Тенчева, Б. За българската реклама като обект на изследване от гледна точка на културологията. // *Научни трудове на ПУ „Паисий Хилендарски“. Филология*, т. 49, кн. 1, сб. Б. Пловдив: УИ, „Паисий Хилендарски“, 2011, 276 – 289.

Чакырова 2016: Чакърова, Ю. *Ракурси на когнитивната лингвистика.* [Chakarova, Yu. Rakursi na kognitivnata lingvistika.] Пловдив: УИ „Паисий Хилендарски“, 2016.

Чернева 2023: Чернева, Н. *Лингводидактологични пространства на културния диалог.* [Cherneva, N. Lingvodidaktologichni prostranstva na kulturniya dialog.] Пловдив: УИ „Паисий Хилендарски“, 2023.

Чжан 2025: Чжан Лю. Моделирование концептуального поля «связь» в русском языке. [Zhang Liu. Modelirovanie konceptual'nogo polya «svyaz'» v russkom yazyke.] // *Отечественная филология.* 2025, № 2, 68 – 77.

Докторанти

DOI 10.69085/ntf2026b095

КОНЦЕПТ КАК ЕДИНИЦА ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА: СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И МЕТОДЫ АНАЛИЗА

Анастасия Хаджийска
Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского

CONCEPT AS A UNIT OF THE LINGUISTIC WORLDVIEW: MODERN INTERPRETATIONS AND METHODS OF ANALYSIS

Anastasia Hadzhiyska
Paisii Hilendarski University of Plovdiv

anastasia.hadzhiyska@uni-plovdiv.bg

The article provides a theoretical overview and systematization of approaches to the study of the concept in modern Russian linguistics. The author examines the evolution of the research paradigm from a system-structural to an anthropocentric approach, analyzing key categories such as worldview and worldview in language. The paper compares cognitive and linguocultural approaches and describes the most prominent models of concept structure. Special attention is paid to the justification of the integrative method as the most effective tool for the complex analysis of mental units.

Key words: concept, worldview in language, anthropocentric paradigm, cognitive linguistics, cultural linguistics, integrative approach, cultural constant

В конце XX – начале XXI века в гуманитарном знании происходит смена научной парадигмы: системно-структурный подход уступает место антропоцентрическому, когнитивному и функциональному подходам. В центре внимания оказывается человек – носитель языка, культуры и опыта, а язык рассматривается как средство концептуализации действительности и отражения ментальных структур сознания (Кубрякова и др. 1997; Маслова 2007).

В рамках антропоцентрической парадигмы особую значимость приобретают исследования языковой картины мира и концепта как её базовой единицы. В русской лингвистике данные понятия активно разрабатываются в работах Е. С. Кубряковой, Ю. С. Степанова, Н. Д. Арутюновой, В. И. Карасика, С. Г. Воркачёва, В. А. Масловой, З. Д. Поповой, И. А. Стернина и других исследователей. Несмотря на обилие научных публикаций, термин «концепт» остаётся многозначным и интерпретируется по-разному в зависимости от исследовательского подхода (Кубрякова и др. 1997; Степанов 2004; Попова, Стернин 2007; Маслова 2001).

Особенно заметны различия между лингвокогнитивным и лингвокультурологическим направлениями, которые предлагают различные модели структуры концепта, способы его описания и методологические инструменты анализа. Это обусловливает необходимость систематизации существующих теоретических представлений (Попова, Стернин 2007; Карасик 2002; Маслова 2001).

Настоящая статья носит обзорно-теоретический характер и направлена на систематизацию теоретических подходов и формирование целостной методологической базы для дальнейших исследований в области концептуального анализа без обращения к конкретному концепту.

Цель работы заключается в систематизации и сопоставлении основных интерпретаций понятия «концепт» в русской лингвистике конца XX – начала XXI века, определении его места в структуре языковой картины мира и создании на этой основе теоретической базы для дальнейшего анализа конкретных концептов.

Для достижения указанной цели поставлены следующие задачи:

1. рассмотреть понятие картины мира и языковой картины мира в современной лингвистике;
2. обобщить основные определения концепта в русской научной традиции;
3. охарактеризовать лингвокогнитивный и лингвокультурологический подходы к исследованию концептов;
4. сопоставить модели структуры концепта, предложенные различными исследовательскими школами;
5. представить основные методологические принципы концептуального анализа.

В настоящей работе мы исходим из понимания *концепта* как интегративной ментальной единицы, находящейся на пересечении когнитивных и культурных процессов. Представляется, что продуктивное

исследование данного феномена возможно лишь при сочетании лингвокогнитивного и лингвокультурологического подходов, что определяет принципы отбора и систематизации теоретического материала в данной статье.

Методологической базой исследования служат труды российских лингвистов в области когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. В работе используются методы теоретического анализа научной литературы, сопоставления научных концепций, систематизации и обобщения научных данных.

Понятие *картины мира* занимает важное место в гуманитарных науках конца XX – начала XXI века и рассматривается как ключевая категория, позволяющая описывать способы осмысления человеком окружающей действительности. В наиболее общем виде картина мира понимается как упорядоченная система знаний, представлений и оценок, сформировавшихся в индивидуальном и коллективном сознании и отражающих опыт взаимодействия человека с реальностью (Кубрякова и др. 1997; Пименова 2011; Маслова 2001).

В современной научной традиции принято выделять различные типы картины мира, что обусловлено многомерной природой человеческого сознания. Исследователи говорят о научной, наивной, философской, мифологической, религиозной, художественной, индивидуальной, авторской и других разновидностях картины мира. Каждая из них формируется в рамках определённого способа познания действительности и отражает специфический способ её интерпретации.

Особое место среди этих разновидностей занимает *языковая картина мира*, поскольку язык является основным средством фиксации и передачи человеческого опыта. Идея о том, что язык формирует особое мировидение, восходит к работам В. фон Гумбольдта, который рассматривал язык как «орган формирования мысли» и средство концептуализации действительности. Дальнейшее развитие данная идея получила в трудах неогумбольдтианцев, в частности Л. Вайсгербера, который развил идею языкового мироведения – *sprachliches Weltbild* (Weltbild der Sprache) (Вайсгербер 2004: 332). Позднее в русской лингвистике данная идея получила развитие и была концептуализирована в виде термина «языковая картина мира», широко используемого в исследованиях конца XX века (Апресян 1995; Кубрякова и др. 1997; Маслова 2001).

Идея взаимосвязи языка и мышления получила развитие и в американской этнолингвистике в рамках *гипотезы Сепира – Уорфа*, согласно которой особенности языка влияют на способы восприятия и

категоризации действительности (Уорф/Worf 1965). Хотя радикальные версии этой гипотезы подвергались критике, само представление о взаимодействии языка, мышления и культуры оказалось чрезвычайно продуктивным и получило развитие в когнитивной лингвистике. Сопоставительный анализ русской и американской традиции когнитивной лингвистики и их подходов к интерпретации концепта представляет собой перспективное направление дальнейших исследований и выходит за рамки настоящей статьи.

В русской лингвистике понятие языковой картины мира активно разрабатывается в работах Ю. Д. Апресяна, Н. Д. Арутюновой, Е. С. Кубряковой, В. Н. Телии, В. А. Масловой, Ю. Н. Караулова, З. Д. Поповой, И. А. Стернина и других исследователей. *Языковая картина мира* понимается ими как отражённое в языке упорядоченное представление о действительности, включающее не только знания о мире, но и ценностные установки, культурные нормы и способы категоризации опыта (Апресян 1995; Кубрякова и др. 1997; Маслова 2001; Попова, Стернин 2007).

Языковая картина мира формируется исторически и обусловлена культурой, традициями, образом жизни и социальной практикой носителей языка. В ней фиксируются национально-специфические способы концептуализации действительности, что проявляется в особенностях лексической системы, фразеологии, грамматических категорий и текстовых моделей. Например, различия в терминологии родства, цветообозначениях или обозначениях эмоциональных состояний в разных языках свидетельствуют о различиях в способах концептуализации мира (Маслова 2001; Апресян 1995; Попова, Стернин 2007).

Следует подчеркнуть, что языковая картина мира не является точным отражением объективной реальности. Она представляет собой интерпретацию действительности средствами языка, обусловленную опытом носителей культуры. Поэтому образ мира, реконструируемый по данным языка, носит условный характер и дополняется другими формами знания – научными, эмпирическими и индивидуальными (Апресян 1995; Маслова 2001).

Языковая картина мира тесно связана с концептуальной картиной мира, представляющей совокупность ментальных структур, посредством которых человек организует знания о действительности. Язык выступает средством вербализации этих структур, закрепляя и передавая *концепты*, составляющие основу человеческого опыта. Та-

ким образом, *концепты* рассматриваются как базовые единицы языковой картины мира и одновременно как элементы когнитивной системы человека (Кубрякова и др. 1997; Попова, Стернин 2007; Маслова 2007).

В современной лингвистике языковая картина мира трактуется как динамическая система, изменяющаяся в процессе исторического развития общества и языка. Новые культурные реалии, социальные изменения и научные открытия приводят к трансформации существующих концептов и формированию новых смысловых структур. Это обусловливает необходимость ее комплексного изучения с привлечением методов когнитивной лингвистики, лингвокультурологии и смежных дисциплин (Маслова 2001; Попова, Стернин 2007).

Таким образом, понятия *картины мира* и *языковой картины мира* позволяют рассматривать язык не только как средство коммуникации, но и как инструмент познания и интерпретации действительности. Тем самым в рамках антропоцентрической парадигмы данные понятия выступают в качестве теоретической основы для исследования концептов как ментальных единиц, отражающих опыт и ценности человека.

Представляется, что языковая картина мира может быть адекватно описана лишь при учёте как когнитивных механизмов концептуализации, так и культурно-ценностных компонентов.

В связи с этим возникает необходимость более детального рассмотрения самого понятия *концепт*, его содержания и трактовок в современной русской лингвистике.

Понятие *концепт* является одним из ключевых как в современной когнитивной лингвистике русскоязычной традиции, так и в лингвокультурологии, однако до настоящего времени не существует его единого и общепринятого определения. Многозначность термина обусловлена сложной природой самого феномена, который формируется на пересечении языка, мышления и культуры.

Термин *концепт* был введён в научный оборот С. А. Аскольдовым-Алексеевым в статье «Концепт и слово» (1928), где концепт рассматривается как ментальное образование, замещающее множество однородных представлений в процессе мышления (Аскольдов-Алексеев 1928). Однако термин получил широкое распространение лишь в конце XX века в связи с развитием когнитивной лингвистики. В русской научной традиции концепт рассматривается как ментальная единица, отражающая человеческий опыт и закреплённая в языковых формах.

Одним из наиболее цитируемых является определение Е. С. Кубряковой, согласно которому концепт представляет собой:

> оперативную содержательную единицу памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отражённой в человеческой психике.
>
> (Кубрякова и др. 1997: 90)

В данной трактовке концепт понимается как элемент когнитивной системы человека, обеспечивающий хранение и обработку знаний о мире.

Сходную позицию занимают З. Д. Попова и И. А. Стернин, определяющие концепт как дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека и обладающее относительно упорядоченной структурой. Авторы подчёркивают, что концепт включает не только знания о предмете, но и общественную интерпретацию этих знаний, а также отношение к нему со стороны носителей культуры (Попова, Стернин 2007).

В культурологическом направлении концепт рассматривается прежде всего как единица культуры. По мнению Ю. С. Степанова, концепты представляют собой «сгустки культуры» в сознании человека, включающие понятийный, образный и ценностный компоненты (Степанов 2004: 43). В. И. Карасик трактует концепт как:

> многомерное ментальное образование, составляющее концептосферу языковой личности,… отражающее фрагмент жизненного опыта человека.
>
> (Карасик 2002: 31 – 33)

В. А. Маслова определяет концепт как «семантическое образование, отмеченное лингвокультурной спецификой» и характеризующее носителей определённой этнокультуры. В этой интерпретации концепт выступает как элемент национальной картины мира и средство выражения культурных ценностей (Маслова 2007: 47).

В русской научной традиции, вслед за Е. С. Фрумкиной, А. Вежбицкой приписывается следующее определение концепта:

> концепт представляет собой объект из мира «Идеальное», имеющий имя и отражающий культурно обусловленные представления человека о мире «Действительность».
>
> (цит. по: Фрумкина 1992: 3)

Иными словами, концепт осмысляется как ментальная единица, вербализующая представления человека о действительности, сформированные культурой.

Данное понимание акцентирует внимание на символической природе концепта и его связи с языковыми знаками.

Несмотря на различия в трактовках, большинство исследователей сходятся в нескольких ключевых положениях. Во-первых, концепт принадлежит сфере сознания и представляет собой ментальную единицу человеческого опыта (Кубрякова и др. 1997). Во-вторых, концепт обладает сложной, многослойной структурой, включающую понятийный, образный и ценностный компоненты (Попова, Стернин 2007; Карасик 2002). В-третьих, концепты вербализируются в языке, но не сводятся к значениям слов, поскольку включают индивидуальные и культурные ассоциации, эмоции и оценки (Попова, Стернин 2007).

С нашей точки зрения, наиболее продуктивным является понимание концепта как многослойной структуры, объединяющей понятийный, образный и ценностный уровни.

Представляется, что именно сочетание когнитивного и культурного аспектов позволяет рассматривать концепт как сложное ментальное образование, отражающее как индивидуальный опыт человека, так и коллективные ценности культуры. Различия в интерпретациях связаны прежде всего с исследовательскими задачами и методологическими установками, что обусловливает необходимость рассмотрения концепта в рамках различных подходов, прежде всего лингвокогнитивного и лингвокультурологического.

Многообразие дефиниций концепта связано с существованием различных исследовательских подходов к его изучению. При этом важно подчеркнуть, что понимание концепта в современной русской лингвистике не является статичным: наблюдается дальнейшее развитие теории и уточнение её понятийного аппарата.

Так, например, В. И. Карасик рассматривает концепт в связи с дискурсивными практиками и ценностными системами культуры, Г. Г. Слышкин анализирует функционирование концептов в медиадискурсе, а С. Г. Воркачёв вводит понятие «лингвокультурная идея» (Воркачёв 2001: 64), стремясь уточнить границы термина *концепт*. Подобные исследования свидетельствуют о продолжающемся пересмотре и уточнении лингвокогнитивных и лингвокультурологических подходов и подтверждают актуальность дальнейших разработок в данной области.

В современной русской лингвистике исследование концептов осуществляется в рамках различных научных направлений, среди которых наиболее значимыми являются лингвокогнитивный и лингвокультурологический подходы. Несмотря на различие исследовательских целей и методов, данные подходы рассматриваются как взаимодополняющие, поскольку каждый из них раскрывает разные аспекты концепта как сложного ментального образования.

Лингвокогнитивный подход ориентирован на изучение концепта как единицы когнитивной системы человека. В центре внимания находятся процессы формирования, хранения и обработки знаний о мире, а также структура концепта как элемента ментального лексикона.

Представители данного направления (Е. С. Кубрякова, З. Д. Попова, И. А. Стернин, Н. Н. Болдырев, А. П. Бабушкин и др.) рассматривают концепт как результат познавательной деятельности личности и общества. Он формируется на основе чувственного опыта, мыслительной деятельности, общения и практического взаимодействия человека с окружающей действительностью.

С точки зрения лингвокогнитивного подхода данная ментальная единица обладает сложной внутренней структурой. В его составе выделяются различные когнитивные признаки, которые группируются в ядро и периферию. Концепт может представляться в виде фрейма, сценария или прототипической модели, объединяющей знания о типичных ситуациях и свойствах объектов.

Основной задачей лингвокогнитивного анализа является моделирование ментальной структуры концепта и выявление когнитивных механизмов его формирования. Для этого используются методы семантического анализа, ассоциативного эксперимента, анализа сочетаемости, деривационного и контекстуального анализа.

Следовательно, в рамках лингвокогнитивного подхода концепт понимается как элемент индивидуального и коллективного сознания, обеспечивающий категоризацию и систематизацию знаний о мире.

Лингвокультурологический подход рассматривает концепт прежде всего как единицу культуры, отражающую ценностные установки и культурно обусловленные способы осмысления действительности. В центре внимания находятся культурно значимые смыслы, закреплённые в языке, а также национально-специфические способы интерпретации действительности.

Представители данного направления (Ю. С. Степанов, В. И. Карасик, В. А. Маслова, С. Г. Воркачёв, Н. Ф. Алефиренко и др.) подчёркивают, что концепт понимается как элемент коллективного сознания и средство репрезентации культурных ценностей общества.

Лингвокультурологический анализ направлен на выявление национальной специфики концептов. Для этого исследуются их языковые репрезентации в лексике, фразеологии, пословицах, текстах культуры и художественной литературе. Особое внимание уделяется ассоциативным полям, символике и оценочным значениям, закреплённым в языке.

Исходя из сказанного, в рамках лингвокультурологического подхода концепт выступает как элемент коллективного сознания и средство отражения культурных ценностей общества.

Различие между лингвокогнитивным и лингвокультурологическим подходами заключается прежде всего в направлении анализа.

Лингвокогнитивный подход идёт от индивидуального сознания к культуре, тогда как лингвокультурологический – от культуры к индивидуальному сознанию.

Однако в современной науке данные подходы не рассматриваются как взаимоисключающие, поскольку концепт одновременно является и элементом когнитивной системы человека, и носителем культурных ценностей. В связи с этим наиболее продуктивным представляется интегративный подход, объединяющий методы когнитивной лингвистики и лингвокультурологии и позволяющий учитывать как внутреннюю структуру концепта, так и его культурную значимость.

Мы полагаем, что именно сочетание этих подходов обеспечивает более полное описание структуры и функционирования концепта. Различие между ними проявляется, в частности, в моделях описания внутренней организации концепта, что делает вопрос о его структурировании одним из центральных в современной лингвистике.

Несмотря на различия в теоретических установках, большинство исследователей сходятся во мнении, что концепт представляет собой многомерное ментальное образование со сложной внутренней организацией. В русской лингвистической традиции предложено несколько моделей структуры концепта, отражающих различные исследовательские перспективы.

З. Д. Попова и И. А. Стернин выделяют в структуре концепта три основных компонента:

1. *чувственный образ,* отражающий наглядные представления о предмете или явлении;
2. *информационное содержание,* включающее когнитивные признаки, характеризующие объект;
3. *интерпретационное поле,* содержащее оценочные и ассоциативные признаки, связанные с общественным опытом.

Авторы подчёркивают, что ядром концепта является образ, поскольку именно он кодирует концепт и обеспечивает его связь с универсальным предметным кодом мышления (Попова, Стернин 2007).

Ю. С. Степанов рассматривает концепт как диахроническую константу и описывает его структуру как совокупность нескольких культурно-исторических слоёв, отражающих разные этапы его развития. Исследователь выделяет:

1. *актуальный признак,* существующий в современном сознании носителей языка;
2. *дополнительные исторические признаки,* отражающие прежние этапы развития концепта;
3. *внутреннюю форму,* связанную с этимологией и первоначальным образом концепта.

Такой подход подчёркивает историческую глубину концепта и его связь с культурной памятью общества (Степанов 2004).

В рамках Волгоградской школы лингвокультурологии В. И. Карасик и Г. Г. Слышкин предлагают трёхкомпонентную структуру концепта, включающую:

1. *понятийный компонент*, отражающий рациональные знания о предмете;
2. *образный компонент,* включающий метафоры, символы и ассоциации;
3. *ценностный компонент,* выражающий культурную значимость концепта.

Данная модель подчёркивает культурно-аксиологическую природу концепта и его роль в формировании национальной картины мира (Карасик, Слышкин 2001).

С. Г. Воркачёв выделяет в структуре лингвокультурного концепта три составляющие:

1. *понятийную*, связанную с дефиниционными признаками;
2. *образную,* фиксирующую когнитивные метафоры;
3. *значимостную,* отражающую место имени концепта в языковой системе и его ассоциативные характеристики.

Особое внимание в данной модели уделяется роли языка как средства закрепления культурных смыслов (Воркачёв 2007).

Сопоставление различных моделей показывает, что, несмотря на различия в терминологии и акцентах, большинство исследователей выделяют три ключевых аспекта концепта: рационально-понятийный, образный, ценностный.

Представляется, что совпадение этих компонентов в различных теоретических моделях свидетельствует о существовании инвариантной структуры концепта, отражающей универсальные механизмы концептуализации человеческого опыта. Это подтверждает многослойную

природу концепта, объединяющего когнитивные, эмоциональные и культурные элементы.

Отсутствие универсальной модели структуры концепта объясняется сложностью самого феномена и разнообразием исследовательских задач. В связи с этим наиболее продуктивным представляется интегративный подход, учитывающий как когнитивные, так и культурологические аспекты концепта.

Исследование концептов в языкознании конца XX – начала XXI века предполагает использование комплексного методологического инструментария, поскольку концепт представляет собой многомерное ментальное образование, отражающее как когнитивные процессы, так и культурные ценности. В связи с этим в когнитивной лингвистике и лингвокультурологии сформировался интегративный подход, объединяющий различные методы анализа языковых и культурных данных (Попова, Стернин 2007; Маслова 2007).

Одним из основных принципов концептуального анализа является выявление *номинативного поля концепта,* включающего языковые средства его репрезентации. В рамках такого анализа устанавливаются ядро и периферия номинативного поля через изучение синонимов, антонимов, деривационных связей и контекстов употребления. Такой подход позволяет определить основные когнитивные признаки концепта и способы его языковой объективации (Попова, Стернин 2007).

Важное место занимает *семантический анализ лексических единиц*, репрезентирующих концепт. Он включает изучение словарных дефиниций, сочетаемости слов, контекстов употребления и семантических полей. Этот метод позволяет выявить понятийный компонент концепта и определить его место в системе языка (Апресян 1995; Попова, Стернин 2007: 124 –130).

Неотъемлемой частью интегративного подхода является диахронический анализ, предложенный Ю. С. Степановым. Генетический метод исследователя позволяет проникнуть в глубинные культурно-исторические слои концепта и эксплицировать его внутреннюю форму. Это дает возможность увидеть концепт не просто как лексему, а как диахроническую константу, которая сохраняется в коллективной памяти носителей языка в виде скрытых ассоциаций и этимологических связей (Степанов 2004).

В лингвокультурологическом подходе широко применяется *анализ культурных текстов*, включающий исследование фразеологизмов, пословиц, художественной литературы, публицистики и фольклора.

Подобный анализ позволяет раскрыть образные и ценностные компоненты концепта, выявить национально-специфические особенности его интерпретации (Маслова 2001; Телия 1996).

Особую роль играет *ассоциативный эксперимент,* позволяющий реконструировать ассоциативное поле концепта и выявить субъективные представления носителей языка. Данный метод используется для изучения эмоциональных и оценочных компонентов концепта, а также для выявления различий между индивидуальными и коллективными интерпретациями (Фрумкина 1992; Попова, Стернин 2001).

Перспективным инструментом объективации концептуального анализа являются *корпусные методы*. Они позволяют исследователю выйти за пределы индивидуальной интуиции и проследить динамику концепта на больших массивах языковых данных, выявляя типичные контекстуальные связи и частотные трансформации смыслов.

Важным принципом концептуального анализа является *сопоставительное изучение* концептов в разных языках и культурах. Контрастивный анализ позволяет выявить универсальные и национально-специфические признаки концептов, что особенно важно для лингвокультурологических исследований (Пименова 2011; Маслова 2001).

Таким образом, концептуальный анализ основывается на синтезе семантического, когнитивного и лингвокультурологического подходов. Выбор конкретных методик определяется целями исследования, однако наиболее продуктивным считается *интегративный метод.*

Так, Ю. И. Чакырова отмечает, что

> самый плодотворный – это интегративный метод, при котором для описания концепта используются ресурсы разных наук. И только он в состоянии предоставить средства для создания многогранного образа рассматриваемого объекта.
>
> (Чакырова 2016: 150)

При этом исследователь подчёркивает, что до настоящего времени «не выработана универсальная методика концептуального анализа, и он во многом основывается на интуиции исследователя» (там же)[1].

В связи с этим следует учитывать и исследовательскую позицию автора, формирующуюся в условиях билингвальной языковой среды. Это может оказывать влияние на интерпретацию языковых данных и предполагает особое внимание к интуитивным механизмам анализа. В данном случае билингвизм выступает не как препятствие, а как дополнительный инструмент «внешнего» наблюдения, позволяющий более

[1] Перевод с болгарского – наш – А.Х.

чётко фиксировать национально-специфические компоненты концепта, которые могут казаться самоочевидными для монолингвального носителя.

Применение интегративного подхода позволяет исследовать концепт не только в его современном синхронном состоянии (как когнитивную единицу), но и в диахронической перспективе – как исторически преемственную «культурную константу» (Степанов 2004: 43), обеспечивая тем самым объёмное описание ментального образования в единстве его языковых, когнитивных и национально-культурных характеристик.

Таким образом, настоящая статья имеет обзорно-теоретический характер и направлена на систематизацию основных научных подходов к исследованию концепта в современной русской лингвистике. Проведённый анализ позволяет сформировать теоретическую основу для дальнейшего углублённого исследования конкретного национально-специфического концепта, ранее не рассматривавшегося в сопоставительном аспекте.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения предложенной теоретической базы при дальнейшем изучении концептов в различных языках и культурах.

Несмотря на значительное количество работ в данной области, проблема концепта остаётся открытой и продолжает привлекать внимание лингвистов. Рассмотренные теоретические положения позволяют подвести итоги проведённого анализа. Понятия картины мира и языковой картины мира занимают центральное место в антропоцентрической парадигме современной лингвистики, поскольку позволяют рассматривать язык как средство концептуализации действительности и отражения человеческого опыта.

Обобщение научных подходов показало, что концепт трактуется как многомерная ментальная единица, находящаяся на пересечении когнитивных и культурных процессов и обладающая сложной структурой, включающей понятийный, образный и ценностный компоненты. Сопоставление лингвокогнитивного и лингвокультурологического направлений выявило их взаимодополняющий характер и подтвердило продуктивность интегративного подхода к исследованию концептов.

Следует подчеркнуть, что теория концепта продолжает активно развиваться. В работах последних лет концепт рассматривается в связи с дискурсивными практиками, медиакоммуникацией и изменяющи-

мися ценностными системами общества, что свидетельствует о динамичности данного понятия и продолжающемся уточнении методологии его исследования.

Проведённый теоретический анализ позволяет утверждать, что интегративный подход может рассматриваться как наиболее адекватная методологическая основа исследования концептов в современной русской лингвистике. С нашей точки зрения, дальнейшее развитие данной области будет связано с уточнением механизмов вербализации концептов в различных типах дискурса, что позволит более полно описать взаимодействие когнитивных и культурных факторов в формировании языковой картины мира.

Перспективным направлением дальнейших исследований представляется сопоставление русской и американской традиций когнитивной лингвистики, включая американское направление, в рамках которого была разработана теория концептуальной метафоры (Лакофф, Джонсон 2004).

Литература

Алефиренко 2004: Алефиренко, Н. Ф. Методологические основания исследования проблемы вербализации концепта. [Alefirenko, N. F. Metodologicheskie osnovaniya issledovaniya problemy verbalizatsii kontsepta.] // *Вестник ВГУ, Серия Гуманитарные науки*, 2004.

Апресян 1995: Апресян, Ю. Д. Интегральное описание языка и системная лексикография. [Apresyan, Yu. D. Integral'noe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya.] // *Избранные труды, т. II*. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1995.

Аскольдов-Алексеев 1928: Аскольдов-Алексеев, С. А. Концепт и слов*о*. [Askol'dov-Alekseev, S. A. Kontsept i slovo.] // *Русская речь*. Ленинград, 1928.

Арутюнова 1999: Арутюнова, Н. Д. *Язык и мир человека*. [Arutyunova, N. D. Yazyk i mir cheloveka] Москва: Языки русской культуры, 1999.

Болдырев 2001: Болдырев, Н. Н. Концепт и значение слова. [Boldyrev, N. N. Kontsept i znachenie slova.] // *Методологические проблемы когнитивной лингвистики*: научное издание, под ред. И. А. Стернина. ВГУ, 2001.

Вайсгербер 2004: Вайсгербер, Л. Й. *Родной язык и формирование духа*. [Weisgerber, L. J. Rodnoj yazyk i formirovanie duha.] Пер. с нем.; вступ. ст. и коммент. О. А. Радченко. Москва: УРСС Едиториал, 2004.

Воркачёв 2001: Воркачёв, С. Г. *Л*ингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании. [Vorkachev, S. G. Lingvokul'turologiya, yazykovaya lichnost', kontsept: stanovlenie antropotsentricheskoj paradigmy v yazykoznanii.] // *Филологические науки, № 1*, Краснодар, 2001, 64 – 72.

Воркачёв 2007: Воркачёв, С. Г. *Лингвокультурный концепт: типология и области бытования*. [Vorkachev, S. G. Lingvokul'turnyj kontsept: tipologiya i oblasti bytovaniya.] Волгоград: издательство Волгоградского университета, 2007.

Карасик 2002: Карасик, В. И. *Языковой круг: личность, концепты, дискурс.* [Karasik, V. I. Yazykovoj krug: lichnost', kontsepty, diskurs.] Волгоград: Перемена, 2002.

Карасик, Слышкин 2001: Карасик, В. И., Слышкин, Г. Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования. [Karasik, V. I., Slyshkin, G. G. Lingvokul'turnyj kontsept kak edinitsa issledovaniya.] // *Методологические проблемы когнитивной лингвистики:* Сб. науч. тр. / Под ред. И. А. Стернина. Воронеж: ВГУ, 2001, 75 – 80.

Караулов 2009: Караулов, Ю. Н. *Лингвокультурное сознание русской языковой личности: моделирование состояния и функционирования.* [Karaulov, Yu. N. Lingvokul'turnoe soznanie russkoj yazykovoj lichnosti: modelirovanie sostoyaniya i funktsionirovaniya.] Московский государственный лингвистический ун-т, Ведущая научная школа «Русская языковая личность», Москва: Азбуковник, 2009.

Красных 2014: Красных, В. В**.** Лингвокогнитивная природа феномена воспроизводимости в свете психолингвокультурологии. [Krasnyh, V. V. Lingvokognitivnaya priroda fenomena vosproizvodimosti v svete psiholingvokul'turologii.] // *Журнал «Мир русского слова» № 2*, 2014, 9 – 16.

КСКТ 1997: Кубрякова, Е. С., Демьянков, В. З., Панкрац, Ю. Г., Лузина, Л. Г. *Краткий словарь когнитивных терминов*, под общ. ред. Е. С. Кубряковой. [Kubryakova, E. S., Dem'yankov, V. Z., Pankrats, Yu. G., Luzina, L. G. Kratkij slovar' kognitivnyh terminov.] Москва: Филолог. фак. МГУ, 1997.

Кубрякова 1998: Кубрякова, Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира. [Kubryakova, E. S. Rol' slovoobrazovaniya v formirovanii yazykovoj kartiny mira.] // *Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира.* Москва: Наука, 1998, 141 – 172.

Лакофф, Джонсон 2004: Лакофф, Дж., Джонсон, М. *Метафоры, которыми мы живем*. [Lakoff, G., Johnson, M. Metafory, kotorymi my zhivem.] Пер. с англ. Баранова А. Н., Морозовой А. В. Москва: Едиториал УРСС, 2004.

Маслова 2001: Маслова, В. А. *Лингвокультурология*. [Maslova, V. A. Lingvokul'turologiya.] Москва: Академия, 2001.

Маслова 2007: Маслова, В. А. *Введение в когнитивную лингвистику*. [Maslova, V. A. Vvedenie v kognitivnuyu lingvistiku.] Москва: Флинт: Наука, 2007.

Пименова 2011: Пименова, М. В. *Языковая картина мира.* [Pimenova, M. V. Yazykovaya kartina mira.] Кемерово: КемГУКИ, 2011.

Попова, Стернин 2001: Попова, З. Д., Стернин, И. А. *Очерки по когнитивной лингвистике.* [Popova, Z. D., Sternin, I. A. Ocherki po kognitivnoj lingvistike.] Воронеж: Истоки, 2001.

Попова, Стернин 2007: Попова, З. Д., Стернин, И. А. *Когнитивная лингвистика*. [Popova, Z. D., Sternin, I. A. Kognitivnaya lingvistika.] Москва: АСТ «Восток-Запад», 2007.

Слышкин 2004: Слышкин, Г. Г. *Лингвокультурные концепты и метаконцепты.* [Slyshkin, G. G. Lingvokul'turnye kontsepty i metakontsepty.] Волгоград: Перемена, 2004.

Степанов 2004: Степанов, Ю. С. *Константы: Словарь русской культуры.* [Stepanov, Yu. S. Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury.] 3-е изд. испр., Москва: Академический проект, 2004.

Телия 1996: Телия, В. Н. *Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*. [Teliya, V. N. Russkaya frazeologiya: semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty.] Москва: Языки русской культуры, 1996.

Уорф 1965: Уорф, Б. Л. Отношения норм поведения и мышления к языку. [Worf, B. L. Otnosheniya norm povedeniya i myshleniya k yazyku.] // *История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях: в 2 ч. Ч. II*. Москва: Просвещение, 1965, 255 – 281.

Фрумкина 1992: Фрумкина, Р. М. Концепт, категория, прототип. [Frumkina, R. M. Kontsept, kategoriya, prototip.] // *Лингвистическая и экстралингвистическая семантика.* Москва: ИНИОН РАН, 1992, 3 – 43.

Чакырова 2016: Чакырова, Ю. *Ракурси на когнитивната лингвистика.* [Chakarova, Yu. Rakursi na kognitivnata lingvistika.] Пловдив: УИ „Паисий Хилендарски“, 2016.

ПЛОВДИВСКИ УНИВЕРСИТЕТ „ПАИСИЙ ХИЛЕНДАРСКИ“ – БЪЛГАРИЯ
НАУЧНИ ТРУДОВЕ, ТОМ 63, КН. 1, СБ. Б, 2025 – ФИЛОЛОГИЯ,
PAISII HILENDARSKI UNIVERSITY OF PLOVDIV – BULGARIA
RESEARCH PAPERS, VOL. 63, BOOK 1, PART B, 2025 – LANGUAGES AND LITERATURE

DOI 10.69085/ntf2026b112

МУЗИКАЛНИЯТ КУЛТУРЕН КОД КАТО ЛИНГВОКУЛТУРЕН ФЕНОМЕН (ВЪРХУ МАТЕРИАЛ ОТ РУСКИЯ ЕЗИК)[1]

Анастасия Кехайова
Пловдивски университет „Паисий Хилендарски“

THE MUSICAL CULTURAL CODE AS A LINGUOCULTURAL PHENOMENON (BASE ON MATERIAL FROM RUSSIAN LANGUAGE)

Anastasia Kehayova
Paisii Hilendarski University of Plovdiv

anastasia.kehayova@uni-plovdiv.bg

The report explores the relationship between language and music in the context of linguocultural studies and through the topic of cultural codes. The main hypothesis is that the language-music interaction generates a specific linguocultural segment in the codification of culture, related to music and called musical linguocultural code. The report demonstrates examples of linguistic explication of the musical linguocultural code in Russian language within the framework of figurative vocabulary. The main indicated fields of verbalization are metaphors, phraseological units and linguocultural emblems with most of them containing a component of the lexical-semantic field “music”.

Key words: language, music, linguocultural code

Настоящият доклад е един от първите опити за осветяване на проблематиката на бъдещо съпоставително дисертационно изследване на тема „Музикалният културен код в руския и английския език“.

[1] Това изследване е финансирано от Европейския съюз – NextGenerationEU, чрез Националния план за възстановяване и устойчиво развитие на Република България, проект ДУЕКОС BG-RRP-2.004-0001-C01 (ДУЕКОС D24-FlF-005).

Актуалността на зададената тема е предопределена от възникването на антропоцентричната парадигма в края на XX век, провокирала развитието на глобален интердисциплинарен подход към изследването на научните феномени. Лингвокултурологията като продукт на тази парадигма е основана върху идеята за неразривната връзка между *език* и *култура*. Избраната от нас проблематика е фрагмент от лингвокултурогичните изследвания върху културните кодове през темата за взаимодействието *език – музика.*

Сред целите на настоящата разработка са да открои основните научноизследователски разбирания за понятията *културен код и лингвокултурен код* и да анализира вербалния потенциал на връзката *език – музика*, като очертае обща рамка за експликацията му в руския език.

Според работната ни хипотеза взаимодействието *език – музика* резултира в партньорство, което е част от дадена културна семиосфера. То се вербализира в рамките на културни реалии, свързани с музикалното изкуство, и чрез семантичната реализация на компонентите от лексикално-семантичното поле „музика“ в условия на метафоричен или емблематичен контекст. Получените езикови корпуси от образна лексика генерират специфичен лингвокултурен сегмент в кодификацията на културата, свързан с музиката и условно наречен от нас *музикален културен код*.

С проблематиката конкретно на културните и лингвокултурните кодове в езика се занимават учени като Виктория Красних, Валентина Маслова, Марина Пименова, Владимир Воробьов, Дмитрий Гудков, Владимир Савицки и др.

Терминът „код“, първоначално част от научно-техническия дискурс, сега се употребява широко в хуманитарните науки. Лингвокултуролозите посочват, че всеки сетивен аспект на съществуването може да служи като културен код: природни феномени, флора, фауна и човешки творения (оръдия на труда, жилища, домакински прибори, дрехи, оръжия и др.). Всичко това са „езици“, чрез които хората общуват помежду си[2] (Савицки, Гашимов 2005: 19; Маслова, Пименова 2018: 21).

В съвременната лингвокултурология има различни определения за термина „културен код“. Според един от най-значимите теоретици по проблематиката В. Красних:

[2] Всички преводи тук и по-долу са наши – А. К.

> Кодът на културата се разбира като „мрежа“, която културата „хвърля“ върху заобикалящия свят – тя го разчленява, категоризира, структурира и оценява. Културните кодове са свързани с най-древните архетипни представи на човека. Всъщност именно културните кодове „кодират“ тези представи.
>
> (Красних 2002: 232)

Тъй като езикът осигурява знаковата система за „кодиране“ на културните смисли, лингвокултурологичните изследвания се фокусират върху словесната обвивка на културните кодове:

> Културните кодове, когато бъдат вербализирани, се трансформират в лингвокултурни кодове, които функционират в речевата комуникация и са вербално въплъщение на културните кодове. Например можем да се поклоним на някого в знак на благодарност, но можем и да кажем „Нисък поклон!“ със същата цел. Така невербалният знак на социалната символика се заменя с неговия вербален еквивалент.
>
> (Савицки 2016: 57)

На това основание ще приемем понятията *музикален културен код* и *музикален лингвокултурен код* за синонимни в рамките на настоящата разработка.

Шестте базови типа културни кодове са въведени от Виктория Красних: соматичен (телесен), пространствен, времеви, предметен, биоморфен и духовен (Красних 2001: 6). Според изследователката тези кодове „…задават и предопределят метрически еталонната сфера, която участва в структурирането и оценката на материалния свят“ (Красних 2001: 19).

Тази класификация служи като основополагаща отправна точка в развитието на понятието и е една от най-разпространените, но съществуват и други. Списъкът на културните кодове непрекъснато се обогатява: числов, ландшафтен, архитектурен, гастрономически, цветови и др.

В. Маслова и М. Пименова отличават кодовете според тематичната принадлежност на ключовата лексема на определен езиков израз: **космогоничен**[3] (*космическая бездна*); **соматичен** (*у подножия горы*); **пространствен** (*ходить налево «гулять»*); **количествен** (*есть/работать за семерых*); **предметен** (*гвоздь программы*); **архитектурен** (*храм науки*); **обонятелен** (*дохнуло страхом*); **костюмен** (*засучив рукава, родиться в рубашке*); **геометричен** (*сделать круглые глаза; круглый отличник*) (Маслова, Пименова 2018: 71). Предложената класифи-

[3] Удебеляването на шрифта тук и по-долу е наше – А. К.

кация ние използваме като отправна точка за компилиране на тематичен езиков материал, позволяващ открояване на музикален сред лингвокултурните кодове.

Конкретно музикален лингвокултурен код в езика М. Пименова открива в рамките на културния модел на метафорите (Маслова, Пименова 2018: 37 – 38). М. Пименова посочва компонент от лексикално-семантичното поле „музика“ като част от асоциативен комплекс на метафорично преосмисляне: музыка → соматическое явление = метафора: *струны сердца* (Маслова, Пименова 2018: 35). Към този пример ние бихме добавили и следните примери за метафорични изрази с компоненти от тематичното поле във фокуса на вниманието ни: ***струны души*** *(„струна“ – перен.; чего или какая. Особенность, сторона человеческой натуры, свойство характера.)*; ***музыка речи*** *(„музыка“ – перен. Гармоническое, приятное для слуха звучание чего-л.);* ***тянуть волынку*** *(„волынка“ – прост. Намеренное затягивание какого-л. дела, медлительность в работе.);* ***устроить/закатить концерт*** *(„концерт“ – неодобр. О проявлении недовольства, выливающемся в скандал или истерику.);* ***говорить без прелюдий*** *(„прелюдия“ – чего или к чему. Введение, начало, предвестие чего-л.);* ***заключительный аккорд*** *(действие, явление, событие и т. п., которыми что-л. завершается, заканчивается);* ***тревожная нота*** *(„нота“ – чего или какая. Тон, интонация, оттенок речи, в которых проявляется какое-л. чувство, отношение говорящего к предмету или теме разговора.);* ***дурной тон (невоспитанность)*** *(„тон“ – характер, стиль поведения, жизни);* ***(сто раз) петь об этом*** *(„петь“ – разг. Долго и много говорить, твердить о чём-л.)* и др. По силата на когнитивната научна парадигма смятаме, че елементи от лексикално-семантичното поле „музика“ са градивен компонент на концептуални метафори[4]. Този аспект от изследването ни ще бъде разгледан по-подробно в отделна разработка.

Друго поле за вербализация на музикалния лингвокултурен код според нашето виждане са фразеологизмите[5].

Лингвокултурологичният подход към изследването на особеностите на културната семантика на фразеологизмите е свързан с руската фразеологична школа. Според В. Н. Телия, към чието мнение се присъединяваме, именно лингвокултурологичният аспект при изследването на фразеологичните единици описва „синергетичната по своята същност

[4] Задълбочени концептуални изследвания може да откриете в работите на Ю. Чакърова (Чакърова 2007, 2013).

[5] В работата разглеждаме понятието „фразеологизъм“ в широк смисъл по примера на Н. М. Шанский (Шанский 1996: 35 – 36).

корелация между „езика“ на културата и семантиката на фразеологизмите“ (Телия, ред. 2004: 19). Действително несвободните словосъчетания със свойствената си метафоричност и висока възпроизводимост предоставят продуктивна основа за взаимодействие между езика и културата и респективно – за активиране на лингвокултурологичния изследователски инструментариум с аналитична цел. „Само чрез данните, получени посредством този метод, можем да говорим за фразеологията като за най-културоносния компонент на езика в действие“ (пак там).

Комплементарна е тезата на М. Л. Ковшова, която откроява неразривната връзка между лингвокултурните кодове и фразеологията:

> Тълкуването на [компонентите на фразеологизма] като културни знаци е обусловено от тяхната културна значимост в даден тематичен код на културата, където съответните думи разкриват своя културен смисъл.
>
> (Ковшова 2016: 174 – 175)

Б. Тенчев, от своя страна с основание разглежда фразеологията като проводник на асоциации и национални особености:

> Националната специфика особено се проявява във фразеологизмите, тъй като в тях се съхраняват културно значима информация, национално-културен опит и традиции. […] [Фразеологизмите] винаги предизвикват асоциации.
>
> (Тенчева 2012: 450)

По-голямата част от ексцерпирания дотук материал по темата обхваща именно фразеологизми от словника на тематични и фразеологични речници. Към момента са открити над 100 фразеологични единици, групирани според съответния компонент от лексикално-семантичното поле и броя. Последващият ни коментар върху езиковия корпус ще бъде предложен с оглед на подкрепените от нас тези и с цел да очертае приблизителен лингвистичен контур на музикалния лингвокултурен код в руския език.

Таблица 1. *Брой на фразеологични единици с компонент от лексикално-семантичното поле „музика“*

Брой / ***Групи***	***>10***	***5 – 10***	***1 – 5***	***0***
Музикални елементи	петь песня		тон нота аккорд темп звук такт прелюдия	диапазон мелодия октава высота
Музикални жанрове			опера	джаз
Музикални форми			концерт	хор оркестр группа
Музикални инстру-менти и средства	труба	колокол дудка струна	играть скрипка гармоника бубен арфа барабан во-лынка балалайка баян тарелка кимвал шарманка пластинка	рожок смычок лютня клавиша палка
Музикални изпълни-тели			барабанщик	скрипач трубач волынщик

Сред примерите с компонентите, образуващи най-голям брой фразеологични единици от избраното лексикално-семантичното поле, установяваме следните модели за метафорично преосмисляне:

1) *Музыка*: ◊[6] *гроб с музыкой Прост. Экспрес. То, что связано с большими неприятностями, трудностями.* ◊ *другая (иная) музыка Разг. Экспрес. 1. Совсем не то; нечто особое. 2. Совсем иначе (вышло, пошло, пойдёт и т. п. что-либо).*

2) Песня: ◊ *всё та же (эта же) песня Разг. Пренебр. То, о чём часто говорится, повторяется, что давно известно.* ◊ *длинная песня Разг. Ирон. Это не скоро может быть сделано, выполнено, придётся еще ждать да ждать.* ◊ *другая песня Прост. Экспрес. Об изменении в делах, порядках, положении.* ◊ *песня спета Разг. Экспрес. Наступил конец (активной, полноценной) жизни, преуспевания кого-либо.* ◊ *заводить/завести песню Прост. Экспрес. Начинать долгий разговор о том, что уже сказано.* ◊ *ладить одну и ту же песню Прост. Пренебр. Повторять одно и то же; говорить об одном и том же.* ◊ *одна песня у кого. Прост. Пренебр. Кто-либо постоянно повторяет одно и то же.* ◊ *певать ту же песню Прост. Пренебр. Повторять то, что уже говорилось.*

3) Струна, скрипка: ◊ *слабая струнка (струна) кого, чья. Разг. Ирон. Наиболее уязвимая сторона характера, на которую легче можно воздействовать.* ◊ *Первая скрипка – О человеке, которому принадлежит в чём-либо ведущая роль.*

4) Нота: ◊ *Как по нотам – четко, легко;* ◊ *Фальшивая нота – о чём-то неискреннем или негармоничном.*

5) Тон: ◊ *в тон 1. Созвучно чему-либо. 2. Разг. В той же манере; таким же образом (отвечать, реагировать на что-либо и т. п.). 3. Соответствуя тому же цвету или его оттенку.* ◊ *задавать/задать тон Разг. 1. Начиная что-либо в определённом направлении;* ◊ *под тон чему. Устар. В стиле, манере чего-либо* ◊ *попадать/попасть в тон кому. Говорить или поступать соответственно настроению, взглядам кого-либо.)*

6) Пластинка: ◊ *заводить/завести пластинку Прост. Презр. Многократно возобновлять один и тот же разговор.* ◊ *переменить пластинку Прост. Пренебр. Изменить тему разговора.* ◊ *сменить пластинку Нов. Прост. Ирон. Переменить тему разговора, заговорить о чём-либо другом. Часто употребляется как просьба, приказание прекратить докучный или неприятный разговор.*

7) Труба, колокол: ◊ *трубить в трубу – распространять какие-либо слухи, известия, сплетни о ком-либо или о чём-либо.;* ◊ *вылетать*

[6] В руската лексикографска практика с този знак е прието да се означават фразеологичните единици.

в трубу Разг. Экспрес. Совершенно разориться на каком-нибудь неудачном деле, предприятии, в результате проигрыша.; ◊ нетолчёная труба кого. Устар. Экспрес. Очень много, огромное количество.; ◊ хоть в трубу (в трубы) труби Разг. Экспрес. Как угодно кричи, шуми (это не помешает). ◊ бить во все колокола Разг. Экспрес. Бить / забить / ударять / ударить во все колокола – поднимать тревогу. ◊ звонить в колокола Прост. Экспрес. – всем, повсюду объявлять о чем-л.; шумно обсуждать какую-л. новость, известие. ◊ лить колокола Устар. Ирон. Врать, распускать сплетни, лживые слухи. Лить колокола – врать, распускать небылицы, сплетни, пустую молву; пустословить.

Корпусът от примери с по-продуктивните сред компонентите показва, че при двойките „музыка“ и „песня“, „песня“ и „пластинка“ в руското съзнание се наблюдава известна „асоциативна синонимност“, свързана съответно с: „обстоятелство, положение“ при първата двойка и „разговор или тема на разговор“ при втората. „Струна“ и „цигулка“ се асоциират с човешка характеристика, нотите се оприличават на „яснота, прецизност, хармония“, тонът е „маниер, начин“. „Труба“ и „колокол“ съвсем естествено символизират увеличаване на амплитудата.

Смятаме за производителен и метафоричния контекст, осигурен от музикалните културни реалии в лицето на лингвокултурната емблематика[7]. За разлика от разгледания дотук корпус от примери лингвокултурните емблеми (имена, текстове, изрази и ситуации) не съдържат компонент от лексикално-семантичното поле „музика“. Те в условия на нулева „музикална“ лексема сами по себе си представляват културна реалия, неизменно свързана с музикалното изкуство, което ги определя като един от фундаментите на вербална експликация на музикалния лингвокултурен код.

[7] В работата разглеждаме прецедентиката като лингвокултурна емблематика по примера на Н. Чернева (Чернева 2024: 11 – 16).

Таблица. 2. *Лингвокултурни емблеми на музикалния лингвокултурен код*[8].

Примери, употреба / Видове емблеми	**Пример**	**Употреба в речта**
Емблематични имена	**Высо́цкий**	Във фразеологични единици като: петь под Высоцкого; голос, как у Высоцкого (о сильном хриповатом голосе).
Емблематични текстове	„Две гита́ры, зазвене́в…“ (градски романс по текст на Аполлон А. Григориев)	Текстът на романса е познат на мнозина, а редовете „Эх, раз, ещё раз, ещё много, много раз!“ са се превърнали в крилата фраза.
	„Дубѝнушка“ (старинна руска песен по текст на Василий И. Богданов)	Свързва се с крилатата фраза „Эх, дубинушка, ухнем!“
Емблематични изрази	**„Эх, раз, ещё раз, ещё много, много раз!“** **„Эх, дубинушка, ухнем!“**	За руснаците този израз има тъжна конотация и се използва като универсално разбираем израз за повторяемостта на определени събития или ситуации в живота на човек или общество. Крилатата фраза „Эх, дубѝнушка, у́хнем!“ се използва в съвременната реч в ситуации, когато се изискват съвместни физически усилия, например за носене или преместване на тежки предмети.
Емблематични ситуации	**Могучая кучка**[9] (название на група имена емблеми на руски композитори)	В съвременната руска реч „могучая кучка“ („могъща петорка“) може да се използва за описание на малка група сплотени хора със сходни интереси, както и ситуация на единомислие.

[8] Посочените примери са илюстративни и не изчерпват корпуса.

[9] „Могъщата петорка“ (*„Могучая кучка“)* е творческо обединение на руски композитори, създадено в Санкт Петербург в края на 1850-те и началото на 1860-те години.

„Музикалните“ лингвокултурни емблеми (имена, изрази, текстове и ситуации) с присъщата си дифузност и симетрична функционалност могат да проникват от един вид в друг. Те могат да бъдат мотивираща основа за създаване на фразеологични единици (◊ *петь под Высоцкого*). На второ място, наблюдаваме, че крилати изрази от текстове на емблематични за руската култура песни като носители на културни препратки се превръщат и в емблематични изрази. Сред основните лингвистични фактори, обуславящи преминаването на микрофрагменти от музикално-вербалните произведения на изкуството в разреда на крилатите единици, е обобщаващата им функция (Каменев 2012: 94). „Музикалните“ крилати единици (емблематични изрази) в руския език наброяват около 1200, анализирани са подробно и са ексцерпирани от жанрове като опера, романси, народни, революционни, съветски, бардовски и други песни (Каменев 2012: 55 – 66). За целите на настоящата разработка ще подчертаем неотменната роля на цитираните музикално-вербални жанрове, някои от които – типични за руската историческа действителност, във формирането на лингвистичния облик и екстралингвистичните послания на музикалния лингвокултурен код в руския език.

Без да претендираме за изчерпателност на представената картотека, компилирана от лексикографски източници, въз основа на разглеждания материал предлагаме следните заключения:

1) Музикалният културен код е специфичен сегмент в кодификацията на културата с вербална експликация, която го превръща в лингвокултурен код.

2) Музикалният лингвокултурен код се вербализира чрез полета от тематична образна лексика с културна натовареност: метафори, фразеологизми и лингвокултурни емблеми. Най-широко представителство от езикови единици откриваме при емблематичните изрази с произход знаково руско музикално произведение, на второ място следват фразеологичните единици с компонент от лексикално-семантичното поле „музика“ и най-малобройни са метафорите.

3) Откриват се примери за системни отношения между фразеологичните единици с различен компонент от лексикално-семантичното поле „музика“ *(иная/другая музыка = другая песня = ария из другой оперы; заводить/завести песню = заводить/завести пластинку = завести шарманку).*

Литература

Каменев 2012: Каменев, К. В. *Крылатые единицы, восходящие к синтетическим жанрам искусства, в современном русском и английском языке.* [Kamenev, K. V. Krylatye edinitsy, voshodyashhie k sinteticheskim zhanram iskusstva, v sovremennom russkom i angliyskom yazyke.] Магнитогорск, 2012.

Ковшова 2016: Ковшова, М. Л. *Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры.* [Kovshova, M. L. Lingvokul'turogicheskij metod vo frazeologii: kody kul'tury.] Москва: Либроком, 2016.

Красних, Изотов, ред. 2001: Красных, В. В. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору). [Krasnyh, V. V. Kody i etalony kul'tury (priglashenie k razgovoru.] // *Язык, сознание, коммуникация: Сборник статей.* Москва: МАКС Пресс, 2001, № 19, 5 – 19.

Красних 2002: Красных, В. В. *Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. Лекционный курс.* [Krasnyh, V. V. Etnopsiholingvistika i lingvokul'turologiya. Lektsionnyj kurs.] Москва: Гнозис, 2002.

Маслова, Пименова, 2018: Маслова, В. А., Пименова, М. В. *Коды лингвокультуры: учеб. пособие*. [Maslova, V. A., Pimenova, M. V. Kody lingvokul'tury: ucheb. posobie.] Москва: Флинта: Наука, 2018.

Савицки 2016: Савицкий, В. М. Лингвокультурные коды: к обоснованию понятия. [Savitskij, V. M. Lingvokul'turnye kody: k obosnovaniyu ponyatiya.] // *Вестник МГОУ. Серия Лингвистика.* Москва, 2016, № 2, 55 – 62. <https://www.linguamgou.ru/jour/article/view/544> (05.01.2026).

Савицки, Гашимов 2005: Савицкий, В. М., Гашимов, Э. А. *Лингвокультурный код (состав и функционирование).* [Savitskij, V. M., Gashimov, E. A. Lingvokul'turnyj kod (sostav i funktsionirovanie).] Москва: Моск. гор. пед. ун-та, 2005.

Телия, ред. 2004: Телия, В. Н. Культурно-языковая компетенция: её высокая вероятность и глубокая сокровенность в единицах фразеологического состава языка. [Teliya, V. N. Kul'turno-yazykovaya kompetentsiya: ee vysokaya veroyatnost' i glubokaya sokrovennost' v edinitsah frazeologicheskogo sostava yazyka.] // *Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках*. Москва: Языки славянской культуры, 2004, 19 – 30.

Тенчева 2012: Тенчева, Б. К вопросу о фразеологических единицах в рекламных текстах как о лингвокультурном феномене. [Tencheva,

B. K voprosu o frazeologicheskih edinitsah v reklamnyh tekstah kak o lingvokul'turnom fenomene.] // *Slovo. Tekst. Czas XI. Frazeologia slowianska w aspekcie onomazjologicznym, lingwokulturologicznym i frazeograficznym.* Szczecin – Greifswald: Zapol, 2012, 449 – 456.

Чакърова 2007: Чакърова, Ю. Загадки времени в болгарской и русской концептосфере. [Chakarova, Yu. Zagadki vremeni v bolgarskoj i russkoj kontseptosfere.] // *Инновации в исследованиях русского языка, литературы и культуры.* Пловдив: Университетско издателство „Паисий Хилендарски", 2007, 98 – 105.

Чакърова 2013: Чакърова, Ю. Концептуалното пространство на щастието в българския, руския и английския език. [Chakarova, Yu. Kontseptualnoto prostranstvo na shtastieto v balgarskiya, ruskiya i angliyskiya ezik.] // *Славистика IV*, Пловдив: Университетско издателство „Паисий Хилендарски", 2013, 206 – 220.

Чернева 2024: Чернева, Н. Прецедентиката като лингвокултурна емблематика. [Cherneva, N. Pretsedentikata kato lingvokulturna emblematika.] // *Лингвокултурна емблематика: проекции и интерпретации (сборник научни статии),* Пловдив: Пловдивско университетско издателство, 2024, 9 – 21.

Шански 1996: Шанский, Н. М. *Фразеология современного русского языка.* [Shanskij, N. M. Frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka.] Санкт-Петербург: Специальная литература, 1996.

ИЗТОЧНИЦИ НА ЕКСПЕРПИРАНИТЕ ПРИМЕРИ:

Евгеньева, ред. 1999: Евгениева, А. П. *Словарь русского языка.* [Evgen'eva A. P. Slovar' russkogo yazyka.] Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. Москва: Рус. яз., Полиграфресурсы. <https://udarenieru.ru/index.php?dictionary=on> (05.01.2026).

Кузнецов 2000: Кузнецов, С. А. *Большой толковый словарь русского языка.* [Kuznetsov, S. A. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka.] Авторская редакция, 2000. <https://udarenieru.ru/index.php?dictionary=on> (05.01.2026).

Прохоров 2007: Прохоров, Ю. Е. *Россия. Большой лингвострановедческий словарь***.** [Prohorov, Yu. E. Rossia. Bol'shoj lingvostranovedcheskij slovar'.] Род общ. ред. Ю. Е. Прохорова. Москва: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007. <https://ls.pushkininstitute.ru/lsslovar/?title> (05.01.2026).

Рот 1961: Рот, Е. Х., Бабов, К., Въргулев, А. *Тематичен руско-български речник*. [Rot, E. H., Babov, K., Vargulev, A. Tematichen rusko-

balgarski rechnik.] Род редакцията на Е. Х. Рот, К. Бабов, А. Вургулев. София: Народна просвета, 1961.

Фьодоров 2008: Фёдоров, А. И. *Фразеологический словарь русского литературного языка.* [Fedorov, A. I. Frazeologicheskij slovar' russkogo literaturnogo yazyka.] 3-е изд., испр. Москва: Астрель, 2008.

ЛИНГВИСТИЧНИ И ЛИНГВОКУЛТУРОЛОГИЧНИ ИЗСЛЕДВАНИЯ НА ДРУГИ ЧУЖДИ ЕЗИЦИ

ПЛОВДИВСКИ УНИВЕРСИТЕТ „ПАИСИЙ ХИЛЕНДАРСКИ“ – БЪЛГАРИЯ
НАУЧНИ ТРУДОВЕ, ТОМ 63, КН. 1, СБ. Б, 2025 – ФИЛОЛОГИЯ,
PAISII HILENDARSKI UNIVERSITY OF PLOVDIV – BULGARIA
RESEARCH PAPERS, VOL. 63, BOOK 1, PART B, 2025 – LANGUAGES AND LITERATURE

DOI 10.69085/ntf2026b127

FROM *MULTI-NESS* TO *COULD-NESS*: REVISITING THE COMBINATORIAL PROPERTIES OF THE ENGLISH SUFFIX *-NESS*

Maria Kolarova
St. Kliment Ohridski University of Sofia

m.kolarova@uni-sofia.bg

This paper seeks to broaden our understanding of the combinatorial properties of the well-studied suffix *-ness* in contemporary English by exploring unusual formations of the types *multi-ness* or *un-ness* as well as *be-ness* or *could-ness*. Drawing on data from the NOW corpus, iWeb and Sketch Engine, the study investigates the semantic nuances and morphological peculiarities of these formations. It further highlights how the high productivity of the native suffix *-ness* has led to creativity in contemporary English word-formation.

Key words: *-ness*, prefixal morphemes, modal verbs, morphological creativity

I. Introduction

The English suffix *-ness* is one of the most productive nominalizers in the language, showing a strong preference for adjectival bases but not confined only to the category of adjectives. As Bauer et al. (2013: 246) indicate, “we would be hard-pressed to find any category with the exception of verbs and bound bases to which *-ness* could not attach; *-ness* seems in effect to serve as a sort of default way of forming abstract nouns from non-verbal categories in contemporary English”. Our modest dataset, compiled from the News on the Web (NOW) corpus, iWeb and Sketch Engine, reveals that the suffix *-ness* can attach directly to elements that fall within the class of prefixal morphemes, such as *anti-*, *hyper-*, *meta-*, *mini-*, *multi-*, *non-*, *quasi-*, *retro-*, *trans-*, *un-*, etc., and to free verbal bases[1], such as *be*, *could*

[1] The suffixation of *-ness* to verbal bases is exceptional in English: *forgiveness* derives etymologically from the past participle of *forgifan* + *-ness* (Etymonline), while *cherishness* is only attested in Middle English and is now obsolete (OED).

or *should*. This is evidenced by the forms presented later on in the paper. More specifically, the prefixal morphemes are of non-native origin, with the exception of *un-*, while the verbal bases comprise modal auxiliaries, the verb *be* and most of its suppletive forms. We have excluded from our discussion examples like *beingness*, *comingness*, *doingness* or *living-ness*, since the *-ing* base in such derivatives is more appropriately analysed as a deverbal adjectival or nominal lexeme rather than as a present participle form[2]. And, as it will be noted further on, it is not unsual for *-ness* to combine with nominal bases.

We have also decided to set aside forms such as *mid-ness*, *off-ness*, *over-ness* or *out-ness* on the grounds that their left-hand components are native morphemes that can function either as prefixes or as free roots. In addition, following Bauer et al. (2013: 600) (see also Plag 2018: 98), we treat the above-listed items *anti-*, *hyper-*, *meta-*, *mini-*, *multi-*, *non-*, *quasi-*, *retro-*, *trans-*, etc. as 'non-native prefixes', although most of these could well be regarded as neoclassical combining forms. Establishing the boundary between derivational affixes and neoclassical combining forms is beyond the scope of the present study, but for our purposes it is worth noting that "no firm distinction may be drawn" (Bauer et al. 2013: 486). Furthermore, many of the items in question (*anti-*, *mega-*, *meta-*, *mini-*, *retro-*, *super-*, *ultra-*) are not strictly bound morphs, as they can also occur as free adjectival lexemes with senses closely related to those found in prefixal use. Notably, some items, for example *extra-*, *meta-*, *retro-*, have developed more lexicalized meanings when used as adjectives. Such uses are illustrated in the following excerpts from the NOW corpus (boldface added): *In this very **meta** novel, a group of murder mystery authors are invited to a writing retreat*; *Don't want to walk outside in the cold? With this **mini** stepper, you can exercise right at home*; *Guests are encouraged to dress up in **retro** fashion to embrace the spirit of the decade*. Nevertheless, what is relevant for our discussion is that certain prefixal morphemes in English can be used as bases for the suffixation of *-ness*.

Undoubtedly, the direct attachment of *-ness* to a prefix or a verb is a morphological irregularity in the language, or, drawing on Bauer (2001: 93), an instance of rule-changing innovation, which, in his words, "is always creativity" (ibid. 93). Thus, by examining the semantic nuances and morphological properties of coinages like *multi-ness*, *un-ness*, *be-ness* and

[2] This observation rests on the principle that derivational suffixes occur closer to the root and precede inflectional ones. Therefore, *-ing* in *beingness*, *comingness*, *doingness* and similar formations does not function as a present participle inflection but assumes a derivational role.

could-ness, this study seeks to expand our understanding of the combinatorial properties of *-ness* in contemporary English, and to show how the high productivity of this suffix has resulted in the emergence of some creative formations. To pursue this aim, the paper first provides a concise overview of the formal and semantic properties of *-ness* as described in the existing literature, and then analyzes some of the collected items with a view to illustrating the unusual derivational patterns involving *-ness*.

II. What the literature tells us about *-ness*: a brief overview

This suffix has received considerable scholarly attention, frequently studied alongside its rivals *-ity* or *-acy*, as shown by works such as Aronoff (1976), Riddle (1985: 435−461), Cowie (1999), Lindsay (2012: 192−203), Arndt-Lappe (2014: 497−548), Naismith and Kanwit (2021: 115−137), Rodríguez-Puente et al. (2022), Schäfer (2025: 1−46), among others. What we know about *-ness* is that it is of Germanic origin and has been used productively in English since Old English times (Arndt-Lappe 2014: 498). It forms abstract nouns and the vast majority of its bases are adjectives that can be native (*deepness*) or non-native (*bizarreness*), simple (*deadness*, *braveness*), derived (*childishness*, *globalness*) or compound (*airheadedness*, *church-relatedness*) (Bauer et al. 2013: 245−246, 256). Additionally, *-ness* is also found fairly often on simple nouns (*gameness*, *treeness*) and nominal compounds (*couch-potatoness*, *human-beingness*) (Bauer et al. 2013: 246) but it can also take as its base derived nouns as in *friendshipness* or *childhoodness*.

The combinatorial flexibility of this suffix extends to phrases of different types (*all-at-once-ness*, *out-of-control-ness*, *stick-with-it-ness*), adverbs (*alwaysness*, *nowness*), numerals (*five-ness*, *four-ness*, *two-ness*), interjections (*ouchness*, *wow-ness*) and function words including pronouns (*himness*, *mine-ness*, *weness*), prepositions (*between-ness*, *of-ness*, *with-ness*) or conjunctions (*and-ness*, *butness*) (cf. Bauer et al. 2013: 246; Arndt-Lappe 2014: 509−510).

In comparison to its rival *-ity*, *-ness* is qualitatively considered as much more productive (Aronoff and Lindsay 2014: 74) (see also Aronoff 1976: 35−45; Baayen 1992: 116; Alexiadou 2014: 256). Riddle (1985: 437−438) offers a subtle semantic distinction between the two suffixes, arguing that *-ness* "tends to denote an embodied attribute or trait" (*ethnicness*, *hyperactiveness*, *realness*), whereas *-ity* "tends to denote an abstract or concrete entity" (*ethnicity*, *hyperactivity*, *reality*). She is careful to highlight that "the suffixes themselves have different meanings when occurring on many bases, but the distinction is not realized on all bases" (ibid. 437). Indeed, it is not difficult to find *-ness* and *-ity* pairs with no clearly discernible

semantic difference, so that the two members of the pair can be used interchangeably, e.g. *pureness* and *purity*, *exclusiveness* and *exclusivity*, *passiveness* and *passivity* (Bauer et al. 2013: 257−258; Schäfer 2025: 2).

As regards Riddle's distinction, it has generated extensive scholarly commentary (Schäfer 2025: 4). According to Bauer et al. (2013: 257), this distinction is lacking complete clarity but it seems to rest on the degree of reification of the quality denoted by the adjective, i.e. "*-ness* forms abstract nouns with a lower degree of reification than *-ity*". For instance, *hyperactiveness* denotes only a property that a certain individual may display at a particular moment, whereas *hyperactivity* is reified as it denotes a diagnosable condition (cf. also *activeness* ~ *activity*, *formalness* ~ *formality*) (ibid. 257–259). The authors further emphasize that while *-ity* derivatives are more likely to occur as "high-frequency established forms and to have lexicalized meanings", deadjectival *-ness* formations "are only occasionally prone to idiomatization (as in *highness* or *illness*), seemingly always conveying the quality or state reading" (ibid. 258–259).

Bauer (1983: 222) describes *-ness* as one of the most productive suffixes in English, used both in nonce formations and in established words to replace other adjective-to-noun suffixes, adding that "[s]emantically it is the simplest of these suffixes". In a similar vein, Plag (2018: 92) defines *-ness* as "perhaps the most productive suffix of English", pointing out that regarding its potential bases, it is much less restrictive than the semantically related *-ity*.

Works based on historical data highlight different register preferences for *-ness* and *-ity*. For instance, Rodríguez-Puente et al. (2022) find that the greater frequency of *-ity* compared with *-ness* in the Early Modern English period was related to register: this development started in written texts and subsequently extended to speech-related registers (Schäfer 2025: 6). According to Cowie's (1999) research covering 1650–1990, *-ity* is generally preferred in scientific and medical writing, and *-ness* in sermons and fiction, although both suffixes occur across all registers without any clear and unambiguous preference for one suffix over the other (Schäfer 2025: 6).

In his study on the role of meaning in the rivalry between *-ity* and *-ness*, Schäfer (2025: 37) concludes that "the semantic properties of the bases are a major factor in affix selection, while the two affixes themselves are synonyms to the extent that they have relatively similar effects on their bases". The author specifies that bases selecting *-ity* differ in their semantic properties from bases selecting *-ness* (ibid. 36).

In the linguistic literature, *-ity* and *-ness* are also contrasted within the integrated–neutral affix dichotomy, where *-ness* is classified as a neutral

suffix and *-ity* as an integrated one (see Haspelmath and Sims 2010: 224). As indicated by Haspelmath and Sims (2010: 223), the distinction between the two types of affixes is largely based on their behavior in terms of morphophonological alternations. Thus, neutral suffixes like *-ness*, do not lead to a stress shift (*nátural* ~ *náturalness*), do not trigger or undergo morphophonological alternations ([aɪ] *divine* ~ [aɪ] *divineness*, but [ɪ] *divinity*) and generally occur further from the root (*natur-al-ness*), whereas integrated affixes like *-ity* show the opposite behavior (ibid. 223, 225).

By outlining the main morphological, semantic and distributional properties of *-ness*, particularly in relation to its rival *-ity*, the overview presented above provides a basis for the analysis that follows. This analysis examines selected *-ness* formations from our dataset, focusing on how their morphological properties and semantic nuances align with, or diverge from, the patterns involving *-ness* described in previous research.

III. What else our findings reveal about *-ness*

As noted in the introduction, *-ness* can attach not only to elements subsumed under the class of prefixal morphemes such as *anti-*, *multi-*, *non-*, *post-*, *un-*, etc., but also to free verbal bases such as *be*, *could* or *should*. For a more precise analysis, these *-ness* formations have been collected along with the contexts in which they appear in the cited sources. Due to space constraints, however, although all of the extracted *-ness* coinages are presented here, not all of their contextual excerpts are included. The following are selected examples (boldface added):

a) *So to take any sort of position with the idea that it was "anti-feminist" would be not only the sort of reactionary move that rightly rolls eyeballs, but also probably just factually wrong; that is, that position could probably be found within feminist theorizing somewhere. Otherness may be this sort of* ***anti-ness****, an opposition we use to define ourselves*. (iWeb)

b) ***Bi-ness*** *is still defined mostly as an in-between state, which can't help but frustrate those who find themselves perennially in-between*. (Sketch Engine)

c) *I've chosen to use that platform to speak openly about my* ***bi-ness****, because of other people who may feel invisible and unsure of whether or not to come out as bisexual*. (NOW)

d) *And there she was, in her lowest of moments, suggesting the question that has always been the source of Veep's narrative momentum: Could Selina Meyer, yet again, stage a comeback? Season 6 premieres with a definitive answer: nope. Not for now, anyway. "Omaha" is set exactly one year after Selina's presidential loss, and it finds President Meyer, who is*

now more specifically ex-President Meyer, dealing with the assorted vagaries of her ***ex-ness***. (NOW)

e) *Met Gala commentary is the absolute pinnacle of red carpet fashion criticism. The regularly scorching critiques are only exceeded in their* ***extra-ness*** *by the audacious clothes on display*. (NOW)

f) *Residents exhibit symptoms of "psychic numbing" (loss of feelings, interest, concentration, faith, hope), depression,* ***hyper-ness****, sleeplessness, and anxiety triggered by recollections of the trauma*. (NOW)

g) *The* ***mega-ness*** *of Michael Jackson in 1985 is hard to overstate. On his way to being crowned the King of Pop, Jackson was much more than just a pop star; he was America's kindler and gentler, moonwalking ambassador to the world, a secular religious figure in the making*. (NOW)

h) *We enjoyed the* ***meta-ness*** *the scripts allowed, having marvelous actors telling a story set in the world of movie-making, leading to shooting our own brief film segment and projecting it live in widescreen at a critical story point*. (NOW)

i) *To promote Coke's new mini bottle in Israel, Gefen Team came up with a mini-me themed promotion that nicely encapsulated the* ***mini-ness*** *of the new bottle*. (Sketch Engine)

j) *But Lagos does have a quality for which "energy" is the most honest description. A dynamism. An absence of pallor. You can feel it in the uncomfortable humid air — the talent, the ingenuity, the bursting* ***multi-ness*** *of everything, the self-confidence of a city that knows it matters*. (NOW)

k) *I'd seen the term 'ethical non-monogamy' in a newspaper; I thought it sounded pompous and silly at first – almost a joke. We laughed. But we also immediately liked the '****non-ness****' of it – which is to say it doesn't quite announce what it is, but it announces what it is not*. (NOW)

l) *My understanding of this enduring ending is not the one to be found in the kind of writing and thinking which argues that South Africa is post-apartheid (and therefore history has become irrelevant, the "post-" erasing the responsibilities and formations of the past). […] There is also another kind of talk about endings with which I do not want to agree, which says that apartheid may have ended but nothing has changed, that the "****post-ness****" is somehow fake*. (NOW)

m) *Even though the Indian leadership is busy in a damage-control exercise, it has already exposed the* ***pseudo-ness*** *of its capacities to become a self-perceived regional power through the support of the US and other like-minded states*. (NOW)

n) *Holyrood is a quasi-federal parliament which exercises sovereignty, but only to the extent that Westminster allows it. That was Donald Dewar's*

*solution to the conundrum of how to allocate limited sovereignty to the Scottish parliament in a unitary state. This **quasi-ness** was supposed to have been addressed after the independence referendum….* (NOW)

o) *If you're looking for the ultimate in **retro-ness**, and wish to see what gaming was like back in the golden era, then make sure you hop on over to the Xbox Games Store and nab both World Heroes and Turf Masters immediately*. (iWeb)

p) *Is it a bird? Is it a plane? No, it's SuperDock! But what makes Sonnet's latest Thunderbolt 4 laptop docking station so super? The **super-ness** is not the 19 top-end ports, although these are certainly impressive. What makes the Sonnet Echo 20 Thunderbolt 4 SuperDock so super is its built-in M.2 NVMe SSD slot which means you can add up to 8TB of SSD storage to your system without connecting an external storage device to the dock or computer*. (NOW)

q) *For so long I'd remained silent. I was grappling with a lot of internalized shame. I chose not to lead with my **trans-ness** early on because I didn't see examples of a young trans woman out in the world accomplishing her dreams*. (iWeb)

r) *But in taking nearly every aspect of the phone to the extreme, Motorola lost one of the most important parts of recent Razrs: the amazing value. The catch for all this **ultra-ness**: the Motorola Razr Ultra costs $1,300*. (NOW)

s) *I had hoped, as a young man, I was in that tiny minority of my countrymen who weren't unAustralian. But now I know I am not. I am out of the closet and I feel a great freedom, as if a stone has been lifted from my chest. No more will I deny the **un-ness** that dare not speak its name. I'm an unAustralian*. (NOW)

t) *Stop seeking, stop searching, just be. And you will be surprised: the last stop is the self. It is a kind of feeling of **am-ness**, **is-ness** – but it too is just a last stop, not yet a home*. (Sketch Engine)

u) *For these people "somewhere else" does not exist. They don't even recognize their presence, their presence here and now mainly because they do not have a concept of there or a concept of then. They are just "are". They will always be "are". And it is their "**are-ness**" which does not allow them to have any will*. (NOW)

v) *The state in union with God is called Thuriya or Para-Avasta, and in this condition, though the conscious perception of the world and soul may not be possible, their **be-ness** (existence) is not gone*. (Sketch Engine)

w) *Our sense of "**could-ness**", as in "I could have not rescued the child from the burning orphanage", comes from our own decision-making algorithms labeling some end states as "reachable". If we wanted to achieve the world-state of the child being burned, there is a series of actions that would lead to that state*. (Sketch Engine)

x) *Baron von Hügel once said that religion is "an **is-ness** and not an **ought-ness**"*. (Sketch Engine)

y) *Let us concede that Dennis cannot validly persuade us, on any level, that it is fair for him to dictate terms and give himself the whole pie; but perhaps he could argue whether we should be fair? The hidden agenda of the whole discussion of fairness, of course, is that good-ness and right-ness and **should-ness**, ground out similarly to fairness*. (iWeb)

z) *Consequently, the function of doctrinal preaching is to ferry the truths of the "**was-ness**" of the Word from the shore of the ancient text to the shore of the "**is-ness**" of our contemporary world*. (Sketch Engine)

A broader look at these *-ness* formations reveals that while they are formally transparent (two easily identifiable morphs are combined into a single unit), many of them can be described as morphologically irregular since their initial morphs fall outside the established domains of bases with which *-ness* has been observed to combine. Despite their unusual and creative nature, these coinages are generally easy to interpret in context, which aligns with the semantic simplicity of *-ness* as a familiar and readily available means of forming abstract nouns in English.

A closer look at the provided examples reveals, on the one hand, the semantic diversity of the prefixal morphemes to which *-ness* attaches. Most of these cluster into a semantic class expressing quantity or degree, often with an evaluative attitude (*bi-*, *extra-*, *hyper-*, *mega-*, *mini-*, *multi-*, *super-*, *ultra-*). Another class comprises prefixes conveying temporal or spatial orientation (*ex-*, *meta-*, *post-*, *retro-*, *trans-*), with *meta-* also denoting change and, in modern usage, extending to transcendence or self-referentiality. A third group includes prefixes indicating opposition or negation (*anti-*, *non-*, *un-*) and a smaller set encodes the notions of falsehood (*pseudo-*) and partial resemblance (*quasi-*). On the other hand, as noted earlier, many of these morphemes can function as semantically related adjectives, which may help explain their use as bases for *-ness* suffixation. For instance, in sentence (h) above, *meta-ness* denotes the quality of being self-referential, that is, being *meta*, and can thus be interpreted as the result of attaching *-ness* to the adjective *meta* rather than to the corresponding prefix. Similarly, *anti-ness*, as used in sentence (a), denotes the quality of being opposed, a meaning also conveyed by the adjective *anti* (e.g. "the *anti*

group" (Merriam-Webster)), and can therefore be regarded as an 'adjective + *-ness*' derivative. Likewise, *mega-ness* in sentence (g) refers to the state of being great or impressive in scale, i.e. being *mega* (e.g. "a number one hit made her *mega*" (Merriam-Webster)), and hence can be described as a deadjectival *-ness* nominalization.

While such an interpretation is valid for many of the non-verb-containing *-ness* formations in our dataset, there are also some distinct examples. In this paper, special attention will be given to selected forms, including *post-ness* and *un-ness*. Their left-hand elements, *post-* and *un-*, respectively, cannot occur as independent lexemes with meanings similar to those they have as prefixal morphemes. These two coinages clearly illustrate the direct suffixation of *-ness* to a non-native (*post-*) and a native (*un-*) prefix.

The meaning of *post-ness* can be explained as the condition of being situated after or of having moved beyond a particular event or period, which in sentence (l) is apartheid. In this specific context, *post-* as a constituent of *post-ness* seems to have inherited the semantic content of the established prefixal derivative *post-apartheid*. Accordingly, *post-ness* can be regarded as contextually equivalent to *post-apartheidness*, while differing from it in foregrounding the meaning of *post-* and in its critical, evaluative tone.

The form *un-ness* can generally be glossed as the state or condition of being 'not X' or lacking a given property. As used in sentence (s), it refers specifically to the socially or culturally defined condition of being contrary to what represents Australian values or identity. Put differently, *un-ness* in this context denotes the condition of being *unAustralian*, where *Australian* is used in a qualitative sense, not as a geographic term (see Plag 2018: 34 on the use of *un-* with nationality adjectives). Thus, similarly to *post-* discussed above, *un-* in *un-ness*, as used here, appears to have acquired the semantic content of the prefixal derivative *unAustralian*, so that *un-ness* becomes contextually equivalent to *unAustralianness* but differs from it in placing greater emphasis on negation itself.

The analysis of *post-ness* and *un-ness* suggests that when *-ness* attaches to a prefix that cannot occur as an adjective with a closely related meaning, the prefix inherits the semantic content of a corresponding established prefixal derivative, supplied by context (*post-ness* = *post-apartheidness* in sentence (l), *un-ness* = *unAustralianness* in sentence (s)). It also suggests that such 'prefix + *-ness*' formations are highly abstract and underspecified out of context. By contrast, derivatives that can readily be analyzed as 'adjective + *-ness*' nominalizations, like *mega-ness*, *mini-ness*, *quasi-ness*, *retro-ness* or *super-ness*, tend to be less context-sensitive, particularly those whose first component encodes a quantitative property.

Another derivative that merits closer attention is *multi-ness*, used in sentence (j). It is formed by attaching *-ness* to the non-native prefix *multi-*, which, despite its substantial semantic load, is not attested as functioning also independently with a meaning directly related to its prefixal sense[3]. *Multi-ness* can generally be defined as the quality or state of having many components, aspects or dimensions, and in sentence (j) in particular, it conveys a sense of abundance and variety. Here, it is worth comparing *multi-ness* with *multitude* in terms of structure. The latter is morphologically analyzable into the elements *multi-* and *-tude*. Described as the equivalent of the native *-ness* (Etymonline), the non-native suffix *-tude* occurs primarily in loanwords from Latin or French (*altitude*, *exactitude*), which are typically deadjectival abstract nouns (The Free Dictionary) with lexicalized meanings. Thus, according to the morphological analysis of *multitude*, the element *multi-* emerges as a bound root. *Multi-ness*, therefore, can be regarded as the result of attaching *-ness* to a synchronically bound morpheme in English, whether analyzed as a prefix or as a bound root.

Two other forms that stand out from the rest are *bi-ness* and *trans-ness*. While *bi-* and *trans-* occur as non-native prefixes in English, they also function as clipped forms (*bi* and *trans*) of *bisexual* and *transgender*, respectively. Thus, as sentences (b), (c) and (q) illustrate, *bi-ness* is used to denote the state of being *bi*, i.e. *bisexual*, and *trans-ness* denotes the state of being *trans*, i.e. *transgender*. In sentence (b), *bi-ness* is described as "an in-between state", so that the meaning of bisexual identity is implied, but in sentence (c), this meaning is fully explicit. In brief, it appears that *bi-ness* and *trans-ness* have resulted from the suffixation of *-ness* to a clipping. Yet, in our view, these two coinages can also be used in much broader senses, beyond the sexual and gender domains, reflecting the meanings of the prefixes *bi-* and *trans-*. Consequently, their accurate interpretation relies on knowledge of the relevant clippings and on contextual cues. Similarly, *hyper-ness* may be derived from *hyper* as a shortening of the adjective *hyperactive* but the meaning of this *-ness* derivative also extends more broadly to denote excess or intensity – meanings associated with the prefix *hyper-*.

In our dataset, the verbal bases used for *-ness* suffixation are restricted to the verb *be*, most of its suppletive forms and a small set of modal auxiliaries in their historically past forms. Taken together, the resulting *-ness* formations nominalize states or domains associated with the meanings of the verbal bases. Thus, these coinages can be divided into two groups. The larger

[3] The form *multi* does occur independently in English but as a shortening of nouns or adjectives containing the prefix *multi-*, such as *multimillionaire*, *multivitamin*, *multinational* and others (OED).

group includes the items that denote existential states and are based on the verb *be* or one of its suppletive forms (*be-ness*, *am-ness*, *is-ness*, *are-ness*, *was-ness*). The smaller group comprises the forms that nominalize domains of modality, such as possibility or obligation, and are derived from modal verbs (*could-ness*, *ought-ness*, *should-ness*).

A closer semantic analysis reveals that while *be-ness* (sentence (v)), tends to denote existence in the most abstract and timeless sense, the use of a suppletive base (*am-ness*, *is-ness*, *are-ness*, *was-ness*) contributes more specific temporal or perspectival nuances to the existential meaning of the resulting *-ness* derivative. For instance, *am-ness* (sentence (t)) evokes an individual, first-person state of being; *are-ness* (sentence (u)) highlights collective existence; *is-ness* (sentences (x) and (z)) foregrounds an objective, third-person state of being; and *was-ness* (sentence (z)) encodes past existence.

Regarding the forms where *-ness* is directly attached to a modal verb (*could-ness*, *ought-ness*, *should-ness*), they could be hypothesized to reflect the ability of *-ness* to combine, albeit marginally, with function words – a class to which modal verbs belong.

As noted above, *-ness* is a neutral suffix in that its attachment does not trigger a stress shift or a morphophonological alternation within the base. This property largely accounts for the wide range of elements to which *-ness* can attach and the resulting formal transparency significantly contributes to the high productivity of the suffix. Owing to this productivity, *-ness* is readily involved in the formation of creative and expressive coinages, combining with unusual elements such as prefixes and verbal bases. In other words, *-ness* illustrates how a productive process extends into a creative one when a regular derivational operation is applied to an unusual base (see Mattiello 2013: 48). Additionally, the use of inverted commas around some of the *-ness* formations in our dataset is another indication that authors themselves perceive these items as innovative and diverging from the established patterns.

IV. Concluding remarks

This study has attempted to expand our knowledge of the combinatorial properties of the suffix *-ness* in contemporary English, highlighting its ability to attach directly to elements that fall outside the categories traditionally associated with this nominalizer. The paper has presented authentic examples along with their contextual excerpts, taken from large English corpora. Specifically, the analysis has shown that certain

prefixal morphemes and a limited number of verbs can be used as bases for the suffixation of *-ness*.

Although many of the collected *-ness* derivatives are creative formations, they are formally transparent and relatively easy to interpret in context, which reflects the semantic simplicity of *-ness* as a productive and accessible tool for abstract noun formation in English.

Forms such as *post-ness* and *un-ness*, where *-ness* combines with a prefix that cannot occur as an adjective with a similar sense, are underspecified and rely on context for their precise interpretation. By contrast, formations whose left-hand constituent can function both as a prefix and as a semantically related adjective (*mega-ness*, *mini-ness*, *retro-ness*, *super-ness*) tend to be less context-sensitive, especially those where the first element expresses quantity.

The attachment of *-ness* to the verb *be*, most of its suppletive forms and certain modal auxiliaries further illustrates the extended combinatorial potential of this suffix, allowing it to nominalize highly abstract concepts such as existence (*be-ness*) and modality (*should-ness*), the former often intertwined with temporal, perspectival or collective nuances (*is-ness* ~ *was-ness*, *am-ness*, *are-ness*).

Overall, the *-ness* formations presented in this paper serve as another illustration of how morphological productivity can give rise to creativity when a regular derivational process operates on an unusual base.

Finally, the findings of this study contribute to ongoing discussions of the combinatorial potential of derivational suffixes in present-day English.

REFERENCES

Alexiadou 2014: Alexiadou, A. Nominal Derivation // *The Oxford Handbook of Derivational Morphology*. Ed. by R. Lieber & P. Štekauer. Oxford: Oxford University Press, 2014, 235 – 256.

Arndt-Lappe 2014: Arndt-Lappe, S. Analogy in Suffix Rivalry: The Case of English *-ity* and *-ness*. // *English Language and Linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014, 18 (3), 497 – 548.

Aronoff 1976: Aronoff, M. *Word Formation in Generative Grammar*. Cambridge, MA: MIT Press.

Aronoff, Lindsay 2014: Aronoff, M., Lindsay, M. Productivity, Blocking, and Lexicalization. // *The Oxford Handbook of Derivational Morphology*. Ed. by R. Lieber & P. Štekauer. Oxford: Oxford University Press, 2014, 67 – 83.

Baayen 1992: Baayen, R. H. Quantitative Aspects of Morphological Productivity. // *Yearbook of Morphology 1991*. Ed. By G. Booij & J. van Marle. Dordrecht: Springer Science + Business Media, 1992, 109 – 149.

Bauer 1983: Bauer, L. *English Word-formation*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.

Bauer et al. 2013: Bauer, L., Lieber, R., Plag, I. *The Oxford Reference Guide to English Morphology*. Oxford: Oxford University Press, 2013.

Cowie 1999: Cowie, C. S. *Diachronic Word-Formation: A Corpus-Based Study of Derived Nominalizations in the History of English*. PhD dissertation, University of Cambridge, 1999.

Haspelmath, Sims 2010: Haspelmath, M., Sims, A. D. *Understanding Morphology*. 2nd ed. London: Hodder Education, 2010.

Lindsay 2012: Lindsay, M. Rival Suffixes: Synonymy, Competition, and the Emergence of Productivity. // *Morphology and the Architecture of Grammar: Proceedings of the 8th International Morphology Meeting*. Ed. by A. Ralli, G. Booij, S. Scalise & A. Karasimos. Patras: University of Patras, 2012, vol. 8, 192 – 203.

Mattiello 2013: Mattiello, E. *Extra-Grammatical Morphology in English: Abbreviations, Blends, Reduplicatives, and Related Phenomena*. Berlin/ Boston: De Gruyter Mouton, 2013.

Naismith, Kanwit 2021: Naismith, B., Kanwit, M. A Corpus Study of the English Suffixes *-ness* and *-acy*: Productivity, Genre, and Implications for L2 Learning. // *Canadian Journal of Applied Linguistics*, 24 (1), 2021, 115 – 137.
<https://journals.lib.unb.ca/index.php/CJAL/issue/view/2253> (30.10.2025)

Plag 2018: Plag, I. *Word-Formation in English*, 2nd edition. Cambridge, New York: Cambridge University Press.

Riddle 1985: Riddle, E. A Historical Perspective on the Productivity of the Suffixes *-ness* and *-ity*. // *Historical semantics, historical word-formation*. Ed. by J. Fisiak. Berlin: Mouton de Gruyter, 1985, 435 – 461.

Rodríguez-Puente, Säily, Suomela 2022: Rodríguez-Puente, P., Säily, T., Suomela, J. New Methods for Analysing Diachronic Suffix Competition across Registers: How *-ity* Gained Ground on *-ness* in Early Modern English. // *International Journal of Corpus Linguistics* 27(4). Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2022, 506 – 528.

Schäfer 2025: Schäfer, M. The Role of Meaning in the Rivalry of *-ity* and *-ness*: Evidence from Distributional Semantics. // *English Language and Linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2025, 1 – 46. <https://doi.org/10.1017/S1360674324000443> (14.10.2025).

ONLINE DICTIONARIES AND SOURCES

Cambridge Free Dictionary <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/> (20.12.2025).

Online Etymology Dictionary: Etymonline <https://www.etymonline.com> (20.10.2025).

iWeb: The 14 Billion Word Web Corpus <https://www.english-corpora.org/iweb/> (30.09.2025).

Merriam-Webster <www.merriam-webster.com> (05.12.2025).

News on the Web Corpus (NOW) <https://www.english-corpora.org/now/> (30.09.2025).

Oxford English Dictionary (OED) <https://www.oed.com/> (17.10.2025).

Sketch Engine <https://www.sketchengine.eu/> (10.09.2025)

The Free Dictionary by Farlex < https://www.thefreedictionary.com> (20.12.2025)

ПЛОВДИВСКИ УНИВЕРСИТЕТ „ПАИСИЙ ХИЛЕНДАРСКИ“ – БЪЛГАРИЯ
НАУЧНИ ТРУДОВЕ, ТОМ 63, КН. 1, СБ. Б, 2025 – ФИЛОЛОГИЯ,
PAISII HILENDARSKI UNIVERSITY OF PLOVDIV – BULGARIA
RESEARCH PAPERS, VOL. 63, BOOK 1, PART B, 2025 – LANGUAGES AND LITERATURE

DOI 10.69085/ntf2026b141

FROM SYNTAX TO PRAGMATICS: THE ROLE OF "THERE" IN ENGLISH INFORMATION STRUCTURE

Krasimir Spasov
American University in Bulgaria

kspasov@aubg.edu

This paper examines existentials within the framework of information packaging and maps their distribution across the spoken discourse. Functionally, these constructions introduce discourse-new referents, shift topical focus, or repackage addressee-old information as discourse-new. Using Lambrecht's (2001) model, the study illustrates how existentials encode sentence focus on the speaker's side. To enrich the analysis, an additional concept that completes our understanding of the hearer's side of the interpretive process, i.e. the presupposed focus, is proposed.

Key words: information packaging, information structure, existentials, topic, presupposed focus

Introduction

This article aims to examine existential clauses containing the pseudo-subject "there" within the framework of information packaging. Existential constructions are typically formed with the verb "be, " as in the sentence "There is a Christmas tree in the living room." Existential clauses are closely related presentational clauses with the difference that the latter involve verbs other than "be," for example "There seems to be a problem." Despite this, both constructions serve a discourse-organizational function by introducing new information rather than identifying a canonical subject.

The pseudo-subject "there" should be clearly distinguished from its adverbial counterpart, which has a locative meaning, as in "You can find the pair of scissors there." Locative "there" functions as a spatial deictic or anaphoric element. In deictic uses, it commonly contrasts with "here" to signal a proximal versus distal distinction, as in "The library has many study spaces here and quiet reading rooms there" although this contrast is often

context-dependent and subject to speaker interpretation the main reason being people's own understading of what is near and what is far from them. In anaphoric uses, "there" refers back to a previously mentioned location, as in "The new research center has attracted significant funding. Several interdisciplinary projects are currently being developed there." In this case, "there" refers anaphorically to "the new research center" while maintaining a distal perspective relative to the speaker's location.

Corpus-based research shows that locative and existential "there" differ markedly in their distribution across different registers. Existential "there" is relatively frequent across the conversation, fiction, news, and academic prose, whereas locative "there" is especially prevalent in conversational registers and significantly less common in academic writing. This discrepancy has been attributed to the importance of a shared physical and spatial context in spoken interaction where explicit reference to location is pragmatically salient. In contrast, written registers such as the academic prose, news, and fiction rely less on immediate shared spatial reference and thus reducing the functional load of locative "there" (Biber et al. 2003: 413).

From a grammatical perspective, existential "there" has undergone semantic bleaching and thus has lost its original locative meaning and become reanalyzed as a pronoun. Evidence for this reanalysis can be seen in the fact that pronominal and locative "there" may co-occur within the same clause, as in "There is a new art exhibition there." Huddleston and Pullum (2007: 1391) identify several properties that distinguish pronominal "there" from its locative counterpart:

- it lacks independent locative meaning,
- it is unstressed and realized in a weak form /ðəʳ/, and
- it functions exclusively as a subject or raised object, including in interrogative tags (e.g. "There are new members in the jury, aren't there?").

In existential constructions, pronominal "there" serves as a grammatical marker that occupies the subject position, while the notional subject is displaced to the post-verbal position. Notably, "there" itself lacks an inherent number and instead agrees with the displaced subject, a property shared with relative pronouns such as "which" and "who." This feature is a frequent source of difficulty for learners of English. Research on Bulgarian-English interlanguage, for example, shows that existential clauses are among the persistent and varied learners' errors (Kostadinova 2012), which also emphasizes the theoretical and pedagogical relevance of these constructions.

Literature review

Existential "there" constructions have continuously been a focus of linguistic inquiry, because they challenge traditional notions of the subject, subject-verb agreement, and information structure. These constructions lie at the intersection of syntax, semantics, and discourse as a whole. While early generative accounts concentrated on syntactic structure, later functional and corpus-based studies have shown how existential clauses help introduce new information and guide the progression of discourse. For instance, early generative linguistics approached existential clauses primarily as a syntactic problem. Chomsky (1981: 85-88) analyzes "there" as an expletive element inserted to satisfy the Extended Projection Principle (EPP), while the post-verbal noun phrase originates in the subject position and is hence displaced. This established the influential distinction between grammatical and notional subjects and positioned existential clauses as a key testing ground within the syntactic theory. Building on this foundation, subsequent work examined the constraints governing post-verbal noun phrases. Milsark's (1974: 1–25; 1977: 1–14) seminal analysis of existential sentences identified what later became known as the "definiteness restriction," namely the strong preference for indefinite noun phrases in existential constructions. This observation linked the existential clause structures to semantic interpretation and discourse novelty and prompt further syntactic and semantic investigation (Safir 1985: 87–103; Belletti 1988: 5–18).

From a functional perspective, existential "there" has been interpreted as a discourse-management device rather than a purely formal placeholder. Halliday (1994: 40–43, 163–165) places existential clauses within the broader system of transitivity and information structure and argues that their primary function is basically presentational: they introduce new entities into the discourse while backgrounding agency. This view is closely aligned with Prince's (1981: 235–238) taxonomy of given and new information, in which existential constructions are treated as a canonical strategy for packaging discourse-new referents. Large-scale corpus studies further support this functional interpretation. Biber et al. (1999: 945–958) claim that existential "there" occurs across registers but is especially frequent in informational and academic prose, where it facilitates the controlled introduction of new participants. Later work by Biber et al. (2003: 412–414) highlights register-specific contrasts between existential and locative "there," and emphasises the claim that existential constructions serve grammatical and discourse-organizational functions distinct from spatial reference.

Comprehensive reference grammars synthesize these insights into construction-based interpretations. Huddleston and Pullum (2002: 1389–

1396) analyze existential "there" as a semantically bleached pronoun, formally distinct from locative "there" in terms of stress, distribution, and syntactic behavior. Their analysis emphasizes that "there" functions as a grammatical marker occupying subject position while agreement is determined by the post-verbal noun phrase.

Methodology and corpus

This study draws on data from the Corpus of Contemporary American English (COCA)[1] – a large, balanced, and genre-diverse corpus that allows for a systematic investigation of existential "there" constructions across registers. COCA is particularly well suited for this analysis because of its rich part-of-speech tagging and its coverage of spoken, fiction, news, and academic texts. All this enables both quantitative and discourse-oriented comparisons. The bare existentials were identified through searches for "there" followed by a form of the verb "be" (e.g. "there BE"), while extended existentials were identified by the presence of additional elements following the post-verbal noun phrase, such as prepositional phrases, relative clauses, or other modifiers (e.g. "there BE NOUN"). Concordance lines were retrieved together with two to three surrounding sentences to ensure sufficient discourse context for analysis.

Following extraction, the phrases were manually screened to exclude non-existential uses of "there," including locative adverbial uses and fixed expressions. The remaining instances were then coded for existential type (bare vs. extended), register, and information-structural properties, with particular attention paid to the discourse status of the post-verbal noun phrase. A random and most recent sample was selected from the spoken register to allow for more detailed qualitative analysis. The quantitative component of the study examines the distribution of bare and extended existentials across the spoken register. These findings are complemented by a qualitative discourse analysis of the selected examples, focusing on how speakers use bare and extended existential constructions to manage the introduction, elaboration, and accessibility of information.

Information packaging analysis of existentials

The quantitative analysis (from the COCA corpus) reveals a huge disbalance – while bare existentials occur relatively infrequently, with 16,846 phrases, extended existentials are overwhelmingly more common,

[1] COCA: https://www.english-corpora.org/coca/

yielding 579,874 phrases (see the Appendix). This distributional contrast not only highlights the marked status of bare existentials in comparison to their extended counterparts but also calls for a closer qualitative examination of how this type of construction is positioned as an information-packaging strategy in the conversational discourse.

The following report highlights findings from a joint investigation by the Associated Press and PBS's Frontline into the level of oversight for foster homes caring for migrant children who have been separated from their families. It reveals allegations of physical and sexual abuse in some government-funded foster placements and raises questions about how thoroughly these homes are monitored by federal and state authorities:

MARTHA-MENDOZA: Throughout, for the past year-and-a-half, the immigrants have been supported by nonprofits, Southern Poverty Law Center, immigrant rights groups, other advocates. But now these lawsuits are coming in partnership with these nonprofits and some major for-profit law firms like Arnold & Porter. So these going to be some potentially powerful litigants for the federal government to be up against. The way the claims work is that, in order to sue the federal government, you first have to file a claim demanding a certain dollar amount. And then, after six months, if the federal government does not respond, then you can file a lawsuit. ***There is not a lot of precedent on this.*** *This feels like the first financial consequence to taxpayers for this policy that has been in place for some time now.*

JEFFREY-BROWN: But you're saying, as I quoted one of the lawyers who said to you, this is the tip -- could be the tip of an iceberg. You're seeing potentially much wider implications, certainly financial implications and even more.

MARTHA-MENDOZA: Right. So we saw 38 claims; 3,000 families have been separated under these policies. And so even the attorneys involved in filing them said they had many more in the works.

JEFFREY-BROWN: All right, Martha Mendoza of the AP, thank you very much.

MARTHA-MENDOZA: Thank you.

(PBS: PBS NewsHour, 2019 (19-08-16),
PBS NewsHour for August 16, 2019)

Within this context, Martha-Mendoza introduces the extended existential clause bold-printed above to characterize the legal situation surrounding the claims. The surrounding discourse establishes a procedural explanation of how such lawsuits unfold, followed by an evaluation of their potential consequences. The existential clause thus appears at a pivotal moment in the explanation so that the speaker can shift from describing known legal procedures to highlighting uncertainty and novelty. The use of

the existential construction with the abstract noun "precedent" is particularly felicitous in this context. As an uncountable, institutional concept, "precedent" does not refer to a concrete, individual entity but to an abstract legal framework accumulated over time. The existential clause allows the speaker to present the absence of such a framework without presupposing its prior activation in the addressee's mind. A non-existential alternative, such as "precedent is limited," would presuppose shared awareness of an already established referent, whereas the existential construction introduces the concept itself as discourse-relevant. In this sense, the clause functions as a presentational device rather than a descriptive one.

While Lambrecht (2001) characterizes existential constructions as licensing focus constituents whose discourse status is unpredictable for the hearer, his model leaves implicit important gradations in the hearer's knowledge database. He occasionally refers to pragmatic presupposition as knowledge presupposition (or K-presupposition), while the term "consciousness presupposition" (C-presupposition) he defines as (2001: 474-475):

> An entity or proposition is consciousness presupposed (C-presupposed) if the speaker assumes that its mental representation has been activated in the interlocutors' short-term memory at the time of the utterance.

A C-presupposed referent or proposition may be fully activated or merely accessible, corresponding to Prince's categories of "discourse-old" and "inferable" (1992). However, this alone does not capture the full picture, since the assertion must convey information that is relevant to the current proposition, that is, it must relate to the ongoing discourse. To account for this, Lambrecht proposes an additional assumption on the speaker's side, namely the topicality presupposition (T-presupposition) (2001: 476):

> An entity or proposition is topicality presupposed (T-presupposed) if at utterance time the speaker assumes that the hearer considers it a center of current interest and hence a potential locus of predication. A topical denotatum is by definition a relatively predictable element in a proposition.

Building on Lambrecht's notion of focus unpredictability, an additional concept should be added to complete the hearer's side of pragmatical discourse. This concept is what I call the presupposed focus whose goal is to foreground the role of the addressee's prior general knowledge. To capture these nuances more precisely, I propose a three-way distinction in the status of the so-called presupposed focus: *fully knowledgeable*, *semi-knowledgeable*, and *unknowledgeable*. A fully knowledgeable focus corresponds to referents that are readily available in

the hearer's knowledge database and can be evoked without additional discourse support. A semi-knowledgeable focus, by contrast, exists in the hearer's general knowledge but is not fully activated or retrievable at the moment of the utterance. Finally, an unknowledgeable focus introduces a referent that is absent from the hearer's knowledge database altogether. Threrefore, the bare existential clause can be given the following information packaging analysis (adapted from Lambrecht 2001: 475):

- **Context sentences:** The way the claims work is that, in order to sue the federal government, you first have to file a claim demanding a certain dollar amount. And then, after six months, if the federal government does not respond, then you can file a lawsuit.
- **Sentence:** There is not a lot of precedent on this.
- **Presupposition:** "there is x"
  - K-presupposition: "there is x"
  - C-presupposition: "the K-presupposed proposition has not been activated"
  - T-presupposition: "the K-presupposed proposition is of current interest"
- **Focus:** "not a lot of precedent on this."
- **Assertion:** "x = not a lot of precedent on this."
  - Presupposed focus: "unknowledgeable as the existential clause does not evoke anything (relatable) in the addressee's knowledge database"

From an information-packaging perspective, the existential clause introduces addressee-new information that reframes the legal situation as unprecedented and therefore uncertain. While the preceding discourse explains procedural steps that may appear routine, the existential construction interrupts this sense of routine procedural practices by asserting the lack of an established precedent. The presupposition associated with the existential clause can be paraphrased as "there is x," where "x" has not been previously activated in the discourse. The assertion then specifies the value of "x" as "not a lot of precedent," with the negation contributing to the pragmatic force of the utterance. The focus thus falls directly on the absence of precedent rather than on precedent as a known or previously discussed entity.

It is of critical importance that the communicative function of the existential clause is not to deny the existence of precedent in an absolute sense, but to foreground its insufficiency in relation to the current legal situation. The speaker uses the existential construction to guide the hearer's attention towards the novelty of the lawsuits and the uncertainty they introduce into the legal and political landscape. This interpretation is

supported by the following discourse, which frames the lawsuits as the first financial consequence to taxpayers and suggests substantial implications. The existential clause therefore serves as a conceptual pivot that enables the subsequent elaboration of risk and consequence.

The following excerpt from COCA features an interview in which the state of U.S. politics ahead of the 2020 elections is discussed. The whole conversation focuses on key Senate races, the political fallout surrounding U.S.-Israel relations, and the ways President Trump's rhetoric and policy decisions were shaping both domestic and international political dynamic:

> *AMNA NAWAZ: Michael, what is that pitch like to potential candidates, right, come join an incredibly gridlocked body?*
>
> *MICHAEL GERSON: Yes, that's true. But it's also a difficult election cycle for Democrats. It shouldn't be. There are a lot more Republican seats up. But they're in red states. There are really only a couple of targets of opportunity here. So one reason there aren't more marquee Democrats, I think, is because it's a difficult circumstance. They have to win Colorado. That's the only path they -- their path to a majority goes through Colorado. And I think Hickenlooper actually may be a very good candidate.* ***There wasn't much appetite for a centrist, practical centrism in the presidential race, but there really is in Colorado.*** *And they like the fact that he's a former barkeep. So I think they view that as an honorable path to power.*
>
> *AMNA NAWAZ: And there's a timeline issue here, too, right? They don't have to make up their minds just yet.*
>
> *MICHAEL GERSON: That's true.*
>
> (PBS: PBS NewsHour, 2019 (19-08-16), NewsHour for August 16, 2019)

Within this exchange, the underlined existential clause above functions as a sentence whose primary discourse role is not to introduce a novel referent, but to re-activate and reframe a piece of politically salient background knowledge. The surrounding context establishes a discussion of electoral strategy and structural constraints facing Democratic candidates. Given this, the existential clause packages a generally known fact within U.S. electoral discourse, namely that a larger number of Republican-held seats are contested in the relevant cycle. This information is not introduced as surprising or unexpected, but rather as a shared assumption that the speaker treats as accessible in the addressee's knowledge base. Applying Lambrecht's (2001: 475) information-structural model, the bare existential clause can be analyzed in the following way:

- **Context sentences:** Yes, that's true. But it's also a difficult election cycle for Democrats. It shouldn't be.
- **Sentence:** There are a lot more Republican seats up.

- **Presupposition:** "there are x"
  - K-presupposition: "there are x"
  - C-presupposition: "the K-presupposed proposition has been activated"
  - T-presupposition: "the K-presupposed proposition is of current interest"
- **Focus:** "a lot more Republican seats up."
- **Assertion:** "x = a lot more Republican seats up."
  - Presupposed focus: "knowledgeable as the existential clause evokes familiar information in the addressee's knowledge database"

From an information-structural perspective, the clause encodes sentence focus which contains the postverbal noun phrase "a lot more Republican seats" that constitutes the focus domain. The existential "there" minimizes presuppositional load by avoiding a topic-comment structure that would require prior discourse activation of a specific referent such as the "Republican seats." Instead, the construction allows the speaker to present a knowledgeable, i.e. temporarily active proposition in a neutral, non-topicalized form. The presupposed focus is therefore knowledgeable – the addressee is assumed to recognize the general electoral reality, even if it has not yet been explicitly evoked in the ongoing discourse. Thus, the existential clause prepares the ground for the subsequent qualification "But they're in red states," which narrows the initial proposition. By first presenting the quantity of the Republican seats through an existential construction, the speaker ensures that this information enters the discourse model as a backgrounded premise rather than a claim requiring a debate.

By contrast, the utterance in bold above exemplifies a carefully standardized use of an existential construction to manage contrast, focus, and discourse expectations. Its primary purpose is not to predicate something about an already established topic, but to introduce a discourse-relevant proposition into the addressee's conscious mind. Both interlocutors and the intended audience can reasonably be assumed to possess background knowledge about the ideological divisions in the U.S. electoral politics and the longstanding tension between centrist and ideological candidates. The clause therefore does not introduce an entirely novel conceptual domain but rather activates a familiar political notion in a specific discourse context. What is new, however, is not the concept itself, but its valuation and distribution. The existential construction does not presuppose a previously established discourse referent corresponding to "appetite for centrism" in the presidential race; instead, it presents an assessment of its presence or

absence in a particular electoral arena. The bare existential clause can be analyzed in terms of information packaging as follows (adapted from Lambrecht 2001: 475):

- **Context sentences:** That's the only path they -- their path to a majority goes through Colorado. And I think Hickenlooper actually may be a very good candidate.
- **Sentence:** There wasn't much appetite for a centrist, practical centrism in the presidential race, but there really is in Colorado.
- **Presupposition:** "there wasn't x"
  - K-presupposition: "there wasn't x"
  - C-presupposition: "the K-presupposed proposition has not been activated"
  - T-presupposition: "the K-presupposed proposition is of current interest"
- **Focus:** "much appetite for a centrist, practical centrism in the presidential race, but there really is in Colorado."
- **Assertion:** "x = much appetite for a centrist, practical centrism in the presidential race, but there really is in Colorado."
  - Presupposed focus: "semi-knowledgeable as the existential clause evokes some knowledgeable and some unknowledgeable bits of information in the addressee's knowledge database"

This example itself presupposes the availability of an open proposition of the form "there is x," which provides a slot for focus specification. The negation part does not cancel this presupposition but applies to the quantificational value of x. In other words, the clause presupposes the relevance of a domain of potential "appetite for centrism" and asserts that the quantity instantiated in that domain is low or insufficient. The focus of the clause is related to "much appetite for a centrist, practical centrism in the presidential race, but there really is in Colorado," with the contrastive structure packaging two related evaluations within a single informational unit. The assertion specifies the value of "x" by simultaneously denying its presence in one political domain and affirming it in another. Importantly, the existential clause syntax ensures that this evaluation is not anchored to an already established topic such as voters, Democrats, or the electorate, but is instead presented as a situational assessment introduced into the discourse. Hence, the presupposed focus in this example is best characterized as semi-knowledgeable. On the one hand, the lexical and conceptual components of the focus expression, such as centrism, presidential race, and regional political variation, are part of the addressee's shared background knowledge. The speaker can reasonably assume that the audience is familiar with

ideological divisions in U.S. politics and with the idea that electoral preferences may differ between national and state-level contests. On the other hand, the specific evaluative proposition linking centrist "appetite" to these two political arenas has not been previously evoked and is not stored as a ready-made unit in the addressee's discourse model. The existential clause, therefore, activates both familiar conceptual material and a novel contextual configuration.

By avoiding a topic-comment structure, the speaker refrains from presupposing that "appetite for centrism" as already a fully accessible discourse referent. At the same time, the clause relies on the addressee's background knowledge to interpret the political significance of the contrast being drawn. The existential construction thus functions as a device for partial activation that brings together knowledgeable elements and unknowledgeable relational information into a single, newly asserted proposition.

Limitations

This study has several limitations. To start with, the analysis draws solely on data from COCA, which, while large and balanced, represents only contemporary American English and, therefore, limits broader generalization. The retrieval of existential constructions is based on form-driven queries (e.g. *there* + *be*), which may overlook less prototypical realizations with richer noun phrases. Although the data were manually screened to exclude locative and fixed uses, some borderline cases are difficult to classify with complete certainty. Finally, the qualitative analysis relies on a relatively small sample of conversational data, and the observations offered here should therefore be understood as exploratory rather than exhaustive.

Conclusion

This study has examined existential "there" constructions as a central resource for information packaging in contemporary English. The analysis has shown that existential clauses cannot be adequately accounted for thorough syntactic description alone. Instead, their communicative value emerges most clearly when viewed through an information-structural lens. Across registers, existential constructions systematically enable speakers to introduce, activate, and reconfigure referents that are not yet suitable for topicalization, especially when these referents are abstract, weakly individuated, or evaluative in nature. More specifically, the discourse

analyses demonstrate that existential clauses are particularly effective in managing content, where speakers rely on shared background knowledge while simultaneously introducing new contextual relations or evaluations. Using Lambrecht's (2001) framework, the study has shown how existentials encode sentence focus, minimize presuppositional load, and facilitate referent promotion without prematurely establishing discourse topics. The examined media and political discourse examples illustrate how existential constructions shape interpretation by guiding attention to the presence or absence of discourse-relevant entities.

REFERENCES

Belletti 1988: Belletti, A. The Case of Unaccusatives. // *Linguistic Inquiry.* № 19.1. Cambridge, England: MIT Press, 1988, 1 – 34.

Biber et al. 1999: Biber, D., Johansson, S., Leech, G., Conrad, S., Finegan, E. *Longman Grammar of Spoken and Written English*. London, England: Longman, 1999.

Biber et al. 2003: Biber, D., Conrad, S., Reppen, R. *Register Variation: A Corpus Approach*. Cambridge, England: Cambridge University Press, 2003.

Chomsky 1981: Chomsky, N. *Lectures on Government and Binding*. Dordrecht, Netherlands: Foris, 1981.

Halliday 1994: Halliday, M. A. K. *An Introduction to Functional Grammar* (2nd ed.). London, England: Arnold, 1994.

Huddleston, Pullum 2002: Huddleston, R., Pullum, G. K. *The Cambridge Grammar of the English Language*. Cambridge, England: Cambridge University Press, 2002.

Huddleston, Pullum 2007: Huddleston, R., Pullum, G. K. *A Student's Introduction to English Grammar*. Cambridge, England: Cambridge University Press, 2007.

Kostadinova 2012: Kostadinova, D. *Bulgarian Interferences in English Texts for Specific Purposes.* Blagoevgrad: South-west University Publishing House, 2012.

Milsark 1974: Milsark, G. L. *Existential Sentences in English* (Doctoral dissertation). Massachusetts Institute of Technology, 1974.

Milsark 1977: Milsark, G. L. Toward an Explanation of Certain Peculiarities of the Existential Construction in English. // *Linguistic*

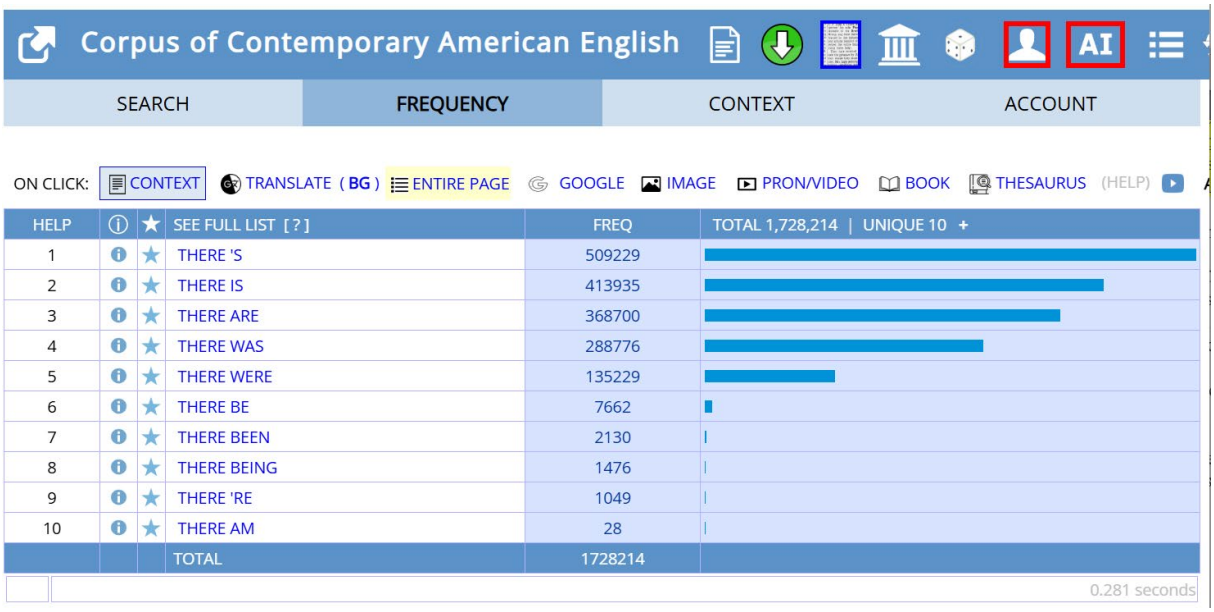
Analysis. №3. New York, Amsterdam: North-Holland Publishing Company, 1977, 1 – 29.

Prince 1981: Prince, E. Toward a Taxonomy of Given–New Information. // *Radical Pragmatics*. Berkley, California. New York: Academic Press, 1981, 223 – 255.

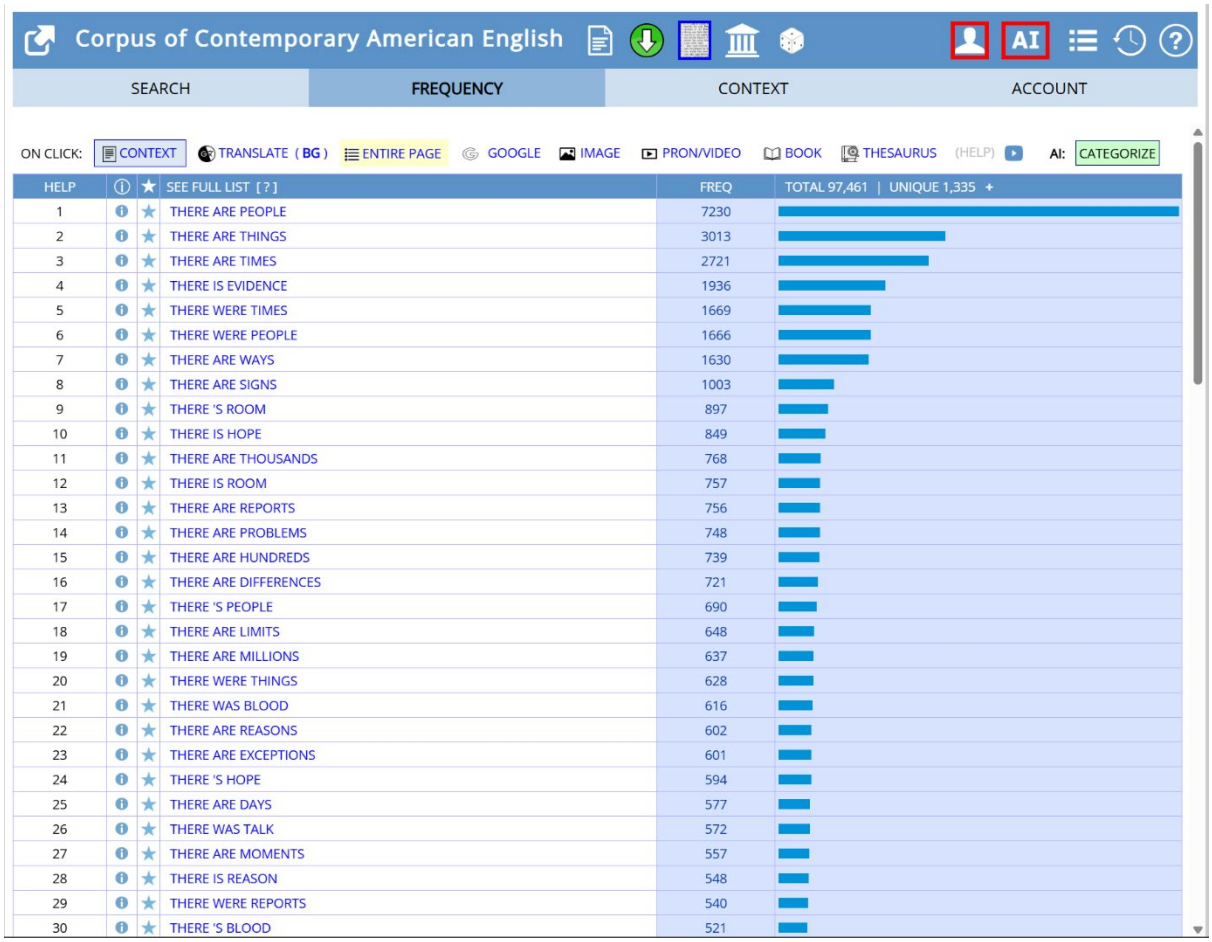
Safir 1985: Safir, K. *Syntactic Chains*. Cambridge, England: Cambridge University Press, 1985.

APPENDIX

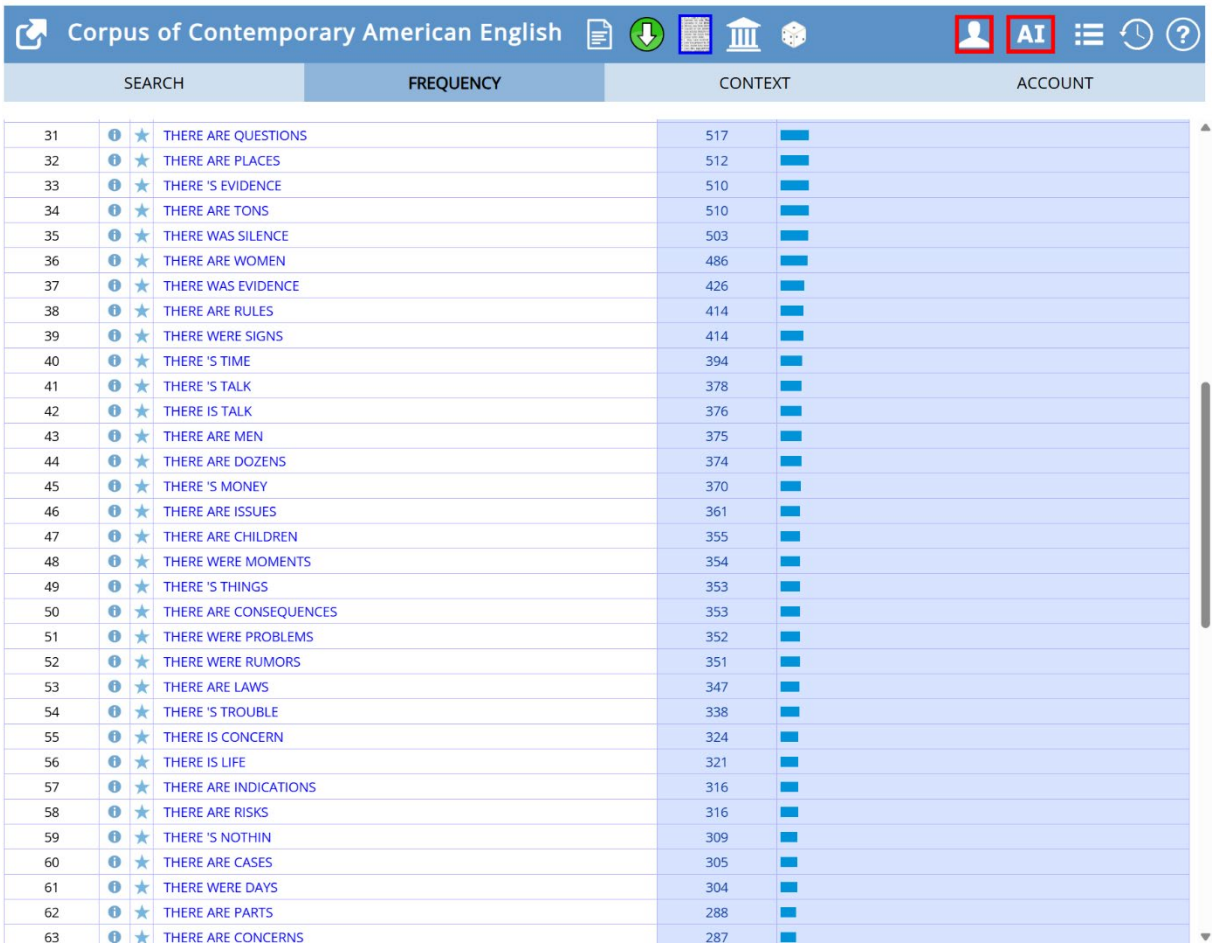
Results with the search query "There BE"

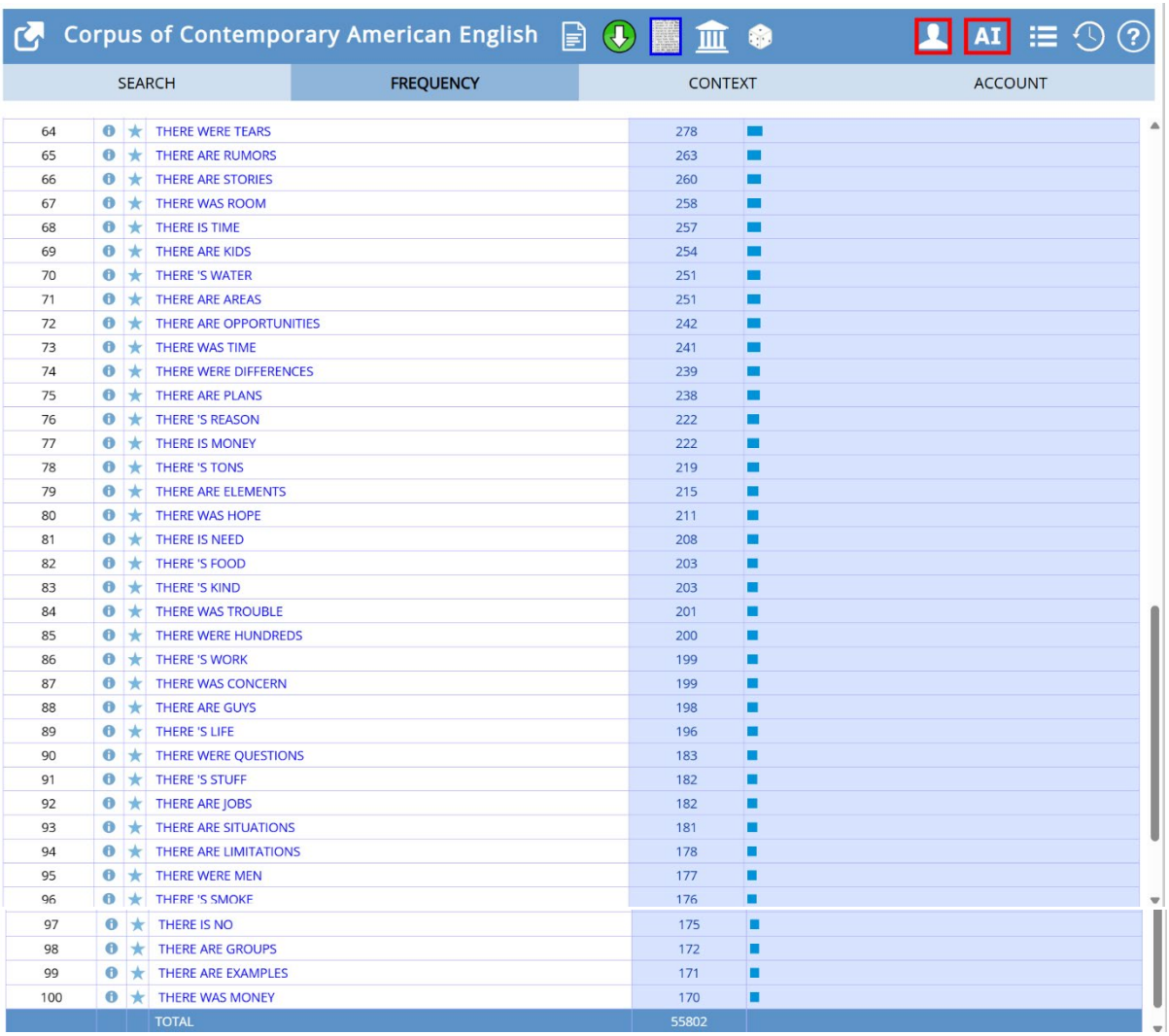
Search results with the query “There BE NOUN”

HELP	SEE FULL LIST [?]	FREQ	TOTAL 97,461 | UNIQUE 1,335 +
1	THERE ARE PEOPLE	7230	
2	THERE ARE THINGS	3013	
3	THERE ARE TIMES	2721	
4	THERE IS EVIDENCE	1936	
5	THERE WERE TIMES	1669	
6	THERE WERE PEOPLE	1666	
7	THERE ARE WAYS	1630	
8	THERE ARE SIGNS	1003	
9	THERE 'S ROOM	897	
10	THERE IS HOPE	849	
11	THERE ARE THOUSANDS	768	
12	THERE IS ROOM	757	
13	THERE ARE REPORTS	756	
14	THERE ARE PROBLEMS	748	
15	THERE ARE HUNDREDS	739	
16	THERE ARE DIFFERENCES	721	
17	THERE 'S PEOPLE	690	
18	THERE ARE LIMITS	648	
19	THERE ARE MILLIONS	637	
20	THERE WERE THINGS	628	
21	THERE WAS BLOOD	616	
22	THERE ARE REASONS	602	
23	THERE ARE EXCEPTIONS	601	
24	THERE 'S HOPE	594	
25	THERE ARE DAYS	577	
26	THERE WAS TALK	572	
27	THERE ARE MOMENTS	557	
28	THERE IS REASON	548	
29	THERE WERE REPORTS	540	
30	THERE 'S BLOOD	521	

31	THERE ARE QUESTIONS	517
32	THERE ARE PLACES	512
33	THERE 'S EVIDENCE	510
34	THERE ARE TONS	510
35	THERE WAS SILENCE	503
36	THERE ARE WOMEN	486
37	THERE WAS EVIDENCE	426
38	THERE ARE RULES	414
39	THERE WERE SIGNS	414
40	THERE 'S TIME	394
41	THERE 'S TALK	378
42	THERE IS TALK	376
43	THERE ARE MEN	375
44	THERE ARE DOZENS	374
45	THERE 'S MONEY	370
46	THERE ARE ISSUES	361
47	THERE ARE CHILDREN	355
48	THERE WERE MOMENTS	354
49	THERE 'S THINGS	353
50	THERE ARE CONSEQUENCES	353
51	THERE WERE PROBLEMS	352
52	THERE WERE RUMORS	351
53	THERE ARE LAWS	347
54	THERE 'S TROUBLE	338
55	THERE IS CONCERN	324
56	THERE IS LIFE	321
57	THERE ARE INDICATIONS	316
58	THERE ARE RISKS	316
59	THERE 'S NOTHIN	309
60	THERE ARE CASES	305
61	THERE WERE DAYS	304
62	THERE ARE PARTS	288
63	THERE ARE CONCERNS	287

64	THERE WERE TEARS	278
65	THERE ARE RUMORS	263
66	THERE ARE STORIES	260
67	THERE WAS ROOM	258
68	THERE IS TIME	257
69	THERE ARE KIDS	254
70	THERE 'S WATER	251
71	THERE ARE AREAS	251
72	THERE ARE OPPORTUNITIES	242
73	THERE WAS TIME	241
74	THERE WERE DIFFERENCES	239
75	THERE ARE PLANS	238
76	THERE 'S REASON	222
77	THERE IS MONEY	222
78	THERE 'S TONS	219
79	THERE ARE ELEMENTS	215
80	THERE WAS HOPE	211
81	THERE IS NEED	208
82	THERE 'S FOOD	203
83	THERE 'S KIND	203
84	THERE WAS TROUBLE	201
85	THERE WERE HUNDREDS	200
86	THERE 'S WORK	199
87	THERE WAS CONCERN	199
88	THERE ARE GUYS	198
89	THERE 'S LIFE	196
90	THERE WERE QUESTIONS	183
91	THERE 'S STUFF	182
92	THERE ARE JOBS	182
93	THERE ARE SITUATIONS	181
94	THERE ARE LIMITATIONS	178
95	THERE WERE MEN	177
96	THERE 'S SMOKE	176
97	THERE IS NO	175
98	THERE ARE GROUPS	172
99	THERE ARE EXAMPLES	171
100	THERE WAS MONEY	170
	TOTAL	55802

ПЛОВДИВСКИ УНИВЕРСИТЕТ „ПАИСИЙ ХИЛЕНДАРСКИ“ – БЪЛГАРИЯ
НАУЧНИ ТРУДОВЕ, ТОМ 63, КН. 1, СБ. Б, 2025 – ФИЛОЛОГИЯ,
PAISII HILENDARSKI UNIVERSITY OF PLOVDIV – BULGARIA
RESEARCH PAPERS, VOL. 63, BOOK 1, PART B, 2025 – LANGUAGES AND LITERATURE

DOI 10.69085/ntf2026b157

STICK WITH ENGLISH OR CHANGE LANGUAGES? THE ROLE OF CODE-SWITCHING IN THE AMERICAN DRAMA TV MINISERIES *POLITICAL ANIMALS* (2012)

Alexandrina Ugrenova
Independent Researcher

alexshort819@gmail.com

This article draws attention to two scenes from the American TV miniseries *Political Animals* (2012). The first scene is taken from Episode 1 “The Pilot” in which the main character, Secretary of State Elaine Barrish code-switches from English into Russian while conversing with the Russian Foreign Minister. The second scene comes from Episode 6 “Resignation Day”, wherein the Secretary of State code-switches from English into French during a brief conversation with the President of France. In view of this, I intend to explore the role of the two languages and their impact. My research shows that they both make an important contribution to the interactions that take place within the scenes.

Key words: *Political Animals* (2012), code-switching, Russian, French

1. Introduction

In their (2001) article “Calculating speakers: Code-switching in a rational choice model”, Carol Myers-Scotton and Agnes Bolonyai pose the question “What is the engine that drives speakers to select one linguistic variety over another?” (Myers-Scotton, Bolonyai 2001: 1). Indeed, if speakers can express themselves in a language that is understood and used by others, why should they select a different one (ibid.)? According to Blom and Gumperz (1986: 424ff), for example, external factors such as a new surrounding may impact people’s language choices (as cited in Bleichenbacher 2008: 13). However, just as extralinguistic forces can give people a reason to code-switch, so too can internal influences, more precisely, people’s intentions (Bullock, Toribio, eds. 2009: 2; Myers-Scotton, Bolonyai 2001: 2). From this, we could deduce that speakers make the choice to code-switch into another language, as it can serve a particular purpose (ibid.). The aim of this article, therefore, is to analyze the use of

code-switching and the role of Russian and French in two scenes from the American TV miniseries *Political Animals* (2012).

2. *Political Animals* (2012): Plot

Political Animals (2012) is an American TV miniseries created by Greg Berlanti. The series stars Sigourney Weaver who plays Elaine Barrish Hammond, a former First Lady of the United States. Upon losing the election to her opponent, Paul Garcetti, played by Adrian Pasdar, Elaine Barrish becomes Secretary of State. Throughout the series, we see her handle delicate political matters while simultaneously trying to be a good mother and keep her family together and whole.

3. Methodology

As mentioned, this article delves into the role of code-switching in two important scenes from the TV series *Political Animals* (2012). The term "code-switching" has been discussed by a number of authors that are included in this paper (Saville-Troike 2003; Stockwell, ed. 2007; Bleichenbacher 2008; Spolsky, ed. 1998; Panhwar, Buriro 2020; Auer 1984). In addition to code-switching, the article also devotes attention to both politeness and impoliteness. For this reason, Brown and Levinson's *Politeness: Some universals in language usage* (1987) is particularly useful in clarifying important terminology. What is more, Jonathan Culpeper's *Impoliteness: Using Language to Cause Offence* (2011) and his article "Towards an anatomy of impoliteness" (1996) offer detailed insight into face attacks and impoliteness strategies.

4. Code-switching

As a diplomat, Secretary Elaine Barrish speaks several languages. This article discusses only two, more precisely, Russian and French, which the former uses effortlessly when conversing with her political colleagues and counterparts. However, would her words have the same impact had she stuck with English instead of changing languages? In order to answer this question, we first need to focus our attention on an important term, namely *code-switching.* Put simply, code-switching entails the change from one language to another "within a single speech event" (Saville-Troike 2003: 48). A distinction also needs to be made between *situational* and *metaphorical code-switching*. The former takes place when speakers change domains or situations (Stockwell, ed. 2007: 12). This is further explained in

Saville-Troike (2003: 49), who states that situational code-switching is generally accompanied by a change of topics or participants.

Conversely, metaphorical code-switching takes place when speakers change their language in order to "add a special social meaning" (Blom and Gumperz 1986: 425, as cited in Bleichenbacher 2008: 13). We could, therefore, say that metaphorical code-switching highlights a speaker's agency, since by opting to switch from one language into another people can indicate social attitudes or claim group membership or solidarity (Spolsky, ed. 1998: 50). This is further reinforced by Gumperz (1982) who posits that metaphorical code-switching is deliberate because it communicates a symbolic message (as cited in Panhwar, Buriro 2020: 267).

5. Politeness: terms and strategies

Part of this research also focuses on politeness or rather its counterpart, namely impoliteness. For this reason, I have decided to look closely at each one of these notions in more detail.

Politeness, according to Brown and Levinson (1987), is a way for speakers to protect each other's *face* in communicative situations (Brown, Levinson 1987: 61). They posit that *face* is "something […] that can be lost, maintained, or enhanced" (Brown, Levinson 1987: 61), and that each one of us has both a positive and a negative face (ibid.). Our positive face refers to our desire to be liked and admired while our negative face signals our desire to do as we wish without having our actions restricted or impeded (Brown, Levinson 1987: 62). Unfortunately, our face wants are constantly threatened in day-to-day conversations because even a simple request or a piece of advice can be considered a *face-threatening act* (Brown, Levinson 1987: 66). Nevertheless, there is a list of strategies which we can use to counter such threats (ibid.). For example, if a speaker wishes to address their addressee's positive face, they may do so by using a positive politeness strategy such as seeking agreement with them or taking notice of their interests (Brown, Levinson 1987: 102). This, in turn, serves to create a sense of rapport and solidarity between the speaker and the addressee (Brown, Levinson 1987).

Alternatively, a speaker may choose to use a negative politeness strategy to avoid direct confrontation (Brown, Levinson 1987). In order for this to happen, the former can hedge their requests (Brown, Levinson 1987: 145). A way to do this, for instance, would be to use a modal verb (Brown, Levinson 1987).

While these strategies are meant to create and uphold a sense of thoughtfulness and discretion, there are times when speakers may choose to

be as direct as they wish (Brown, Levinson 1987). In such cases, they can do the face-threatening act *bald on record* (ibid.). This usually happens when there is a major difference in terms of power between the speaker and the addressee (Brown, Levinson 1987: 97).

Finally, *off record politeness strategies* are realized through indirect language use such as hinting or giving association clues (Brown, Levinson 1987).

6. Impoliteness

Even though politeness is an intrinsic part of our everyday conversations, the same appears to be equally true of its counterpart, more precisely, impoliteness. Unlike politeness, which conveys the speaker's wish to protect and maintain face, impoliteness occurs when a speaker attacks their addressee's face intentionally (Culpeper 2005a: 38, as cited in Culpeper 2011: 19). This may happen if the former enjoys a higher social status than the latter (Culpeper 1996: 354). However, impoliteness can also be used to restore *face loss* (Culpeper 2011: 205). For example, if a speaker offends their addressee purposefully, the latter could respond with an offence as well so as to counter the attack (ibid.). In "Towards an anatomy of impoliteness" (1996), Culpeper discusses his own impoliteness strategies which, unlike their counterparts, are meant to attack and damage the addressee's face (Culpeper 1996: 356). On the one hand, by making their addressee feel uncomfortable, or by using taboo words and profane language, the speaker damages the former's positive face (Culpeper 1996: 358). On the other hand, invading people's personal space, or condescending and demeaning them is considered an attack on their negative face (ibid.).

7. Analysis

7.1. Secretary Elaine Barrish vs. Russian Foreign Minister Viktor Porchov

(Season 1, Episode 1 "Pilot")

Plot:

In this scene, Secretary Elaine Barrish appears to be addressing a group of reporters while Viktor Porchov, the Russian Foreign Minister is standing behind her with his colleagues. Unbeknownst to the reporters, however, the latter sexually assaults Elaine, who is momentarily caught off guard. Nevertheless, she manages to keep her composure until the meeting is over. Afterwards, she confronts her Russian colleague and retaliates with a verbal threat.

Elaine Barrish: Did you enjoy the ass grab, Viktor? Good. Because the next time you touch me, I'm gonna rip off your tiny, shriveled balls and serve them to you in a cold borscht soup.

(code-switches into Russian and says "I will f- your shit up. Do you hear me?")

Viktor Porchov: Da.

(Berlanti, Berlanti 2012: 11:36)

Elaine Barrish's switch to Russian in this scene takes place immediately after the sexual assault which happens earlier. She opens the conversation and proceeds to issue a verbal threat against her Russian colleague in English when she suddenly code-switches into Russian. Her switch does not seem to have been triggered by any external situational factors such as the arrival of a new participant or a change from one topic to another. Instead, Elaine deliberately code-switches in the middle of the conversation. Even though she uses English for the initial part of her threat, the culmination appears to take place in Russian, Viktor Porchov's first language. This sudden switch renders the message even more effective and palpable. Thus, we could say that this is an example of metaphorical code-switching.

Elaine's switch into Russian can also be analyzed in terms of impoliteness. Indeed, the sexual assault which Viktor Porchov carries out at the onset of the scene can be considered an attack on Elaine Barrish's negative face, since the former not only invaded her personal space, but he also aimed to humiliate and degrade her. The Secretary of State chooses to counter this attack on her negative face with a verbal one targeting the Foreign Minister's positive face. As stated, the initial part of her attack takes place in English, but the last few "blows" are in Russian. By making the switch into her colleague's first language, Elaine manages to not only make the message more effective, but she also restores the face loss in a way that would not have been as successful had she chosen to retaliate solely in English.

7.1.1. Secretary of State Elaine Barrish and the President of France (Season 1, Episode 6 "Resignation Day")

Plot:

Earlier in this episode, the President of the US, Paul Garcetti, approaches Secretary Elaine Barrish and invites her to run with him as his Vice President in the next election. Unfortunately, the President's plane crashes on route to France. In this scene, we find Secretary Elaine Barrish conversing with President Harbin of France.

President Harbin: Madam Secretary.

Secretary Elaine Barrish: Madam President. Your country has mounted a heroic rescue effort and moved so swiftly. We're deeply grateful.

President Harbin: If my plane were down off Miami Beach, you would do every bit as much.

Secretary Elaine Barrish: With your permission, we have a team on the tarmac here, comprised of NTSB, Secret Service, FBI and Air Force.

President Harbin: Of course.

(code-switches into French and asks "His poor widow … and the boy. How old is he?")

Secretary Elaine Barrish: *(code-switches into French and says "Trevor … he's six.")*

President Harbin: The nation of France grieves tonight, with all Americans.

Secretary Elaine Barrish: Thank you.

(Newman, Weed, Petrarca 2012: 31:23)

The topic of the conversation in the scene above is about the rescue effort which France has attempted. Towards the end of their exchange, President Harbin code-switches into French and shifts the topic to Paul Garcetti's family, more precisely, his wife and son. Consequently, we could view this as an example of situational code-switching due to the change of topic, but it seems insufficient to do so. It appears that the switch from English to French also provides an air of privacy in which the two political figures could devote their attention to the late President's family and by extension, to the profound impact his death could have on them. Thus, this example of code-switching could also serve what Saville-Troike (2003: 57) refers to as an "exclusionary function". In addition, it also renders both President Harbin and Secretary Elaine Barrish more relatable and approachable. Hence, while the change of topic in the exchange above does give us a valid reason to see this as an instance of situational code-switching, the air of privacy it provides, and the way it portrays the two politicians makes it also metaphorical. This supports the notion that "the two types of code-switching [situational and metaphorical] […] are inseparable and support each other" (Auer 1984: 91).

8. Conclusion

The purpose of this article was to explore the role of code-switching in two scenes from the TV miniseries *Political Animals* (2012). The analysis above reinforces the prominent role that code-switching plays in both cases.

In the first scene, while Secretary Elaine Barrish uses English for the first part of her verbal attack towards Viktor Porchov, she selects the Russian Foreign Minister's first language for the last part. In so doing, she not only manages to make her attack and message more definite and memorable, but she also restores the inflicted face loss more successfully.

In the second scene, even though it is not the Secretary of State who is the first to code-switch, the use of French makes a strong contribution to the two characters' exchange. Indeed, it provides an air of privacy in which both the President of France and the Secretary of State can turn their attention to a matter which appears not to be discussed as much, more precisely, the late President's wife and son. Additionally, the air of privacy prompted by the switch to French also allows us to connect with the two characters more.

REFERENCES

Auer 1984: Auer, P. On the Meaning of Conversational Code-Switching. //*Interpretive Sociololinguistics*. Tübingen: Narr, 1984, 87 – 112.

Bleichenbacher 2008: Bleichenbacher, L. *Multilingualism in the Movies: Hollywood Characters and their Language Choices*. Tübingen: Francke, 2008.

Brown, Levinson 1987: Brown, P., Levinson, S. C. *Politeness: Some universals in language usage*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.

Bullock, Toribio, eds. 2009: Bullock, B. E. & Toribio, A. J. (eds.). *The Cambridge Handbook of Linguistic Code-Switching*. Cambridge/New York/Melbourne/Madrid/Cape Town/Singapore/Sao Paulo/Delhi/ Dubai/Tokyo/Mexico City: Cambridge University Press, 2009.

Culpeper 1996: Culpeper, J. Towards an anatomy of impoliteness. // *Journal of Pragmatics,* Vol. 25, No. 3, 2005, 349 – 367.

Culpeper 2011: Culpeper, J. (2011). *Impoliteness: Using Language to Cause Offence*. Cambridge, New York, Melbourne, Madrid, Cape Town, Singapore, São Paulo, Delhi, Dubai, Tokyo, Mexico City: Cambridge University Press, 2011.

Myers-Scotton, Bolonyai 2001: Myers-Scotton, C., Bolonyai, A. Calculating speakers: Codeswitching in a rational choice model. // *Language in Society*, Vol. 30, No. 1, 2001, 1 – 28.

Panhwar, Buriro 2020: Panhwar, F., Buriro, G. A. An Overview of Theories and Approaches to Code-Switching. //*International Research Journal of Arts and Humanities (IRJAH)*, Vol. 48, No. 48, 2020, 265 – 282.

Saville-Troike 2003: Saville-Troike, M. *The Ethnography of Communication: An Introduction* 3rd ed. Malden, MA: Blackwell Publishing, 2003.

Spolsky, ed. 1998: Spolsky, B. (ed.). *Sociolinguistics*. Oxford: Oxford University Press, 1998.

Stockwell, ed. 2007: Stockwell, P. (ed.). *Sociolinguistics: A Resource Book for Students* 2nd ed. London and New York: Routledge, 2007.

FILMOGRAPHY

Berlanti 2012: Berlanti, G. Pilot. *Political Animals*. episode, USA Network, 2012.

Newman, Weed, Petrarca 2012: Newman, M., Weed, S., Petrarca, D. Resignation Day. *Political Animals*. episode, USA Network, 2012.

ПЛОВДИВСКИ УНИВЕРСИТЕТ „ПАИСИЙ ХИЛЕНДАРСКИ“ – БЪЛГАРИЯ
НАУЧНИ ТРУДОВЕ, ТОМ 63, КН. 1, СБ. Б, 2025 – ФИЛОЛОГИЯ,
PAISII HILENDARSKI UNIVERSITY OF PLOVDIV – BULGARIA
RESEARCH PAPERS, VOL. 63, BOOK 1, PART B, 2025 – LANGUAGES AND LITERATURE

DOI 10.69085/ntf2026b165

GENERAL METAPHOR TYPOLOGY IN RESEARCH ARTICLE INTRODUCTIONS IN THE FIELD OF ECONOMICS

Ivaylo Dagnev
Medical University of Plovdiv

ivaylo.dagnev@mu-plovdiv.bg

Metaphors serve as a key rhetorical device that engages readers while clarifying intricate economic ideas. Economic writing, particularly in Introductions, is often marked by a high frequency of metaphorical language, as authors seek to situate their research within the broader academic conversation. This paper aims to enhance understanding of conceptual metaphor typology in economics by analyzing a selection of articles from high-impact journals. The study employs a methodology that categorizes metaphors into ontological, structural, and orientational types. The findings align with existing research in conceptual metaphor analysis within scientific discourse.

Key words: metaphor, rhetorical device, economic articles, discourse

1. Introduction: Metaphor as a Cognitive and Rhetorical Imperative

The pervasive assumption that specialized academic discourse, particularly within disciplines characterized by quantitative methodologies like economics, maintains an exclusive commitment to literal and objective language has been comprehensively challenged by decades of research in cognitive linguistics and genre analysis. This study is fundamentally rooted in the tenets of Conceptual Metaphor Theory (CMT), which posits that metaphor is not merely an optional stylistic embellishment but rather a fundamental, systematic, and often unconscious cognitive mechanism employed to conceptualize and reason about abstract and inherently complex domains (Lakoff & Johnson 1980). The economic system, with its non-physical entities like utility, risk, and policy, presents a prime example of an abstract domain necessitating metaphorical structuring (Henderson 1994).

The non-perceptual, complex nature of economic thought relies heavily on systematic mappings from concrete, embodied experience to be made tractable for formal analysis.

The Introduction section of the *research article* (RA) is the crucial rhetorical space where the author must strategically establish disciplinary alignment, assert scientific novelty, and justify the research's expenditure of resources. This persuasive process is rigorously articulated through a sequence of communicative goals, formalized by genre-analytical models like Swales' CARS (Creating A Research Space) model (Swales 1990, Swales & Feak 2004). Further to Swales' research, Bhatia (1993) emphasized that genres are defined by their communicative purpose, and the RA Introduction's purpose is intrinsically persuasive: to convince the reader and reviewers of the study's merit and originality. Additionally, structural models across specialized domains, such as Nwogu's (1997) move structure in health sciences, confirm the cross-disciplinary necessity of this structured argumentative trajectory. The present investigation explores the intricate, mutually reinforcing relationship between the rhetorical moves demanded by this academic genre and the underlying general conceptual metaphor typologies activated to execute these moves effectively and persuasively.

The study is interdisciplinary, residing at the nexus of cognitive linguistics, academic rhetoric, and discourse analysis. The primary objective is to systematically quantify, categorize, and functionally analyse the distribution of the three major metaphor typologies–*ontological, structural*, and *orientational*–in the Introductions of English-language economics RAs. By linking the frequency and type of metaphor to the specific rhetorical function of each move, the study aims to demonstrate metaphor's non-trivial role in facilitating both conceptual clarity and argumentative persuasion within the economics discipline. This research argues that metaphor serves as the cognitive cement for the genre, rendering abstract economic concepts tractable and ensuring the argumentative flow required for academic legitimation.

2. Theoretical Background: Cognitive and Genre Frameworks

2.1. Conceptual Metaphor Theory (CMT), Embodiment, and Conceptual Blending

CMT established that abstract concepts are systematically mapped onto concrete, typically embodied concepts, driven by correlations in experience (Lakoff 1993, Kövecses 2002). The conventionalized nature of these mappings governs specialized discourse. The understanding that

abstract knowledge is rooted in physical interaction–the *embodied cognition thesis*–is central to CMT (Gibbs 2017). Yet, metaphors are not static mappings but context-sensitive phenomena. It is noteworthy that while the body is crucial, it is only one of several contexts shaping metaphor creation (Kövecses 2015).

A critical extension of CMT addresses the neurological grounding of metaphor. *Primary metaphors* (Grady 1997) emerge from the simultaneous co-activation of distinct neural circuits during early, recurring sensorimotor experiences (e.g., MORE IS UP). This process is governed by Hebb's principle, or "neurons that fire together, wire together," which posits that if Neuron A and Neuron B are repeatedly activated simultaneously, the synaptic connection between them strengthens (Feldman 2006). This Hebb-based mechanism explains how the arbitrary correlation between two experiential domains (e.g., physical weight and conceptual difficulty) becomes a foundational, automatic cognitive mapping (DIFFICULTY IS HEAVINESS). Such primary mappings form the neural foundation for the three general typologies: ontological, structural, and orientational.

Furthermore, complex metaphor usage often involves *conceptual blending* (Fauconnier & Turner 2002). This mechanism is vital for generating the novel and complex figurative expressions necessary for academic creativity. For instance, the complex metaphor BRIDGING THE GAP blends the knowledge of *research gap* (an intellectual problem) with *bridge construction* (a physical solution to a spatial obstacle) to produce the emergent meaning of methodological connection.

The analysis relies on the general typology (Lakoff & Johnson 1980):

1. *Ontological metaphors* (reification): Essential for reification, allowing abstract entities (e.g., economic volatility) to be viewed as a concrete, bounded physical object, substance, or container.
2. *Structural metaphors*: Transfer the complete internal structure (logic, hierarchy, dynamics) from a source (e.g., ARCHITECTURE) to an abstract target (e.g., THEORY).
3. *Orientational metaphors*: Derived from basic embodied experience (UP/DOWN), they map spatial orientation onto evaluation, quantity, or status.

2.2. Genre Analysis: The Rhetoric of the Research Article Introduction

The RA Introduction is the primary mechanism for establishing the academic genre, driven by the communicative purpose of claiming a legitimate space for new knowledge (Swales 1990). The CARS model provides the structural blueprint, describing the obligatory sequence of

moves (Swales & Feak 2004). The corpus analysis conducted in this study revealed an additional rhetorical move beyond the original three proposed by Swales (1990):

- Move 1 (establishing a territory): Defines relevance and broad context (aligned with Nwogu's (1997) *stating the goal*).
- Move 2 (establishing a niche): Identifies the gap, limitation, or problem–the critique. This is rhetorically sensitive, often using Politeness Theory to soften criticism (Brown & Levinson 1987).
- Move 3 (occupying the niche): States the paper's aims, method, and contribution and aligns with Nwogu's highlighting the importance of the research.
- Move 4 (significance of the research paper): Outlines the structure and implications.

Metaphorical language is the structural cement of these moves. Ontological and orientational metaphors create the urgency for Move 2 by spatially or physically embodying the problem, while structural metaphors frame the contribution in Move 3 as a legitimate, sequential progression.

3. Methodology

3.1. Corpus Segmentation and Identification Procedure

The empirical data for this study was collected from a corpus of 47 peer-reviewed research articles (RAs) from high-impact English-language economics journals. The analytical scope was strictly limited to the Introduction sections (the content of the four obligatory rhetorical moves), which yielded a total word count of 59,500 words for the metaphor identification procedure.

Metaphor identification utilized the systematic procedure of MIPVU (Metaphor Identification Procedure Vrije Universiteit) (Steen et al. 2010). A lexical unit was marked as a metaphor token only if its contextual meaning was systematically relatable to, yet distinct from, its basic (literal) meaning. A maximalist counting approach was employed, cataloguing all 13,568 metaphor tokens, including highly conventionalized expressions, ensuring comprehensive data capture across the general typologies.

3.2. Statistical Findings Overview

The rigorous analysis of the 59,500-word corpus resulted in a high metaphor-word ratio of 22.80%. The distribution across the general typologies is highly concentrated, confirming the centrality of object and

structure in economic conceptualization. The overall distribution across the general typologies is presented in Table 1 below:

Table 1. *Overall distribution across the general typologies*

Metaphor Type	Token Count	Percentage Share
Ontological Metaphors	7,146	52.6%
Structural Metaphors	5,808	42.8%
Orientational Metaphors	614	4.5%
Overall	13568	–

Table 2 shows a functional differentiation in metaphor deployment across the rhetorical structure of the Introduction.

Table 2. *Functional Distribution of Metaphor Types Across Rhetorical Moves*

Rhetorical Move	Primary Function	Dominant Metaphor Type	Key Rhetorical Role
Move 1 (Territory)	Scope definition	Ontological (54.7%)	Quantification of existing literature; bounding the field.
Move 2 (Niche/Gap)	Critique & urgency	Structural (50.9%)	Modeling the critique as conflict or structural flaw.
Move 3 (Occupying Niche)	Contribution & method	Ontological (53.9%)	Objectifying the study's findings; framing research as action.
Move 4 (Significance)	Implications & future path	Ontological (52.6%)	Objectifying and evaluating the paper’s impact.

As can be seen from table 2, while ontological metaphors dominate in absolute count across all moves, structural metaphors indicate their highest relative density in Move 2, emphasizing their role in modeling conflict and critique.

4. Analysis of Dominant Metaphor Typologies and Rhetorical Function

4.1. Ontological Metaphors: Causal Accountability

The dominance of *ontological metaphors* is the direct cognitive strategy to deal with the inherent abstractness of economic concepts. Reification allows these non-physical concepts to be quantified, bounded, and manipulated within a formal, analytical framework.

- ABSTRACT CONCEPTS ARE SUBSTANCES/CONTAINERS (Move 1): This system is critical for defining the discursive space and scope. The CONTAINER scheme is ubiquitous in Move 1 for quantifying the literature: “a vast field of research”, “this concept is embedded in existing theory”, “this analysis falls within the scope of our study”.
- ECONOMIC PROCESSES ARE AGENTS/PERSONS (Move 2/3): Personification is the most frequent ontological sub-type, critical for assigning causal agency and accountability, essential for setting up the critique in Move 2. This is realized by non-human subjects acting as agents. Examples: "The model fails to account for X", "Inflation creeps up", "The market reacted strongly to the news". The linguistic realization often involves high-frequency, seemingly neutral verbs like *show*, *indicate*, and *suggest*, where the abstract subject is tacitly personified to perform a communicative act. The most frequent personified agent is LITERATURE (e.g., Literature shows that...), serving to shift argumentative responsibility away from the human author.

4.2. Structural Metaphors: Legitimacy, Continuity, and Teleological Progression

Structural metaphors are strategically deployed to manage the rhetorical positioning of the research contribution, particularly in Move 3 (occupying the niche). They transform the abstract activity of knowledge creation into recognizable, embodied human actions (building, traveling).

- THEORY/ARGUMENT IS A BUILDING/STRUCTURE: This system maps the stability and hierarchy of architecture onto the abstract field of knowledge.
  - Move 3 (legitimation): The work is framed as continuous and supportive: "Our findings build upon the existing foundations of X", "The structural weakness needs reinforcement".

- RESEARCH IS A JOURNEY/MOVEMENT: This system transforms the research process into a logical, purposeful search, managing the reader's expectations of disciplinary advancement. The structural isomorphism involves sub-mappings (Lakoff & Johnson 1980):
  - The research activity is movement: e.g., "The paper takes a step forward."
  - The research aims are destinations: e.g., "We aim to reach a conclusion."
  - The methodology is a path/vehicle: e.g., "We follow a new path for analysis."
  - Difficulties are obstacles: e.g., "The model suffers from constraints."
  - Move 3 (teleological progression): The contribution is positioned as inevitable progress toward a predefined goal: "This paper pioneers a new path for analysis", "We bridge the gap using new methods", "The analysis takes the next logical step forward".

4.3. Orientational Metaphors: Evaluation and Rhetorical Urgency

Orientational metaphors provide the necessary evaluative framing for the persuasive moves, leveraging the deeply embodied correlation between spatial and emotional/quantitative states.

- GOOD IS UP / BAD IS DOWN (evaluation): This dominant mapping assigns immediate value to economic states, primarily used in Move 2 (problem highlighting). Examples: "A fall in consumer confidence", "Output tumbled rapidly", "Interest rates are low". This transforms statistical data into a visceral, unstable reality, strengthening the argumentative force for the niche.
- Rhetorical function: These metaphors serve as powerful cognitive shortcuts for conveying the significance of a finding, accelerating the reader's engagement with the problem defined in Move 2 (Charteris-Black 2004).

5. Discussion: The Cognitive-Rhetorical Synthesis in Economics

The high metaphor density (22.80%) confirms that figurative language is a cognitive necessity in the economics RA genre. The typology distribution directly aligns with the core rhetorical challenges articulated by the CARS model and genre theory.

5.1. Metaphor Conventionality, Entrenchment, and Cognitive Fluency

The high prevalence of conventionalized metaphors is crucial for processing efficiency within the expert community. Conventionalization minimizes the cognitive load required to understand the abstract concept, allowing the specialist reader to focus immediate attention on the novel data and methodology presented. This cognitive fluency is an essential requirement for the timely dissemination of knowledge, especially given the rapid pace of economic research. The conventionalized nature of metaphors like RESEARCH IS A JOURNEY ensures that the sequential move structure required by the genre (Nwogu 1997) is automatically understood. Furthermore, this conventionalization leads to entrenchment–the degree to which a symbolic unit becomes a 'routine operation' in the thought process. The highly entrenched nature of ontological personification in economics implies that the perception of non-human entities as active agents is now cognitively automatic, reinforcing the difficulty in adopting alternative, non-agentive conceptual models.

5.2. Ideological, Epistemological, and Ethical Implications

The study of metaphor in economics transcends mere linguistic cataloguing; it touches upon the epistemological foundations and ideological biases of the discipline.

The sheer dominance of the ontological typology (52.6%) reflects the discipline's epistemological drive to objectify every concept for mathematical manipulation. This epistemological reliance on reification reflects the discipline's attempt to treat non-physical entities as quantifiable variables, bringing them into the realm of statistical modeling.

However, the systematic use of personification to assign agency to the market, policy, or model can inadvertently conceal human responsibility or political assumptions. By framing the market as an autonomous agent that reacts or suffers, the discourse often obscures the political or institutional decisions that shape economic outcomes (Lakoff 1996). This framing choice is not neutral; it structures both cognitive understanding and normative judgment, often reinforcing neo-liberal or rational-actor models of the economy. The ethical imperative arises from the fact that these metaphorical choices can lead to a false sense of determinism or naturalization of current economic systems (Fairclough 2005).

5.3. Disciplinary Constraints and Metaphor Choice

The highly quantitative nature of modern economics imposes specific constraints on metaphor usage. The discipline favors metaphors that

emphasize objectivity, stability, and control. This preference explains the dominance of ontological and structural types, which inherently convey these qualities (e.g., the stability of a BUILDING, the measurability of a CONTAINER). Conversely, subjective or emotionally charged source domains are largely suppressed, focusing instead on objective, physical relations (Kövecses 2015). The rhetorical requirement to present empirical data in Move 2 and Move 4 is directly supported by the ontological and orientational frames, which transform abstract numbers into concrete spatial evaluations (UP/DOWN) that resonate with the embodied experience of success or failure. The functional congruence between the quantitative result (a number) and its metaphorical framing (UP/DOWN) transforms raw data into a rhetorically persuasive claim.

5.4. Metaphorical Congruence Across Genres: The Rhetorical Strategy of Moves

The congruence between the metaphorical typology found in economics and the rhetorical moves of the RA Introduction aligns with similar findings across diverse specialized discourses (Mirowski 1989, Henderson 1994). This reinforces the concept that the cognitive need to structure abstract knowledge (CMT) is the foundational force dictating the rhetorical means (genre analysis) by which knowledge claims are presented and legitimized across the academic sphere. An author's successful navigation of the genre–especially the transition from Move 2 (critique) to Move 3 (contribution)–is dependent on the seamless switch between metaphors that highlight deficiency (e.g., structural weakness) and those that promise progress (e.g., next step forward).

5.5. Pedagogical Implications for EAP/ESP

The identification and typology of these functional metaphors hold significant pedagogical value for English for Academic Purposes (EAP) and English for Specific Purposes (ESP) instruction. Explicit training in recognizing the rhetorical function of ontological personification (e.g., distinguishing when "the model" is acting agentively versus being acted upon) and structural metaphors (e.g., using "JOURNEY" terminology to structure the methodology) can significantly enhance the academic literacy and rhetorical competence of non-native English speakers in economics. Metaphor awareness bridges the gap between basic language skills and the complex disciplinary reasoning required by the genre. Furthermore, understanding the precise lexical realisations of these highly conventionalized metaphors (e.g., the specific verbs that realize personification) provides

concrete targets for instruction, leading to more coherent and rhetorically effective writing.

6. Conclusion and Future Directions

This study has systematically quantified and functionally analyzed the general metaphor typology in the introductory sections of English economics research articles. The high metaphor density (22.80%) and the highly skewed distribution toward ontological (52.6%) and structural (42.8%) metaphors unequivocally establish that the economic discourse is fundamentally structured by metaphors of *object, structure*, and *movement*.

The findings confirm metaphor's non-trivial dual function: cognitively, it renders the abstract domain tractable and manipulable; rhetorically, it provides the essential tools for executing the persuasive moves required by the academic genre, as formalized by Swales (1990) and Bhatia (1997). The strategic activation of ontological metaphors facilitates complexity management and causal accountability, while Structural metaphors ensure rhetorical alignment with disciplinary norms of progress and legitimacy, satisfying the communicative purpose of the genre. The specific examples cited from the monograph–such as THEORY IS A BUILDING and RESEARCH IS A JOURNEY–demonstrate the precise lexical and conceptual mechanisms by which this rhetorical work is achieved.

Future research should prioritize a fine-grained contrastive analysis of intentional (novel) metaphors versus conventional metaphors across different sections (e.g., Results and Discussion) to track the entire life cycle of metaphorical conceptualization within the genre. Furthermore, a cross-cultural analysis of this typology across economics articles published in non-English languages is necessary to determine the degree of cultural and linguistic specificity in the conceptualization of economic reality (Kövecses 2010). Methodological advancements should include psycholinguistic validation studies (e.g., eye-tracking) to empirically measure how metaphor-rich moves affect comprehension and inference, thereby solidifying the link between cognitive theory and textual performance.

REFERENCES

Bhatia 1993: Bhatia, V. K. *Analyzing Genre: Language Use in Professional Settings*. London: Longman, 1993.

Brown, Levinson 1987: Brown, P., & Levinson, S. C. *Politeness: Some Universals in Language Usage.* Cambridge: Cambridge University Press, 1987.

Charteris-Black 2004: Charteris-Black, J. *Corpus Approaches to Critical Metaphor Analysis*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004.

Fairclough 2005: Fairclough, N. Critical discourse analysis in transdisciplinary research. // *Linguistics and Education*, 16(2). Amsterdam: Elsevier BV, 2005, 179–193.

Fauconnier, Turner 2002: Fauconnier, G., Turner, M. *The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities*. New York: Basic Books, 2002.

Feldman 2006: Feldman, J. *From molecule to metaphor: A neural theory of language.* Cambridge, MA: MIT Press, 2006.

Gibbs 2017: Gibbs, R. W. *Metaphor Wars: Conceptual Metaphors in Human Life.* Cambridge: Cambridge University Press, 2017.

Grady 1997: Grady, J. E. *Foundations of meaning: Primary metaphors and primary scenes* (Doctoral dissertation, University of California, Berkeley), 1997.

Henderson 1994: Henderson, W. Metaphor and Economics. // R. E. Backhouse (Ed.). *New Directions in Economic Methodology.* London and New York: Routledge, 1994, 343–367.

Kövecses 2002: Kövecses, Z. *Metaphor: A Practical Introduction*. Oxford: Oxford University Press, 2002.

Kövecses 2010: Kövecses, Z. *Metaphor and Culture*. Oxford: Oxford University Press, 2010.

Kövecses 2015: Kövecses, Z. *Where Metaphors Come From: Reconsidering Context in Metaphor*. Oxford: Oxford University Press, 2015.

Lakoff 1993: Lakoff, G. The contemporary theory of metaphor. // A. Ortony (Ed.), *Metaphor and Thought* (2nd ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 1993, 202–251.

Lakoff 1996: Lakoff, G. *Moral politics: How liberals and conservatives think.* Chicago: University of Chicago Press, 1996.

Lakoff, Johnson 1980: Lakoff, G., & Johnson, M. *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press, 1980.

Mirowski 1989: Mirowski, P. *More Heat Than Light: Economics as Social Physics, Physics as Nature's Economics.* Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

Nwogu 1997: Nwogu, K. N. *The Genre of the Abstract in Medical Research Papers*. Bern: Peter Lang, 1997.

Steen et al. 2010: Steen et al. A method for linguistic metaphor identification: From MIP to MIPVU. // *Target. International Journal of Translation Studies*, 22(1). Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2010, 177–195.

Swales 1990: Swales, J. M. *Genre Analysis: English in Academic and Research Settings.* Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

Swales, Feak 2004: Swales, J. M., & Feak, C. B. *Academic Writing for Graduate Students: Essential Tasks and Skills* (2nd ed.). Ann Arbor, MI: The University of Michigan Press, 2004.

ПЛОВДИВСКИ УНИВЕРСИТЕТ „ПАИСИЙ ХИЛЕНДАРСКИ“ – БЪЛГАРИЯ
НАУЧНИ ТРУДОВЕ, ТОМ 63, КН. 1, СБ. Б, 2025 – ФИЛОЛОГИЯ,
PAISII HILENDARSKI UNIVERSITY OF PLOVDIV – BULGARIA
RESEARCH PAPERS, VOL. 63, BOOK 1, PART B, 2025 – LANGUAGES AND LITERATURE

DOI 10.69085/ntf2026b177

LOS PREFIJOS CUANTIFICATIVOS EN ESPAÑOL Y EN BÚLGARO

Rayna Tancheva
Universidad de Plovdiv “Paisii Hilendarski”

QUANTIFYING PREFIXES IN SPANISH AND BULGARIAN

Rayna Tancheva
Paisii Hilendarski University of Plovdiv

r_tancheva@uni-plovdiv.bg

The aims of this article, dedicated to reflecting on quantitative prefixation, are several. Firstly, it pretends to clarify the morphological status of morphemes indicating quantity in Spanish and Bulgarian, establishing the similarities and differences between these two related languages. Secondly, it seeks to compile inventories of quantitative formants, which could be useful in the classes of Spanish as a Foreign Language to foster and stimulate learners' creative freedom and to spark their interest in issues related to the use of these quantitative prefixes.

Key words: quantifying prefix, quantity, morpheme, derived word, compound word

1. Introducción

Los objetivos que se pretenden conseguir con este trabajo dedicado a la prefijación cuantificativa son varios. Por un lado, se pretende esclarecer el estatuto morfológico de los morfemas que indican cierta cantidad en español y en búlgaro, estableciendo al mismo tiempo las similitudes y las disparidades que se dan entre las dos lenguas comparadas. Por otro lado, se intentarán elaborar inventarios de los formantes cuantificativos, lo cual, a su vez, podría ser de utilidad en las clases de ELE para fomentar y estimular la libertad creativa de los aprendientes y para despertar su interés por algunos problemas referidos al uso de dichos prefijos cuantificativos.

2. Delimitaciones conceptuales y metodológicas

El carácter comparativo del estudio nos obliga a hacer ciertas precisiones de índole conceptual y metodológica antes de proceder al análisis y la confección de los respectivos inventarios prefijales.

2.1. En primer lugar, hay que subrayar que analizaremos los prefijos cuantificativos como morfemas que expresan cuantificación indeterminada o numeral, o sea, serán objeto de este trabajo tanto los formantes que indican una cantidad precisa como aquellos que designan una cantidad imprecisa.

En segundo lugar, y basándonos en criterios puramente sincrónicos, cabe señalar que definimos el prefijo, por un lado, por su posición dentro de la unidad lexemática, a saber, al inicio de la palabra o de un tema o raíz ligada. De este modo, quedan excluidos muchos de los llamados "prefijoides" o "temas cultos" que pueden aparecer tanto a la izquierda como a la derecha (*logopeda*/*radiólogo* = *логопед*/*рентгенолог*, *morfosintaxis*/*isomorfo* = *морфосинтаксис*/*изоморф*, *termómetro/hipotermia* = *термометър/хипотермия*)[1]. Por otro lado, los morfemas antepuestos serán considerados desde el punto de vista de su combinatoria, ya que los prefijos propiamente dichos no pueden originar palabras derivadas con solo combinarse con otros afijos (**hexa-ción*, **bi-dad*, **cuasi-dor*). En resumen, en este trabajo se analizarán aquellos formantes con valor cuantificativo que dentro de una estructura lexemática ocupan invariablemente la posición inicial y que no son susceptibles de formar nuevos derivados adjuntándose a otros afijos.

Esta precisión resulta imprescindible a la hora de comparar los morfemas de cantidad en español y en búlgaro, ya que entre las dos lenguas sobresale una diferencia muy importante. En el sistema lingüístico búlgaro la referencia a un número exacto se transmite, por una parte, por los propios numerales, sean ordinales o cardinales, que suelen adjuntarse a bases léxicas, dando lugar a formaciones compuestas o parasintéticas (*едноок*, *триглав*, *четирикрак*, *шесторък*; *двупосочен*, *петстаен*, *първостепенен*, *второкласен*) y, por otra parte, a través de los propios prefijos de origen griego y latino. En este sentido, la lengua búlgara resulta mucho más flexible y productiva acuñando estructuras lexemáticas que contienen el sema de 'cantidad', mientras que en la lengua española estas posibilidades se reducen a la utilización de los prefijos cuantificativos o al empleo de otros medios léxico-sintácticos (compárense: *двусмислие = doble sentido*), *двуличен = de dos caras*, *двуместен = de dos plazas*, *biplaza*, *двубой = duelo*, *двоеточие = dos puntos*, *двоумя се = vacilar*, *titubear*, *утроявам = triplicar*, etc.).

2.2. Tal y como afirma Boyadzhiev, red. (1998: 328), el numeral en búlgaro es una parte de la oración artificialmente delimitada, tomando en consideración ante todo sus características léxicas, y no morfológicas, lo cual

[1] Sobre los temas grecolatinos ver Tancheva 2025.

queda confirmado por el hecho de que las propiedades morfológicas del numeral son demasiado variadas. Así, se pone de manifiesto que los numerales cardinales pueden funcionar como sustantivos o adjetivos (***три*** *по* ***две***, ***милион***, ***милиард***, ***петдесет*** *студенти*, ***четири*** *стола*), mientras que los ordinales, como adjetivos (***първи*** *ден*, ***втора*** *смяна*), si bien estos también se pueden sustantivar (***първият*** *по успех*, ***третият*** *влязъл*). Los numerales cardinales presentan cambios morfológicos que son casi idénticos a los de los sustantivos (admiten artículo, en su mayoría no cambian de género, ni de número), a su vez, los ordinales presentan cambios morfológicos similares a los de los adjetivos (Nitsolova 2023: 130). Debido a esta razón, algunos autores consideran los ordinales como una subclase de los adjetivos relacionales (Ivanchev 1978; Kutsarov 2007: 70), postura que apoyamos. No obstante, en la tradición lingüística búlgara el numeral suele percibirse como una categoría gramatical aparte (*числително име*) y la mayoría de los estudiosos siguen esta línea de investigación.

Sea cual fuere su interpretación, los numerales funcionan como palabras lexemáticas e integrándose en la estructura de otras palabras, no pueden ser analizados, pese a su posición inicial, como morfemas derivativos en el sentido en que se interpretan los formantes prestados de origen grecolatino (*уни-*, *би-*, *мулти-*, etc.). Desde el punto de vista de su combinatoria, tampoco es posible ser considerados como prefijos, ya que los numerales búlgaros son susceptibles de combinarse con morfemas derivativos dando cabida a derivados nominales (*един-ица*, *дв-ойка*, *седм-орка*, *девет-ка*, *сто-тачка*, *хиляд-арка*), adjetivales (*един-ичен*, *тр-оен*, *дв-ояк*, *десет-орен*) y adverbiales (*веднъж*, *дваж*, *триж*, *тр-ойно*, *десет-орно*).

2.3. En la tradición lingüística española, los numerales se consideran parte de una categoría más amplia, llamada por Pottier *cuantificación* (1971: 108 – 114; 1976: 257 – 266), y en concreto, la *cuantificación externa especificada*. Por su funcionalidad, los numerales son presentadores del sustantivo en el sintagma nominal, es decir, se comportan como adjetivos, ya que actualizan el sustantivo en la oración: *tres casas*, *siete meses*, *mil personas*, *primer día*, *segundo piso* (Gómez Torrego 2007: 120; Vucheva 2020: 156). Por otro lado, salvo algunos derivados como *docena*, *centena*, *quincena*, los numerales no suelen integrarse en la estructura de palabras compuestas o parasintéticas, ya que la lengua española utiliza al efecto los prefijos cuantificativos de los que nos ocupamos en este trabajo (*unimembre*, *bilabial*, *trimestral*).

3. Los prefijos cuantificativos búlgaros y españoles

3.1. Establecidas las disparidades anteriores, a continuación, presentamos un cuadro de los prefijos de cantidad búlgaros y españoles, basándonos, en gran medida, en la clasificación ofrecida por Serrano-Dolader (2007: 30).

SINOPSIS DE LOS PREFIJOS CUANTIFICATIVOS EN ESPAÑOL Y EN BÚLGARO					
		Prefijos españoles	**Ejemplos**	**Prefijos búlgaros**	**Ejemplos**
Prefijos de cantidad precisa	**Prefijos cardinales**	mono-	*monocarril*, *monocultivo*	моно-	*моноспектакъл*, *монотонен*
		uni-	*unimembre*, *unilateral*	уни-	*униполярен*, *унисекс*
		ambi-	*ambivalencia*, *ambidextro*	амби	*амбивалентен*, *амбилогия*
		di-	*dimorfismo*, *divalente*	-	
		bi-	*bilateral*, *bicampeón*	би-	*биполярен*, *билабиален*
		bis- y biz-	*bisnieto*, *biznieto*		
		tri-	*tridente*, *tricentenario*	–	
		tetra-	*tetradimensional*, *tetracampeón*	тетра-	*тетраедър*, *тетралогия*
		cuadri- /	*cuadrilátero*, *cuadrúpedo*	–	
		cuatri-	*cuatrillizo*, *cuatrimestral*	–	
		penta-	*pentacampeón*, *pentágono*	пента-	*пентаграма*, *пентагон*
		quinque-	*quinquenio*, *quinquelingüe*	–	
		hexa-	*hexágono*, *hexacampeón*	хекса-	*хексаедър*, *ексахлоран*
		hepta-	*heptasilábico*, *heptágono*	хепта-	*хептаедър*, *хептаметър*
		octo-	*octágono*, *octuplicar*	окто-	*октопод*, *октахорд*
		enea-	*eneágono*, *eneasílabo*	–	
		endeca-	*endecasílabo*, *endecágono*	–	
		dodeca-	*dodecafonía*, *dodecaedro*	–	

	Prefijos múltiplos decimales	deca- hecto- kilo- mega- giga- tera-	*decaedro*, *decalitro* *hectolitro*, *hectárea* *kilocaloría*, *kilovatio* *megahercio*, *megavatio* *gigabit*, *gigavoltio* *terabyte*, *teragramo*	дека- хекто- кило- мега- гига- тера-	*декастих*, *декаметър* *хектоват*, *хектар* *километър*, *килокалории* *мегават*, *мегахерц* *гигабайт*, *гигаволт* *терабайт*, *тераграм*
	Prefijos totalizadores	omni- pan-	*omnívoro*, *omnipotente* *panarabismo*, *panhelénico*	все- пан-	*всеяден*, *всемогъщ* *панарабизъм*, *панелински*
	Prefijos submúltiplos decimales	deci- centi- mili-	*decigramo*, *decímetro* *centilitro*, *centímetro* *miligramo*, *milímetro*	деци- санти- мили-	*дециметър*, *дециграм* *сантиметър*, *сантиграм* *милиграм*, *милиметър*
	Prefijos fraccionarios	hemi- semi-	*hemitórax*, *hemisferio* *semicírculo*, *semicircunferencia*	хеми- полу-	*хемиатрофия*, *хемианестезия* *полукръг*, *полуокръжност*
Prefijos decantidad imprecisa		multi- pluri- poli-	*multiusos*, *multipropiedad* *plurilingüe*, *pluriempleo* *policromía*, *polifacético*	мулти- – поли-	*мултифункционален*, *мултинационален* *полихроматичен*, *полифоничен*
Prefijos de aproximación – atenuación		c(u)asi- (p)seudo- semi- entre-	*cuasidelito*, *cuasipartícula* *seudociencia*, *seudoprofe* *semilocura*, *semioculto* *entrecano*, *entrecortado*	квази- псевдо- полу-	*квазинаучен*, *квазикултура* *псевдоинтелектуалец*, *псевдощастлив* *полуотворен*, *полугол*

3.2. Abordando el análisis de los prefijos anteriormente ilustrados, cabe subrayar que estos constituyen un grupo específico bastante controvertido, tanto en español como en búlgaro, puesto que los estudiosos no son nada unánimes a la hora de establecer su estatuto morfológico, sobre todo, tal y como ha quedado mencionado, porque muchas de las formaciones que presentan dichos prefijos son cultismos de procedencia latina o griega que, desde el punto de vista sincrónico, se interpretan como unidades léxicas en las que no siempre es fácil reconocer su carácter prefijado: *bípedo*, *tetraedro*, *pentágono*; *пентаграма*, *октопод*, *монотонен*. Algunos investigadores los consideran temas cultos, otros los denominan prefijoides[2], hay quienes los califican como elementos compositivos y, desde luego, existen opiniones a favor de su estatuto prefijal.

3.3. Siguiendo los estudios más recientes –de Lang (1990: 233), Alberto Miranda (1994: 94 – 95), Bajo Pérez (1997: 29), Almela Pérez (1999: 65 – 70), Varela Ortega y Martín García (1999: 5034), Serrano-Dolader (2007: 30 – 35), RAE y ASALE (2010: 184)–, en este trabajo se ha optado por analizar dichos formantes como prefijos cuantificativos, es decir, como un apartado propio dentro de los estudios de lexicogénesis del español y del búlgaro. Los argumentos que aducimos en defensa de nuestra postura son los enumerados a continuación.

3.3.1. En primer lugar, tal y como queda patente de los ejemplos abajo citados, en ambas lenguas contrastadas, los formantes analizados suelen calificarse en las entradas de las fuentes lexicográficas como elementos compositivos.

> Diccionario de la lengua española, 23.ª ed. (RAE: versión en línea)
> **poli-**
> Del gr. πολυ- *poly-* ‘mucho’.
> 1. elem. compos. Indica pluralidad o abundancia. *Polifásico*, *polimorfo*, *poliuria*.

> Diccionario de la lengua española, 23.ª ed. (RAE: versión en línea)
> **penta-**
> Del gr. πεντα- *penta-*.
> 1. elem. compos. Significa ‘cinco’. *Pentágono*, *pentagrama*.

> Diccionario de la lengua búlgara (IBE: versión en línea)
> **поли-**

[2] Seco acuña la denominación “raíces prefijas” donde incluye tanto los temas grecolatinos como los formantes aquí analizados (Seco 1980: 330).

От гр. πολν-, πολῦσ ‘много’.
1. Първа съставна част на сложни думи със значение: много, множество; много-, напр.: *полисемия*, *политеизъм*, *поливаксина*, *поливалентен* и др.

Diccionario de la lengua búlgara (IBE: versión en línea)
пента-.
От Гр. πέντα от πέντε ‘пет’.
1. Първа съставна част на сложни думи със значение пет, напр.: *пентагон*, *пентаметър*, *пентархия*, *пентатлон* и др.

En las entradas del Diccionario de la lengua búlgara aparece incluso la especificación “primer[3] elemento compositivo” y aunque el DRAE no haga tal precisión, todos los ejemplos citados presentan dicha ubicación inicial. Tal comportamiento posicional es propio de los prefijos y es lo que los diferencia, como ya se ha dicho con anterioridad, de los temas grecolatinos, que en la mayoría de los casos pueden aparecer tanto en primera como en segunda posición.

3.3.2. En segundo lugar, el hecho de que sean cultismos o palabras directamente prestadas de otras lenguas no es óbice para que los formantes de cantidad sean interpretados como prefijos, ya que a menudo aparecen también en estructuras lexemáticas donde se pone de manifiesto su naturaleza prefijal: *monopatín*, *bimensual*, *tricolor*; *полигамен*, *псевдоадвокат*, *моноспектакъл*.

En cuanto a la lengua búlgara, observamos asimismo que existe una contradicción obvia en lo que a prefijos y sufijos se refiere. Suelen considerarse sufijos prestados morfemas pospuestos, tales como *-ант*, *-ент*, *-атор*, *-итор*, *-ер*, *-ор*, *-ьор*, *-изъм*, *-ура*, entre otros, que normalmente se adjuntan a bases también de origen extranjero (*консултант*, *асистент*, *провокатор*, *инвеститор*, *милионер*, *инспектор*, *контрольор*, *модернизъм*, *диктатура*). No obstante, morfemas como, *моно-*, *би-*, *поли-*, *пента-*, *окто-*, etc., que también se combinan con bases extranjeras, tienden a quedar excluidos de los inventarios prefijales o bien se califican como prefijoides, como es el caso, por ejemplo, de los formantes *мулти-*, *полу-*, *квази-*, *псевдо-* (Georgieva 2012: 551).

3.3.3. El panorama se complica todavía más tomando en consideración el hecho de que sincrónicamente muchas de las estructuras formadas con los morfemas antepuestos en cuestión no suelen percibirse como derivados, sino que se interpretan como puros préstamos. Podría afirmarse, no sin

[3] Lo subrayado es nuestro.

fundamento, que en gran medida este fenómeno se presenta significativamente intensificado en los últimos años debido a la marcada penetración del inglés y a su progresiva consolidación como código supranacional.

3.3.4. Las contradicciones anteriores nos llevaron a realizar una encuesta experimental con el objetivo de investigar las predisposiciones de los búlgarohablantes, es decir, de averiguar cómo ellos interpretan los formantes analizados en este estudio. En la encuesta tomaron parte 59 personas, entre ellas, estudiantes de carreras filológicas (33,3%), filólogos titulados (31,6%) y no filólogos (35,1%). Los encuestados pertenecen a distintos grupos generacionales –de 15 a más de 60 años (ver *Diagrama 1*)–, de modo que la encuesta refleja la percepción de los formantes no solo desde la perspectiva de los jóvenes, quienes suelen percibir los préstamos en su conjunto, sin posteriores desarticulaciones, sino también desde la perspectiva de las personas mayores, menos influenciadas por los extranjerismos que vienen imponiéndose cada vez más durante los últimos años.

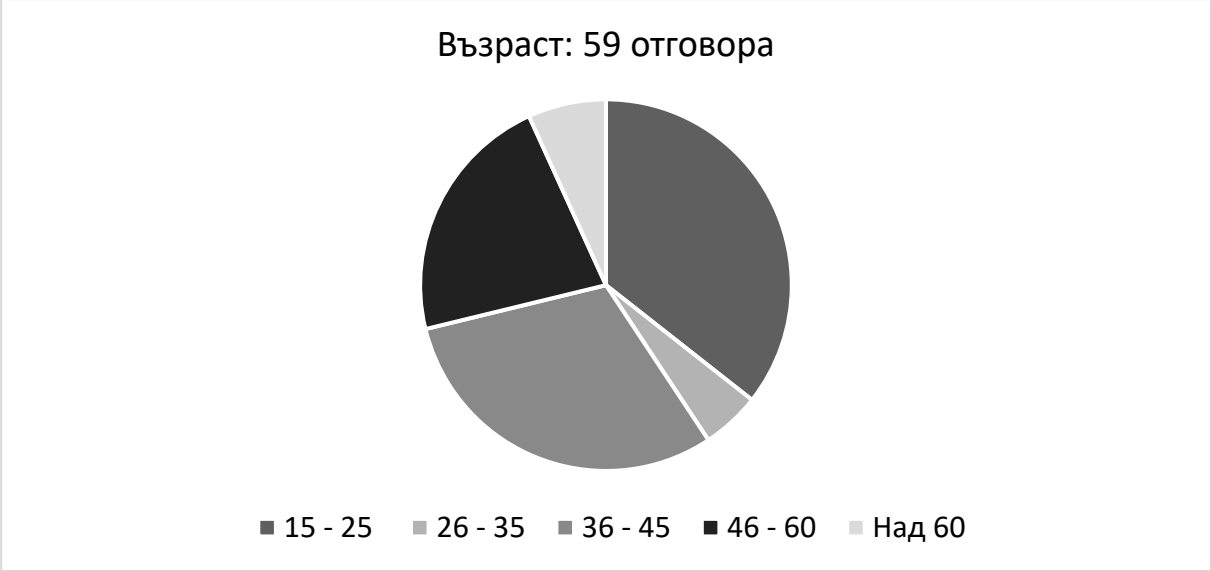

Diagrama 1

Las palabras incluidas en la encuesta son 23, a saber: *дециграм* (decigramo), *октопод* (pulpo), *килокалории* (kilocalorías), *унисекс* (unisex), *всеяден* (omnívoro), *полукръг* (semicírculo), *псевдожурналист* (pseudoperiodista), *моноспектакъл* (monoespectáculo), *биполярен* (bipolar), *милиметър* (milímetro), *амбивалентен* (ambivalente), *тетралогия* (tetralogía), *монотонен* (monótono), *пентагон* (pentágono), *хексаедър* (hexaedro), *хептаметър* (heptámetro), *декастих* (décima espinela), *хектоват* (hectovatio), *мултифункционален* (multifuncional),

полифоничен (polifónico), *сантиметър* (centímetro), *квазикултура* (cuasicultura), *хемианестезия* (hemianestesia). Para cada una de ellas se han ofrecido tres opciones de posible interpretación: 1) palabra no derivada; 2) palabra derivada formada con el respectivo prefijo; 3) palabra compuesta (ver *Diagrama 2*).

Diagrama 2

Las conclusiones de la encuesta pueden resumirse en los siguientes puntos:

a) La mayoría de las palabras citadas (16) se perciben mayoritariamente como palabras derivadas, a saber: *дециграм* (52,5%), *унисекс* (61%), *всеядeн* (53,4%), *полукръг* (57,6%), *моноспектакъл* (50%), *биполярен* (71,2%), *милиметър* (57,6%), *монотонен* (42,4%), *пентагон* (34,5%), *хексаедър* (53,4%), *хептаметър* (55,9%), *декастих* (46,6%), *хектоват* (56,9%), *мултифункционален* (63,8%), *полифоничен* (62,7%), *сантиметър* (46,6%).

b) Los respondientes señalaron como compuestas las seis (6) acuñaciones a continuación: *килокалории* (53,6%), *псевдожурналист* (54,2%), *амбивалентен* (47,5%), *тетралогия* (48,3%), *квазикултура* (53,4%) y *хемианестезия* (47,5%).

c) Hay una única palabra que se considera no derivada (simple), a saber, *октопод* (57,6%), lo cual evidencia la completa lexicalización de dicha estructura. Apunta Boyadzhiev (2011: 73) que la forma interna de una palabra y su significado inicial pueden olvidarse, ya que la forma interna es el resultado del desarrollo histórico de una lengua y va cambiando con el desarrollo de la noción y el pensamiento colectivo.

En lo que respecta a la palabra *пентагон*, los porcentajes se distribuyen de manera casi equitativa entre las tres opciones (32,8%/34,5%/32,8%), prevaleciendo la opción de derivación. Ninguno de los encuestados considera *псевдожурналист* como una palabra no

derivada, siendo este el único lexema que presenta dichas características. El porcentaje medio a favor de interpretar las demás 20 palabras (excluidas *октопод*, *пентагон* y *псевдожурналист*) como no derivadas es del ~8,5%. No obstante, destaca el porcentaje de la palabra *монотонен* (23,7%), que, obviamente, va perdiendo su motivación y podría suponerse que en un futuro próximo llegaría a interpretarse como no derivada.

d) Como puede observarse, los resultados obtenidos no son en absoluto categóricos y no permiten realizar generalizaciones sobre opiniones prevalecientes. Es más, en algunos casos los porcentajes a favor de considerar la palabra como derivada o como compuesta son demasiado próximos (por ej. *моноспектакъл* 50%/46,6%, *тетралогия* 43,1%/48,3%, *декастих* (46,6%/41,4%), *хемианестезия* 44,1%/47,5%, respectivamente), lo cual revela una fluctuación considerable en las percepciones de los hablantes de búlgaro.

Sin pretensiones de constituir una muestra representativa –debido al número reducido de participantes y su carácter experimental– la encuesta confirma el estatuto contradictorio y vacilante de los formantes cuantificativos aquí analizados y plantea numerosas cuestiones a los estudiosos. ¿Por qué algunos de los formantes se perciben como prefijos y otros no, dado que tienen características iguales? ¿Cuál es el criterio con que barajan los encuestados a la hora de elegir o simplemente cuentan con su intuición lingüística? Estas preguntas quedan pendientes y, quizá, solo el transcurso del tiempo dará las respuestas adecuadas. No obstante, los resultados obtenidos, así como el conocimiento lingüístico acumulado inducen a concluir que la interpretación de estos morfemas como prefijos tiene primacía.

4. Contenido semántico de los prefijos cuantificativos

4.1. Un rasgo inherente de los prefijos es su autonomía semántica en la estructura de la palabra. Su función básica respecto a la base con que se combinan es la de contribuir con un nuevo matiz sémico, con una nueva orientación semántica (Almela Pérez 1999: 52; Álvarez García 1979: 38; Felíu Arquiola 2003; Garibova y Kitova 1996: 23; Lang 1992: 222; Seco 1980). Tal y como afirman Varela Ortega y Martín García (1999: 4998): “Los prefijos propiamente dichos no son núcleo de palabra, sino adjuntos que modifican el significado de la palabra compleja de manera “circunstancial”.

4.2. Ya se ha señalado que los prefijos cuantificativos pueden hacer referencia bien a un número exacto, bien a una cantidad imprecisa. Los formantes que aportan el significado de los numerales resultan ser muy transparentes en cuanto a su carga semántica: por ejemplo, está claro que

uni- se parece al numeral *uno* y posee su mismo significado. Sin embargo, el valor numérico que designan estos morfemas derivativos no siempre es constante y puede variar según la base con la que se combina. Así, por ejemplo, el numeral *bi-* se usa para indicar que el objeto al que se refiere el nombre está formado por dos elementos (*bimotor*, *bicelular*) o bien que se repite por dos veces (*bianual*, *bimensual*). Los prefijos *tri-* y *cuadri-/cuatri-* pueden hacer referencia al número de objetos implicados (*tricolor*, *tridimensional*; *cuatrimotor*, *cuadrangular*) o designar divisiones temporales (*trienio*, *trimestre*; *cuatrienio*, *cuatrimestre*).

4.3. Los prefijos múltiplos decimales, llamados también multiplicativos, denotan potencias de diez: *deca-/дека-* expresa la multiplicación por diez (*decámetro/декаметър*); *hecto-/хекто-*, por cien (*hectolitro/хектолитър*); *kilo-/кило-*, por mil (*kilogramo/килограм*); *mega-/мега-*, por un millón (*megahercio/мегахерц*); *giga-/гига-* (*gigavoltio/гигаволт*), por mil millones; y *tera-/тера-* (*teragramo/тераграм*), por un billón.

En cuanto a los prefijos fraccionarios, *deci-/деци-* (*decímetro/ дециметър*) denota la décima parte de una unidad; *centi-/санти-* (*centigramo/сантиграм*), la centésima; *mili-/мили-* (*mililitro*, *милилитър*), la milésima; *micro-/микро-* (*micrómetro/микрометър*), la millonésima, y *nano-/нано-* (*nanosegundo*, *наночастици*), la milmillonésima parte (RAE y ASALE 2010: 184).

Son también fraccionarios, equivalentes a ‘medio’, los formantes *semi-* (*semicírculo*, *semirrecta*) y *hemi-/хеми-* (*hemisferio*, *hemistiquio*; *хемиатрофия*, *хемианестезия*), así como el prefijo búlgaro *полу-* (*полуотворен*, *полукръг*, *полумесец*).

Con valor indeterminado de ‘muchos’ o ‘varios’ son los prefijos *multi-/мулти-* y *pluri-* que resultan bastante productivos con adjetivos relacionales (*multifocal*, *multinacional*; *мултинационален*, *мултифункционален*; *pluricelular*, *pluridimensional*), pero además pueden combinarse con bases nominales (*vestidos multicolores*, *diccionarios plurilingües*). A su vez, el prefijo *poli-/поли-* tiende a seleccionar adjetivos y sustantivos formados sobre bases griegas: *polifonía*, *polígloto*, *polisemia*; *полифония*, *полиглот*, *полисемия*. No obstante, el prefijo en español ha dado cabida también a otros derivados nuevos como *polideportivo*.

Pese a parecer que los prefijos cuantificativos no pueden tener más de un significado, Serrano Dolader (2007: 33) observa acertadamente que algunos prefijos presentan, de hecho, más de un significado. Se trata particularmente de los formantes *semi-* y *полу-*. Como se ha reflejado en la sinopsis, *semi-* y *полу-* pueden tener valor fraccionario, o sea, el significado de ‘medio’ (*semicírculo*, *semiforme*, *semilunio*; *полувековен*, *полумесец*,

полукълбо), pero también pueden transmitir el valor de aproximación o atenuación (*semidemocracia*, *semihumano*, s*emiabrir*, *semisonreír*; *полумрак*, *полулегнал*, *полузаспал*, *полуоблечен*). Con este valor de aproximación y/o atenuación, los prefijos *semi-* y *полу-* se relacionan con los formantes *cu*(*a*)*si-/квази- у* (*p*)*seudo-/псевдо-* con significado de 'falso, ficticio, semejante, pero no idéntico' (*cuasihumano*, *cuasicontrato*; *seudoprofeta*, *seudociencia*; *квазистудент*, *квазиаристокрация*; *псевдоизкуство*, *псевдофилософ*). Los prefijos totalizadores *pan-/пан-* y *omni-/все-* poseen valor absoluto (*panteísmo*, *panhispánico*; *omnipresente*, *omnipotente*; *паневропеизъм*, *панамериканизъм*; *всемогъщ*, *всеяден*).

5. Productividad

Se puede deducir fácilmente que no todos los prefijos cuantificativos resultan igualmente productivos. En español, los prefijos de valor numérico que gozan de mayor vitalidad son *mono-*, *uni-*, *bi-*, *tri-*, *cuatri-*, que se utilizan mucho más a menudo que, por ejemplo, *dodeca-*, *endeca-*, *enea-*, *octo-*... En búlgaro, la vitalidad de los formantes de cantidad precisa es sumamente reducida en la lengua común. Es en los ámbitos científicos y técnicos donde se utilizan con mayor frecuencia. En ambas lenguas, los lenguajes especializados (química, física, biología, ingeniería, medicina, etc.) abundan en formaciones cultas con toda la serie de prefijos cardinales y es allí donde su productividad se pone de manifiesto.

Cabe subrayar también que algunos prefijos de cantidad imprecisa se diferencian entre sí por el diverso grado de productividad que presentan. Por ejemplo, *multi-* y *poli-* en español son mucho más vitales que el formante *pluri-*. En búlgaro, entre *мулти-* y *поли-* de mayor productividad goza, quizá, el prefijo *мулти-*, mientras que *плури-* no se registra en absoluto.

Por último, es bien sabido que la productividad constituye hoy en día una noción relativa. Es de suponer que existen numerosos extranjerismos que tienden a emplearse en los distintos campos léxicos, especializados o no, y que aún no han sido codificados en las fuentes lexicográficas debido al desarrollo constante de las lenguas y a su enriquecimiento perpetuo con nuevas palabras que designan objetos y fenómenos surgidos recientemente gracias al vertiginoso avance tecnológico.

6. Algunos casos de interés

6.1. Empezaremos por los sustantivos españoles *monokini*, *billón* y *trillizo*. Los morfemas *-kini*, *-llón* y *-llizo* no son palabras existentes en español. Sin embargo, los lexemas *monokini*, *billón* y *trillizo*, donde se pueden aislar los

formantes cuantificativos *mono-*, *bi-* y *tri-*, se han formado debido a un curioso falso análisis. La palabra *biquini* ha entrado en español del inglés y, de hecho, se trata de un topónimo, un atolón de las Islas Marshall. El lexema *monokini* se ha formado justo por la falsa segmentación de la sílaba *bi-* interpretada como cuantificador. La acuñación *trillizo* (y su patrón analógico *cuatrillizo*, *sextillizo*, etc.) obviamente se creó a partir de *mellizo*, aunque, en realidad, *mellizo* no es una palabra que permita un análisis en *me* + *llizo*. De igual manera, *trillón* (y *billón*) se han creado a partir de una falsa segmentación en la palabra *mi* + *llón* (Serrano-Dolader 2007: 32).

En búlgaro, las palabras *biquini*, *monokini*, *billón*, *trillón*, está claro, se instalaron vía otras lenguas, pero aquí también llama la atención la formación curiosa del lexema *тризнаци* (por alusión a *близнаци*). Esta palabra tampoco tiene algo que ver con el supuesto segundo elemento del compuesto "знак", ya que, en realidad, el lexema *близнаци* proviene de la raíz protoeslava *близн*, con significado de 'cercano', y se asocia con la imagen de dos seres que se hallan muy próximos entre sí en el momento del parto. Lo más probable es que se hayan formado por analogía con los compuestos adjetivos *тризначен*, *четиризначен*, *петзначен*, etc.

6.2. Es interesante asimismo el caso de los prefijados españoles *bicampeones*, *pentacampeones* y *biactivos*. Lo más lógico sería interpretar su significado como, 'dos campeones', 'cinco campeones' y 'dos activos', respectivamente; pero la realidad es otra. El prefijo cuantitativo en estos ejemplos aporta un matiz peculiar de 'X veces…': 'dos veces campeón', 'cinco veces campeón', 'dos veces activo'.

En búlgaro, no obstante, el contenido semántico de 'X veces…' se expresa mediante adjetivos compuestos formados por un numeral cardinal y el adjetivo prestado del ruso *кратен* (*петкратен*, *седемкратен*, *стократен*), designando la multiplicación de una acción o de su resultado.

6.3. Si bien los prefijos, en general, no suelen cambiar la categoría gramatical de la base con la que se combinan, algunos de los formantes cuantificativos españoles sí que poseen esta propiedad. Se trata de prefijos como *multi-*, *poli-*, *mono-*, *bi-* que, adjuntados a sustantivos, dan lugar a formaciones que actúan como adjetivos: *grifos monomando*, *peinados unisex*, *complejo multivitaminas*, *chaleco multibolsillos*, *serpiente policolor*. Es difícil hablar de adjetivos propiamente dichos, ya que, de hecho, se trata de modificadores del sustantivo que no concuerdan en número y género con él, característica que es propia de las construcciones apositivas y no de los adjetivos. Por otro lado, se podría suponer que el prefijo más bien facilita el uso predicativo del sustantivo que el cambio de su categoría (RAE y ASALE 2010: 177).

7. Conclusiones

Pese a las divergencias existentes entre los estudiosos en cuanto al estatuto morfológico de los formantes analizados en este trabajo, la opinión predominante se inclina por considerar su carácter prefijal. En lo que respecta al español, dicha interpretación resulta más categórica, mientras que, en el caso del búlgaro, la situación se revela más compleja. Ello se debe, ante todo, a las distintas maneras de expresar el valor cuantificativo, propias de las dos lenguas contrastadas.

El búlgaro presenta una flexibilidad considerablemente mayor en la formación de palabras lexemáticas con el sema de 'cantidad', pues recurre tanto a prefijos de origen griego y latino como a los propios numerales que se integran con notable facilidad en la estructura de derivados, compuestos y parasintéticos. El español, en cambio, cuenta para este fin únicamente con los prefijos cultos aquí estudiados.

Conviene subrayar, no obstante, que ambas lenguas analizadas suelen servirse del arsenal prefijal grecolatino sobre todo en el ámbito de las ciencias y tecnologías, donde los formantes cuantificativos muestran una productividad mucho mayor a la que presentan en la lengua común.

Finalmente, cabe reconocer que algunas palabras prestadas directamente de otras lenguas resultan a menudo irreconocibles como derivados, dado que los prefijos que intervienen en su formación poseen escasa vitalidad en las lenguas actuales.

REFERENCIAS

Alberto Miranda 1994: Alberto Miranda, J. *La formación de palabras en español*. Salamanca: Ediciones Colegio de España, 1994.

Almela Pérez 1999: Almela Pérez, R. *Procedimientos de formación de palabras en español*. Barcelona: Ariel Practicum, 1999.

Álvarez García 1979: Álvarez García, M. *Léxico-génesis en español: los morfemas facultativos*. Sevilla: Universidad de Sevilla (Anales de la Universidad Hispalense. Filosofía y Letras: 47), 1979.

Bajo Pérez 1997: Bajo Pérez, E. *La derivación nominal en español*. Madrid: Arco Libros, S.L., 1997.

Boyadzhiev 2011: Бояджиев, Т. *Българска лексикология*. [Boyadzhiev, T. Balgarska leksikologiya.] София: УИ „Св. Климент Охридски", 2011.

Boyadzhiev, red. 1998: Бояджиев, Т., Куцаров, И., Пенчев, Й. *Съвременен български език. Фонетика. Лексикология.*

Словообразуване. *Морфология*. *Синтаксис*. [Boyadzhiev, T., Kutsarov, I., Penchev, Y. Savremenen balgarski ezik. Fonetika. Leksikologiya. Slovoobrazuvane. Morfologiya. Sintaksis.] София: Петър Берон, 1998.

Felíu Arquiola 2003: Felíu Arquiola, E. *Morfología derivativa* y *semántica léxica*: *la prefijación de* auto-, co- *e* inter-. Madrid: Ediciones de la Universidad Autónoma de Madrid, 2003.

Garibova, Kitova 1996: Garibova, N., Kitova, M. *Aspectos morfosintácticos del verbo búlgaro en contraste con el verbo español*. Sofia: Tilia, 1996.

Georgieva 2012: Георгиева, Цв. Видове класификации на активните препозитивни форманти в българското именно словообразуване. [Georgieva, Tsv. Vidove klasifikatsii na aktivnite prepozitivni formanti v balgarskoto imenno slovoobrazuvane.] // *Творба речи и њети ресурси у словенским језицима*. *Зборник радова са четрнаесте међународне научне конференције Комисије за творбу речи при Међународном комитету слависта*. Београд: Филолошки факултет, 2012, 545 – 553.

Gómez Torrego 2007: Gómez Torrego, L. *Análisis morfológico. Teoría y práctica*. Madrid: SM, 2007.

IBE 2026: Институт за български език „Проф. Любомир Андрейчин“. *Речник на българския език (онлайн)*. <https://ibl.bas.bg/rbe/> (14.12.2025).

Ivanchev 1978: Иванчев, Св. *Приноси в българското и славянското езикознание*. [Ivanchev, Sv. Prinosi v balgarskoto i slavyanskoto ezikoznanie.] София: Наука и изкуство, 1978.

Kutsarov 2007: Куцаров, Ив. *Теоретична граматика на българския език*. *Морфология*. [Kutsarov, Iv. Teoretichna gramatika na balgarskiya ezik. Morfologiya.] Пловдив: УИ „Паисий Хилендарски“, 2007.

Lang 1992: Lang, M. F. *Formación de palabras en español*. *Morfología derivativa productiva en el léxico moderno* (Traducción de Alberto Miranda Poza). Fuenlabrada / Madrid: Cátedra, 1990.

Nitsolova 2023: Ницолова, Р. *Българска граматика*. *Морфология*. [Nitsolova, R. Balgarska gramatika. Morfologiya.]. УИ „Св. Климент Охридски“, 2023.

Pottier 1971: Pottier, B. *Gramática del español*. Madrid: Alcalá (versión española de Antonio Quilis), 1971.

Pottier 1976: Pottier, B. *Lingüística general*. Madrid: Gredos (versión española de María Victoria Catalina), 1976.

RAE 2026: Real Academia Española. *Diccionario de la lengua española,* 23.ª ed. [versión 23.8.1 en línea]. <https://dle.rae.es/> (17.12.2025).

RAE y ASALE 2010: Real Academia Española y Asociación de Academias de la Lengua Española. *Nueva gramática de la lengua española*. *Manual*. Madrid: Espasa Libros, 2010.

Seco 1980: Seco, M. *Gramática esencial del español*. Madrid: Aguilar, 1980.

Serrano-Dolader 2007: Serrano-Dolader, D. La prefijación en la clase de ELE: los prefijos de cantidad. // *Frecuencia L (Revista de Didáctica Español Lengua Extranjera)*, 34, 2007, 30 – 35.

Tancheva 2025: R. Tancheva, R. Compuestos con temas grecolatinos en el español actual. // Ненкова, В., Танчева, Р. (съст. и ред.) *Литературни и езикови простори*. [Nenkova, V., Tancheva, R. (sast. i red.) Literaturni i ezikovi prostori.]. Пловдив: Пловдивско университетско издателство, 2025, 161 – 173.

Varela Ortega, Martín García 1999: Varela Ortega, S., Martín García, J. La prefijación. // Bosque, I., Demonte, V. (dirs.) *Gramática descriptiva de la lengua española*. Madrid: Espasa Calpe, 4993 – 5038, 1999.

Vucheva 2020: Vucheva, E. *Morfología del español actual*. *Del sistema al discurso*. Sofia: УИ „Св. Климент Охридски“, 2020.

ПЛОВДИВСКИ УНИВЕРСИТЕТ „ПАИСИЙ ХИЛЕНДАРСКИ“ – БЪЛГАРИЯ
НАУЧНИ ТРУДОВЕ, ТОМ 63, КН. 1, СБ. Б, 2025 – ФИЛОЛОГИЯ,
PAISII HILENDARSKI UNIVERSITY OF PLOVDIV – BULGARIA
RESEARCH PAPERS, VOL. 63, BOOK 1, PART B, 2025 – LANGUAGES AND LITERATURE

DOI 10.69085/ntf2026b193

NOMBRAR LO INNOMBRABLE. ENFERMEDADES Y ESTADOS FÍSICOS Y ANÍMICOS QUE CONTIENEN UN ADJETIVO DE COLOR

Mariya Naneva
Universidad de Plovdiv “Paisii Hilendarski”

NAMING THE UNNAMEABLE: DISEASES AND PHYSICAL AND PSYCHOLOGICAL STATES CONTAINING A COLOR ADJECTIVE

Mariya Naneva
Paisii Hilendarski University of Plovdiv

maria_naneva@uni-plovdiv.bg

The aim of the present thesis is to provide a brief study of diseases as well as physical and emotional states whose denominations include a color adjective as a constituent element. The research is based on a comparative analysis of the Bulgarian and Spanish languages and seeks to clarify the reasons behind the emergence of such denominations, to determine the extent to which they coincide in both languages, and to examine the existing differences between them. Furthermore, the study explores the semantic and cultural connotations associated with color adjectives in both languages and their role in the conceptualization of health and emotional states.

Key words: diseases, color adjective, physical and emotional states, translation problems

El objetivo del presente trabajo es realizar un breve estudio sobre las enfermedades y los estados físicos y anímicos en cuya denominación aparece como elemento un adjetivo de color. Se hará una comparación entre los idiomas búlgaro y español, tratando de aclarar el motivo por el cual

surgen dichas denominaciones, hasta qué punto estas coinciden en ambas lenguas, así como examinar las diferencias existentes.

En la actualidad todas las enfermedades tienen su nombre científico que proviene de su origen biológico (*tuberculosis*), de su epónimo (*enfermedad de Alzheimer*), de sus síntomas o efectos (*la fiebre amarilla*) o de su ubicación geográfica (*virus del Nilo Occidental*). Sin embargo, algunas de las enfermedades más antiguas son conocidas también por un nombre popular que ha servido a los hablantes para nombrar de una forma codificada y, paradójicamente, más comprensible los males de los que la gente padece.

El uso de palabras y expresiones eufemísticas siempre ha estado presente en el habla popular: antes, para nombrar lo que no se debía pronunciar en voz alta por miedo a los poderes sobrenaturales, que se creía que guiaban nuestro destino, y ahora, más bien por causas del lenguaje políticamente correcto. Por cierto, en 2015, la OMS emitió reglas para nombrar enfermedades y evitar errores del pasado: "El nombre no debe estigmatizar, ni nombrar lugares específicos, ni animales, ni grupos humanos. Debe evitar palabras alarmantes como fatal o desconocido y debe ser neutral", dice el médico e investigador belga Peter Piot en una entrevista para BBC.

La codificación eufemística está presente en todos los campos de la vida cotidiana y en particular la encontramos en el campo médico, referida a distintas enfermedades y estados físicos y anímicos.

En el campo de las enfermedades, podríamos observar lo siguiente: en cierta parte de las denominaciones de enfermedades que contienen un elemento de color, dicho color está utilizado porque caracteriza el malestar mismo. Por ejemplo, si hablamos de la enfermedad *розов лишей* (pityriasis rosea), vemos claramente que su nombre está relacionado con el color de la mancha que aparece en la piel de la persona contagiada. Algo similar se observa en los nombres de otras enfermedades. Así, *жълтеница* (icterus) se caracteriza por el color amarillo de la esclera ocular y más tarde de los labios, las uñas y la piel; *пурпура* (síndrome purpúrico/ púrpura) se caracteriza por la aparición de manchas cutáneas de color rojo o púrpura, etc. Son casos en los que se trata de denominaciones científicas. Se ve claramente que en ambas lenguas dichas denominaciones coinciden completamente y su denominación está motivada por alguno de los síntomas que causa la enfermedad misma.

La siguiente tabla muestra ejemplos de tales enfermedades:

Nombre de la enfermedad en búlgaro	**Nombre oficial de la enfermedad en latín**	**Nombre de la enfermedad en español**
жълтеница	*icterus*	ictericia
жълта треска	–	fiebre **amarilla**
розов лишей	*pityriasis rosea*	pitiriasis **rosada**
пурпура	–	síndrome **purpúrico púrpura** a secas
син език (болест по овцете)	*febris catarrhalis ovium*	lengua **azul**
синя склера	–	esclerótica **azul**

Otro grupo de denominaciones, aunque también guardan relación con los síntomas de la enfermedad, más bien entran en la categoría de los eufemismos. Entre otros, llaman nuestro interés los nombres de las siguientes enfermedades: ***жълтата*** *гостенка* por **tuberculosis**, ***черна(та)*** *чума* por **peste**, ***червен*** *вятър,* ***червенка****,* ***червен*** *Георги,* ***червен*** *Георги на* ***червен*** *кон* por **erisipela.**

El carácter incomprensible de la enfermedad conllevaba su mistificación y la convicción de que era una punición impuesta por los dioses. En la conciencia mitológica de los búlgaros, las enfermedades muchas veces aparecían personificadas y representaban demonios generalmente femeninos. Se creía que, si uno se contagiaba, era porque había cometido algún pecado. Por consiguiente, la enfermedad se aceptaba como un castigo y se veía como algo ajeno, desconocido, feo y temible. Para sanar, los búlgaros trataban de apaciguar los demonios, convirtiéndolos en huéspedes; llamándolos con determinados nombres relacionados con el parentesco por consanguinidad, entre otros: *майка*, *леля*, *баба*, *сестрица* (*баба Шарка*, *баба Пùсанка*) o de afinidad: *невеста*, *булка*, *кум*, *кума*. El hecho de convertir la enfermedad en nuestro huésped revela el deseo de aceptar lo ajeno y lo desconocido y pedir piedad. De ahí, el eufemismo ***жълтата*** *гостенка*, utilizado para denominar la *tuberculosis*.

Fuera de lo mitológico, suscita nuestro interés el nombre de otra enfermedad: ***зелена*** *катаракта* o ***зелена*** *звезда*. Es un término que probablemente se ha introducido en la lengua búlgara en el siglo XX, a través de traducciones (no precisas) del término médico alemán ***Grüner*** *Star*, utilizado como sinónimo del glaucoma. La explicación del eufemismo yace en los síntomas exteriores de dicha enfermedad: quienes padecen glaucoma,

que, por cierto, viene del griego *glaucus* cuyo significado es *gris azulado* o *verde azulado*, sufren un cambio en la pupila que acepta un brillo verdoso.

Según la teoría de Kitanova (2017: 130), en todo el territorio lingüístico y étnico existía el veto de pronunciar los nombres reales de las enfermedades; por consiguiente, no se han guardado los nombres reales de las enfermedades, sino solo palabras que los sustituyen. De ahí que conocemos solo los nombres eufemísticos y no los nombres reales de dichas enfermedades.

Entre todos los males, el más temible era la peste. La imagen más frecuente que encontramos en el folclore búlgaro es la de una mujer fea, despeinada, repugnante. Sin embargo, a diferencia de las demás enfermedades, se creía que la peste era madre y tenía hijos, por lo tanto, era piadosa hacia los huérfanos. En su denominación frecuentemente aparece el color negro para intensificar aún más su imagen terrorífica: ***черна(та)*** *чума*. Incluso encontramos su nombre en algunas maldiciones: *Черна чума да те тръшне!, Черната чума да те вземе дано!*

Veamos a continuación la siguiente tabla con más enfermedades cuyo nombre pertenece al campo de los eufemismos:

туберкулоза: **жълтата** гостенка **бялата** чума	tuberculosis: peste **blanca** mal de vivir
жълта треска **Жълтия** Джак **черен** бълвоч	fiebre **amarilla** vómito **negro**
антракс**:** **синя** пъпка	ántrax maligno: carbunco pústula maligna
синдром на **синьото** бебе	síndrome del bebé **azul**
цианоза	enfermedad **azul** **cyanosis**
хлороза (НЕ при растенията) / анемия: **зелена** болест	clorosis: enfermedad **verde** hiperbiliverdinemia **(**ictericia **verde)** argiria
глаукома: **зелена** звезда	glaucoma: ceguera silenciosa

чума/ бубонна чума: **черната** смърт	peste bubónica: la peste **negra** muerte **negra**
лайшманиоза: **черна** болест	leishmaniosis: lepra **blanca**
мукормикоза: **черни** гъбички	mucormicosis hongo **negro**
левкемия	leucemia: sangre **blanca**
бяла смърт	hipotermia
еризипел: **червен** вятър/ **червен** Георги	erisipela: mal de los ardientes fuego de San Antonio

Llama la atención el hecho de que en búlgaro ciertas enfermedades se asocian con personajes míticos o con distintas creencias, como es el caso de la peste o la tuberculosis. En español, no obstante, tal asociación no existe, aun tratándose de las mismas enfermedades y del mismo período en que han surgido. Los métodos de sanación en el mundo hispano se acercaban más a la medicina convencional aunque existían (y siguen existiendo) también algunos rituales religiosos (sacramentos, unción, penitencia; invocación de santos) y de chamanismo.

Dejando aparte el campo de las enfermedades, existen asimismo distintos fraseologismos que se utilizan para denominar ciertos estados físicos y/o anímicos. Las causas de que surjan tales unidades fraseológicas pueden ser varias: deseo de no nombrar directamente dicho estado por vergüenza, incomodidad o incluso por ser tabú en ciertos ámbitos; necesidad de una mayor expresividad; entorno social, etc. Sea cual sea la razón, al escoger la manera de expresarse, siempre está presente nuestra actitud hacia lo mencionado, es decir, en ningún caso quedamos indiferentes a la situación que nos rodea.

Hagamos una comparación entre algunas de las frases hechas que se utilizan en búlgaro y respectivamente en español:

виждам (всичко) в черна светлина ‘голям песимист съм, възприемам само отрицателните страни на живота и действителността, като ги преувеличавам’	verlo todo en **negro**
(жълт) като восък (‘болест, уплаха’)	pálido como la **cera** (enfermedad, susto)
(жълт) като лимон обикн. за болен или силно изплашен, разстроен човек – ‘много (жълт, бледен’)	–
(жълт, бледен) като мъртвец обикн. за болен или силно изплашен, разстроен човек – много (жълт, бледен)	–
(жълт) като пипон/каун диал.; обикн. за болен или силно изплашен, разстроен човек – много (жълт, бледен)	–
(червен) като капица/панджар (червено цвекло)**/пуплек** (полски мак) диал.; за човешко лице – ‘много червен’	–
(червен, румен) като трендафил **‘**приятно (червен, румен) (за цвят на лице, като израз на здраве и хубост’)	**como una rosa** inf. (Ser, Estar) Aplicado a personas, ‘de aspecto saludable y agradable de ver’
(червен като ябълка) нар.-поет.; ‘много (червен, румен) (като израз на здраве и хубост’)	**sano como una manzana** Aplicado a personas, ‘sano y con aspecto de ello’ DUE, María Moliner
изчервявам се от срам	ponerse **rojo** de vergüenza
имам гости от **Червен бряг**	la Caperucita **Roja** la prima **roja** Juana la **colorada** (Colombia) estar del **tomate** la **colorada** semáforo **rojo** chapulín **colorado**

млад –зелен 1. ‘в съвсем крехка възраст’ 2. ‘неопитен, незрял’	**estar verde**
на черна вълнà съм ‘в лошо настроение съм, чувствам се зле, настроен съм мрачно и песимистично’	**tener la negra** se dice cuando todo nos sale mal
побелявам/побелея като вар за човешко лице или човек – ‘станал много блед, силно побледнявам (обикн. от силен гняв, страх, болка и др.’)	**ponerse blanco como la pared**
(имам) бяло петно в паметта	**quedarse en blanco**
пропадам в черна дупка (без да е формално регистриран)	**caer en un pozo negro**
гледам през розови очила ‘оптимист съм’	**verlo todo de color de rosa**
–	**ponerse alguien negro, -a** ‘irritarse mucho’
–	**pasarlas moradas** ‘encontrarse en una situación difícil, dolorosa o comprometida’

En la mayoría de estas frases se observa que los colores guardan una relación estrecha con los cambios que experimenta el cuerpo humano al sufrir ciertos estados físicos y/o anímicos. Normalmente, cuando experimentamos susto o malestar físico, el rostro pierde su color natural y se vuelve muy pálido, es por eso que tenemos frases hechas del tipo *побелявам като вар, бял като мъртвец, жълт като восък* con sus variantes en español. Por el contrario, el color sonrosado del rostro es signo de salud: *червен/румен като трендафил, червен като ябълка*. Frecuentemente, tales expresiones se construyen mediante la comparación entre el color mencionado más un sustantivo para el cual dicho color es típico o inherente. Resulta que los estados físicos se relacionan con los cambios que se pueden percibir en nuestro cuerpo.

Hablando de los eufemismos al nombrar estados físicos, se nota que existe un vasto caudal fraseológico para nombrar la menstruación. La vergüenza que genera el cuerpo cuando menstrúa se traslada a la lengua y así aparecen los eufemismos: *esa manifestación suave o decorosa de ideas cuya recta y franca expresión sería dura o malsonante* (DRAE 2025). Se ve

claramente que dichos eufemismos utilizan el color rojo o cosas y fenómenos relacionados con este color. Es curioso que en español la lista de frases con las que se denomina ese estado físico sea mucho más amplia.

Además de expresar estados físicos, como ya quedó mencionado, nos servimos de los distintos colores para nombrar ciertos estados de ánimo. Traspasando la frontera de lo puramente físico, como es en la expresión *ponerse **rojo** de vergüenza* o *de rabia*, los colores que se utilizan en el caso de lo anímico más bien guardan una relación con lo que estos simbolizan de por sí mismos, según afirma Kiuchukova-Petrinska (2012: 82). El color ***negro*** aparece para expresar sentimientos como tristeza o depresión (*виждам всичко в **черно**/verlo todo en **negro***); el color ***rosa***, como símbolo del optimismo (*гледам през **розови** очила/verlo todo de color **rosa***); el **verde**, para designar que alguien todavía es joven e inexperto (*млад и **зелен**/estar **verde***).

En los ejemplos arriba mencionados resalta el hecho de que colores que normalmente no aparecen en una relación de antonimia (*negro ≠ blanco*) pueden funcionar como antónimos: *verlo todo de color **negro*** y *verlo todo de color **rosa***.

Es curioso además que algunas unidades fraseológicas sean creadas basándose en la hipérbole. Podemos mencionar la unidad fraseológica ***побеля*** *ми главата* que, además de tener el significado de *envejecer*, también podría significar que uno ha sufrido demasiado o ha pasado mucho miedo (sabemos que existen casos registrados de gente relativamente joven que ha pasado gran estrés o susto y su pelo ha cambiado de color, volviéndose blanco de la noche a la mañana).

Hablando del color ***negro***, afirma Nicheva (1987: 52) que, según la tradición de ciertos pueblos, entre los cuales el búlgaro también, el llevar atuendo de color negro como señal de luto ha generado unidades fraseológicas del argot con un significado común de *no me importan las acciones de los demás*, *me da igual*: *ще си вържа **черна** панделка*, *ще си вържа **черно** на метлата*, *ще си вържа **черно** на подметката*.

Otra expresión muy popular del habla callejera en búlgaro es la unidad fraseológica ***жълта** книжка* cuyo significado se relaciona con que uno *está mal de la cabeza* o *le falta un tornillo*. En este ejemplo la frase surge del hecho de que tal tipo de documento se expedía a personas que sufrían enfermedades mentales, es decir, la unidad fraseológica nace de un fenómeno administrativo típico para nuestro país.

Encontramos además fraseologismos en que cualidades del mundo animal se trasladan a personas para mostrar una que otra transformación en su estado físico: ***позачервявам** гребена* que significa *sanar en cierta medida*; *ganar peso*.

La mayoría de las unidades fraseológicas hasta aquí analizadas son equivalentes o semiequivalentes en ambas lenguas. Sin embargo, existen estados de ánimo, expresados mediante colores, que no coinciden en búlgaro y español:

ponerse ***morado*** de llanto	***засинявам се***/***посинявам*** от плач
ponerse ***morado*** de reír	***почервенявам*** / ***засинявам*** се от смях
estar ***amarillo*** de envidia	***позеленявам*** от завист
ponerse ***rojo*** de rabia	***позеленявам*** от яд

Cabe mencionar el hecho de que en búlgaro no existen fraseologismos en los que participe el color ***morado***.

La literatura –tanto la prosa como la poesía– representa un vasto campo de explotación de los colores para referirse a las enfermedades y a los estados físicos o anímicos. Los colores oscuros como el ***negro*** y el ***gris*** parecen ser unos de los más frecuentemente utilizados. Cuando estamos deprimidos, nuestros pensamientos *se vuelven* ***negros***: *спохождат ме* ***черни*** *мисли*, y los días, ***grises***: ***сиви*** *дни*.

En la poesía abunda la imagen del héroe que se está muriendo en su *sangre* ***negra***: ***черни*** *кърви*.

> …***черни*** *ми кърви* в земята,
> земята, майко, ***черната***!
>
> (Ботев 1985: 33)

No dejamos de encontrar el ***negro*** como símbolo de las mujeres enlutadas con su vestimenta negra:

> „Само от усамотен горски крайчец нейде тихо и продължително се подемаше трогателен плач на ***черна*** *вдовица* или осиротяла майка…“
>
> (Пелин 2020: 115)

Y además, como símbolo del duelo, de la tristeza y de la falta de esperanza:

> В село завърлува невярна болест – тежката болест – и зареди да мори от къща на къща. Изчезна радост, ***почерня*** измъчен народ.
>
> (Пелин 2020: 113)

> ***Чернило*** някакво повея от горите и душност замени хладината им.
>
> (Пелин 2020: 115)

A modo de conclusión, podemos resumir que, en lo que se refiere a las enfermedades, gran parte de los nombres existentes en ambas lenguas coinciden. Esta coincidencia se debe a los síntomas que caracterizan dichas enfermedades. Las diferencias que se observan se deben a causas culturales, a las distintas creencias y costumbres existentes en los dos países.

Los estados anímicos y físicos también tienen mucho en común respecto a los modos de nombrarlos eufemísticamente. La semejanza en estos casos surge de la simbología de los colores con los cuales describimos tales estados.

La necesidad de denominar las enfermedades y estados físicos y anímicos con nombres eufemísticos es provocada por varios factores, entre los cuales podemos enumerar las distintas creencias, el tabú de mencionar ciertos estados físicos, el estrato social, el deseo de mayor expresividad, el interés de quedar comprendidos por parte de los oyentes, el afán de no quedar malinterpretados o de no afectar los sentimientos de terceros.

En cualquier caso, expresarnos de forma neutral resulta imposible.

REFERENCIAS

BGжаргон 2007 – 2026: BGжаргон. Електронен речник. <https://www.bgjargon.com/> (29.12.2025).

Botev 1985: Ботев, Хр. На прощаване [Botev, Hr. Na proshtavane.] // *Избрани творби*. София: Български писател, 1985.

DLE 2024: Diccionario de la lengua española [en línea]. <https://dle.rae.es/> (29.12.2025).

DHLE 2019: Diccionario histórico de la lengua española [en línea]. <https://www.rae.es/dhle/> (29.12.2025).

DPTM 2023: Diccionario panhispánico de términos médicos [en línea]. <https://dptm.es/> (29.12.2025).

Kiuchukova-Petrinska 2012: Kiuchukova-Petrinska, B. Locuciones con nombres de colores en español y en búlgaro. // *El español: territorio de encuentros. 50 años de Licenciatura en Filología Española en la Universidad de Sofía.* Sofía: Editorial Universitaria "San Clemente de Ojrid", 2012, 76 – 84.

Kitanova 2017: Китанова, М. Евфемизмите в българската традиционна култура. [Kitanova, M. Evfemizmite v balgarskata traditsionna kultura.] // *Известия на Института за български език „Проф. Любомир Андрейчин", Книга XXX*. София: Издателство на БАН „Проф. Марин Дринов", 2017, 119 – 138.

Llorente 2020: Llorente, A. Menstruación: “Vino Andrés”, “Juana la colorada”, “me cantó el gallo”, las diferentes formas de llamar al ciclo menstrual en América Latina y por qué es tabú. // *BBC News Mundo*, 2020. <https://www.bbc.com/mundo/noticias-51700849> (29.12.2025).

Nicheva 1987: Ничева, К. Българска фразеология. [Nicheva, K. Balgarska frazeologiya.] София: Наука и изкуство, 1987.

Pelin 2020: Пелин, Е. Напаст божия. [Pelin, E. Napast bozhiya.] // *Избрано*. София: Millenium, 2020.

RBE 2025: Речник на българския език. [Rechnik na balgarskiya ezik.] Електронно издание. <https://ibl.bas.bg/rbe/> (29.12.2025).

Redacción BBC News Mundo 2018: Gripe española, gripe porcina, influenza H1N1... ¿de dónde vienen los nombres de las enfermedades? // *BBC News Mundo*. 2018. <https://www.bbc.com/mundo/noticias-45909535> (29.12.2025).

ПЛОВДИВСКИ УНИВЕРСИТЕТ „ПАИСИЙ ХИЛЕНДАРСКИ“ – БЪЛГАРИЯ
НАУЧНИ ТРУДОВЕ, ТОМ 63, КН. 1, СБ. Б, 2025 – ФИЛОЛОГИЯ,
PAISII HILENDARSKI UNIVERSITY OF PLOVDIV – BULGARIA
RESEARCH PAPERS, VOL. 63, BOOK 1, PART B, 2025 – LANGUAGES AND LITERATURE

DOI 10.69085/ntf2026b204

LOS MUDÉJARES DE HUESCA ENTRE EL ÁRABE Y EL ROMANCE ARAGONÉS-II

Yuliya Miteva
Universidad de Veliko Tarnovo “Santos Cirilo y Metodio”

THE MUDEJARS OF HUESCA BETWEEN ARABIC AND ARAGONESE ROMANCE-II

Yuliya Miteva
St. Cyril and St. Methodius University of Veliko Tarnovo

julia_miteva@abv.bg

The present study, which we divide into two parts, attempts to explore the linguistic situation of the small Mudejar community of Huesca in the late medieval centuries. In the first part, we address the use of Arabic, the cultural reference language for the group and its ethnic-religious emblem. In the second part of the study we analyze the use of Aragonese romance within a community that was immersed in a process of cultural change, which required it to relegate the use of Arabic to the religious sphere and adopt the new Aragonese romance in all areas of social life. Lastly, we consider the socio-economic conditions that favored the language change. These factors help to understand the high level of integration that the Mudejars achieved in the new society of Huesca.

Key words: Mudejars, Aragon, Huesca, Arabic, Romance, linguistic and cultural change

1. Los mudéjares de Huesca y el romance aragonés

Los mudéjares de Huesca experimentaron un intenso proceso de asimilación lingüística. No sabemos en qué momento se produjo el cambio de lengua, pero tuvo que ser en los siglos XII al XIII, porque hay indicios de que en el siglo XIV los mudéjares de Aragón, al menos los que vivían en las aljamas urbanas, ya se expresaban fluidamente en aragonés.

En las Cortes del año 1301 se ordenó que los moros llevaran un signo exterior por el cual ser reconocidos, argumentando que:

> Porque los moros en Aragon no van signados, antes van a manera de cristianos, por la qual cosa muytos pecados et scandalos sen siguen et muytos no son conocidos por moros. Establecio el senyor rey de voluntat et consentimiento de toda la cort que daqui avant todos los moros del regno d'Aragon et de Ribagorça et de Litera, entro a la clamor d'Almacellas, de cualquier senyor sian, que vayan menos de garceta sercenado a la deredor, assi que por moros puedan seyer judgados et no ayan ocasión de pecar.
>
> (Lacruz Berdejo y Bergua Camón 1953: 477; Lacarra 1979: 11)

La medida pretendía evitar la promiscuidad interconfesional, y, sobre todo, las ilícitas relaciones sexuales entre moros y cristianas. Hubo varios intentos de imponer a los mudéjares una marca distintiva en la ropa o un corte de pelo especial a lo largo del siglo XIV. El pasaje que hemos citado pone en evidencia el alto grado de aculturación alcanzado por los mudéjares aragoneses en una fecha relativamente temprana. Si realmente existía la confusión y muchos mudéjares no eran conocidos por tales, esto significa que no solo vestían igual que sus vecinos cristianos, sino también que hablaban el mismo romance, sin ningún tipo de interferencias del árabe, que pudieran delatarlos.

Tenemos otro testimonio del bilingüismo de los mudéjares de Aragón. En 1442, las Cortes, reunidas en Zaragoza por la reina María, prohibieron taxativamente a los moros de Aragón emigrar al reino de Granada, porque "después que son en tierra de los enemigos de la Fe, porque saben la tierra e los passos e las avinentezas[1] de la tierra del senyor rey, e saben la lengua, son espías para damnificar la tierra del dito senyor rey" (Conte Cazcarro 1992: 152).

Las interferencias del romance en las fuentes escritas en árabe clásico y los cambios en el sistema onomástico de los mudéjares oscenses son unas de las pocas vías que nos permiten acceder al campo de la oralidad. La presencia de préstamos léxicos y de calcos sintácticos del romance en las escrituras árabes del Archivo de la Catedral de Huesca no es tan frecuente, sobre todo, si se comparan con otros fondos árabes de época mudéjar en Aragón. Según Ferrando (1998: 42), esto se debe a la antigüedad de los documentos. A medida que avanza el tiempo, el índice de interferencias léxicas y sintácticas del romance aragonés va a aumentar.

[1] **Avinenteza**, f. 'ocasión, oportunidad', *Diccionario Ortografico de l'Aragonés*, Edicions Dichitals de l'Academia de l'Aragonés, EDACAR, Número 13, 2022.

1.1. La onomástica de los mudéjares de Huesca

Las fuentes siempre condicionan los resultados de la investigación, pero esto es especialmente patente en el estudio de la onomástica. El fondo de escrituras árabes del Archivo de la Catedral de Huesca (Bosch Vilá 1957: 1 – 48) nos permite analizar los usos onomásticos observados por los mudéjares oscenses a lo largo de varias generaciones. Los documentos se extienden desde el año 1145 hasta 1269. Bosch Vilá (1957: 14 – 16) ofrece una relación nominal de todos los musulmanes que figuran en las escrituras. La primera impresión que transmiten los documentos es que se mantiene el sistema onomástico árabe tradicional, las largas cadenas del *nasab*, que podemos encontrar en cualquier fuente árabe de época andalusí: *Abd Allah ibn Ibrahim ibn Muhammad ibn Maruf al-Sadafí, Abd Allah ibn Muhammad ibn Abd al-Malik al-Tuyibí, Abd al-Aziz ibn Yahya al-Magribí, Abd al-Malik ibn Muhammad ibn Abd al-Malik al-Nahwí*, etc. Aparentemente, no hay cambios. Aparecen algunos apodos romances: Abd al-Rahman *Tarabiella*, Ismail, hijo de Abd Allah ibn Masud ibn *Zarzal* al-Ansarí o Mufarriy ibn Masud *Carcanales*, pero no son nada frecuentes. Conviene, sin embargo, recordar que este género documental, constituido por documentación notarial exclusivamente, se caracteriza por su marcado conservadurismo.

Las fuentes cristianas en lengua latina y romance transmiten otra imagen de la onomástica de los mudéjares. Conte Cazcarro (1992: 155 – 156) ha sacado a la luz un curioso documento de 1294, en el que aparece la relación nominal de 90 mudéjares de Huesca, todos varones, sancionados por injurias al *vicebayle* de la ciudad. No representan la totalidad de los mudéjares oscenses, pero la muestra es lo suficientemente representativa. Según Conte Cazcarro, se trata de la nómina más larga que nos ha transmitido la documentación bajomedieval. Este documento nos permite acercarnos a la onomástica de los mudéjares de Huesca a fines del doscientos y observar los posibles cambios en su sistema antroponímico. Hay que insistir en que nos encontramos ante una fuente cristiana y, por tanto, externa a la comunidad, y que es posible que dentro de la aljama se siguieran observando los usos onomásticos tradicionales (Bosch Vilá 1957: 14 – 16).

La mayoría de los nombres en la fuente de 1294 tienen estructura bimembre [nombre (+ de) + apellido]. Es importante decir que la mayoría de los vecinos cristianos de Huesca usaban la misma fórmula, como demuestra una fuente coetánea, el monedaje de 1284 (Utrilla Utrilla 2004: 313 – 348). Los nombres propios y la mayoría de los apellidos tienen origen árabe y, como ha observado Conte Cazcarro, ya se perfilan algunas de las familias más importantes de la aljama de Huesca en los siglos XIV –XV, *de Aroz* y

Albahar. Entre los nombres propios, los más frecuentes son: *Mahoma, Mahometo, Muça, Abdalla, Çalema, Jucef* y *Abrahim*. Como a muchos cristianos, a los mudéjares de Huesca se les identificaba, a veces, por su lugar de procedencia: *Abdella de Sesa, Ayça y Çayt de Pedrola, Moferrig Tamarit, Abrahim de Jamilla, Mahometo Cedrate, Muça de Pina*, etc. Como un recuerdo de las largas cadenas onomásticas de época andalusí, podemos citar los nombres de *Çalema hijo de Maffereiux Malul, Mahometo Axay beni Ayça Cardon, Mahometo hijo de Hedan Rey* y *Abulfagnon Abinçafuen*. Es de destacar, igualmente, la temprana presencia de apellidos o apodos romances: *Abdellaziz de Rey, Fareix d'Espinel, Abdella Carabaça, Çalema Cernico, Mahometo Cornillo, Çalema Çardo, Mahometo Cara, Jucef Roya, Abraim Algaçnello, Faraix Camin de Ferrus, Abdella Morel*, etc.

En un documento de 1357 figura la nómina de 19 mudéjares de Huesca que prestaron servicio militar al rey. Llama la atención la frecuencia de apellidos y apodos romances: *Muçot Barbero, Heyça Esquerre, Mahoma Cernucho, Mahoma Botin, Mahoma el Cacharrero, Mahoma del Royo, Aliaffar Navarro y Aliaffar Navarro el Carralbero, Abrahim Catarrero, Iuçe Ferruç* (Basáñez Villaluenga 1989: 162; Conte Cazcarro 1992: 353). Un uso tan generalizado de apellidos y apodos romances entre los mudéjares de Huesca no puede sino sugerir un proceso avanzado de asimilación lingüística y su indiscutible socialización en un contexto romanceparlante.

1.2. La documentación romance de los mudéjares de Huesca

La prueba más concluyente de la asimilación lingüística de los mudéjares de Huesca es su alto nivel de integración en la vida económica de la ciudad y el uso que ellos mismos hicieron de la documentación escrita en lengua romance.

Hasta el siglo XIII la escritura en el reino de Aragón estuvo dominada casi exclusivamente por el latín, por el catalán y por el occitano, en aquellos núcleos donde los inmigrantes de origen ultrapirenaico eran mayoría, como, por ejemplo, en Jaca. Sin embargo, a partir del siglo XIII, cuando la colonización había culminado y ciudades como Huesca y Zaragoza habían alcanzado un nivel de desarrollo demográfico y urbanístico muy importante, el romance vernáculo aragonés, que ya era el medio de comunicación oral más habitual en el reino, aflora también en la escritura (Lleal 2006: 84).

Este nuevo romance tenía características de casi todas las hablas altoaragonesas, pero no coincidía con ninguna de ellas. Era una modalidad de nivelación (Frago Gracia 2007: 109). El aragonés meridional, a

diferencia del altoaragonés, se había desarrollado en una situación de contacto plurisecular con el árabe (Miteva 2018: 175 – 191). Es posible que este contacto explique algunas de sus peculiaridades lingüísticas. Otro factor a tener en cuenta es la influencia del occitano y de las variedades lingüísticas del sur de Francia, sobre todo en los núcleos urbanos, como Huesca y Zaragoza, donde, a raíz de la conquista, se establecieron importantes colonias de francos.

La Baja Edad Media fue la época dorada para el aragonés. Llegó a emplearse no solo en los documentos notariales, sino también en los escritos cancillerescos, en la redacción de fueros, privilegios y ordenanzas municipales, en las crónicas, en las obras literarias y en las traducciones, realizadas bajo la tutela de Juan Fernández de Heredia (Enguita Utrilla y Lagüéns Gracia 2004: 65; Enguita Utrilla 2008: 85 – 86). En los siglos XIII y XIV el romance aragonés llegó a conquistar un espacio, tanto en sentido físico, como en el funcional, que no había dominado antes. Después de un largo periplo histórico, que terminó con la castellanización de Aragón, en los siglos XV y XVI, el romance aragonés "retrocedió" hasta su ámbito originario, los valles pirenaicos. Desde entonces, hasta la actualidad, el término *aragonés* hace referencia "al conjunto de hablas autóctonas que, sin evolución uniforme, ha logrado sobrevivir a lo largo del tiempo en algunos valles y comarcas pirenaicos" (Enguita Utrilla y Lagüéns Gracia 2004: 65). Sin embargo, hasta ese momento, el romance aragonés gozó de cierta vitalidad y fue empleado por todas las comunidades confesionales.

En el año 1284, en Huesca trabajaban al menos 15 notarios y 5 escribanos cristianos, que atendían la creciente demanda de contratos y escrituras, fruto de la importante actividad económica desarrollada en la ciudad (Utrilla Utrilla 2004: 301 – 305; Sesma Muñoz 2004: 70 – 71; Iranzo Muñío 2023: 93 – 95). Entre sus clientes se encontraba un importante número de mudéjares oscenses. En la regesta documental que acompaña el estudio de Conte Cazcarro (1992: 341 – 420) hay una cantidad ingente de escrituras en romance de los siglos XIV y XV, recuperadas del Archivo Histórico Provincial de Huesca y del Archivo de la Corona de Aragón. Se trata de documentos de diferente tipología: contratos de compraventa, nombramientos de procuradores, poderes, comandas, actas de las reuniones de la aljama, etc. Entre ellos hay documentos que reflejan transacciones entre mudéjares y cristianos o entre mudéjares y judíos, pero también se encuentra una enorme cantidad de escrituras que solo atañen a musulmanes. Lo común en todos los casos es la lengua en la que fueron plasmados: el romance aragonés. Los mudéjares

tenían en su poder cartas de privilegios, franquezas y exenciones de impuestos, expedidas por la cancillería del rey. Estos privilegios se transmitían dentro de la familia, de padres a hijos, y se renovaban cada vez que cambiaba el titular o venía a reinar un nuevo monarca. Los herederos solicitaban, entonces, de las autoridades cristianas la renovación de los derechos y franquicias que gozaban. Todos los trámites se hacían ante escribano público cristiano en lengua latina o romance. El dominio del romance, al menos en su modalidad oral, era imprescindible para realizar estas diligencias. En el año 1300, por ejemplo, Abrahim de Huesca, hijo de Çalema, y sus hermanos Mahomat, Alí y Muça, solicitaron de Jaime II la confirmación del derecho de posesión de una tienda familiar, situada en la plaza de los Herreros de Huesca, taller, que había pertenecido a su padre (Basáñez Villaluenga 1989: 135, 1999: 220; Conte Cazcarro 1992: 347).

La élite mudéjar, que tenía negocios y administraba propiedades, tenía en su poder gran cantidad de escrituras en latín y en lengua romance y se servía de ellas cuando lo necesitaba. El árabe seguía siendo su lengua de cultura y de religión, pero con el paso del tiempo sus funciones habían quedado limitadas a la esfera privada. El árabe ya no tenía la utilidad que tuvo antes. En un mundo tan dinámico y cambiante, como era el mundo de los negocios, la lengua que se había impuesto definitivamente era el romance aragonés. Los mudéjares eran conscientes del valor de la letra escrita y de las puertas que les abría un documento oficial en lengua romance. Los ricos comerciantes mudéjares, por ejemplo, cuyo negocio superaba los límites del mercado local, recurrían frecuentemente a intermediarios, los llamados procuradores, autorizados para actuar en su nombre con plena capacidad legal. Las cartas de procurador se redactaban casi siempre en romance aragonés por un notario cristiano, incluso cuando un mudéjar otorgaba poder a otro miembro de su comunidad, como hizo el mercader Abrayme Marguán cuando nombró procuradores a sus hijos, Mahoma y Moferix Marguán, en el año 1458 (Conte Cazcarro 1992: 391). El poder debía servir ante las autoridades cristianas y era normal que estuviera en lengua romance (Blasco Martínez 1993: 113). Cuando se desplazaban por el territorio de la Corona, los comerciantes mudéjares o sus representantes legales llevaban consigo el certificado de vecindad, las cartas de franquicia, los poderes, las comandas, es decir, una gran cantidad de documentos en lengua latina o romance. Me pregunto hasta qué punto es justificado seguir definiendo a estos fondos como "documentación externa" (Viguera Molins 1987 – 1988: 787). Eran documentos emitidos por escribano público cristiano, pero a nombre de un titular mudéjar, que era el que, en última instancia, disponía de ellos. Los mudéjares manejaban

mayor cantidad de escrituras en latín y en romance que en lengua árabe y es probable, incluso, que muchos supieran leer y firmar en romance.

Los mudéjares se movían entre dos ámbitos de jurisdicción, cada uno de los cuales imponía el uso de una lengua distinta. La documentación de carácter "interno" (las actas de matrimonio, las donaciones y los repartos de herencia) se redactaba, en principio, en lengua árabe. Las sentencias dictadas por los jueces de la aljama, de acuerdo con *la xara y la sunna*, también debían redactarse en árabe. Pero las causas de apelación, que se elevaban al Concejo Real, debían tramitarse en latín o en romance. Esta dualidad jurisdiccional generaba dificultades prácticas, que tenían también una dimensión lingüística. Por ejemplo, la necesidad de traducir los documentos emitidos en árabe al romance en los litigios que, en última instancia, tenían que ser vistos por un tribunal cristiano. Muchos mudéjares de Aragón, viendo vulnerados sus derechos por parte de las autoridades de su propia aljama, se dirigían al rey. En el año 1303, Xemçi, viuda de Eyça Albagem de Fuentes, y sus hijos, presentaron ante el Concejo Real una apelación contra la sentencia dictada por el alcadí de Zaragoza. En este caso en concreto, Jaime II encargó la causa al *zabalaquén* de Huesca, quien tuvo que investigar el caso y hacer justicia según la *sunna* (Basáñez Villaluenga 1999: 290). Pero muchas veces era el Consejo Real el que dictaba sentencia y lo hacía, como era lógico, en lengua latina o romance.

Otras veces es la propia aljama la que se dirige al concejo urbano o al rey para solicitar rebajas o exenciones de impuestos, o para exigir la suspensión del cargo y el relevo de algún oficial de la comunidad que no desempeñaba debidamente sus funciones. Cuando se dirigía al rey, la aljama siempre empleaba el latín o el romance aragonés. Lo hacía a través de sus procuradores, los nuncios, que fueron los embajadores de la aljama ante la Corte, o a través de la mano de un escribano o notario cristiano. En el año 1257, por ejemplo, la aljama reclamó el derecho a cobrar tributos a todos los moros residentes en la ciudad de Huesca, sin excepción. Lo hacía ante la pretensión de algunos mudéjares de evadir el pago de tributos, alegando derechos de franquicia. A raíz de este conflicto, Jaime I ordenó que aquel moro que no pechara como le correspondía, fuera expulsado de la mezquita y del cementerio. Finalmente, en 1259, la aljama recibió del rey el privilegio de poder obligar a "peytar" a todos los moros francos residentes en Huesca (Conte Cazcarro 1992: 343). En 1280, la aljama protestó ante el rey por la actuación del *zabalaquén* y solicitó su sustitución (Conte Cazcarro 1992: 344). En 1293, los mudéjares oscenses denunciaron ante el rey a Mahomat Ceyllada, que se había autoproclamado adelantado de la aljama, y solicitaron su suspensión del cargo. Jaime II ordenó a Pedro Ayvar, prior de

la sede de Huesca, que averiguara la condición de dicho Mahomat y que lo destituyera del cargo, si procediera (Basáñez Villaluenga 1989: 132 – 133, 1999: 75; Conte Cazcarro 1992: 345).

Normalmente, la misión de procuradores se encargaba a miembros de las familias más importantes de la aljama de Huesca, como fueron los Marguán, Grisén, Xidet, Aroz, o de Rey. Sin embargo, no fueron excepcionales los casos en los que la aljama nombraba procuradores cristianos. En el año 1442 cumplieron esta misión Bartolomé de Castanesa, Juan de Alcolea, Juan Martínez de Orta, García Borau, Gonzalvo de la Cueva, Lorenzo de Abós, Nicolás Justos y Pascual de Estadilla, la mayoría, notarios. En 1443, en las casas de la Cort Nueva, la aljama se reunió para nombrar procurador especial al zaragozano Jaime de Santos (Santas o Salas) para "demandar, impetrar e obtener bienes y favores del senyor rey, de la senyora reyna, del governador e de cualesquiere otras personas" (Conte Cazcarro 1992: 49, 52, 374).

Creo que queda lo suficientemente probada no solo la utilidad del romance, sino también la necesidad que tenían los mudéjares de Huesca de utilizarlo constantemente en su vida familiar, laboral o en sus relaciones con las autoridades cristianas.

2. Claves que permiten explicar la asimilación lingüística de los mudéjares de Huesca

2.1. La demografía

Los mudéjares fueron una escasa minoría entre los habitantes de Huesca. El monedaje de 1284 censa a 1.341 contribuyentes cristianos. Se estima que en este momento la población musulmana alcanzaba las 550 personas, entre el 7% y el 8% de la población total (Basáñez Villaluenga 1989: 39; Conte Cazcarro 1992: 149).

Su número fluctuó mucho a lo largo del siglo XIV. La epidemia de peste de 1348 redujo notablemente el número de vecinos de la aljama. Aun así, Basáñez Villaluenga (1989: 39) estima que, a comienzos de la guerra con Castilla, en 1356, la comunidad contaría con 540 personas que, a causa de la guerra, se verían reducidas a 410, en 1363. La situación demográfica de la aljama de la capital fue siempre precaria, y hubo momentos en los que se encontraba al borde de la extinción. Las autoridades se vieron obligadas a limitar o incluso a prohibir el abandono de la morería, en 1360 y en 1376 (Basáñez Villaluenga 1989: 66). En el año 1495, en la morería de la Alquibla vivían 40 familias mudéjares. Representaban el 6,4% de la población total (Ferrer i Mallol 2002: 44). Era prácticamente imposible resistir a la fuerte presión aculturadora a la que estaban sometidos.

2.2. La morería y la promiscuidad interconfesional

En Huesca la morería no siempre estuvo en el mismo lugar. Después de la conquista, la población musulmana que no abandonó la medina se concentró en un sector del noroeste, en las inmediaciones de la Puerta de Sircata, fuera de las murallas. Lo inhóspito del lugar condicionó el traslado de la morería a la zona de la Alquibla, al sur de la medina. Este traslado debió realizarse a principios del siglo XIII (Ledesma Rubio 1996a: 57 – 58).

Los límites de la nueva morería eran imprecisos. Se trataba de un espacio pequeño, donde alternaban solares y campos. Muy pronto se registra la presencia cristiana en el sector. A medida que la ciudad iba creciendo y su población aumentando, los cristianos empezaron a avanzar hacia la zona extramuros. Empezaron a aparecer templos cristianos fuera de la villa. Las iglesias parroquiales de Santo Domingo (1254), Santa Clara (1268), San Lorenzo y San Martín (fundadas en fechas indeterminadas del siglo XIII), fueron minando –en palabras de Ledesma Rubio (1996a: 57 – 58)– el espacio de la comunidad musulmana. Los cristianos empezaron a colonizar la morería y en poco tiempo la Alquibla se convirtió en el barrio más poblado de Huesca. Fue el mayor de los cuatro distritos o *quartones* en los que fue dividida la ciudad en 1284 (Utrilla Utrilla 2004: 285). Al sur de la Alquibla se encontraban los dos nuevos ensanches urbanos, los barrios de la Población del señor Rey (1251) y el barrio del Saco (1252), ambos de mediados del siglo XIII (Utrilla Utrilla 2004: 288 – 289). En la Alquibla se concentraba el 45,8% de la población de Huesca, sin contar a la comunidad mudéjar (Utrilla Utrilla 2004: 291).

Se trataba de la mayor concentración humana de la ciudad y de la principal zona artesanal y comercial (Basáñez Villaluenga 1989: 6; Iranzo Muñío 2023: 95). Dentro de la Alquibla se situaban los barrios de los Olleros, de los Ferreros y de los Ballesteros, barrios que ya figuran en las fuentes del siglo XII. Teniendo en cuenta la dedicación de muchos mudéjares oscenses a la herrería, se comprende la ubicación de este gremio cerca de la morería (Utrilla Utrilla 2004: 289).

Desde muy pronto el barrio de la Alquibla destaca como zona comercial y las referencias más tempranas ya apuntan a su carácter de espacio interconfesional. Las tiendas y obradores de los mudéjares limitaban con tiendas de cristianos y judíos, como demuestra un documento de 1211, por el cual la Seo cedió a tributo perpetuo al mudéjar Jusef Alfanaquí una tienda en el barrio de la Alquibla, que limitaba con tiendas de Pedro de Monzón, con una tienda propiedad de la Orden de San Juan y con otra tienda del mudéjar Abenmuzaf (Conte Cazcarro 1992: 139).

En medio de la morería se ubicaba la iglesia de San Lorenzo. Este emplazamiento generó tensiones y conflictos entre las dos comunidades, pero nos indica claramente que la segregación no fue total y que la Alquibla fue un espacio de encuentros. En este sentido, Ledesma Rubio (1996a: 57 – 58) se preguntaba si en la Huesca medieval existía realmente un barrio mudéjar perfectamente delimitado o, más bien, nos encontramos ante un caso de "morería dispersa". Conte Cazcarro (1992: 135 – 138) planteaba la misma cuestión: si dentro de la morería encontramos casas, talleres, tiendas y hasta templos cristianos y si, al mismo tiempo, constatamos la presencia de mudéjares fuera de la Alquibla, ¿tiene algún sentido hablar de una morería en Huesca?

2.3. La integración laboral

Ledesma Rubio (1996b: 75 – 77) cree que, pese a las limitaciones impuestas a los musulmanes después de la conquista, durante la primera etapa de la colonización, la mayor parte del abastecimiento de la ciudad correría a su cargo. Al menos una parte de los moros mantendrían abiertos sus negocios. Incluso es posible que controlaran por completo algunas actividades, debido a la falta de una especialización artesanal tan alta entre los colonos aragoneses, que les impedía competir en el mercado con los experimentados artesanos mudéjares. De hecho, las comunidades más activas en el mercado oscense en los siglos XII y XIII fueron, precisamente, los francos, los mudéjares y los judíos.

El proceso de aculturación y el cambio de lengua de los mudéjares de Aragón debieron empezar primero en las ciudades, donde se constata no solo el contacto físico entre las dos comunidades, sino también las intensas relaciones laborales y comerciales entre ellas. Hay referencias muy tempranas a la interacción en el campo laboral y en el mercado inmobiliario entre los mudéjares oscenses y sus vecinos cristianos y judíos. En un principio, los contratos de compraventa, permuta y préstamo se redactaban en árabe o en escrituras bilingües, en árabe y latín. Con el paso del tiempo, sin embargo, se impuso el uso del romance aragonés.

Las relaciones entre las dos comunidades fueron especialmente frecuentes en el mercado inmobiliario. Los mudéjares alquilaban a menudo casas y tiendas propiedad de la Iglesia o de particulares cristianos. En el año 1211, por ejemplo, el arcediano Galindo de Perola alquiló a los mudéjares Abdella de Hafara y Jusef Alfanaquí sendas tiendas situadas en la Alquibla por la cantidad de 15 sueldos anuales (Conte Cazcarro 1992: 342). La mayoría de los menestrales se concentraban en la Alquibla, donde se encontraba el mercado más importante de la ciudad. No es nada extraño,

por tanto, ver que, desde principios del siglo XIII, los mudéjares empiezan a alquilar talleres y tiendas en esta zona de la ciudad. En 1273, Johan Garçeç de Oriç, abad de Montearagón, dio a treudo al mudéjar Audella, fillyo de Juçef de Lonçino, una tienda en el barrio de los Albarderos, en Huesca. El documento fue redactado en romance aragonés por el notario público de Huesca, Tomas de Labata. Es uno de los ejemplos más tempranos del uso del vernáculo en documentos notariales:

> Eyo auan dicto Audella prometo et conuiengo auos auan dictos auer feyto de mellyoria enlla dicta tienda de quinquagenta soldos dest vn anno primero que viene, aconoxemjento de vos auan dicto prebost. En cara prometo et conuiengo yo Audella por mj y por fillyo ofillya que amj Dios dara, render lauan dicta tienda ad Montaragon apres dias nuestros, quita y suelta, sines toda plectessia y en barguo ninguno.
>
> (Navarro Tomás 1957: 32 – 33; Conte Cazcarro 1992: 343)

Cuatro testigos firmaron el acta: el capellán de San Cristóbal, don Esteban, el zapatero, don Johan Jofre, Mahomat de Carnaron y Abrayem dArey, "moros veçinos dUesca".

Los ejemplos se multiplican en los siglos XIV y XV. En 1397, Martín de Aísa alquiló a Çuleymán de Albaho una tienda en la Alquibla por 100 sueldos al año. La tienda limitaba con otra propiedad del arrendatario y con un local de Çalema Marguán (Conte Cazcarro 1992: 361). En 1443, Juan Martínez de Sijena dio a treudo perpetuo a Çoleyman de Marguán, alfaquí, unas casas en el barrio de Adarallyas (Rallas o de la Mezquita) (Conte Cazcarro 1992: 374).

Las Ordenanzas de Huesca de 1399 reflejan la variada tipología de los oficios que desempeñaban los mudéjares: desde la alfarería y la herrería, hasta la fustería y los trabajos de la piel (Ledesma Rubio 1996b: 75 – 77). Más del 40% de los mudéjares de Huesca se dedicaban a la metalurgia en el siglo XV. Entre ellos había herreros, caldereros, freneros, cerrajeros, pomeros y armeros. El 12,65% se dedicaban al trabajo del cuero. Destacaban los curtidores y, sobre todo, los zapateros. El 11,41% vivían de la construcción. Eran reputados los albañiles y los fusteros mudéjares. El 10,91% se dedicaban al barro cocido y trabajaban como cantareros, olleros y tejeros (Conte Cazcarro 1992: 211 – 213).

Los mudéjares de Huesca se desenvolvieron con total libertad en el campo laboral. Existía un alto nivel de colaboración con la mayoría cristiana y con la minoría judía, como vienen a demostrar los numerosos contratos que firmaron miembros de las tres comunidades religiosas. Los mudéjares de Huesca recibían constantemente encargos de sus vecinos

cristianos. Se les contrataba para obras de construcción y carpintería, para trabajos de alfarería y herrería.

Después de la conquista, se recuperó la estrecha relación que existía en época andalusí entre la ciudad y su término rural y se restablecieron los intercambios comerciales (Sesma Muñoz 2004: 74). Como centro de consumo, la ciudad de Huesca articulaba el espacio rural circundante y dictaba el ritmo de la producción y de la distribución de productos, generando una dinámica agraria y comercial que poco a poco iba involucrando a las comunidades mudéjares vecinas, lo que favorecía el proceso de aculturación no solo de los moros de la ciudad, sino también de las aljamas rurales más próximas a Huesca (Ledesma Rubio 1996c: 80 – 83). El mercado semanal de Huesca y las ferias celebradas periódicamente eran un estímulo para la economía del reino (Utrilla Utrilla 2004: 299 – 307; Iranzo Muñío 2023: 94 – 95).

La lengua que más se usaba en el mercado de Huesca era el romance aragonés. Las Ordenanzas, por ejemplo, exigían de los corredores poner por escrito y leer en voz alta las condiciones de venta acordadas por los contratantes, cuando se superaba la cantidad de cien sueldos. El objetivo era evitar fraudes y futuros pleitos: "qualquier corredor o corredores que qualquiere mercado o merca alguna que fara o faran sian tenido o tenidos aquell scrivir o fer scrivir cada e quando que concordado sera entre las partes, e apres que scripto lo havra sea tenido legir o fer legirlo a las ditas partes" (Falcón Pérez 1991: 251). Esta norma se aplicaba tanto en los negocios entre cristianos, como en los contratos en los que intervenían mudéjares y judíos.

Casi el 11% de los mudéjares de Huesca en el siglo XV se dedicaban al comercio (Conte Cazcarro 1992: 211 – 213). Tenían tiendas tanto dentro como fuera de la morería y participaban en las ferias y mercados de la ciudad y de su término (Basáñez Villaluenga 1989: 59). En 1393, Juan I les había concedido el derecho de vender sus mercancías en todo el reino (Basáñez Villaluenga 1989: 234 – 235).

Consta que los mudéjares de Huesca se movían con absoluta libertad por el territorio aragonés y se desplazaban con mucha frecuencia para contratar, vender, comprar o para establecer acuerdos comerciales tanto con otros mudéjares como con cristianos y judíos de las localidades vecinas. En el año 1441, por ejemplo, Abrayme de Marguán compró a Juan de los Reyes, de Alcalá del Obispo, 400 lanas al precio al que se vendían en Alcalá. Este mismo año, Alfonso Miguel de Loarre vendió a Abrayme Marguán 40 lanas (Conte Cazcarro 1992: 371). En el año 1443, el judío Mose Argellet y Mahoma Marguán encargaron 4.000 lanas a gentes de

Osán y Allué, en el Alto Gállego. Este no es el único ejemplo de colaboración entre mudéjares y judíos en el mundo comercial. Las empresas mercantiles mixtas, en las que participaban miembros de las dos minorías religiosas, fueron bastante frecuentes (Conte Cazcarro 1992: 374).

Iranzo Muñío define a Huesca en esta época como una ciudad-mercado, que articula la producción, la comercialización y la exportación de productos manufacturados, que involucraban también a artesanos mudéjares.

> Aquí se producía una conexión entre el mercado interior —un mercado de dimensión supracomarcal, articulado por la ciudad— y los puertos comerciales mediterráneos, lo que permitía la exportación de la producción textil local, que dio nombre a un tipo de tejido, los paños de Huesca, y de las manufacturas artesanales del metal, de coraceros y ballesteros (estos últimos dieron nombre a todo un barrio), además del trabajo del cuero, de gran tradición en la ciudad, lo mismo que la producción cerámica, más o menos especializada, que también daba nombre al barrio de los olleros.
>
> (Iranzo Muñío 2023: 93 – 94)

2.4. La presión aculturadora

El mudejarismo puede definirse –en palabras de García Marco (2004: 134)– como "un fenómeno intercultural asimétrico", que implica una relación de poder desigual entre dos comunidades culturales distintas, la cristiana y la musulmana. La discriminación, de la que fueron objeto los mudéjares, y la fuerte presión aculturadora, a la que estuvieron sometidos, aceleró el proceso de aculturación y el cambio de lengua.

En general, las relaciones entre las distintas comunidades religiosas en Huesca transcurrían dentro de la normalidad, aunque hubo también momentos de tensión, sobre todo a lo largo de los siglos XIV – XV (Conte Cazcarro 1992: 89 – 91). En el año 1301, por ejemplo, el merino de Huesca, Íñigo López de Jassa, intentó prohibir a los mudéjares el acceso a los baños de la iglesia y a los baños reales (Basáñez Villaluenga 1999: 241). En 1414, los oficiales reales expulsaron a los mudéjares de la Alquibla a las afueras de la ciudad. Fue uno de los momentos más críticos vividos por la comunidad e incluso hubo casos de conversiones al cristianismo, bajo presión (Basáñez Villaluenga 1989: 62).

En la segunda mitad del siglo XV se registraron varios episodios de violencia. En 1458, Juan II tuvo que intervenir para frenar una campaña de difamación contra los mudéjares. Sus vecinos cristianos los amenazaban con expulsarlos de la ciudad. En 1477, los ataques vinieron por parte del

clero. El vicario general del arzobispado de Zaragoza, Miguel Ferrer, y el oficial Juan Cervera pretendieron derribar los alminares de las mezquitas y prohibir la llamada a la oración y la invocación de Mahoma en público. En 1492, tras la expulsión de los judíos, los mudéjares volvieron a ser objeto de amenazas (Conte Cazcarro 1992: 89 – 91).

La comunidad mudéjar de Huesca se encontraba inmersa en un proceso de cambio cultural, que había empezado en el mismo siglo XII. Su estatus de minoría confesional exigía a los mudéjares relegar el empleo del árabe a la esfera jurídica y religiosa y adoptar el nuevo romance aragonés en todos los ámbitos de la vida socioeconómica. Factores como la demografía, la integración laboral y el contacto diario con la mayoría cristiana ayudan a entender el alto nivel de integración que alcanzaron los mudéjares en la nueva sociedad oscense.

REFERENCIAS

Academia de l'Aragonés 2022: Academia de l'Aragonés. *Diccionario Ortografico de l'Aragonés*, Edicions Dichitals de l'Academia de l'Aragonés. Zaragoza: EDACAR, № 13, 2022.

Basáñez Villaluenga 1989: Basáñez Villaluenga, M. B. *La aljama sarracena de Huesca en el siglo XIV*. Barcelona: CSIC, 1989.

Basáñez Villaluenga 1999: Basáñez Villaluenga, M. B. *Las morerías aragonesas durante el reinado de Jaime II. Catálogo de la documentación de la Cancillería Real. Volumen I (1291 – 1310)*. Teruel: Centro de Estudios Mudéjares, 1999.

Blasco Martínez 1993: Blasco Martínez, A. Notarios mudéjares de Aragón (siglos XIV – XV). // *Aragón en la Edad Media*, № 10 – 11. Zaragoza: Prensas de la Universidad de Zaragoza, 1993, 109 – 133.

Bosch Vilá 1957: Bosch Vilá, J. Los documentos árabes del Archivo Catedral de Huesca. // *Revista del Instituto de Estudios Islámicos en Madrid*, № 5 (1 – 2). Madrid: Instituto Egipcio de Estudios Islámicos, 1957, 1 – 48.

Conte Cazcarro 1992: Conte Cazcarro, A. *La aljama de moros de Huesca*. Huesca: Instituto de Estudios Altoaragoneses, 1992.

Enguita Utrilla, Lagüéns Gracia 2004: Enguita Utrilla, J. M., Lagüéns Gracia, V. En torno a los orígenes del romance aragonés. // *Aemilianense*, № 1. San Millán de la Cogolla: Cilengua, 2004, 65 – 93.

Enguita Utrilla 2008: Enguita Utrilla, J. M. Sobre el aragonés medieval. // *Lenguas, reinos y dialectos en la Edad Media ibérica. La construcción de la identidad. Homenaje a Juan Ramón Lodares*. J.

Elvira, Fernández-Ordóñez, I., García González, J., Serradilla Castaño, A. (eds.) Madrid: Iberoamericana/Vervuert, 2008, 83 – 106.

Falcón Pérez 1991: Falcón Pérez, M. I. Comercio y comerciantes en Huesca a principios del siglo XV. // *Aragón en la Edad Media*, № 9. Zaragoza: Prensas de la Universidad de Zaragoza, 1991, 243 – 268.

Ferrando 1998: Ferrando, I. El árabe andalusí en Aragón: fuentes y vías de aproximación. // *Estudios de Dialectología Norteafricana y Andalusí*, № 3. Zaragoza: Institución "Fernando el Católico", 1998, 35 – 59.

Ferrer i Mallol 2002: Ferrer i Mallol, M. T. Las comunidades mudéjares de la Corona de Aragón en el siglo XV: la población. // *VIII Simposio Internacional de Mudejarismo. De mudéjares a moriscos: una conversión forzada.* Teruel: Instituto de Estudios Turolenses, Centro de Estudios Mudéjares, 2002, vol. 1, 27 – 153.

Frago Gracia 2007: Frago Gracia, J. A. Origen, desarrollo y declive del romance aragonés. // *Ecologia lingüística i desaparició de llengües*. G. Colón Doménech, Ll. Gimeno Betí, coords. Castelló de la Plana: Universitat Jaume I, 2007, 105 – 120.

García Marco 2004: García Marco, F. J. Los mudéjares aragoneses en los siglos XII al XV. // *Aragón Sefarad*. Zaragoza: Diputación de Zaragoza-Ibercaja, 2004, 131 – 159.

Iranzo Muñío 2023: Iranzo Muñío, M. T. Huesca en el siglo XV: historia social y política de la ciudad al filo del Renacimiento. // *Huesca en la Edad Media, una ciudad de la Corona de Aragón: arte, sociedad, instituciones*. C. Laliena Corbera, M. J. García Arnal, (coords.) Huesca: Instituto de Estudios Altoaragoneses, Diputación Provincial de Huesca, 2023, 91 – 119.

Lacarra 1979: Lacarra, J. M. Introducción al estudio de los mudéjares aragoneses. // *Aragón en la Edad Media*, № 2. Zaragoza: Prensas de la Universidad de Zaragoza, 1979, 7 – 22.

Lacruz Berdejo, Bergua Camón 1953: Lacruz Berdejo, J. L., Bergua Camón, J. *Fueros de Aragón. Versión romanceada contenida en el ms. 207 de la Biblioteca Universitaria de Aragón*. Zaragoza: Librería General, 1953.

Ledesma Rubio 1996a: Ledesma Rubio, M. L. El urbanismo en las morerías. // *Estudios sobre los mudéjares en Aragón*. Teruel: Instituto de Estudios Turolenses, Centro de Estudios Mudéjares, 1996, 55 – 73.

Ledesma Rubio 1996b: Ledesma Rubio, M. L. Los oficios urbanos y rurales. // *Estudios sobre los mudéjares en Aragón*. Teruel: Instituto de Estudios Turolenses, Centro de Estudios Mudéjares, 1996, 75 – 88.

Ledesma Rubio 1996c: Ledesma Rubio, M. L. La ocupación del espacio y las transformaciones económicas en Aragón en los siglos XII y XIII. // *Historia de Aragón, II. Economía y sociedad,* VV. AA. Zaragoza: Institución Fernando el Católico, 1996, 75 – 86.

Lleal 2006: Lleal, C. Los otros dialectos del latín: el asturiano-leonés y el navarro-aragonés. // *Las lenguas españolas: un enfoque filológico.* E. de Miguel Aparicio, M. C. Buitrago Gómez (coords.) Madrid: MEC, Secretaría General Técnica, 2006, 77 – 102.

Miteva 2018: Miteva, Y. Aculturación en la Frontera. La arabización de los muladíes en la Marca Superior. // *Aragón en la Edad Media*, № 29. Zaragoza: Prensas de la Universidad de Zaragoza, 2018, 165 – 198.

Navarro Tomás 1957: Navarro Tomás, T. *Documentos lingüísticos del Alto Aragón*. Syracuse/New York: Syracuse University Press, 1957.

Sesma Muñoz 2004: Sesma Muñoz, J. A. Las ciudades en Aragón y la Cataluña interior: población y flujos económicos (1150-1350). // *La población de Aragón en la Edad Media* (*siglos XIII – XV*): *estudios de demografía histórica*. J. A. Sesma Muñoz, C. Laliena Corbera, (coords.) Zaragoza: Leyere, 2004, 55 – 90.

Utrilla Utrilla 2004: Utrilla Utrilla, J. F. El monedaje de Huesca de 1284 (contribución al estudio de la ciudad y de sus habitantes). // *La población de Aragón en la Edad Media* (*siglos XIII – XV*): *estudios de demografía histórica*. J. A. Sesma Muñoz, C. Laliena Corbera, (coords.) Zaragoza: Leyere, 2004, 281 – 348.

Viguera Molins 1987 – 1988: Viguera Molins, M. J. Documentos mudéjares aragoneses. // *Quaderni di Studi Arabi*, № 5 – 6. Venezia: Università degli studi di Venezia, 1987 – 1988, 786 – 790.

ПЛОВДИВСКИ УНИВЕРСИТЕТ „ПАИСИЙ ХИЛЕНДАРСКИ“ – БЪЛГАРИЯ
НАУЧНИ ТРУДОВЕ, ТОМ 63, КН. 1, СБ. Б, 2025 – ФИЛОЛОГИЯ,
PAISII HILENDARSKI UNIVERSITY OF PLOVDIV – BULGARIA
RESEARCH PAPERS, VOL. 63, BOOK 1, PART B, 2025 – LANGUAGES AND LITERATURE

DOI 10.69085/ntf2026b220

HÖFLICHKEIT UND KULTURELLE DIMENSIONEN IM OFFIZIELLEN SCHRIFTVERKEHR: EIN VERGLEICH DEUTSCHER UND BULGARISCHER VERWALTUNGSDOKUMENTE

Kalina Shtereva-Emrich
Hll. Kyrill-und-Method-Universität – Veliko Tarnovo

POLITENESS AND CULTURAL DIMENSIONS IN OFFICIAL WRITTEN COMMUNICATION: A COMPARISON OF GERMAN AND BULGARIAN ADMINISTRATIVE DOCUMENTS

Kalina Shtereva-Emrich
St. Cyril and St. Methodius University of Veliko Tarnovo

k.shtereva@ts.uni-vt.bg

This article examines the use of politeness markers in official Bulgarian and German texts from a contrastive perspective, with a focus on Hofstede's cultural dimensions. Based on a bilingual corpus of administrative documents, the study investigates how culture-specific norms of politeness shape linguistic strategies in formal communication. The findings reveal differences between the two languages, highlighting how cultural dimensions influence the style of official texts and the challenges this poses for intercultural administrative communication. The results offer insights for translation studies, intercultural communication, and the management of institutional multilingualism.

Key words: Politeness markers, Cultural dimensions, Power distance, Intercultural communication

Der vorliegende Beitrag befasst sich mit den Höflichkeitsnormen in der deutschen und bulgarischen Sprache und legt einen besonderen Fokus

auf deren sprachliche Umsetzung in behördlichen Texten[1]. Auf der Grundlage eines zweisprachigen Korpus werden typische Ausdrucksformen analysiert und hinsichtlich ihrer pragmatischen Funktionen verglichen. Die Analyse stützt sich auf die Kulturtheorie von Hofstede und zielt darauf ab, aufzuzeigen, wie kulturspezifische Höflichkeitsnormen den Stil amtlicher Texte prägen und welche Herausforderungen sich daraus für die interkulturelle Kommunikation im Rahmen der institutionellen Korrespondenz ergeben. Dabei werden die Unterschiede zwischen beiden Sprachen hervorgehoben, die zu Missverständnissen, Irritationen oder sogar zu Fauxpas führen können. Die Ergebnisse tragen zum besseren Verständnis formeller Textsorten bei und sind insbesondere für Übersetzer, Übersetzungswissenschaftler sowie für den Bereich der institutionellen Mehrsprachigkeit relevant.

Das Hauptziel höflicher Kommunikation ist stets die Herstellung sozialer Harmonie. Durch Höflichkeit werden Konflikte gelöst und positive zwischenmenschliche Beziehungen gefördert. Sprachliche Äußerungen machen dabei nur einen Teil des höflichen Verhaltens aus; dazu kommen auch paraverbale und nonverbale Mittel[2], die ebenfalls zur Aufrechterhaltung und Stärkung des harmonischen Miteinanders beitragen. Dabei sollte man beachten, dass Höflichkeit untrennbar mit Kultur und sozialen Konventionen verbunden ist. Welche Äußerungen und Handlungen als höflich gelten, hängt maßgeblich von den Erwartungen der jeweiligen Kulturgemeinschaft ab. Höfliches Verhalten ist somit nicht universell, sondern kulturell kodiert: Ausdrucksformen, die in einer Kultur als respektvoll und angemessen gelten, können in einer anderen Kultur als übertrieben, distanziert oder unhöflich wahrgenommen werden (vgl. Watts 2003, Spencer-Oatey 2008, Kádár 2013, Dieckmann 2003, Brown 1987 u. a.).

Um die Höflichkeitsparameter einer Kultur zu untersuchen, reicht es daher nicht aus, lediglich die jeweiligen sprachlichen Normen in Betracht zu ziehen. Vielmehr gilt es, das Gesamtbild der Kulturentwicklung zu analysieren – die historisch und gesellschaftlich geprägten kommunikativen Rituale, die Traditionen und Gepflogenheiten, die Selbstverständlichkeiten und Tabus, die das sprachliche und soziale Verhalten beeinflussen. Einen geeigneten theoretischen Rahmen, um das

[1] Der vorliegende Beitrag beschränkt sich auf einen Vergleich zwischen bulgarischen behördlichen Texten und entsprechenden Texten aus der Bundesrepublik Deutschland. Aus Platzgründen werden österreichische und schweizerische Texte nicht berücksichtigt.

[2] Blickkontakt, Tonfall, Gestik, räumliche Distanz zwischen den Gesprächspartnern, Körperkontakt u.a.

soziale Phänomen der (Un-)Höflichkeit zu analysieren, bietet das vom niederländischen Sozialpsychologen Geert Hofstede aufgestellte Modell der Kulturdimensionen. Anhand einer Faktorenanalyse im Rahmen einer umfangreichen empirischen Studie[3] hat Hofstede die globale Unternehmenskultur von IBM untersucht und zunächst vier zentrale Bereiche identifiziert, in denen sich Unterschiede im Verhalten und in der Kommunikation verschiedener Kulturen besonders häufig zu zeigen schienen (Hofstede 2001). Später hat er (Hofstede/Hofstede/Minkov 2017) sein Modell um zwei weitere Aspekte erweitert, sodass es schließlich insgesamt sechs Kulturdimensionen umfasst:

1. Machtdistanz: Wie geht eine Kultur mit Macht und Hierarchie um?
2. Kollektivismus versus Individualismus: Steht das Individuum oder die Gemeinschaft im Vordergrund?
3. Maskulinität versus Feminität: Welche Werte dominieren – Wettbewerb und Leistung oder Fürsorglichkeit und Empathie?
4. Unsicherheitsvermeidung: Wie geht eine Gesellschaft mit Ungewissheit, Risiken und unbekannten Situationen um?
5. Langzeitorientierung versus Kurzzeitorientierung: Legt eine Kultur größeren Wert auf kurzfristige Erfolge oder auf langfristige Ziele?
6. Nachgiebigkeit versus Beherrschung: In welchem Maß erlaubt eine Kultur die Befriedigung von Bedürfnissen und Impulsen, und in welchem Maß erwartet sie deren Kontrolle, Regulation und Zurückhaltung?[4]

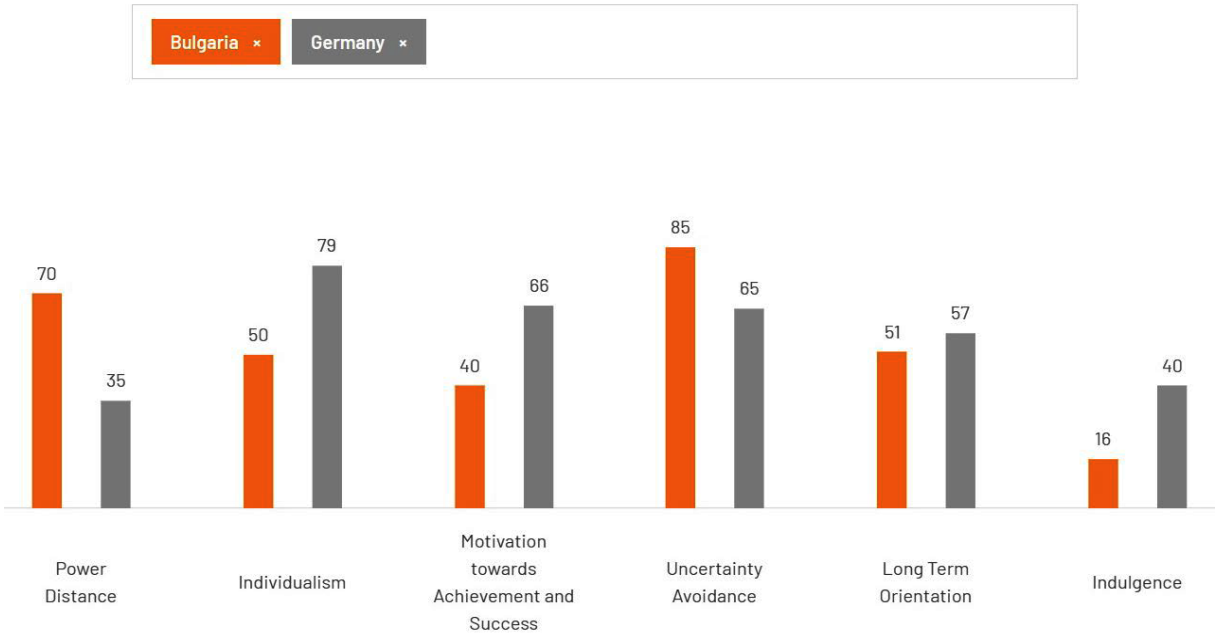
Hofstedes Dimensionen sind allgegenwärtig und universal; sie beschreiben die vorherrschenden Einstellungen, formen die legitime kommunikative Interaktion und charakterisieren die zwischenmenschlichen Beziehungen innerhalb einer Gemeinschaft. Ihre jeweilige Ausprägung beeinflusst daher unmittelbar die Höflichkeitsnormen einer Kultur. Das Spannungsfeld innerhalb der jeweiligen Dichotomien prägt die kommunikativen Erwartungshaltungen und bestimmt, welche Formen der Höflichkeit als angemessen oder unpassend gelten.

[3] Dazu befragte Hofstede über 110.000 Mitarbeiter/-innen des Unternehmens IBM in 67 Ländern.

[4] Ausgehend von diesem Ansatz entwickelten Trompenaars und Hampden-Turner eine Theorie zur Analyse kultureller Unterschiede, die sie in ihrem Buch *Riding the Waves of Culture: Understanding Cultural Diversity in Business* (1997) veröffentlichten. Trompenaars/Hampden-Turner definierten sieben Dimensionen kultureller Unterschiede: Universalismus versus Partikularismus; Individualismus versus Kollektivismus; Neutralität versus Emotionalität; Spezifität versus Diffusität; Leistung versus Status; Einstellung zur Zeit; Einstellung zur Umwelt.

So lässt sich etwa an der Ausprägung der Machtdistanz erkennen, ob Untergebene mit „du“ oder „Sie“ angesprochen werden, ob Anweisungen seitens der Führungskraft in der Form einer Bitte oder als imperativischer Befehl mitgeteilt werden, ob man seine Wünsche gegenüber Menschen, die höher bzw. niedriger in der sozialen Hierarchie stehen, direkt oder indirekt äußert usw.

Die finnische Aktiengesellschaft *The Culture Factor Group*[5] befasst sich seit Jahrzehnten mit den Kulturdimensionen im Sinne von Hofstede und hat praxisorientierte Lösungsmodelle zur Bewältigung der daraus entstehenden interkulturellen und organisatorischen Herausforderungen entwickelt. Auf der Webseite der Gesellschaft ist unter anderem auch ein benutzerfreundliches Online-Tool zu finden, mit dem verschiedene Länder anhand der sechs Kulturdimensionen miteinander verglichen werden können. Die entsprechenden länderspezifischen Werte und Ausprägungen werden anschaulich visualisiert, sodass Unterschiede und Gemeinsamkeiten unmittelbar festgestellt und analysiert werden können. Die kulturellen Profile von Deutschland und Bulgarien werden zum Beispiel so dargestellt:

Anhand der Grafik lässt sich etwa feststellen, dass die bulgarische Kultur – aus der Makroperspektive betrachtet – kollektivistischer ist als die deutsche. Der Individualismuswert liegt in Deutschland bei 79 Punkten und damit deutlich über dem Wert Bulgariens (50 Punkte). Dieser

[5] Früher bekannt als *Hofstede Insights Oy*, siehe *https://www.theculturefactor.com/*

Unterschied schlägt sich in den sprachlichen Konventionen und Routinen der beiden Länder nieder. Die Ausprägung der Dimension Kollektivismus bzw. Individualismus bestimmt beispielsweise, inwieweit in amtlichen Texten das kollektivistische „wir“ dem individualistischen „ich“ vorgezogen wird – ein Unterschied, der im Vergleich deutscher und bulgarischer institutioneller Texte besonders deutlich wird. In bulgarischen Texten, die im Rahmen des offiziellen Schriftverkehrs verfasst werden, wird häufiger das kollektivistische „Wir“ verwendet, auch wenn das Schreiben lediglich von einer Person unterzeichnet ist. In deutschsprachigen Schreiben dagegen steht meistens die 1. Person Singular, wenn es nur eine/-n Unterzeichnende/-n gibt, wie die Beispiele[6] hier veranschaulichen.

Schreiben der bulgarischen Staatsanwaltschaft:

> Във връзка с Ваше писмо с референтен № …., касаещо издадената от Районна прокуратура Г. Оряховица Европейска заповед за арест по отношение на българския гражданин XXXXX, приложено Ви изпращаме писмо от Главна дирекция „Изпълнение на наказанията“ при Министерство на правосъдието на РБългария, съдържащо отговори на всички въпроси, поставени във Вашето писмо.
> Приложение: съгласно текста.
> С уважение,
> ПРОКУРОР в РП: подпис
> /XXXXX/

Ähnliches Schreiben der deutschen Staatsanwaltschaft:

> Sehr geehrte Damen und Herren,
> nach Erledigung Ihres Rechtshilfeersuchens übersende ich Ihnen die beigefügten Unterlagen.
> Mit vorzüglicher Hochachtung
> Im Auftrag
> Unterschrift
> XXXXX
> Staatsanwalt

[6] Alle Auszüge aus amtlichen Texten, die Gegenstand der vorliegenden Analyse sind, stammen aus meinem persönlichen Archiv, das im Rahmen meiner Tätigkeit als freiberufliche Übersetzerin entstanden ist. Die personenbezogenen und sensiblen Daten wurden anonymisiert – K. S.-E.

Für diese kleine stilistische Differenz gibt es auch eine geschichtliche Erklärung. Das kollektivistische „Wir" war nämlich ein zentrales Element der kommunistischen Ideologie. Es stand im starken Gegensatz zum individualistischen „Ich" der westlich-kapitalistischen Gesellschaften. In realsozialistischen Gesellschaften der zweiten Hälfte des 20. Jahrhunderts wurde das „Kollektiv", also das „Wir", als wichtigste soziale Einheit propagiert. Persönliche Ambitionen waren erlaubt, solange sie dem kollektiven Fortschritt dienten. Wer nicht ins „Wir" passte, wurde leicht zum Außenseiter oder gar zum Feind erklärt. Das „Wir" legitimierte auch politische Entscheidungen – alles geschah „im Namen des Volkes". Andererseits führte das kollektivistische Denken auch zu Verwässerung der Verantwortung. Wenn „wir" handeln, ist niemand persönlich verantwortlich. Schuld und Verantwortung wurden anonymisiert und verwischt, sodass moralische Grauzonen entstanden – eine manipulative Strategie, deren sich auch heutige Politiker bedienen, um ihre Machtpositionen zu stärken und ihre persuasiven Ziele subversiv durchzusetzen (vgl. etwa den sorgfältig abgewogenen Wechsel vom exklusiven zum inklusiven „Wir" und *vice versa* in Trumps Antrittsrede als US-Präsident (Ganev 2020: 243).

Kollektivistische Denkmuster waren also tief in den kulturellen und ideologischen Strukturen der Länder des ehemaligen Ostblocks verankert. Spuren dieses Kollektivismus manifestieren sich gelegentlich bis in die Gegenwart hinein, insbesondere in der Verwaltungssprache, wie das oben angeführte Beispiel zeigt. Amtliche Texte zeichnen sich durch einen hohen Grad an Konservatismus, Normgebundenheit und Formelhaftigkeit aus, wodurch auch mittlerweile obsolet gewordene kollektivistische Perspektiven sprachlich konserviert und reproduziert werden können. Eine Sonderstellung nimmt in diesem Zusammenhang die ehemalige Deutsche Demokratische Republik ein. Obwohl sie historisch ebenfalls Teil des sozialistischen Ostblocks war, ist das kollektivistische „Wir" in der heutigen ostdeutschen Amts- und Verwaltungssprache weitgehend nicht mehr gebräuchlich. Dies ist vor allem darauf zurückzuführen, dass Ostdeutschland nach der Wiedervereinigung sehr schnell in den bestehenden bürokratischen und institutionellen Apparat der Bundesrepublik Deutschland integriert wurde. In der Folge setzte sich in den neuen Bundesländern die westdeutsche Verwaltungstradition durch, die stärker auf formale Neutralität und individualisierte Verantwortungszuschreibung ausgerichtet ist. Während in Bulgarien kollektive Ausdrucksformen weiterhin wirksam bleiben, dominiert im deutschen Amts- und Verwaltungskontext heute eine distanzierte, sachlich-

individuelle Sprachform, was zu Unterschieden in der Stilistik und Perspektivierung des offiziellen Schriftverkehrs führt.

Eine weitere auffällige Differenz, die der Grafik von *The Culture Factor Group* zu entnehmen ist, betrifft die Konfiguration der Machtdistanz in Bulgarien und Deutschland. Mit 70 Punkten ist der Abstand zwischen den hierarchischen Ebenen in Bulgarien doppelt so groß wie der Abstand in Deutschland. Dabei ist zu beachten, dass diese Kulturdimension einen direkten Einfluss auf die sprachliche Realisierung von Höflichkeit in amtlichen Texten hat, da institutionelle Diskurse stets durch festgelegte Hierarchien, Funktionen und Machtkonfigurationen strukturiert sind. Daraus ergeben sich teilweise gravierende Unterschiede in den Höflichkeitsnormen und (Un-)Zumutbarkeiten der Behördensprache in den beiden Ländern.

Eine niedrige Machtdistanz, wie sie beispielsweise in Deutschland zu beobachten ist, zeichnet sich durch flache Hierarchien aus; das heißt, es besteht kaum eine Kluft zwischen Autoritätspersonen und ihren Unterstellten. Die Kommunikation ist von gegenseitigem Respekt und einem hohen Maß an Gleichberechtigung geprägt. Je geringer die Machtdistanz, desto partizipativer gestalten sich die Entscheidungsfindungsprozesse.

Bei hoher Machtdistanz hingegen wird ein starkes Ungleichgewicht in der Machtverteilung toleriert. Entscheidungen werden klar von oben nach unten weitergegeben, es besteht eine deutliche Trennung zwischen Entscheidungsträgern und Ausführenden, direkte Kontakte zwischen den hierarchischen Ebenen sind entweder nicht vorgesehen oder durch eine kommunikative Asymmetrie gekennzeichnet. Die Höflichkeitsmarker in den Äußerungen von Autoritätspersonen unterscheiden sich dabei deutlich von denen ihrer Unterstellten. Aufforderungen seitens der Führungsebene werden beispielsweise direkter formuliert und wirken häufig imperativisch. Bei Kulturen mit niedriger Machtdistanz werden solche Aufforderungen meistens abgemildert und indirekt ausgedrückt, so dass sie eher als Bitte und nicht als Befehl klingen.

Ein einfaches Beispiel verdeutlicht diesen Unterschied: Die Praxis zeigt, dass in den deutschsprachigen Ländern das Adverb „bitte“ deutlich häufiger verwendet als in Bulgarien wird. Die kommunikative Leistung von „bitte“ besteht darin, nahezu jeden Satz in eine Bitte zu verwandeln. Es mildert imperativische Formulierungen ab und lässt Aufforderungen oder Fragen höflicher und freundlicher erscheinen. Der Gebrauch von „bitte“ ist dabei weitgehend obligatorisch und fungiert als wichtiger Höflichkeitsindikator. Es ist kaum vorstellbar, dass in einem offiziellen Schreiben imperativische Sätze ohne „bitte“ formuliert werden.

In bulgarischen Texten verhält es sich anders: Die bulgarische Entsprechung von „bitte“ („моля“) wird in offiziellen Schreiben deutlich seltener verwendet. Es ist durchaus üblich, dass solche Texte imperativische Sätze oder verpflichtende Fragen ohne „моля“ enthalten. Dies bedeutet jedoch nicht zwangsläufig, dass der Text als unhöflich wahrgenommen wird. Vielmehr verweist diese stilistische Besonderheit auf eine andere Text- und Höflichkeitsnorm, die unter anderem mit der stärkeren Ausprägung der Kulturdimension „Machtdistanz“ in Bulgarien zusammenhängt.

Zur Veranschaulichung kann ein Auszug aus der deutschen und der bulgarischen Übersetzung der Europäischen Ermittlungsanordnung (EEA) herangezogen werden. Die EEA basiert auf einem einheitlichen EU-Formblatt, das in alle Amtssprachen der Europäischen Union übersetzt wurde. Wie aus der nachstehenden Tabelle hervorgeht, enthält die deutsche Fassung dieses kurzen Auszugs dreimal das Adverb „bitte“, während im bulgarischen Text lediglich einmal „моля“ verwendet wird:

DEUTSCH	**BULGARISCH**
EUROPÄISCHE ERMITTLUNGSANORDNUNG (EEA)	ЕВРОПЕЙСКА ЗАПОВЕД ЗА РАЗСЛЕДВАНЕ (ЕЗР)
ABSCHNITT B: Dringlichkeit Geben Sie **bitte**[7] an, ob eine Dringlichkeit gegeben ist aufgrund □ des Umstands, dass Beweismittel unterdrückt oder vernichtet werden □ des unmittelbar bevorstehenden Verhandlungstermins □ anderer Gründe. **Bitte** unten näher ausführen: Die Fristen für die Vollstreckung der EEA sind in Richtlinie 2014/41/EU festgelegt. Ist jedoch eine kürzere oder genau bestimmte Frist erforderlich, so geben Sie **bitte** das Datum und eine Begründung an: (…)	РАЗДЕЛ „Б“ Спешност: Отбележете дали са необходими спешни действия поради: □ укриване или унищожаване на доказателства □ непосредствено предстояща дата на съдебно производство □ друга причина. **Моля**, уточнете по-долу: Сроковете за изпълнение на ЕЗР са предвидени в Директива 2014/41/ЕС. Независимо от това, ако е необходим по-кратък или специален срок, посочете датата и обяснете причините за този срок: (…)

[7] Hervorhebungen von mir, K. S.-E.

Eine häufigere Verwendung von „моля“ im bulgarischen Auszug würde den Text unnatürlich wirken lassen, da dies zu einer Diskrepanz zwischen sprachlichem Usus und okkasioneller Praxis führen würde. Hinzu kommt, dass „моля“ im bulgarischen Schriftverkehr meist am Anfang des jeweiligen Satzes steht und nur selten in der Satzmitte platziert wird. Dafür gibt es auch pragmatische Gründe: Da der Höflichkeitsmarker „моля“ im Bulgarischen als eingeschobenes Satzglied fungiert, wird es in der Regel durch Kommas von den übrigen Satzgliedern abgetrennt. Dies ist mit zusätzlichem Aufwand verbunden und steht somit dem Prinzip der sprachlichen Ökonomie entgegen, da hier eine erhöhte formale Anstrengung erforderlich ist. Steht „моля“ hingegen am Satzanfang oder -ende, kann zumindest eines der Kommas eingespart werden.

Um dieser textnormativen Regel gerecht zu werden, sollten bei der Übersetzung deutscher Behördentexte ins Bulgarische bestimmte Anpassungen vorgenommen werden, etwa die Platzierung von „bitte“ am Satzanfang oder dessen vollständiges Weglassen. Die dadurch entstehende konnotative Unvollständigkeit kann gegebenenfalls durch andere Höflichkeitsstrategien kompensiert werden.

Die Tabelle unten zeigt weitere Beispiele aus deutschen Texten, in denen das „bitte“ bei der Übersetzung ins Bulgarische ausgelassen wurde. Die Formulierungen des Translats lassen den Text normgerecht und wohlgeformt erscheinen, ohne unhöflich oder ruppig zu wirken. In einigen Sätzen wurden kompensatorisch andere abschwächende sprachliche Mittel eingesetzt, etwa ein Modalverb (Beispiel 6), der Konjunktiv (Beispiel 1) oder das Futur I (Beispiel 4), um den imperativischen Ton abzumildern:

Nr.	**DEUTSCH**	**BULGARISCH**
1.	Können Sie mich **bitte** anrufen?	Бихте ли могли да ми се обадите?
2.	Für die Freigabe des Antrags klicken Sie **bitte**[8] auf „Genehmigen“.	За да одобрите заявлението, кликнете върху „Разрешение“.
3.	Dazu stellen Sie **bitte** einen Antrag bei der zuständigen Regionalstelle des Bundesamtes für Migration und Flüchtlinge.	За целта подайте молба до компетентния регионален център на Федералната служба за миграция и бежанци.
4.	Die organisatorische Abwicklung entnehmen Sie **bitte** der Anlage 2.	Информация за организацията на събитието ще намерите в Приложение 2.

[8] Hervorhebungen von K. S.-E.

5.	Bei Zahlung **bitte** Rechnungsnummer und Datum angeben!	При плащане посочете номера и датата на фактурата!
6.	Bei Anfragen zum Inhalt des Bescheids wenden Sie sich **bitte** an: (…)	Ако имате въпроси по съдържанието на известието, можете да се обърнете към: (…)

Ein weiteres Beispiel, das einen noch tieferen Einblick in die Höflichkeitsparameter beider Kulturen ermöglicht, ist die Art und Weise, wie eine gerichtliche Ladung an eine beschuldigte Person formuliert wird. Dabei handelt es sich um eine stark standardisierte Textsorte, die einem festgelegten Muster folgt und hochgradig konventionalisierte Grundstrukturen aufweist. Da das Verhältnis zwischen der Judikative und dem (potenziellen) Straftäter stets die Ausübung staatlicher Macht gegenüber der Devianz des Individuums impliziert, geht es bei dieser Textsorte grundsätzlich um die sprachliche Realisierung eines Machtverhältnisses. Entsprechend treten die Ausprägungen der Kulturdimension „Machtdistanz“ hier besonders deutlich und aussagekräftig hervor:

Deutsch:

LADUNG[9]
Sehr geehrter Herr Mustermann,
in der Ermittlungssache 000000 der Staatsanwaltschaft Berlin wegen Betruges ist Ihre Vernehmung als Beschuldigter erforderlich.
Sie werden daher gebeten, am Mittwoch, 13.10.2025, um 14 Uhr, bei
Kriminalfachdezernat 7
München
vorzusprechen.
Bitte bringen Sie zusätzlich zu diesem Schreiben Folgendes mit:
Amtlichen Ausweis mit Lichtbild
Mit freundlichen Grüßen
(XXXX)
Staatsanwalt

Bulgarisch:

[9] Anonymisiert durch K. S.-E.

ПРИЗОВКА[10]
За явяване в качеството на обвиняем
по Пр. вх. № 0000 на РП-Бургас
ИВАН ИВАНОВ ИВАНОВ,
ЕГН: 9999999999
се призовава да се яви на
13.10.2025 в 14.00 часа
в ТО-Несебър при РП-Бургас, на адрес:
8230 Несебър, ул. Л. Каравелов 1
Призованият да носи следните документи:
Лична карта
ЯВЯВАНЕТО Е ЗАДЪЛЖИТЕЛНО!
При неявяване следва глоба и принудително довеждане!
Прокурор:

Die deutsche Ladung unterscheidet sich kaum von einem konventionellen Brief. Sie enthält alle wesentlichen Merkmale eines höflichen Schriftstücks, darunter Anrede und Grußformel sowie den Gebrauch von „bitte“. Absender und Adressat begegnen sich hierbei auf einer weitgehend gleichberechtigten Ebene. Diese Balance zwischen institutioneller Autorität und individueller Würde ist charakteristisch für Kulturen mit geringer Machtdistanz, in denen Hierarchien zwar existieren, jedoch durch gegenseitigen Respekt und formale Höflichkeit abgeschwächt werden.

Die bulgarische Ladung unterscheidet sich davon deutlich. Sie entspricht in ihrer Gestaltung nicht dem Muster eines klassischen Briefes und verzichtet weitgehend auf konventionelle Höflichkeitsmarker. Das Imperativische wird nicht abgeschwächt oder diplomatisch entschärft, sondern im Gegenteil durch graphische Mittel wie Fettschrift, Großbuchstaben, vergrößerte Buchstabenabstände und Ausrufezeichen bewusst hervorgehoben und damit institutionell legitimiert. Obwohl der Text einen konkreten Adressaten hat, erfolgt die Formulierung unpersönlich, in der dritten Person Singular, ohne explizite Anrede oder Grußformel.

Diese sprachliche Gestaltung vermittelt eine Botschaft, die sich deutlich von jener der deutschen Ladung unterscheidet: Der Text wirkt ultimativ und autoritär. Er bringt eine kommunikative Asymmetrie zum Vorschein, die das Verhältnis zwischen Institution und Bürger klar strukturiert – die Machthabenden erteilen Anweisungen, die Bürger haben

[10] Anonymisiert durch K. S.-E.

sich widerspruchslos zu fügen. Damit wird die hierarchische Kommunikation zu einem einseitigen Akt der Machtausübung. Der Empfänger wird entpersonalisiert, eingeschüchtert und in die Position des Untergeordneten gedrängt. Der Text verweist auf eine nahezu unüberwindbare Distanz zwischen der staatlichen Institution (dem Gericht) und dem Individuum. Es entsteht der Eindruck, einer rigiden bürokratischen Machtstruktur ausgeliefert zu sein.

Diese sprachliche Realisierung einer hohen Machtdistanz kann auch in einem breiteren historischen Kontext betrachtet werden. Wie oben schon ausgeführt, lassen sich in der bulgarischen Verwaltungssprache bis heute Bezeichnungen und Formulierungen finden, die auf direktive Kommunikationsmuster verweisen und auf frühere administrative Konventionen zurückgehen. So werden bestimmte amtliche Schreiben in Bulgarien weiterhin als „Befehl“ („заповед“) bezeichnet, ein stilistisch stark markierter Ausdruck, der auf eine ausgeprägte hierarchische Struktur und eine klare vertikale Machtrelation zwischen den beteiligten Ebenen hinweist (vgl. Tabelle unten).

Nr.	**BULGARISCH**	**DEUTSCH**
1.	Заповед за екстрадиране	Auslieferungsbefehl
2.	Европейска заповед за задържане	Europäischer Haftbefehl
3.	Заповед за обиск	Durchsuchungsbefehl
4.	Съдебна заповед	Gerichtliche Anordnung
5.	Повиквателна заповед	Einberufungsbescheid
6.	Изпълнителна заповед	Durchführungsverordnung
7.	Заповед на министъра	Erlass des Ministers
8.	Заповед за командировка	Dienstreisegenehmigung
9.	Заповед на ректора	Rektoratsbeschluss

Wie aus der Tabelle ersichtlich wird, werden im Deutschen ausschließlich jene Schriftstücke als „Befehl“ bezeichnet, die im Kontext der Strafverfolgung entstehen (Beispiele 1, 2 und 3) und mit strengeren Maßnahmen verbunden sind. Demgegenüber umfasst die bulgarische Norm auch administrative Akte, die alltägliche, nicht kriminelle Sachverhalte regeln und dennoch mit der Bezeichnung „заповед“ versehen werden.

Abschließend soll noch auf eine weitere Kulturdimension nach Hofstede eingegangen werden: das Verhältnis von Maskulinität und Femininität und dessen mögliche Auswirkungen auf die Stilistik des

offiziellen Schriftverkehrs in Bulgarien und Deutschland. Die von der *Culture Factor Group* bereitgestellte Grafik zeigt, dass die deutsche Kultur mit einem Wert von 66 Punkten stärker durch Merkmale wie Wettbewerb, Leistungsorientierung und emotionale Zurückhaltung geprägt ist. Die bulgarische Kultur hingegen weist mit 44 Punkten eine geringere Ausprägung dieser Dimension auf und tendiert daher stärker zu Eigenschaften wie Emotionalität, Fürsorglichkeit und Empathie. Dies äußert sich unter anderem in einer etwas höheren emotionalen Färbung der verwendeten Lexik in amtlichen Schreiben, insbesondere in Textsorten, die zwischenmenschliche Beziehungen und subjektive Empfindungen betreffen, wie Empfehlungsschreiben oder Dankesbriefe.

Im Folgenden ein Auszug aus dem Dankesbrief des Leiters einer bulgarischen Justizvollzugsanstalt an einen deutschen Verein, der den Insassen eine Spende übermittelt hatte:

> „Приемете нашите най-искрени благодарности за помощта, която ни оказахте чрез благородното си дело! Нека Вашата постъпка служи за пример и подражание на всички!“
> *(„Hiermit möchten wir unseren aufrichtigsten Dank für die Hilfe aussprechen, die Sie uns durch Ihr edles Werk geleistet haben! Möge Ihre Tat als nachahmenswertes Vorbild für alle dienen!“*)

Der Text wirkt stilistisch stark überhöht und expressiv. Dieser Effekt entsteht durch den gezielten Einsatz von Elativen und Superlativen („най-искрени“ – „aufrichtigsten“; „благородно дело“ – „edles Werk“), durch Tautologien („пример и подражание“ – „nachahmenswertes Vorbild“) sowie durch die grammatische Konstruktion „нека“, die einen Wunsch oder Segen ausdrückt und einen zeremoniellen, feierlichen und zugleich respektvollen Ton schafft, der den Dank über die reine Informationsvermittlung hinaus emotional auflädt.

Im Vergleich dazu ist der deutsche offizielle Stil in ähnlichen Kontexten deutlich nüchterner: Dankesformeln bleiben sachlich, Superlative werden nur selten verwendet, und Wünsche oder Segensformen werden meist indirekt und neutral formuliert. Dadurch wirkt deutsche Korrespondenz kontrollierter, zurückhaltender und sachorientierter, während bulgarische Dankesschreiben – wie das vorliegende Beispiel – eine persönlichere, empathische und emotional reichere Wirkung erzielen. Hier einige deutsche Dankesbriefe[11] in einem vergleichbaren Kontext zur Veranschaulichung:

[11] Quelle: https://naechstenliebe-befreit.de/inhaftierte-danke-fur-pakete2024/

> Im Namen aller Mitarbeiterinnen und Mitarbeiter und der in der JVA Schwerte Inhaftierten darf ich mich herzlich für die Zuwendungen an Weihnachten 2024 bedanken. (Dohrmann, Verwaltungsbeschäftigte, JVA Schwerte)
>
> Danke auch im Namen der Inhaftierten, die dankbar und gerührt von Ihrer Spende waren. (Kath. Gefängnisseelsorge JVA Brandenburg)
>
> Ihre Pakete bereiteten vielen Inhaftierten eine schöne Weihnachtszeit und auf jeden Fall eine kleine Auszeit vom Alltag. So manches Paket fand Verwendung beim kurz vor Weihnachten inhaftierten Gast und half über die ersten Tage. (K. König, Jugendanstalt Hameln)

Der Fokus hier liegt auf der sachlichen Vermittlung der Botschaft, während expressive oder persönliche Bezüge eher reduziert bleiben. Übersteigerte Superlative und pompöse Formulierungen werden vermieden; die Texte wirken höflich, aber deutlich weniger emotional. Diese stilistischen Unterschiede machen deutlich, wie stark Dankesbekundungen kulturell geprägt sind und wie unterschiedlich Wertschätzung sprachlich zum Ausdruck gebracht wird. Ein Bewusstsein für solche kulturellen Konventionen ist besonders in der internationalen Zusammenarbeit wichtig, um Texte nicht vorschnell zu bewerten, sondern ihre Intention und Wirkung im jeweiligen kulturellen Kontext richtig zu verstehen.

Die Untersuchung des offiziellen Schriftverkehrs in Deutschland und Bulgarien zeigt, dass Höflichkeitsnormen und sprachliche Strategien maßgeblich durch kulturelle Faktoren geprägt sind. Diese Unterschiede lassen sich anhand von Hofstedes Kulturdimensionen erklären: Bulgarien weist eine höhere Machtdistanz, stärkeren Kollektivismus und größere emotionale Expressivität auf, während die deutsche Kultur durch geringere Machtdistanz, ausgeprägten Individualismus und emotionale Zurückhaltung gekennzeichnet ist. Historische und ideologische Einflüsse, insbesondere die sozialistische Vergangenheit Bulgariens, tragen dazu bei, dass kollektive Ausdrucksformen und strenge hierarchische Kommunikationsmuster bis in die Gegenwart fortwirken. Ein Bewusstsein für kulturspezifische Höflichkeitsnormen und stilistische Konventionen ist daher unerlässlich, um Missverständnisse zu vermeiden und eine angemessene, respektvolle interkulturelle Kommunikation zu gewährleisten.

LITERATUR

Brown 1987: Brown, P., Levinson, S. C. *Politeness: Some Universals in Language Usage.* Cambridge: Cambridge University Press, 1987.

Dieckmann 2003: Dieckmann, Walther, Eisenberg, Peter, Paul, Ingwer, Voigt-Schneekloth, Gerhard, Zeck, Jürgen. Sprachliche Höflichkeit. // *Praxis Deutsch*, № 178, März 2003, 4 – 11.

Ganev 2020: Ganev, S. We, you or they? Variation in the use of personal pronouns in Donald Trump's inaugural speech. // *Studia Philologica Universitatis Velikotarnovensis*, Vol. 37/2, Veliko Tarnovo: University Press, 2020, 241 – 250.

Hofstede 2001: Hofstede, G. *Culture's Consequences – Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations Across Nations.* 2. Auflage. Thousand Oaks: Sage, 2001.

Hofstede 2017: Hofstede, G., Hofstede, G. J., Minkov, M. *Lokales Denken, globales Handeln: Interkulturelle Zusammenarbeit und globales Management.* München: C. H. Beck, 2017.

Kádár 2013: Kádár, D. Z., Haugh, M. *Understanding Politeness.* Cambridge: Cambridge University Press, 2013.

Spencer-Oatey 2008: Spencer-Oatey, H. (Hrsg.). *Culturally Speaking: Culture, Communication and Politeness Theory.* 2. Auflage. London: Continuum/Bloomsbury, 2008.

Trompenaars 1997: Trompenaars, F., Hampden-Turner, Ch.. *Riding the Waves of Culture: Understanding Cultural Diversity in Business.* London: Nicholas Brealey Publishing, 1997.

Watts 2003: Watts, R. J. *Politeness.* Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

The Culture Factor Group: Country Comparison Tool. <https://www.theculturefactor.com/country-comparison-tool> (20.12.2025).

ПЛОВДИВСКИ УНИВЕРСИТЕТ „ПАИСИЙ ХИЛЕНДАРСКИ“ – БЪЛГАРИЯ
НАУЧНИ ТРУДОВЕ, ТОМ 63, КН. 1, СБ. Б, 2025 – ФИЛОЛОГИЯ,
PAISII HILENDARSKI UNIVERSITY OF PLOVDIV – BULGARIA
RESEARCH PAPERS, VOL. 63, BOOK 1, PART B, 2025 – LANGUAGES AND LITERATURE

DOI 10.69085/ntf2026b235

ZUR FUNKTION DER LEXIKALISCHEN EINHEITEN IN DER DIGITALEN STÄDTEWERBUNG

Milena Ivanova
Hll. Kyrill-und-Method-Universität – Veliko Tarnovo

ON THE FUNCTION OF LEXICAL UNITS IN DIGITAL CITY ADVERTISING

Milena Ivanova
St. Cyril and St. Methodius University of Veliko Tarnovo

m.shopova@ts.uni-vt.bg

The subject of this comparative study is the tourist websites of Berlin, Ingolstadt, Sofia, and Veliko Tarnovo. Based on Roman Jakobson's (1960) six-function model, German and Bulgarian lexical units are analyzed with regard to their function in the individual homepage sections. The aim is to illustrate how words and phrases are used as advertising tools in digital city marketing so that the advertised cities can stimulate travel desire in website users.

Key words: function, lexical units, city homepages, German, Bulgarian

1. Einleitung

Digitale Städtewerbung erweist sich heute als ein wesentliches Instrument des Stadtmarketings. Die strategische Vermarktung der Städte ist nach Held (2019)[1] eine gezielte Form der Destinationswerbung, die eine Stadt als attraktives Reiseziel zu positionieren versucht. Sie operiert dabei stets im Spannungsfeld zwischen Information und Emotion, zwischen

[1] Held, G., 2019. Destinationswerbung. Zur Image-Konstruktion von touristischen Räumen durch multimodale Inszenierung von Identitätsmarkern. https://www.degruyter.com/document/doi/10.1515/tw-2019-0008/html?srsltid=AfmBOopJhZlhcyxK83Td7huHWBUKOl6YeC0l40BWSQq00IJZZyxN_XDg

Authentizität und Inszenierung und basiert auf der multimodalen Kombination von Bild- und Sprachcodes. Das bedeutet, dass visuelle und sprachliche Zeichen in ihrer Gesamtheit darauf ausgerichtet sind, ein kohärentes und attraktives Raum-Bild mit Appell-Charakter zu schaffen – ein Image, das sowohl ästhetisch als auch emotional aufgeladen ist und zur Handlung motivieren soll: zur Reise, zum Besuch, zur Identifikation mit der Stadt.

In der digitalen Städtewerbung nehmen insbesondere Städtehomepages eine immer zentralere Rolle ein, da sie multimodale Gestaltung und unmittelbare Interaktion mit den Zielgruppen ermöglichen und Städte als Erlebnisräume präsentieren.

Städtehomepages sind auch Objekt der vorliegenden Untersuchung. Im Mittelpunkt stehen dabei die touristischen Webseiten der Homepages von Berlin, Ingolstadt, Sofia und Veliko Tarnovo. Die Auswahl der vier Städte erfolgt unter Berücksichtigung ihrer unterschiedlichen städtischen Profile. Während Sofia und Berlin als Hauptstädte fungieren und zugleich kulturell-administrative Zentren mit internationaler Bekanntheit darstellen, sind Veliko Tarnovo und Ingolstadt ebenfalls administrative und wirtschaftliche Zentren mit ausgeprägtem touristischem Potenzial. Allen vier Städten ist ein reiches kulturelles Erbe, eine Vielzahl historischer Sehenswürdigkeiten sowie das Vorhandensein akademischer Institutionen gemeinsam. Die Verbindung von unterschiedlicher Größenordnung und divergierenderen kulturellen Kontexten bei gleichzeitig vergleichbaren administrativen und institutionellen Funktionen schafft eine geeignete Grundlage für eine kontrastive Analyse deutscher und bulgarischer lexikalischer Einheiten bzw. ihrer Rolle bei der Präsentation der Städte als touristische Destinationen auf den jeweiligen Internetauftritten. Das Ziel des Beitrags ist also zu illustrieren, wie Wörter und Ausdrücke als Werbemittel in der digitalen Städtewerbung eingesetzt werden, damit die beworbenen Städte Reiselust bei den Homepage-Benutzern provozieren können.

Durch die kontrastive Herangehensweise werden die kulturellen Unterschiede bei der Wahl und der Kombination der lexikalischen Einheiten mit weiteren visuellen Elementen zum Vorschein kommen, was sich auch auf die verfolgte Werbestrategie auswirkt. Um den Bezug zwischen Werbestrategie und Funktion der lexikalischen Einheiten ermitteln zu können, wird das Sechs-Funktionen-Modell von Roman Jakobson (1960) herangezogen, das im Folgenden dargestellt wird.

1. Sprachfunktionen im Kommunikationsmodell von Roman Jakobson (1960)

Das Modell von Jakobson[2] stützt sich auf das dreigliedrige Organon-Modell der Sprache von Karl Bühler (1934). Auf der Grundlage der Elemente des Kommunikationsprozesses (Nachricht, Sender, Empfänger, Kontaktmedium, verbaler und nonverbaler Kode) unterscheidet Jakobson sechs verschiedene Funktionen der Sprache, vgl.:

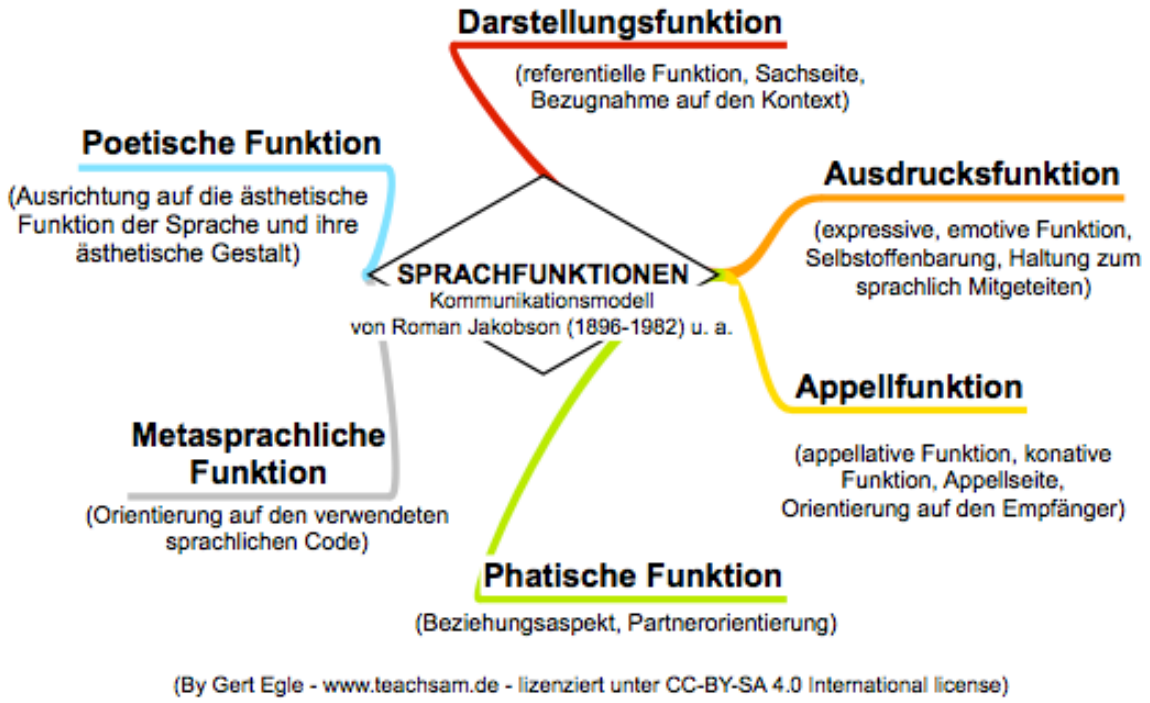

Bild 1

Aus dem Schema ist ersichtlich, dass die referenzielle Funktion den Bezug der Sprache auf die Welt ausdrückt. Die expressive bzw. emotive Funktion verbindet sich mit der Sprechereinstellung zum Mitgeteilten. Die phatische Funktion dagegen betrifft das Kontaktmedium. Es geht darum, wie die Aufmerksamkeit der Adressaten zu wecken ist. Die appellative, auch konative Funktion zeigt, wie man mit der Sprache auf die Adressaten einwirken kann, wie sie zur Handlung animiert werden. Die Fähigkeit der Sprache auf einer Metaebene über Sprache selbst zu reden, macht die metasprachliche Funktion der Sprache aus. Die poetische Funktion äußert sich in der Verwendung bestimmter rhetorischer Mittel und syntaktischer

[2] Vgl. https://teachsam.de/deutsch/d_lingu/pragm/pragm_kom_3_5.htm

Strukturen. Sie ist allerdings nicht nur auf poetische bzw. literarische Texte begrenzt, sondern ist auch in der Alltagskommunikation zu finden[3].

Diese sechs Sprachfunktionen kommen meistens nicht isoliert voneinander vor, jedoch dominiert bei der Sprachverwendung nur eine von ihnen. Auch in der Werbekommunikation beobachtet man die Kombination von Sprachfunktionen. Eine zentrale Rolle spielen hier die emotive, die appellative und die poetische Funktion, da die Werbesprache nie neutral ist und für Stimmung, Atmosphäre und Motivation sorgt.

2. Funktionen der Werbesprache

In ihrem Arbeitsbuch „Werbesprache" unterscheidet Janich (2003: 73 – 85) zwischen Textfunktion und persuasiven Funktionen der Sprache. Die Werbesprache verbindet die Autorin mit der appellativen Textsorte „Werbeanzeige", die „die obligatorischen Texthandlungen ‚über Existenz und Beschaffenheit des Produkts informieren' und ‚zum Kauf/zur Nutzung des Produkts bewegen wollen' kombiniert" und daher informative und appellative Textfunktionen erfüllt.

Die persuasiven Funktionen der Werbesprache beruhen nach Janich auf dem Modell des Persuasionsprozesses (der persuasiven Wirkung der Stilmittel der Werbesprache) von Stöckl (1997: 71). Sie untergliedern sich in folgende Teilfunktionen:

- Aufmerksamkeit und Interesse aktivierende Funktion: Auffällige Wörter und typographische Mittel sollen die Aufmerksamkeit und das Interesse der Rezipienten wecken bzw. es aufrechterhalten.
- Verständlichkeitsfunktion: Die Werbebotschaft soll möglichst verständlich gestaltet werden.
- Akzeptanzfunktion: Alltagssprachliche oder fachsprachliche Ausdrücke verschaffen Glaubwürdigkeit und beeinflussen die Einstellungen der Rezipienten zu einer Sache positiv, sodass sie das beworbene Produkt im Endeffekt akzeptieren.
- Erinnerungsfunktion: Die Erinnerung an die Botschaft und den Werbetext wird durch bestimmte Stilelemente wie Wiederholungen, Reim, Alliteration erleichtert.
- Vorstellungsaktivierende Funktion: Die Vorstellungskraft der Rezipienten wird durch spezielle Gestaltungsmittel und anschauliche Formulierungen aktiviert und gesteuert.
- Ablenkungs- bzw. Verschleierungsfunktion: Bestimmte Stilmittel können die Rezipienten von der Werbe- und Überredungsabsicht

[3] Ebd.

ablenken, damit sie aufgeschlossener gegenüber vorgebrachten Argumenten sind.
- Attraktivitätsfunktion: Der Werbetext soll zum intellektuellen Vergnügen führen bzw. die Rezipienten amüsieren (ebd.).

Janich vermerkt aber, dass diese Teilfunktionen erst im Zusammenspiel sprachlicher und visueller Strategien einzelnen Stilmitteln zugewiesen werden können.

Auch Held (2019) verweist darauf, dass Sprache in der Destinationswerbung einer der wichtigsten Identitätsmarker ist und Shibboleth-Funktion hat. Sie evoziert, charakterisiert, repräsentiert und reproduziert den Raum ‚buchstäblich' – einerseits durch Namen, Bezeichnungen und Attribute, andererseits durch die Übernahme lokaler Sprachformen, typischer Phrasen oder Dialektelemente. Auf diese Weise wird sprachlich eine Authentizität konstruiert, die die Stadt als einzigartigen kulturellen Raum inszeniert.

3. Funktion der lexikalischen Einheiten in der digitalen Städtewerbung

Lexikalische Einheiten übernehmen auf touristischen Webseiten spezifische kommunikative Aufgaben. Sie dienen nicht nur der Orientierung, sondern auch der emotionalen und ästhetischen Rahmung des digitalen Erlebnisses. Sie fungieren einerseits als Navigationsmittel, d.h. sie kommen als Benennungen von Rubriken vor und werden durch Hyperlinks zu Navigationsinstrumenten der Website. So wird Sprache selbst zu einem Medium der Bewegung durch den digitalen Raum. Andrerseits sind die lexikalischen Einheiten wichtige Gliederungsmittel. Durch klar strukturierte Menüs, Unterrubriken und Fußzeilen ermöglichen sie eine intuitive Navigation und schaffen inhaltliche Ordnung. Im Zusammenwirken mit visuellen Elementen (Farben, Fotografien, Typografie) kommt ihre Werbefunktion zustande. Als Werbemittel erfüllen sie zugleich phatische, emotive, appellative und referenzielle Funktion, wodurch Städte erlebbar, glaubwürdig und attraktiv erscheinen.

Im Folgenden werden die Ergebnisse aus der durchgeführten Analyse der touristischen Homepages der deutschen Städte Berlin und Ingolstadt sowie der bulgarischen Städte Sofia und Veliko Tarnovo dargestellt. Es wird gezeigt, dass die Werbefunktion der lexikalischen Einheiten durch die kommunikative und kulturelle Strategie der jeweiligen Website bedingt ist.

4.1. Funktion der Lexik auf der Homepage von Berlin (https://www.berlin.de/tourismus/)

Die touristische Homepage Berlins nutzt eine Vielzahl lexikalischer Mittel, um die Stadt als offene, vielfältige und dynamische Metropole zu präsentieren. Bereits die Wortverbindung „*Zu Gast in Berlin*“ stellt eine symbolische Einladung dar. Durch die Kombination mit einem Panoramabild wird Nähe und Zugehörigkeit suggeriert. Die Formulierung besitzt eine phatische und emotive Funktion, da sie den potenziellen Besucher in eine dialogische Beziehung mit der Stadt bringt. Die neutrale Farbgestaltung der Buchstaben signalisiert Inklusivität und unterstreicht, dass keine spezifische Zielgruppe bevorzugt wird.

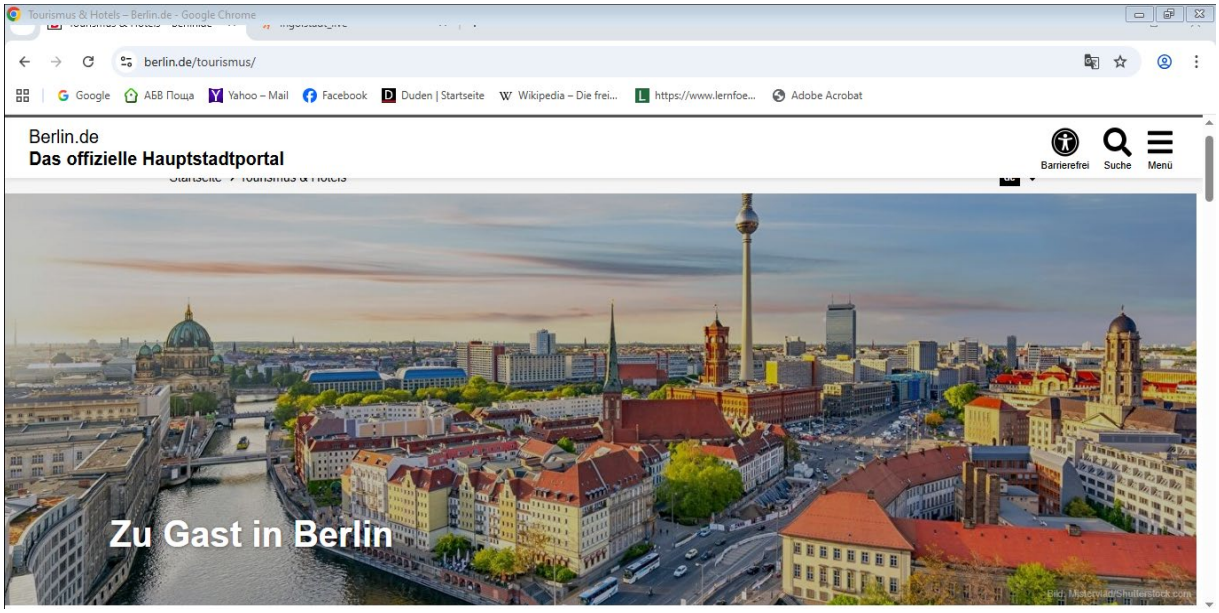

Bild 2

Im Content-Bereich wird die lexikalische Struktur als Orientierungssystem eingesetzt. Komposita und Wortgruppen wie „*Sehenswürdigkeiten*“, „*Berlin-Informationen*“, „*Touren durch Berlin*“, „*Insider-Tipps*“ dienen als Navigationsmarker und Werbeakzente, die zugleich semantische Gewichtung erzeugen.

Die Gradierung lexikalischer Einheiten („*Top-Sehenswürdigkeiten*“, „*Die wichtigsten Sehenswürdigkeiten*“, „*Highlights unter den Sehenswürdigkeiten*“) verweist auf das Prinzip der graduellen Verstärkung, das typisch für werbende Texte ist. Solche elativen und superlativen Formen schaffen eine hierarchische Ordnung der Attraktionen und lenken die Aufmerksamkeit auf besonders hervorzuhebende Elemente. Die Wiederaufnahme von Wörtern mit Akzentverschiebung wie „*Die*

wichtigsten Sehenswürdigkeiten Berlins“, „*Berlins Sehenswürdigkeiten*“ unterstreicht ebenfalls die Exklusivität der Stadt.

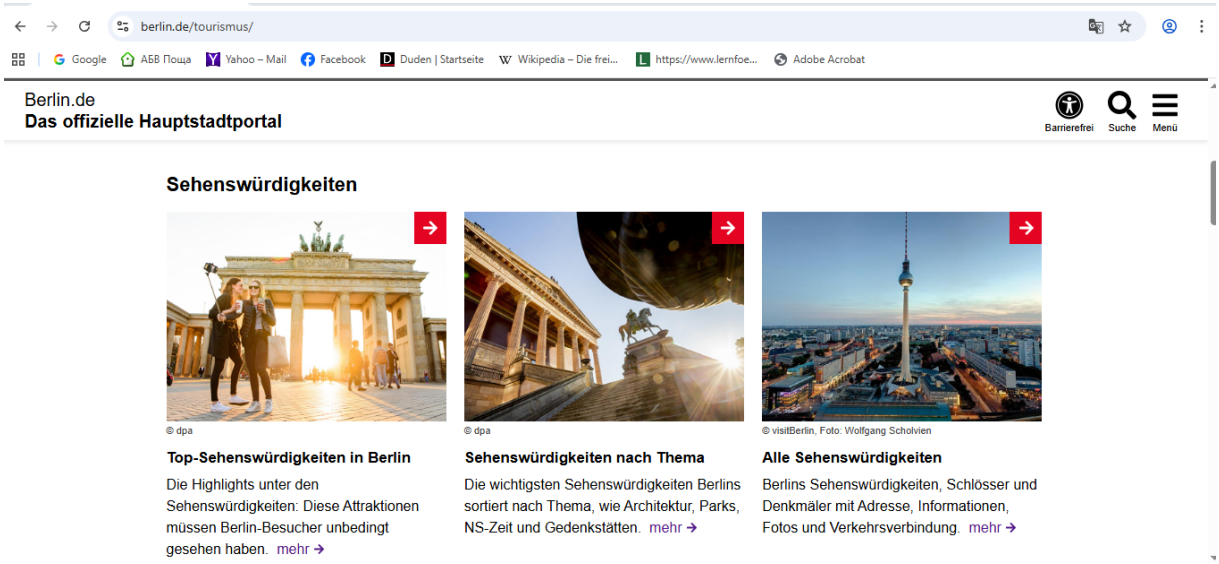

Bild 3

Die lexikalischen Einheiten im Bereich „*Touren durch Berlin*“ zeigen zudem eine taxonomische Organisation (Gattung–Art-Beziehung), die der informativ-referenziellen Funktion dient. So bilden „*Dampferfahrten, Stadtrundfahrten, Führungen mit Guide*“ Unterkategorien des Oberbegriffs. Wiederholungen und Varianten („*Berlin entdecken*“, „*Tipps zur selbst organisierten Stadtrundfahrt*“) wirken als Erinnerungssignale und verstärken die appellative Wirkung.

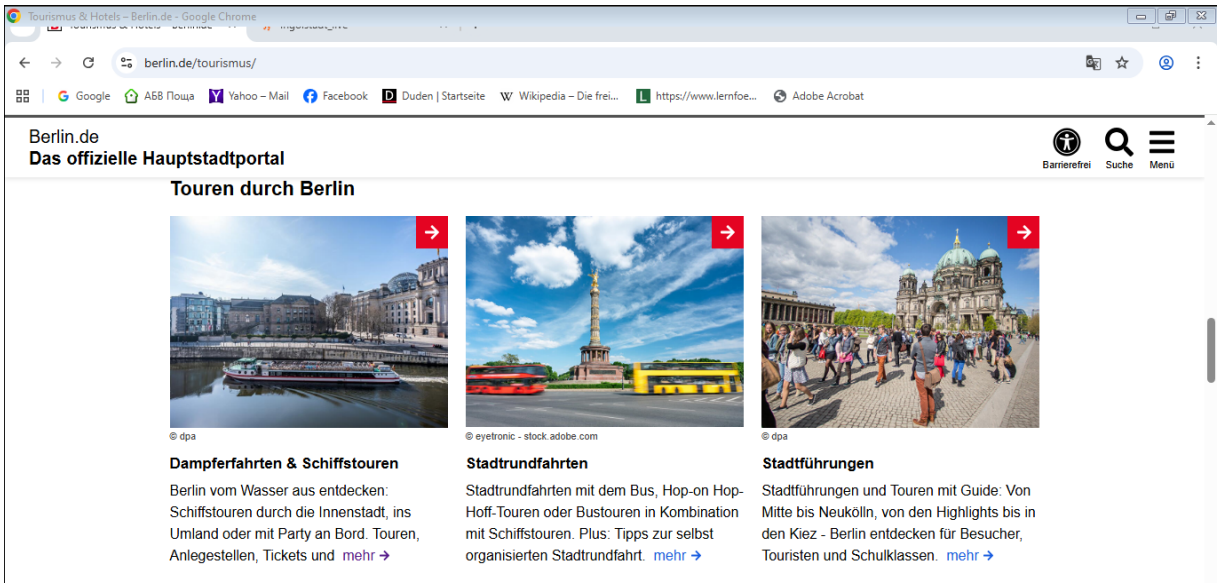

Bild 4

Die Unterrubrik „*Insider-Tipps*“ gliedert die Zielgruppen nach Interessen, vgl. „*Berlin für Abenteurer, Weltverbesserer, Romantiker, Träumer*“. Diese lexikalischen Einheiten sind emotional und bildhaft, sie aktivieren kollektive Stereotype und schaffen eine Typisierung des Touristen. Um die Touristen in Spannung zu halten, wird erneut Gradierung und Wiederholung von lexikalischen Einheiten als Werbestrategie eingesetzt, vgl. „*Abenteuer in Berlin erleben: Ungewöhnliche Orte, Lost Places, neue Perspektiven und unvergessliche Erlebnisse. Ideen und Orte. Ungewöhnliche Orte und neue Ideen für Berlin-Besucher abseits der ausgetretenen Pfade*“.

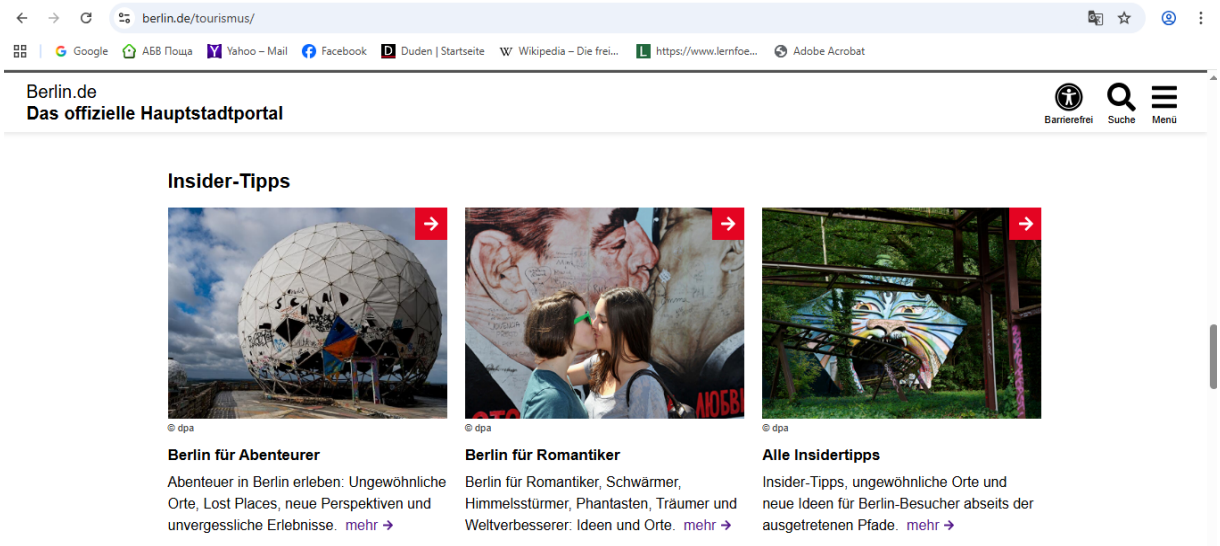

Bild 5

Verben wie „*erleben*“ und „*entdecken*“ besitzen eine zentrale Appellfunktion. Sie erscheinen in prominenter Position (Überschriften, letzte Inhaltsbereiche) und rahmen den gesamten Contentblock als semantische Handlungseinheit. Pronomen mit evaluativer Bedeutung („*Tiere aus aller Welt*“, „*Platz für alles*“) sowie metaphorische Ausdrücke wie „*Gartenkultur in Vollendung*“ betonen die Vielfältigkeit und die Größe der Stadt und steigern die ästhetische Wirkung.

Auch intertextuelle Bezüge verstärken die kulturelle Tiefenschicht. So verweist der Ausdruck „*Streifzüge für Flaneure*“ auf Walter Benjamins Konzept des Flaneurs als Symbol urbaner Wahrnehmung. Mit dem Wort „*Hauptstadt*“, das den Rahmenschluss der werbenden Bild-Text-Kombinationen im Contentbereich bildet und „das neue Gefühl einer romantischen Stadtschaft“[4] impliziert, wird Berlin als Ort der modernen

[4] Vgl. https://de.wikipedia.org/wiki/Flaneur

Stadtkultur präsentiert, die zwischen Tradition und Erlebnisraum schwankt. Dies wird stets durch die Bilder bekräftigt. Die Bildersprache hat in diesem Kontext eine denotative Funktion mit persuasiver Wirkung, denn das, was verbal ausgedrückt wird, wird mit einem visuell ähnlichen Relatum parallel dargestellt.

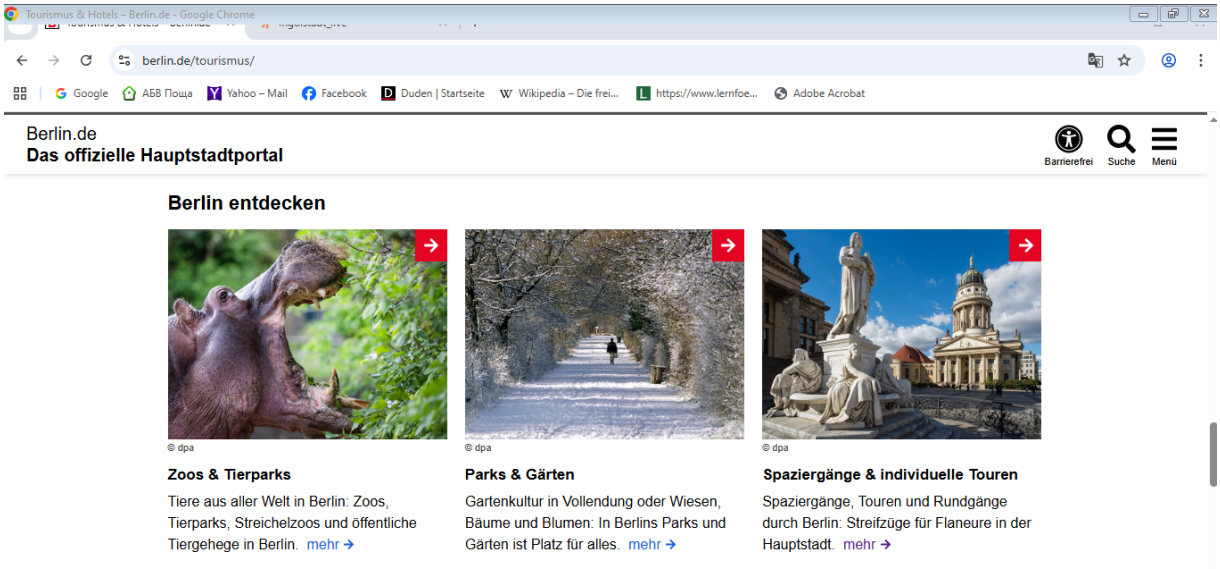

Bild 6

4.2. Funktion der Lexik auf der Homepage von Ingolstadt (https://ingolstadt.live/)

Die Homepage von Ingolstadt verfolgt eine stärker interaktive Kommunikationsstrategie, die durch den Satz „*Schön, dass du da bist!*“ markiert wird. Diese Begrüßungsformel erzeugt eine simulierte Gesprächssituation und adressiert den Besucher direkt. In Verbindung mit dem Chatbot „*Viktor*“ wird die Stadt personifiziert. Die Sprache fungiert hier als Mittel zur emotionalen Kontaktaufnahme und Verhaltenslenkung.

Die lexikalische Gestaltung der Startseite nutzt dabei textuelle und visuelle Kohärenz, vgl. „*Herbst in Ingolstadt*“, kombiniert mit Farbgestaltung und Naturmotiven. Landschaftsbeschreibungen wie „*Bunte Bäume, Nebelschwaden über der Donau und sonnige Herbsttage*“ schaffen eine synästhetische Verbindung zwischen Wort und Bild. Adjektive und Präpositionalphrasen in gradierender Struktur („*vom Altstadtbummel über den Spaziergang entlang des Künettegrabens bis zu vielfältigen Indoor-Aktivitäten*“) vermitteln Fülle und Vielfalt, was als implizite Werbestrategie gelesen werden kann. Der werbende Appell-Charakter der lexikalischen Einheiten kommt noch stärker zum Ausdruck im Satz „*Ingolstadt hat zu jeder Jahreszeit etwas zu bieten*“.

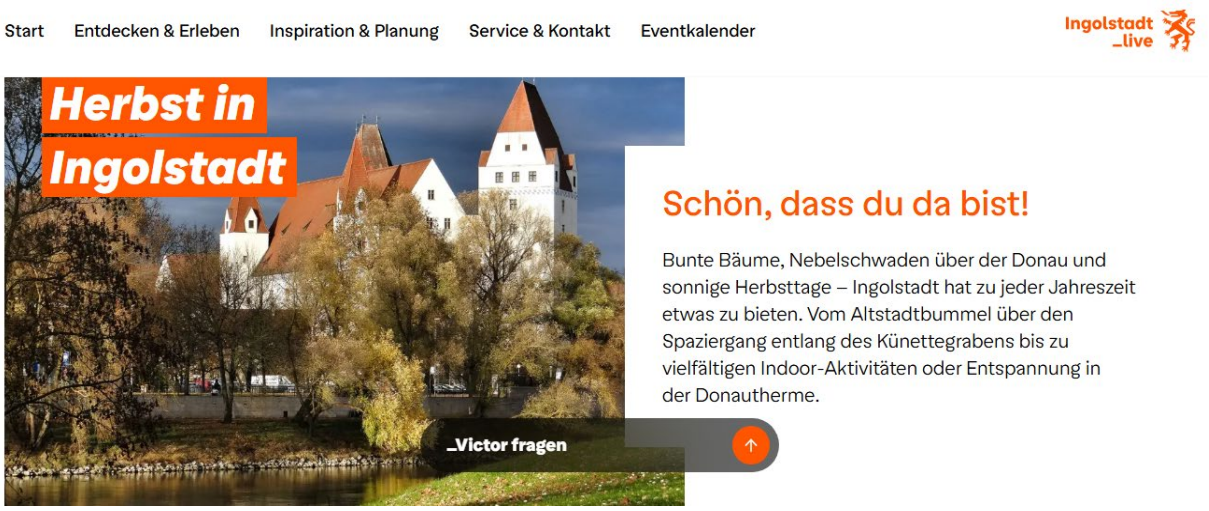

Bild 7

Ins Auge fällt dennoch der Gebrauch der Verben „*entdecken – erleben – inspirieren*“, die sich wie ein roter Faden durch die ganze Webseite ziehen und die einzelnen Rubriken in allen Bereichen als Handlungsangebot strukturieren. Diese semantische Triade steht im Einklang mit dem imperativischen Satz „*Lass dich inspirieren*“ und spricht direkt die Seitenbenutzer an. Die Frage „*Was möchtest du heute in Ingolstadt machen?*“ und die anschließende Selbstverpflichtung „*Wir helfen dir, die richtige Entscheidung zu treffen*“ erzeugen eine dialogische Textorganisation, die den Rezipienten als Akteur in die Kommunikation einbindet. Der abschließende Wunsch „*Viel Vergnügen!*“ fungiert als phatische Wunschformel mit latentem Handlungsappell.

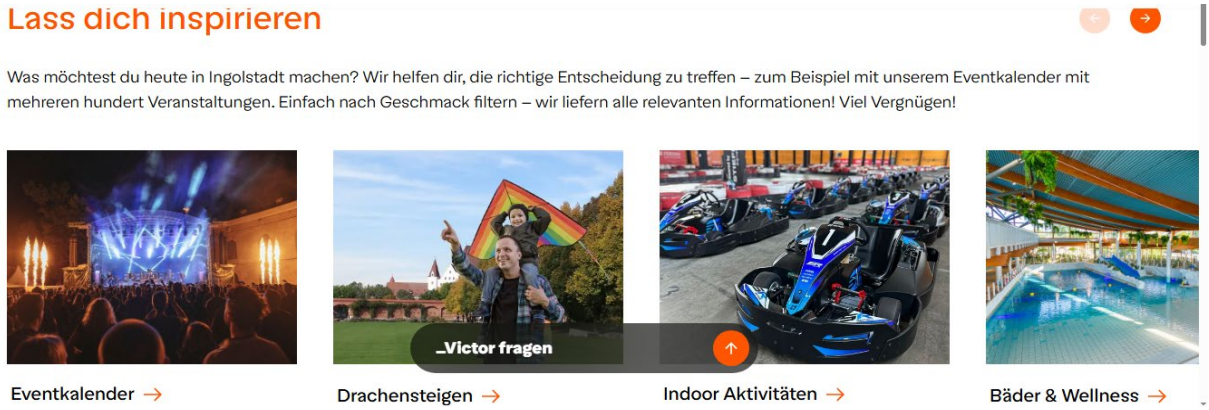

Bild 8

Die thematischen Rubriken („*Eventkalender*“, „*Bäder & Wellness*“, „*Drachensteigen*“, „*Indoor Aktivitäten*“) zeigen einen systematischen Einsatz von nominalen Schlüsselwörtern als Orientierungsmittel und Werbesignale. Sie erscheinen als Untertitel in den Bild-Text-Kombinationen bei der Darstellung des Touristenangebots und haben eine

informative und zugleich werbende Funktion, wobei sie verschiedene Adressatengruppen anvisieren. Die textuelle Entwicklung der Schlüsselwörter impliziert verbale und nominale Phrasen sowie Anglizismen zur Hervorhebung der verschiedenen Freizeitaktivitäten, die Modernität und jugendliche Dynamik vermitteln, vgl. „*Wissen was abgeht in Ingolstadt*“, „*in idyllischer Kulisse auf der großen Wiese im Klenzepark südlich der Donau*“, „*Escape Room*“, „*Lasertag*“, „*Kart fahren und Co.*“, „*Rutschen in der Donautherme*“, „*Schwimmen im Sportbad*“ usw.

Die Wiederholung der verbalen Wortgruppe „*Entdecken und erleben*“ aus der oberen Menüleiste bei der Benennung des letzten Inhaltsbereichs dient zur Einführung eines weiteren Werbetextes, in dem die Schlüsselwörter nach dem Gradationsprinzip geordnet sind und kohäsive semantische Ketten bilden, vgl.: „*Audi, Frankenstein, Illuminaten, Reinheitsgebot, Bayerische Landesfestung – über 1.200 Jahre Geschichte liefern eine Menge Geschichten. Mit unseren Rundgängen kannst du Ingolstadt zu jeder Jahreszeit erleben. Bei unseren Stadttouren jede Menge Geheimnisse und die Museen sind voller Überraschungen.*“ Während die Wiederholung von gleichstrukturierten Wortgruppen mit variierendem Verstärkungslexem die Einbildungskraft der Rezipienten provoziert, stimuliert die explizite Aufforderung „*Ingolstadt erleben*“ ihr Identifikationsgefühl.

Viele von den oben erwähnten Lexemen („*Ingolstadt*“, „*Geschichte*“, „*Museen*“, „*Überraschungen*“) werden in den Rubriken „*Sehenswürdigkeiten*“ bzw. „*Museen & Ausstellungen*” wiederaufgenommen und durch Gradadjektive und Gradsubstantive als Erstglieder von Komposita hervorgehoben. Durch Wechslung der kategorialen Bedeutung erfolgt die Personifikation der Stadt (z.B. „*Ingolstadt überrascht mit seinen Top-Museen.*“).

Bild 9

Bild und Text ergänzen sich einander und verknüpfen Informationswert und Werbefunktion. Die Stadt wird zum attraktiven Markenprodukt stilisiert durch:

- Rekurrenz zentraler Begriffe (wie schon oben erwähnt);
- Metapher – Personifikation (z. B. „*Ingolstadt blickt auf eine reichhaltige Geschichte.*“);
- Exklusivität markierende attributive Phrasen (z. B. „*klassische und spezielle Führungen mit zertifizierten Guides*“);
- adressatenakzentuierende Nominalphrasen (z. B. „*Routen für Naturfans, Stadtentdecker und Genusswanderer*“);
- Phrasen, die auf Stadterkundung auf eigene Faust anspielen (vgl. „*kostenlose Touren durch die Stadt*“).

4.2. Funktion der Lexik auf der Homepage von Sofia (https://www.sofia.bg/en/web/tourism-in-sofia/)

Die touristische Webseite von Sofia präsentiert sich als sachlich-informative Plattform mit starker visueller Komponente. Die wechselnden Fotos von Sofia, die unmittelbar nach dem oberen Menübereich kommen, haben den einzigen Werbeeffekt, ansonsten erfüllt das eingesetzte Bildmaterial denotative oder navigierende Funktion. So bilden die lexikalischen Einheiten zusammen mit den Piktogrammen eine hypertextuelle Einheit, die der Navigation dient und touristenspezifische Informationen enthält, vgl. „*София*“, „*Транспорт*“, „*Настаняване и хранене*“, „*Забавления и отдих*“, „*Фотогалерия*“, „*Полезна информация*“ (Sofia, Verkehrsmittel, Unterkunft und Verpflegung, Unterhaltung und Erholung, Fotogalerie, Nützliche Information).[5]

[5] Die Übersetzung der Beispiele ist von mir.

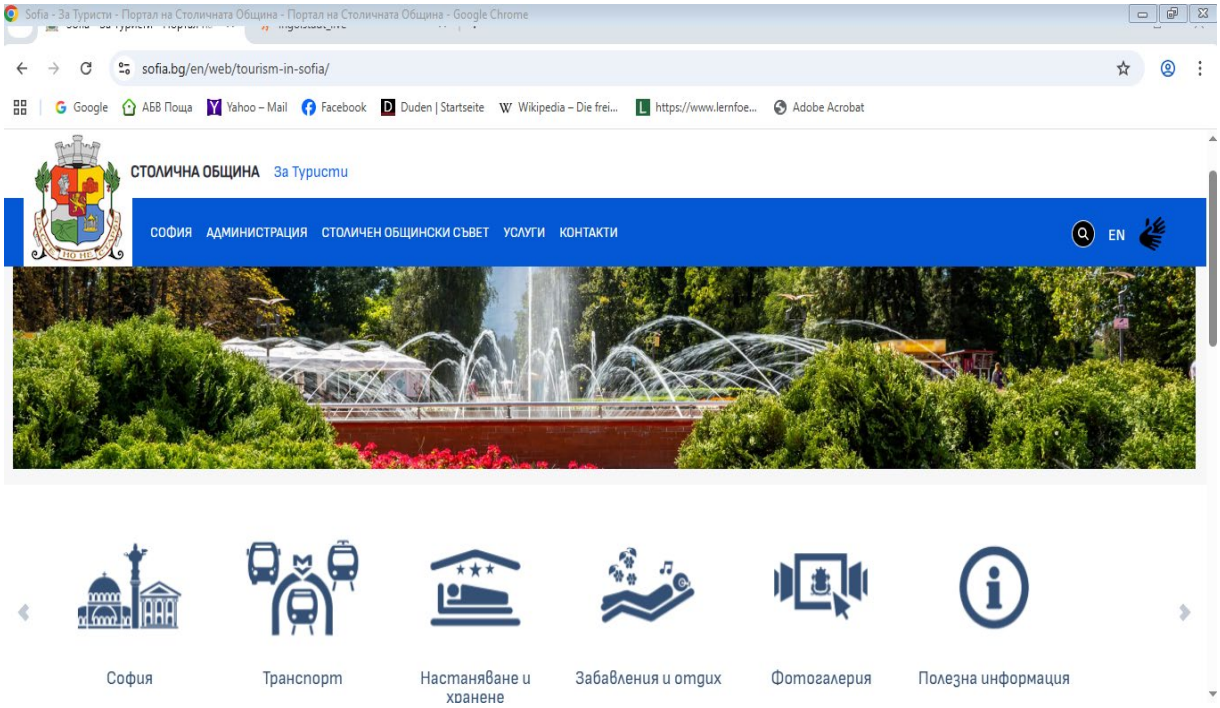

Bild 10

Im Contentbereich, welcher aus Text-Bild-Kombinationen in grau-schwarzer Nuance besteht, dienen die lexikalischen Einheiten der informativen Orientierung der Rezipienten und erfüllen primär referenzielle Funktion. Sie benennen konkrete kulturelle und historische Entitäten und fungieren als Identitätsmarker (vgl. Held 2019), die die Autorität der Hauptstadt betonen, z. B. „*Храмовете на религиите в София*“ (Die Tempel der Religionen in Sofia), „*Софийското светогорие*“ (Der Heilige Berg von Sofia), „*Площад СЛАВЕЙКОВ*“ (Der Slaweikow-Platz), „*ГАЛЕРИЯ ЗА ЧУЖДЕСТРАННО ИЗКУСТВО*“ (Die Galerie für ausländische Kunst), „*КНЯЖЕСКИЯТ ДВОРЕЦ*“ (Der Fürstenpalast), „*Национална библиотека СВ. СВ. КИРИЛ И МЕТОДИЙ*“ (Die Nationalbibliothek ST. CYRIL UND ST. METHODIUS), „*Сградата на БЪЛГАРСКА АКАДЕМИЯ НА НАУКИТЕ*“ (Das Gebäude der BULGARISCHEN AKADEMIE DER WISSENSCHAFTEN), „*Археологически музей*“ (Archäologisches Museum).[6] Die Auswahl und die Anordnung der Elemente richten sich nach dem Prinzip der Gradation und der Kontrastierung, was auch in der topographischen Gestaltung Ausdruck findet.

[6] Die Übersetzung der Beispiele ist von mir.

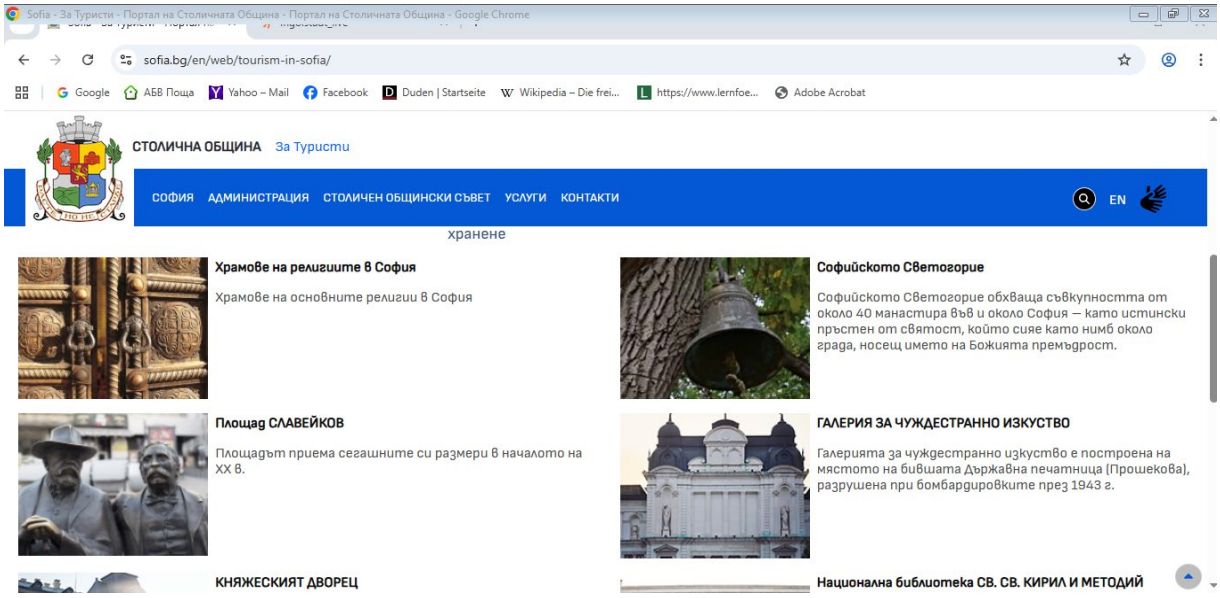

Bild 11

Die Seitengestaltung zeigt deutlich, dass bedeutende Monumente prominent platziert werden bzw. dass die Sehenswürdigkeiten thematisch einander gegenübergestellt sind. Die Textbausteine sind meist nominal, elliptisch und kurz, was eine Art von Annotation ergibt, ähnlich den Objektbeschriftungen in den Museen. Dadurch entsteht eine sachlich-dokumentarische Atmosphäre, die den Bildungswert des Tourismus hervorhebt, vgl. „*КНЯЖЕСКИЯТ ДВОРЕЦ*“: *Сградата е изградена преди Освобождението – през 1873 г.* („Der Fürstenpalast“: Das Gebäude wurde vor der Befreiung im Jahre 1873 errichtet.)[7].

Die persuasive Dimension liegt weniger in expliziten Appellen, sondern in der impliziten Wertcodierung durch die Auswahl der Objekte. Pathetisch wirkt nur die Beschreibung des Heiligen Bergs von Sofia und kann daher als indirekte Aufforderung zum Besuch der Stadt angesehen werden. Die einzige Wortverbindung mit Appellstruktur erscheint im Fußzeilenmenü, vgl. „*Посети София*“ („Visit Sofia“). Hier verdichtet sich der gesamte kommunikative Zweck der Seite – die Stadt wird als Symbol nationaler Kontinuität präsentiert, an der sich Geschichte, Religion und Kultur der bulgarischen Nation kreuzen.

[7] Die Übersetzung der Beispiele ist von mir.

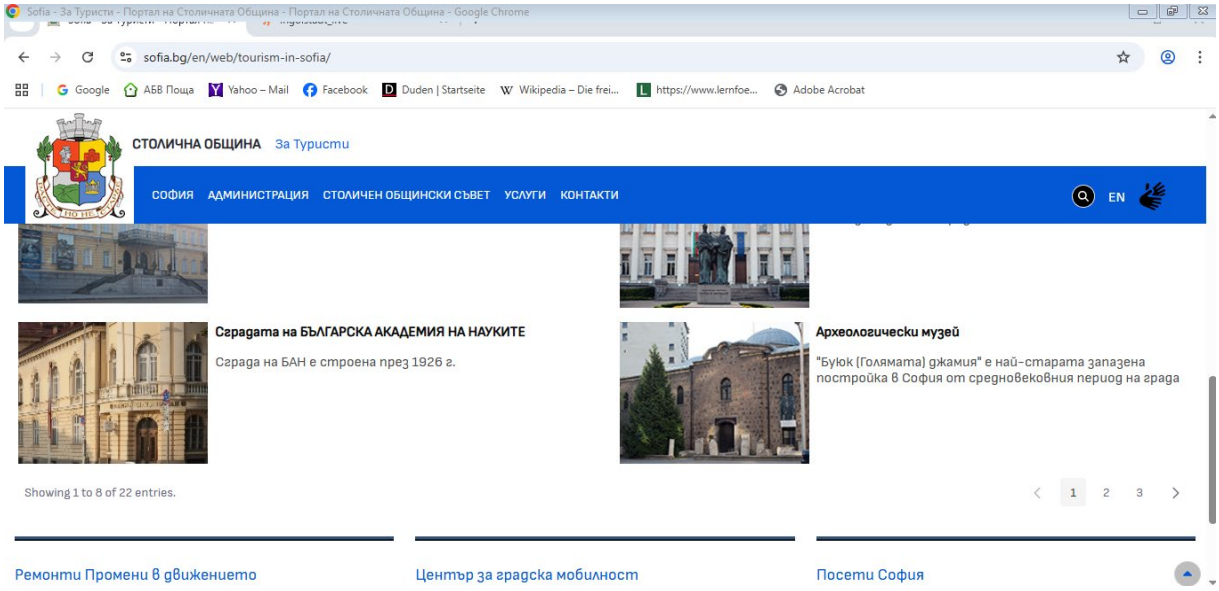

Bild 12

4.3. Funktion der Lexik auf der Homepage von Veliko Tarnovo (https://www.veliko-tarnovo.bg/bg/kultura-i-turizam)

Bereits die Startseite von Veliko Tarnovo verknüpft Bild und Text zu einer kohärenten semantischen Einheit, die als Blickfänger wirkt. Die eingebauten lexikalischen Einheiten haben einerseits referierende Funktion als interaktive Navigationsmittel und andererseits appellative Funktion in den Unterschriften, die als Werbeslogans fungieren, vgl. „*Велико Търново – Динамичен и модерен европейски град*“ („Veliko Tarnovo – Dynamische und moderne europäische Stadt), „*Усети духа на старата столица*“ („Spüre den Geist der alten Hauptstadt“).[8] Diese Formulierungen vereinen Modernität und historische Vergangenheit und sprechen den Besucher sowohl emotional als auch kulturell an.

[8] Die Übersetzung der Beispiele ist von mir.

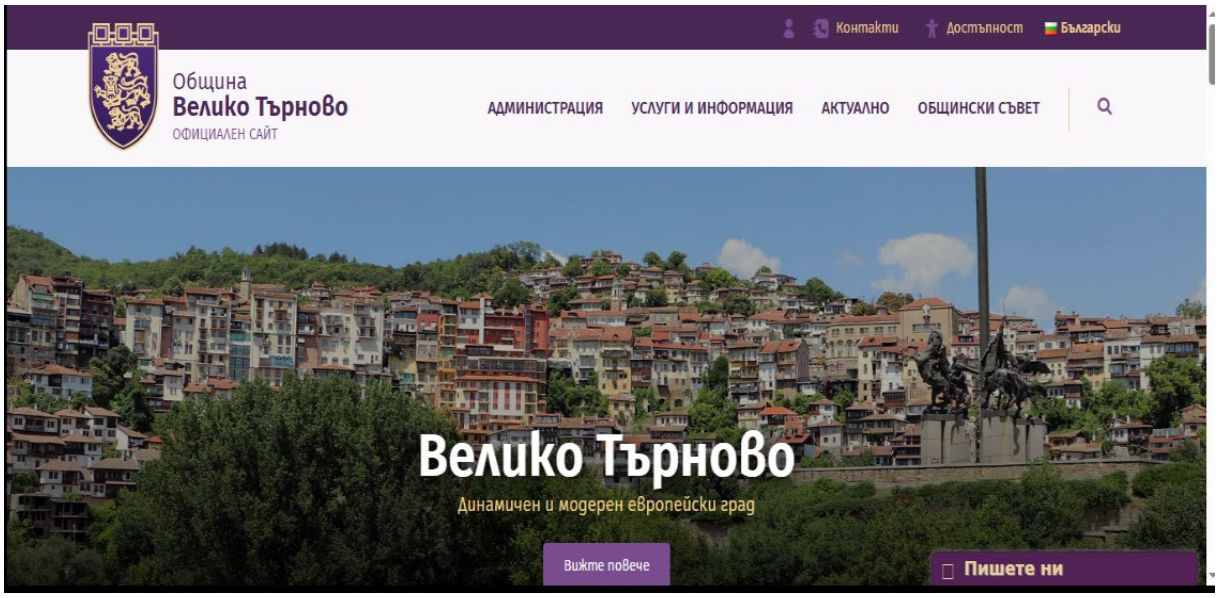

Bild 13

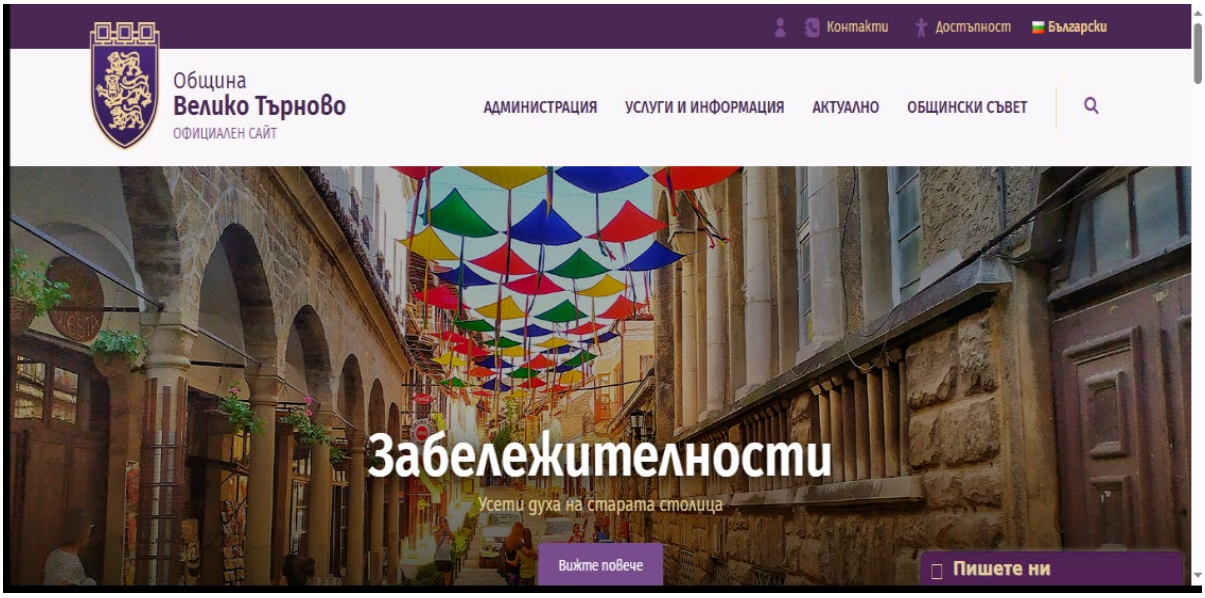

Bild 14

Die touristische Homepage mit dem Bild von Zarewets, dem Wahrzeichen von Veliko Tarnovo, kombiniert Emotionalität und Informativität. Die lexikalischen Einheiten benennen Navigationsrubriken im horizontalen Menü, die dann im vertikalen Seitenmenü wiederaufgenommen und weiter ausgebaut werden, vgl. *Забележителности*, *Културни събития*, *Екотуризъм*, *Проекти и програми* (Sehenswürdigkeiten, Kulturveranstaltungen, Ökotourismus, Projekte und Programme). Dabei trägt die visuelle Hervorhebung durch die Lila-Farbe eine kulturelle Konnotation – Symbol des mittelalterlichen Zarenhofes und somit Identitätsanker der Stadt.

Als Werbeakzente fungieren die drei Rubriken: *Регионален исторически музей – Велико Търново*, *Спектакълът „Царевград Търнов – звук и светлина“*, *Посети Велико Търново* (Regionales Geschichtsmuseum – Veliko Tarnovo, Die Show „Tsarevgrad Tarnov – Ton und Licht“, Besuchen Sie Veliko Tarnovo). Referierende Funktion haben die lexikalischen Einheiten in den ersten zwei Rubriken, die letzte Rubrik enthält einen expliziten Imperativ und repräsentiert den deutlichsten Werbeappell.

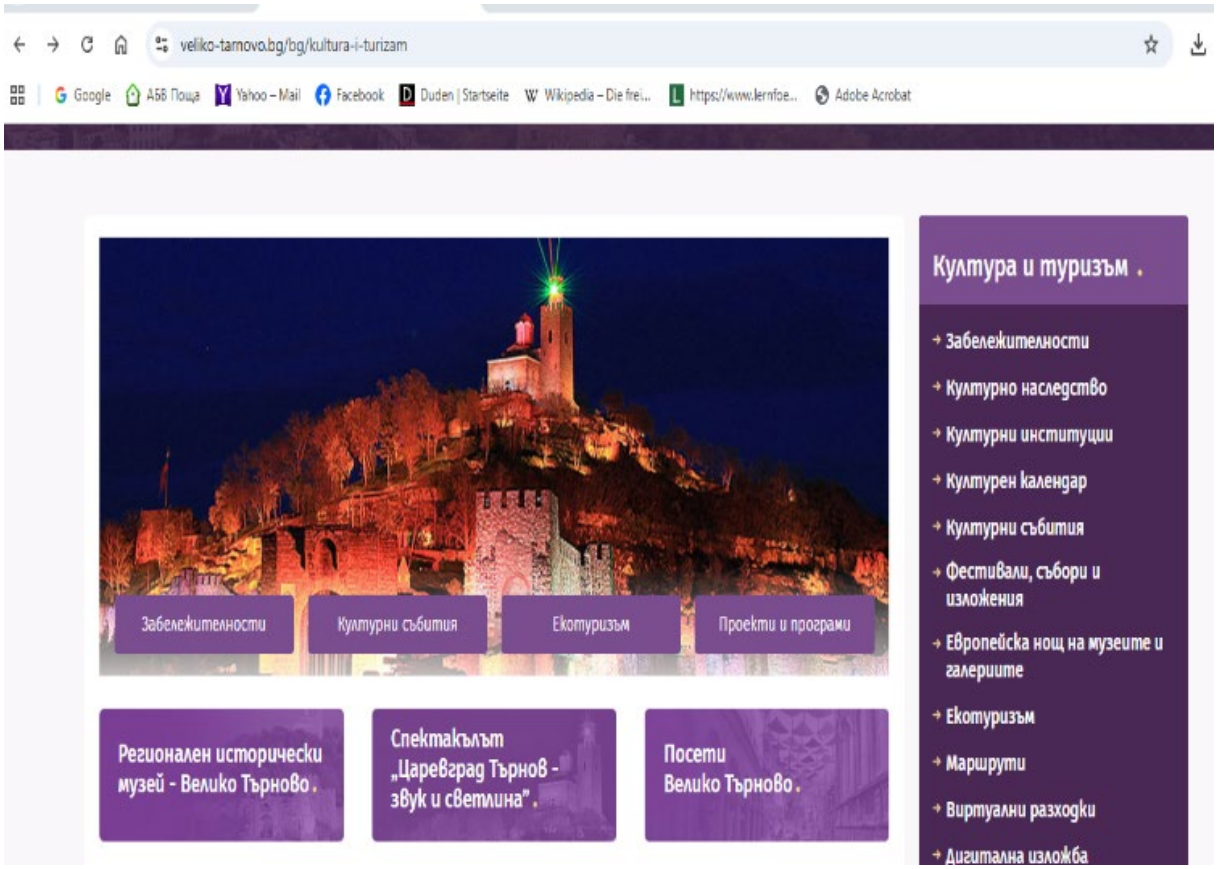

Bild 15

Die lexikalischen Einheiten dienen ebenfalls der Gliederung des Contentbereichs in drei Inhaltsbereiche: *Администрация*, *Новини*, *Акценти* (Verwaltung, Nachrichten, Akzente).

Zwischen dem ersten und dem zweiten Inhaltsbereich ist ein textueller Werbeblock platziert ohne jegliches Bildmaterial, aber mit lexikalischen Einheiten mit referierender Funktion, d. h. in der Rolle von Identitätsmarkern.

Bei der werbenden Darstellung der Stadt treten pathetische und personifizierende Ausdrücke auf, vgl. „*Старопрестолният град Търново пази уникални съкровища на историческата памет*“ („Die

alte Hauptstadt Tarnovo bewahrt einzigartige Schätze des historischen Gedächtnisses“), „*Символ на възхода на Средновековна България са паметникът „Асеневци“ (издигнат през 1985 г. по случай 800-годишнината от въстанието на Асен и Петър) и спектакълът „Звук и светлина“…*“ (Ein Symbol für den Aufstieg des mittelalterlichen Bulgariens sind das Denkmal „Asenevtsi“ (errichtet 1985 anlässlich des 800. Jahrestages des Aufstands von Asen und Peter) und die „Ton- und Lichtshow “ auf dem Hügel Zarewets…). Solche Formulierungen erzeugen eine mythisierende Narration, die die Stadt als Träger nationaler Erinnerung konstruiert. Zur Verstärkung der emotionalen Wirkung werden Adjektive mit evaluativer Funktion gebraucht wie „*невероятна гледка*“ (unglaubliche Aussicht), „*атрактивна разходка*“ (attraktive Spaziergänge), „*неповторимо преживяване*“ (einmaliges Erlebnis). Der Einsatz von Modalverben mit deontischer bzw. dynamischer Bedeutung (z. B. „*трябва да посетят*“ (müssen besuchen) bzw. „*могат да се насладят*“ (können genießen)) ist adressatenorientiert und schafft zudem eine rhetorische Verpflichtung der Touristen.

5. Fazit

Die durchgeführte Vergleichsanalyse zeigt, dass die Homepages von Berlin und Ingolstadt eine stärker dialogisch-interaktive und appellative Werbestrategie verfolgen, die den Rezipienten emotional anspricht und zur aktiven Handlung auffordert. Die lexikalischen Einheiten sind dynamisch und erfüllen folgende Funktionen:

- phatische Funktion (bei der Kontaktaufnahme und dem Interessewecken);
- emotive Funktion (bei der Vermittlung vom Teilhabe- bzw. Zugehörigkeitsgefühl, verstärkt durch typographische und visuelle Elemente);
- appellative Funktion (realisiert durch Gradierung und Wiederholung von Elementen);
- referenzielle Funktion (bei der Benennung und Darstellung der einzelnen Rubriken).

Die Homepages von Sofia und Veliko Tarnovo hingegen betonen die kulturell-historische Authentizität und verwenden Lexik mit hoher referentieller Dichte und pathetischer Aufladung. Die Werbewirkung entsteht hier primär durch symbolische und kulturelle Konnotationen, weniger durch direkte Appelle. Die lexikalischen Einheiten haben:

- phatische bzw. emotive Funktion (bei Interesse wecken durch Werbeslogans auf der Homepage von Veliko Tarnovo und wechselnde Fotos auf der Homepage von Sofia);
- referenzielle Funktion (bei der Benennung der einzelnen Rubriken und der expliziten Darstellung der Sehenswürdigkeiten von Sofia und Veliko Tarnovo als Identitätsmarker);
- appellative Funktion (bei der Benennung der Rubriken „*Посети София*“, „*Посети Велико Търново*“ und bei der pathetischen Darstellung von Veliko Tarnovo);

Abschließend ist festzuhalten, dass die Lexik in der digitalen Städtewerbung eine interkulturell variable Werbefunktion aufweist. Während die deutsche Städtewerbung mehr auf Emotionalität und Handlungsaktivierung setzt, überwiegen in der bulgarischen Städtewerbung die symbolische Historizität und die kulturellen Topoi. Die beiden Strategien zeigen, dass die lexikalischen Einheiten nicht nur ästhetisches Stilmittel, sondern auch ein zentrales Marketinginstrument darstellen. In diesem Sinne könnten die Ergebnisse aus der durchgeführten Analyse zur Optimierung der kulturellen Selbstrepräsentation der Städte auf den jeweiligen Homepages genutzt werden. Dabei wären Lexik mit stärkerer appellativer Funktion und emotional markierte Ausdrucksweisen zu verwenden (insbesondere auf der Homepage von Sofia), um die Nutzer besser anzusprechen und zugleich ein Gleichgewicht zwischen Informativität und Überzeugungskraft herzustellen. Darüber hinaus könnte die vorliegende Untersuchung als Ausgangspunkt für weitere pragmatische Analysen dienen, in deren Rahmen auch andere kulturelle Modelle verglichen werden könnten, um anschließend kulturspezifisch adaptierte Versionen der jeweiligen Websites zu entwickeln. Von Interesse wäre es zudem, die Veränderungen in der Dynamik der Lexik in der städtischen Printwerbung und in der digitalen Städtewerbung zu untersuchen.

LITERATUR

Janich 2003: Janich, N. *Werbesprache: ein Arbeitsbuch.* Narr-Studienbücher. Tübingen: Narr, 2003.

Stöckl 1997: Stöckl, H. *Werbung in Wort und Bild. Textstil und Semiotik englischsprachiger Anzeigenwerbung. Europäische Hochschulschriften* // Reihe 14, Angelsächsische Sprache und Literatur. Bern, Berlin, Bruxelles, Frankfurt am Main, New York, NY, Oxford, Wien: Lang, Vol. 336, 1997, 417 – 427.

ONLINEQUELLEN

Egle 2025: Egle, G. Kommunikationsmodelle. Sprachfunktionen Roman Jakobson (1896 – 1982). 23.09.2025. <https://teachsam.de/deutsch/d_lingu/pragm/pragm_kom_3_5.htm> (10.11.2025).

Held 2019: Held, G. Destinationswerbung. Zur Image-Konstruktion von touristischen Räumen durch multimodale Inszenierung von Identitätsmarkern. 2019. <https://www.degruyter.com/document/doi/10.1515/tw-2019-0008/html?srsltid=AfmBOopJhZlhcyxK83Td7huHWBUKOl6YeC0l40BWSQq00IJZZyxN_XDg > (10.11.2025).

<https://de.wikipedia.org/wiki/Flaneur> (10.11.2025).

<https://www.berlin.de/tourismus/> (10.11.2025).

<https://ingolstadt.live/> (10.11.2025).

<https://www.sofia.bg/en/web/tourism-in-sofia/ > (10.11.2025).

<https://www.veliko-tarnovo.bg/bg/kultura-i-turizam> (10.11.2025).

ПЛОВДИВСКИ УНИВЕРСИТЕТ „ПАИСИЙ ХИЛЕНДАРСКИ“ – БЪЛГАРИЯ
НАУЧНИ ТРУДОВЕ, ТОМ 63, КН. 1, СБ. Б, 2025 – ФИЛОЛОГИЯ,
PAISII HILENDARSKI UNIVERSITY OF PLOVDIV – BULGARIA
RESEARCH PAPERS, VOL. 63, BOOK 1, PART B, 2025 – LANGUAGES AND LITERATURE

DOI 10.69085/ntf2026b255

ЛЕКСЕМАТА *BAŞ* В ТУРСКИЯ ЕЗИК: СЕМАНТИКА, ФРАЗЕОЛОГИЧНА ПРОДУКТИВНОСТ И ПРАГМАТИЧНА УПОТРЕБА[1]

Харун Бекир
Пловдивски университет „Паисий Хилендарски“

THE LEXEME *BAŞ* IN THE TURKISH LANGUAGE: SEMANTICS, PHRASEOLOGICAL PRODUCTIVITY, AND PRAGMATIC USE

Harun Bekir
Paisii Hilendarski University of Plovdiv

h_bekir@uni-plovdiv.bg

This paper examines the lexeme *baş* in Turkish by analysing its semantic structure, derivational productivity and role in phraseology and pragmatics. Originating from the core meaning “head,” *baş* develops an extensive network of concrete and abstract senses reflected in numerous derivatives, compounds and idiomatic expressions. Through cognitive-semantic and pragmalinguistic analysis, the study highlights how *baş* encodes cultural models related to leadership, hierarchy, emotional states and interpersonal relations, making it a key element of the Turkish lexical system.

Key words: *baş*; semantics; phraseology; pragmatic functions; Turkish language

[1] Това изследване е финансирано от Европейския съюз – NextGenerationEU, чрез Националния план за възстановяване и устойчиво развитие на Република България, проект ДУЕКОС BG-RRP-2.004-0001-C01 (ДУЕКОС D24-FlF-005).

1. Увод

Лексемата *baş* заема централно място в лексикалната и семантичната структура на турския език и се отличава с висока степен на многозначност, продуктивност и участие в словообразувателни процеси. Изхождайки от първичното си значение „глава“ в анатомичен смисъл, *baş* разгръща богата мрежа от конкретни и абстрактни значения, реализирани както в самостоятелна употреба, така и в рамките на съставни лексеми и устойчиви изрази. Поради широкия си семантичен обем лексемата е в основата на редица тематични полета, като начало, лидерство, пространствена ориентация, социална йерархия, личностни характеристики, емоционални състояния и междуличностни отношения. Това ѝ придава статут на ключов семантичен елемент в турската езикова система.

Особен интерес предизвиква участието на *baş* във фразеологичния фонд на съвременния турски език. Фразеологизмите представляват устойчиви езикови единици с цялостно, често метафорично значение, надхвърлящо формалната сума от значенията на съставящите ги елементи. В този контекст лексеми, означаващи части от човешкото тяло, сред които *baş* заема особено продуктивно място, функционират като важен носител на културно маркирани когнитивни и емоционални структури (Кьовечеш 2002; Доброволски и Пиирайнен 2009). Фразеологичните конструкции с компонента *baş* изразяват разнообразни когнитивни (напр. *başı dönmek* – „завива ми се свят; замайвам се“), емоционални (напр. *başı belaya girmek* – „да си навлека неприятности; да изпадна в беда“), социални (*baş eğmek* – „навеждам глава; подчинявам се, покорявам се; проявявам уважение или смирение“) и оценъчни (*baş tacı etmek* – „почитам високо; ценя много; поставям някого/нещо на пиедестал“) значения. Те се характеризират с висока експресивност и притежават ясно изразена прагматична функция в различни комуникативни ситуации (Яйлагюл 2016: 45).

Настоящото изследване има за цел да анализира семантиката, фразеологичната продуктивност и прагматичната употреба на лексемата *baş* в съвременния турски език. Акцентът се поставя върху неговата структурна специфика, семантична категоризация и дискурсивна реализация. Изследването се основава на съвременни фразеологични и тълковни речници (Аксой 2005; Юртбашъ 2013; Türk Dil Kurumu 2021), корпусни ресурси и автентични текстови примери от медийния и литературния дискурс. Методологическият подход комбинира елементи на когнитивно-семантичен анализ и прагмалингвистика с цел да се изясни

не само езиковото функциониране на разглежданите единици, но и тяхната културна обусловеност и комуникативна роля.

2. Семантични особености на лексемата *baş* в турския език

Лексемата *baş* в турския език притежава многопластова семантична структура, която включва както конкретни, така и абстрактни значения. Първичното ѝ значение се свързва с анатомичната част на човешкото или животинското тяло, обхващаща мозъка, очите, ушите, носа и устата. Освен това *baş* обозначава лидер или ръководител на определена група или институция, например в израза *Cumhurbaşkanı devletin başıdır* („Президентът е глава на държавата“). Друга важна семантична реализация на тази лексема е свързана с обозначаването на начало – както в темпорален смисъл (напр. *hafta başı* – „начало на седмицата“, *ay başı* – „начало на месеца“, *yılbaşı* – „нова година, новогодишна нощ“), така и в пространствен аспект (*satır başı* – „нов ред“).

Освен като индикатор за начало *baş* функционира и като носител на значението „същина“ или „основен елемент“ – *Gücün, erdemliğin, bilimin, her şeyin başı paradır, para* („Силата, добродетелта, науката – всичко започва с парите, парите“). В топографски план обозначава най-високата точка на даден терен (*dağın başı* – „върхът на планината“ или „планинският връх“, *tepenin başı* – „върхът на хълма“), а в контекста на формата и структурата на предметите се отнася до закръглените им краища (*toplu iğne başı* – „главичката на карфица“). Друго пространствено значение на *baş* е „край, крайна точка“ на обект или място (*merdiven başı* – „горният край на стълбището“).

Лексемата *baş* изпълнява и функцията на мерна единица при изброяване на животни и някои храни, например *yirmi baş koyun* („двадесет овце“), *üç baş soğan* („три глави лук“). Семантичната ѝ гъвкавост се проявява и в значението на „близост, околност“ (*havuz başı* – „край басейна“).

В сферата на спорта, особено в традиционните турски борби като *yağlı güreş* и *karakucak* („традиционни мазни борби“), терминът обозначава най-високата категория състезатели (*başa güreşmek* – „боря се за първото място“ или „меря се с най-добрите“). В морската терминология *baş* означава предната част на плавателния съд.

Наред с горепосочените значения съществува и вариантът *baş (II)*, който обозначава връхчето на цирей, като по този начин демонстрира още едно специфично значение на тази многозначна лексема в турския език.

Лексемата *baş* в турския език е изключително продуктивна и служи за основа при образуването на множество деривати, които обхващат широк спектър от семантични полета – природни явления, професии, действия, качества и степени на постижения. Тези деривати се образуват чрез различни словообразователни суфикси. Един от тях е *başak*, който означава „клас“ (на житно растение) и произлиза от *baş* в смисъл на „връх“ или „върхна част“.

Друг дериват е глаголът *başarmak*, който означава „успявам“, „постигам успех“. Той произлиза от лексемата *baş* в значението на „водач“, „първенство“ и е свързан с концепцията за преуспяване и заемане на водеща позиция. Към семантичното поле на успеха и неговите степени спадат и образуваните от този глагол лексеми: *başarı* – „успех“, *başarılı* – „успешен“, и *başarısız* – „неуспешен“.

Интересна е лексемата *başka*, която означава „друг, различен“. Тя е етимологично свързана с първоначалното значение на *baş* като „глава“, но в контекста на семантичната еволюция придобива преносно значение на „нещо, което се различава от останалото“.

Друга група деривати е свързана с ръководни функции и звания, сред които *başkan*, означаващо „председател, ръководител“. Лексемата произлиза от *baş* в значението „водач, лидер“, от която е мотивирана лексемата *başkanlık*, което означава „председателство“. Тези термини са свързани с концепцията за управление и социалната йерархия.

От *baş* е образуван десубстантивният глагол *başlamak*, което означава „започвам“. Това производно запазва основното значение на *baş* като „начало, старт“. От него се образуват форми като *başlatmak* – „да накарам нещо да започне“ (каузатив) и *başlangıç* – „начало, старт“. Тези лексеми формират динамично семантично поле, което обозначава началото на действия или процеси, подчертавайки връзката на *baş* с концепцията за старт и инициативност и разширявайки употребата на лексемата в различни дискурсивни контексти.

От същия корен са образувани прилагателното *başlıca* и съществителното *başlık*, които допълнително разширяват семантичния потенциал на лексемата *baş*. *Başlıca* означава „основен“, „главен“ и подчертава значимостта на даден елемент в рамките на определена система или структура. От своя страна *başlık* притежава широка полисемия и може да означава „заглавие“, „капак“, „забрадка“, а в определени контексти – „зестра“ в традиционния социален бит. Тази богата семантична продуктивност на лексемата *baş* я утвърждава като ключов елемент в турската лексикална система, способна да формира нови значения и термини в различни комуникативни и културни контексти.

Всички разгледани примери показват деривационен потенциал на основата в турския език, като съчетават основни значения, напр. „глава“, „водач“ и „начало“, с разнообразни деривационни механизми: суфиксация, композиция и конверсия. Деривацията чрез номинативни, адективни, глаголни, каузативни и пасивни суфикси обуславя формирането на богата лексикална система от производни, които съхраняват семантичната връзка с корена, като същевременно реализират разнообразни смислови нюанси.

Направеният семантичен анализ на композитите и дериватите с лексемата *baş*, при който са ексцерпирани общо 223 композита и 78 устойчиви словосъчетания от Тълковния речник на Турското езиково дружество (*Türk Dil Kurumu*), разкрива широка гама от значения, които могат да бъдат групирани в няколко основни семантични полета, свързани с анатомията, лидерството, социалните роли, местоположението, количествените отношения, както и характеристиките и състоянието на даден обект или субект. Тази многозначност и висок деривационен потенциал открояват *baş* като една от ключовите лексеми в турския език.

В категорията на анатомичните и физиологичните термини попадат *başağrısı* („главоболие“; в преносен смисъл – „човек или ситуация, които постоянно създават неприятности“), *baş ağrısı* („главоболие“) и *başparmak* („палец“). Тези думи отразяват пряката връзка на *baş* с човешкото тяло и неговите състояния.

Лидерските и йерархичните значения се реализират в композити като *başbakan* („премиер“), *başkan* („председател“), *başkomutan* („главнокомандващ“), *başsavcı* („главен прокурор“), *başhekim* („главен лекар“), *başmühendis* („главен инженер“), *başkahraman* („главен герой“), *başimam* („главен имам“), *başrahip* („главен свещеник“), които подчертават ръководната роля в различни институционални и социални структури.

В категорията на професиите и социалните роли се включват *başantrenör* („главен треньор“), *başaktör* („главен актьор“), *başgarson* („главен сервитьор“), *başhemşire* („главна медицинска сестра“), *başoyuncu* („главен играч“), *başöğretmen* („главен учител“) и *başyazar* („главен редактор“). Тези лексеми обозначават водещата фигура в дадена професионална среда.

Местоположението и ориентацията се представят чрез термини като *başaltı* („предната част под горната палуба на кораб – каюта на екипажа“), *baş ucu* („посоката или мястото, където се поставя главата при лягане.; съвсем близо до някого, непосредствено до него“), *başköşe* („почетно място“), *başkent* („столица“), *baştan kara* („безразсъдно“) и

baş aşağı („надолу с главата“). Те отразяват както физическата ориентация, така и метафоричното значение, свързано със загуба на контрол или хаотичност.

В областта на количествените и разпределителните съотношения се включват *adam başına* („на всеки отделен човек; за всеки един; на човек“), *kişi başına* („на глава от населението“), *parça başına* („за всяка част; за всеки отделен елемент“), *tek başına* („сам; самостоятелно; насаме; индивидуално“), *bir başına* („сам; самостоятелно; без ничия помощ“) и *çocuk başına* („на дете; за всяко дете“). Тези изрази играят важна роля в езиковото кодиране на статистически и социални съотношения.

Характеристиките и състоянието на субекта се изразяват в композити като *başıboş* („безнадзорен; безделен; свободен, без цел или посока“), *başı dertte* („в беда“), *başı dik* („гордо; с изправена глава; самоуверено“), *başı kalabalık* („зает, натоварен“), *başı havada* („разсеян; лекомислен; с глава в облаците“), *başı örtülü* („със забрадка“), *başına buyruk* („независим, без да се съобразява с другите“), които описват както физически, така и абстрактни характеристики на даден индивид.

Семантичният анализ показва, че *baş* е корен, който чрез композитни образувания участва в назоваването на понятия, свързани с йерархия, професии, физиология, местоположение, социални отношения и характеристики, като така обогатява лексикално-семантичната (под)система на турския език.

3. Анализ на фразеологизмите с компонент *„baş“*

Фразеологизмите, дефинирани като устойчиви словосъчетания с идиоматично значение, което не може да се изведе от значенията на отделните им компоненти (Доброволски и Пиирайнен 2009: 15 – 18), заемат важно място както в общата лингвистика, така и в турската езикова традиция, където се обозначават с термина *deyim*, подчертаващ съответно тяхната преносност и функционална стабилност (Гюнеш 2012: 44 – 46). Класификациите на фразеологизмите варират – от частично устойчиви съчетания до идиоми и поговорки (Глезер 1984: 36 – 40), по отношение на турския език Аксан (Аксан 2000: 172) изтъква идиоматичността, синтактичната цялост и емоционалната натовареност на тези езикови единици.

Особено значими са фразеологизмите с телесни компоненти като *baş* („глава“), които чрез метафорични и метонимични трансформации отразяват абстрактни понятия и социални отношения (Яйлагюл 2016: 48) като част от универсалната, но културно специфична когнитивна

рамка на тялото (Кьовечеш 2002: 58 – 63). Семантичният и прагматичният анализ на тези изрази изисква внимателно разглеждане на тяхната цялостна идиоматична стойност, контекстуална вариативност и културна обусловеност (Доброволски и Пирайнен, 2009: 77 – 84; Филмор и др. 1988: 501 – 503). От прагматична гледна точка турските фразеологизми изпълняват разнообразни комуникативни функции – оценъчни, емоционално-експресивни, идентификационни и др. Така например *başına buyruk olmak* („човек, който постъпва както желае, без да иска разрешение от никого; самоволен, своеволен“) демонстрира как чрез един фразеологизъм може да се изрази независимост и непокорство в зависимост от контекста (Яйлагюл 2016: 60).

Фразеологичните единици, съдържащи лексемата *baş*, се отличават с висока честота на употреба, разнообразие от синтактични структури и богата семантика. Лексемата *baş* се употребява както с първичното си анатомично значение, така и с редица преносни значения, свързани със социален статус, личностни характеристики, отношение и психо-физични състояния. В рамките на изследването са ексцерпирани общо 180 фразеологизъма с тази лексема от Тълковния речник на Турското езиково дружество (*Türk Dil Kurumu*). Анализът в следващия раздел ще проследи структурните, семантичните и прагматичните особености на подбрани фразеологизми.

3.1. Структурен анализ

Фразеологизмите с компонент *baş* в турския език демонстрират широка структурна вариативност, която се проявява както на синтактично, така и на морфологично равнище. В основата си тези устойчиви изрази формират предимно глаголни и именни конструкции, но могат да се срещнат и в адвербиални или посесивни структури. Структурният анализ е от съществено значение, тъй като разкрива механизмите на свързване между компонентите и определя синтактичната функция на фразеологизма в изказването.

На първо място, значителна част от фразеологизмите с *baş* са глаголни словосъчетания, в които *baş* функционира като пряко и непряко допълнение, подлог или част от съставно сказуемо. Примери за такива конструкции включват: *başını alıp gitmek* – „да избягам, да напусна внезапно“; *başını derde sokmak* – „да си навлече неприятности“; *başını kaşıyacak vakti olmamak* – „да съм изключително зает“; *baş koymak* – „да се посветя изцяло“; *baş eğmek* – „навеждам глава; подчинявам се, покорявам се; проявявам уважение или смирение“; *başkaldırmak* – „да се разбунтувам“.

Тези глаголни фразеологизми могат да са транзитивни (*başını derde sokmak*) или интранзитивни (*baş döndürmek* – „очаровам, впечатлявам силно; поразявам, главозамайвам“), а също така да се използват и в пасивни или реципрочни конструкции (*başı belaya girmek* – „да си навлека неприятности; да попадна в беда или проблеми“). Около тези конструкции често се появяват модални и времеви показатели, които специфицират аспектуалните, темпоралните и модалните характеристики на фразеологичните значения.

Освен глаголните изрази се наблюдават и значителен брой именни фразеологизми, в които *baş* участва в съчетания със съществителни имена или в посесивни конструкции. Например: *baş belası* – „създаващ тревога, проблем или страдание; неприятен, досаден, мъчителен“; *baş tacı* – „нещо изключително ценно или уважавано“; *başköşe* – „най-важното или най-престижното място; централно, почетно място“; *baş ucu* – „мястото, където се поставя главата при лягане; много близо до някого; в непосредствена близост“).

Такива изрази функционират като номинативни конструкции и често се включват в по-големи синтактични единици, запазвайки своята идиоматична цялост.

Интерес представляват и случаите на адвербиални и предикативни конструкции, в които *baş* участва в структурни единици, обозначаващи състояние или начин на действие: *kendi başına* – „сам, самостоятелно“; *baş üstüne* – „разбрано, с готовност“, често с функция на ритуален отговор за пълно съгласие или готовност да се изпълни нещо; *baş başa* – „насаме“; *baş aşağı* – „с главата надолу“.

Тези конструкции са особено интересни, защото разкриват гъвкавостта на *baş* като лексикален компонент, който може да изпълнява адвербиална функция, уточнявайки начина, степента или отношението, с които се реализира действието.

От позиционна гледна точка лексемата *baş* заема инициална (*baş döndürmek*, *baş ağrısı olmak*, *baş koymak*, *baş kaldırmak*) или медиална (*bir işin başında olmak*, *kendi başına buyruk olmak*, *aklı başına gelmek*) позиция в рамките на израза.

Не на последно място, структурните разновидности могат да се разширяват чрез модификатори и идиоматични добавки: *baş aşağı gitmek* – буквално „да вървя с главата надолу“ → преносно: „да се влошавам“; *baş göz yarmak* – „да се сбия, да предизвикам насилие“; *başına taş yağmak* – иронично или гневно пожелание: „да го сполети беда“; *baş göz etmek* – „да оженя, да задомя някого“.

Този тип сложни фразеологични конструкти, включително с двоен телесен компонент (*baş-göz*), засилват експресивността и културната маркираност на израза (Яйлагюл 2016: 61).

3.2. Семантичен анализ

Семантичният анализ на фразеологизмите с компонент *baş* разкрива сложна система от значения, изградена върху телесната метафора за главата като символ на разум, власт, идентичност и емоционално състояние. Лексемата *baş* в своето основно, денотативно значение „глава“ служи като изходна точка за редица метафорични и метонимични преноси, които оформят идиоматичния потенциал на множество устойчиви изрази. Тези значения не са произволни, а отразяват универсалната тенденция, посочена от Лейкоф и Джонсън (1980: 19 – 22), според която телесният опит се използва като база за концептуализиране на абстрактни понятия.

Въз основа на лексикографски и корпусни наблюдения фразеологизмите с *baş* могат да се групират в няколко основни семантични полета.

3.2.1. Когнитивни и физиологични състояния

Голям брой фразеологизми в турския език отразяват ментални и физически състояния, в които *baş* – „глава“ – функционира като символ на съзнание, разум, психическа стабилност или липса на такава. Главата, възприемана като център на възприятията и мисловните процеси, се явява основен компонент в редица устойчиви изрази, натоварени с оценъчно значение.

Например изразът *başı dönmek* („да се замая“) може да се използва както в буквален смисъл – при физическо неразположение, така и в преносен план – за внезапно и силно емоционално въздействие: *güzelliğinden başım döndü* („от красотата ѝ ми се зави свят“). От своя страна *baş ağrısı olmak* („създавам непрекъснати неприятности; „главоболие“ съм за някого“) преминава от соматичен симптом към оценъчно преносно значение, означаващо човек или ситуация, създаващи тревоги, стрес или досада. Изразът често се използва с негативна конотация: *Bu iş tam bir baş ağrısı oldu.* („Тази работа стана истинско главоболие“).

Изразът *başı yerine gelmek* буквално означава „главата ми да дойде на мястото си“ и се използва за описание на човек, който е уравновесен, разумен и взема трезви решения. Такъв човек се възприема като стабилен и надежден в поведението си, притежаващ вътрешен баланс и осъзнатост. Противоположното качество е изразено чрез фразеологизма *başı havada olmak*, чието буквално значение е „да бъда с глава

в облаците“. Този израз характеризира индивид, който е разсеян, непрактичен или с откъснато от реалността поведение, а понякога дори с надменно или самонадеяно отношение. В зависимост от контекста *başı havada olmak* може да се преведе като „витая в облаците“, „самонадеян съм“ или „високомерен съм“, като всяко от тези значения подчертава липсата на трезва преценка на действителността и отсъствието на житейски реализъм.

Значението „вътрешна промяна, озарение или осъзнаване“ се съдържа във фразеологизма *aklı başına gelmek* („да проумее ситуацията и да започне да мисли трезво“), който обикновено маркира преход от състояние на объркване или наивност към рационално мислене. Подобна емоционална и социална оценка носи и изразът *başıboş kalmak*, който се използва за лица без надзор, ангажименти или чувство за отговорност. Той може да изразява както освобождаване от задължения, така и отсъствие на дисциплина: *Çocuk başı boş kaldı mı, her yaramazlığı yapar* („Когато едно дете остане без надзор, прави всякакви бели“).

Тези фразеологизми не само илюстрират менталните и поведенческите нагласи, но и играят важна роля в езиковата репрезентация на ценностни представи в турската култура. Те често носят ясно изразени оценъчни значения – положителни, когато изразяват желани състояния (разум, осъзнатост), и отрицателни, когато сочат към липса на контрол, непрактичност или създаване на проблеми.

3.2.2. Емоционални състояния и междуличностни отношения

Фразеологизмите с компонент *baş* в тази група разкриват богата палитра от емоционално наситени междуличностни отношения. Те придават нюанси на обич, преданост, уважение, но също така могат да изразят тревожност, раздразнение или дори враждебност. Един от най-позитивно натоварените изрази е *baş tacı etmek* – буквално „да направия някого корона на главата си“, което означава дълбоко уважение, почит и признателност към даден човек. Противоположно на този жест на емоционална близост и приемане стои изразът *başını alıp gitmek*, който обозначава внезапно напускане, обикновено продиктувано от обида, гняв или решимост за емоционално отдалечаване.

Показателен за интимност и търсене на утеха е фразеологизмът *başını beklemek* – „бдя над някого; стоя неотлъчно до него (най-често болен или нуждаещ се); грижа се внимателно за някого“, който символизира доверие, нежност и нужда от емоционална опора.

От друга страна, някои фразеологизми подчертават прекомерно или натрапчиво внимание. *Başına üşüşmek* описва ситуация, в която

хора се скупчват около някого, често досадно, с прекомерно внимание или настояване. Сходна по емоционално натоварване е и конструкцията *birinin başının etini yemek*, която означава да досаждаш на някого с постоянно, изтощително говорене – буквално „да изям месото на нечия глава“.

Всички тези изрази показват централната функция на лексемата *baş* в езиковото представяне на емоционалната и социалната ангажираност. Главата тук не е просто анатомична част, а символичен център на междуличностната интенционалност – обект на грижа, болка, утеха, раздразнение или уважение.

3.2.3. Социални роли, власт и поведение

Група фразеологизми в турския език се характеризира с употребата на лексемата *baş* като символ на лидерство, социална йерархия и активна или пасивна роля в обществото. В тези изрази *baş* надхвърля своето буквално значение и се превръща в езиков маркер на власт, подчинение, автономия или социална уязвимост.

Изразът *bir işin başı olmak* („начело съм на някакво начинание“) обозначава човек, който ръководи, организира и носи отговорност за дадена дейност, независимо дали тя е професионална, политическа, или семейна. Подобна е и конструкцията *başa geçmek*, която се използва при заемане на ръководна позиция – акт на възкачване или заемане на място с властови заряд.

На противоположния полюс са изрази, които обозначават подчинение или отстъпление пред авторитет. *Baş eğmek* – буквално „да сведа глава“ – символизира приемане на властта на друг, подчинение или смирение пред по-висшестоящ. Противоположно на това значение е *baş kaldırmak* – „да вдигна глава“, т.е. да се разбунтувам или да оспоря установения ред. Така *baş* се явява ос, около която се артикулират значения, свързани с властови позиции и социално поведение.

Фразеологизмът *başını sokacak bir yer* – „място, където да си сложиш главата“, метафорично обозначава минималното условие за физическо и социално оцеляване: подслон, сигурност, възможност за съществуване в рамките на обществото. Този израз подчертава символичната роля на *baş* като белег на социална принадлежност и човешко достойнство.

Към категорията на подчинението и социалния етикет принадлежи и утвърденият отговор *baş üstüne*, който означава „с удоволствие, както повелиш“. Той е идиоматичен израз на готовност да се изпълни

чужда воля и съдържа в себе си уважение, послушание и йерархично осъзнато поведение.

Тези фразеологизми ясно показват как *baş* в турската езикова картина на света символизира не само анатомична реалност, но и социален статус, лидерска позиция или в някои случаи – пълната липса на такава. Чрез него се изразяват отношенията между индивид и колектив, между власт и подчинение, между централност и периферия в обществената структура.

3.2.4. Личностни качества и морални оценки

Лексемата *baş* често участва във фразеологизми, които отразяват положителни или отрицателни личностни характеристики и нагласи, като в същото време съдържат ясно изразена ценностна преценка. Например изразът *başına buyruk olmak* описва човек, който е самоволен, независим и своенравен, а *başı dik gezmek* символизира честност или независимост, като се отнася до личност, която се движи с гордо вдигната глава. От друга страна, редица фразеологизми с *baş* изразяват негативни ситуации или поведения. Така например *başı belada olmak* означава да си в неприятности, докато *başına iş açmak* се използва, когато някой сам си причинява проблеми. Изразът *baş göz yarmak* предава идеята за сбиване или предизвикване на насилие, а *baş yormak* описва вътрешно напрежение и умствена преумора, причинени от прекомерни умствени усилия. Тези конструкции са често срещани в оценъчния и моралния дискурс, където служат за изразяване на отношение към чуждо или собствено поведение.

3.2.5. Съдба, неочаквани събития и трансформация

В тази група фразеологизми с лексемата *baş* попадат изрази, които обозначават неочаквани житейски обрати, промени в съдбата и преживявания, стоящи извън контрола на индивида. Така например *başına gelmek* се използва, когато на някого му се случи нещо лошо, често без негово участие или вина. Подобна е и саркастичната употреба на *başına taş yağmak*, което обозначава преживяване на неочаквано или нежелано неприятно събитие, като акцентът е върху неочакваността или ироничния поглед към случилото се. Изразът *başından geçmek* подчертава, че някой е преживял определени събития, като преживяването често е интензивно и оставя траен отпечатък. А с *başına çorap örmek* се описва съзнателно действие от страна на друг човек, който плете интриги или залага капани, насочени към дадено лице. Общото между тези

изрази е, че *baş* функционира като обект, върху който се проектира външна воля – на съдбата, на другите или на обстоятелствата. Тази пасивна функция е ключова за разбирането на ролята на индивида в турската културна представа за съдбата, която често се възприема като сила извън личния контрол.

Семантичната мрежа на фразеологизмите с *baş* демонстрира богата многопластовост и е културно специфична. В много случаи *baş* служи като концептуален център, около който се изграждат значенията, отразяващи както вътрешния свят на индивида (емоции, мисли, състояния), така и неговите отношения с външния свят (социална йерархия, съдба, междуличностни конфликти). Както отбелязват Доброволски и Пирайнен (2009: 45 – 47), телесните компоненти в идиомите често функционират като културни „ключове“, чрез които се дешифрират по-дълбоки светогледни пластове на езиковата общност.

3.3. Прагматичен анализ

Прагматичният анализ на фразеологизмите с компонент *baş* в турския език показва, че тези устойчиви изрази функционират не само като лексикално-семантични единици, но и като важни средства за постигане на комуникативни цели. Чрез тях говорещият изразява отношение, емоции, оценка, ирония, вежливост или социална позиция, като така модифицира прагматичната рамка на изказването.

Много изрази с *baş* служат за индиректно общуване. Например *başım ağrıyor* може да бъде отказ, молба за оттегляне или сигнал за нужда от съчувствие, а *başıma iş açtım* – признание за грешка или търсене на подкрепа. Част от тези фразеологизми имат ритуализирана употреба и функционират като установени речеви актове: *Baş üstüne!* изразява съгласие и уважение, а *Başın sağ olsun* – формула за съболезнование в рамките на социално очаквана учтивост.

Фразеологизмите с *baş* често придобиват семантични или прагматични нюанси на ирония и сарказъм. Изрази като *Başına taş yağsın!* или *Başın göğe erdi mi?* формално звучат неутрално, но изпълняват ролята на негативна оценка, насмешка или социална корекция. В други случаи те регулират междуличностните отношения – като *başı dik gezmek*, което може да изразява уважение към честността, но и да придобие критично звучене, или хиперболичния *başını kaşıyacak vakti olmamak*, който често оправдава отказ или закъснение и функционира като учтива стратегия (Браун и Левинсън 1987).

Някои фразеологизми отразяват културно вкоренени нагласи спрямо независимостта и социалната подчиненост. *Kendi başına buyruk biri* носи негативна оценка за индивидуалистично поведение, докато *başa çıkmak* обозначава компетентност и контрол над трудности. Изрази като *başı belada olmak* или *başından savmak* не само описват ситуации, но и насочват очакваните реакции – съчувствие, помощ или критика.

В рамките на стратегиите за вежливост фразеологизми като *Aklın başına gelsin* смекчават директната критика чрез индиректна форма, съчетаваща укор и загриженост. Така изразите с *baş* често поддържат социалната хармония и предотвратяват конфликт.

В обобщение – фразеологизмите с компонент *baş* изпълняват разнообразни прагматични функции: от ритуализирани актове до оценъчни, емоционални и иронични употреби, и представляват значим елемент от комуникативната компетентност и културната специфика на турския език.

4. Заключение

Лексемата *baş* в турския език се характеризира с изключителна многозначност и семантична гъвкавост, като обединява в себе си конкретни и абстрактни значения, свързани с анатомията, пространството, времето и социалната структура. Основните ѝ значения – „глава“, „начало“ и „водач“ – формират семантично ядро, от което се образуват множество производни и композити с разнообразна употреба. Лексемата проявява висока словообразувателна продуктивност, като чрез номинативни, адективни, глаголни, каузативни и пасивни суфикси се добавят нови производни, които попълват и разширяват лексикалната система. Производните с *baş* обхващат широк семантичен спектър – от термини, обозначаващи части на тялото и физиологични състояния, през наименования на социални и професионални роли, до изрази за пространствена ориентация, количествени съотношения и личностни характеристики. Освен че притежава лексикална стойност, *baş* играе съществена роля и на дискурсивно равнище, участвайки в изграждането на устойчиви фразеологизми и ключови термини в официалната, професионалната и разговорната реч. Нейната семантична продуктивност е тясно свързана с културно обусловени концепции за лидерство, успех и социална йерархия, което я утвърждава като важен когнитивен и културен елемент в турския език. Направеният семантичен анализ разкрива ясно обособени семантични полета, което свидетелства за

системността и устойчивостта на тази лексема в лексикалната и концептуалната структура на езика.

Фразеологизмите с компонент *baş* в турския език представляват богата и многообразна група устойчиви словосъчетания, които отразяват не само лексикално-семантични и граматически закономерности, но и дълбоко вкоренени културни, когнитивни и прагматични модели. Структурният анализ показа, че компонентът *baş* участва във формирането на различни синтактични типове фразеологизми – от глаголно-обектни до пословични конструкции, с разнообразна степен на семантична свързаност между съставките.

Семантичният анализ откроi ключови метафорични и метонимични процеси, чрез които „главата“ се асоциира с интелект, съдба, автономия, йерархия, отговорност и страдание. Прагматичният анализ допълни разбирането за тези изрази, като разкри тяхната роля в междуличностната комуникация – в изразяването на оценка, емоции, учтивост, сарказъм или съпричастност. Фразеологизмите с *baş* функционират не само като семантични единици, но и като културно кодирани актове на речево поведение.

Фразеологизмите с *baş* са не само езиков феномен, но и когнитивно и културно отражение на светогледа на носителя на турския език. Те заслужават специално внимание както в лексикографската и преводаческата практика, така и в обучението по турски език като чужд. Перспективите за бъдещи изследвания биха могли да включват корпусен анализ на фразеологизмите с *baş* в различни речеви регистри, както и съпоставка с други езикови структури извън балканския регион.

Литература

Türk Dil Kurumu (TDK) 2021: Türk Dil Kurumu (TDK), *Güncel Türkçe Sözlük*. Ankara: TDK Yayınları, 2021.

Аксан 2000: Aksan, D. *Türkçein Sözvarlığı*. Ankara, Engin Yayınevi, 2000.

Аксой 2005: Aksoy, Ö. A. *Atasözleri ve Deyimler Sözlüğü*. İstanbul: İnkılâp Kitabevi, 2005.

Браун и Левинсън 1987: Brown, Penelope & Levinson, Stephen C. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.

Глезер 1984: Gläser, R. The Stylistic Potential of Phraseological Units in the Light of Genre Analysis. // *Phraseology and Culture in English.* Berlin: Mouton de Gruyter, 1984.

Гюнеш 2012: Güneş, M. *Türkçede Deyimlerin Anlamsal ve İşlevsel Özellikleri*. İstanbul: Kültür Ajans, 2012.

Доброволски и Пиирайнен 2009: Dobrovol'skiy, D., Piirainen, E. *Cultural Keywords in Discourse: The Case of the Head*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2009.

Доброволски и Пиирайнен 2009: Dobrovol'skiy, D., Piirainen, E. *Figurative Language: Cross-cultural and Cross-linguistic Perspectives*. Amsterdam: Elsevier, 2009.

Кьовечеш 2002: Kövecses, Z. *Metaphor: A practical introduction*. New York: Oxford University Press, 2002.

Лейкоф и Джонсън 1980: Lakoff, G., Johnson, M. *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press, 1980.

Филмор и др. 1988: Fillmore, C. J., Kay, P., O'Connor, M. C. *Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: The case of let alone.* Language*,* 64(3), Washington, DC: Linguistic Society of America, 1988, 501 – 538.

Юртбашъ 2013: Yurtbaşı, M. *Sınıflandırılmış Deyimler Sözlüğü*. İstanbul: Excellence Publıshing, 2013.

Яйлагюл 2016: Yaylagül, L. *Türkçede Organ Adlarıyla Kurulan Deyimlerin Semantik Yapısı.* Dil ve Edebiyat Araştırmaları Dergisi, 13(26), İstanbul: Türkiye Dil ve Edebiyat Derneği (TDED), 2016, 45 – 67.

МЕТОДИКА

ПЛОВДИВСКИ УНИВЕРСИТЕТ „ПАИСИЙ ХИЛЕНДАРСКИ“ – БЪЛГАРИЯ
НАУЧНИ ТРУДОВЕ, ТОМ 63, КН. 1, СБ. Б, 2025 – ФИЛОЛОГИЯ,
PAISII HILENDARSKI UNIVERSITY OF PLOVDIV – BULGARIA
RESEARCH PAPERS, VOL. 63, BOOK 1, PART B, 2025 – LANGUAGES AND LITERATURE

DOI 10.69085/ntf2026b273

МЕТОДИЧЕСКАТА ПОДГОТОВКА НА УЧИТЕЛИТЕ ПО ЧУЖД ЕЗИК В БЪЛГАРИЯ: СЪСТОЯНИЕ И НЕОБХОДИМОСТ ОТ ОБНОВЯВАНЕ

Нина Чочева
Пловдивски университет „Паисий Хилендарски“

METHODOLOGICAL TRAINING OF FOREIGN LANGUAGE TEACHERS IN BULGARIA: CURRENT SITUATION AND NEED FOR MODERNIZATION

Nina Chocheva
Paisii Hilendarski University of Plovdiv

ninachocheva@uni-plovdiv.bg

The text examines the state of methodological training of future foreign language teachers in Bulgaria in order to argue for the need for its modernization in the context of numerous changes. The university programs in foreign language methodology in several universities are analyzed and it is found that they do not reflect the changed role of the foreign language teacher, as well as the current requirements for new skills. A strong emphasis on theory and the lack of attention to areas such as working with digital tools, artificial intelligence, emotional intelligence and classroom management are identified.

The need to update university programs by introducing new modules, integrating practical activities and developing specific skills is emphasized.

Key words: methodological training, foreign language teachers, teacher education, university curricula, curriculum modernization

Когато започнем да гледаме на възможността
да преподаваме като на изключителна привилегия,
ние всъщност осъзнаваме значимостта и
стойността на учителската професия.
(Георгиев 2020: 11)

Настоящият текст разглежда необходимостта от осъвременяване на университетската методическата подготовка на бъдещите учители по чужд език в контекста на глобалните и дигиталните промени. Поводът за това изследване е наблюдаваната през последните години промяна в професионалния профил на учителя, която се ускорява под въздействието на технологичните иновации и различните очаквания на новото поколение обучаеми.

Професията на учителя традиционно се възприема като една от най-важните и устойчиви в българското общество. Съвременният педагог функционира в динамично развиваща се социална и технологична среда, в която познатите му роли – на предаващ знания и основен източник на информация – отдавна вече не са единствени и достатъчни. В ерата на ускорена дигитализация и изкуствен интелект нагласите на поколението на изцяло дигиталните ученици също са променени. А това е предпоставка за възникването на нови роли – медиатор, фасилитатор, консултант, организатор, партньор, мотиватор, наставник, съмишленик в един различен учебен процес, в който технологиите заемат все по-централно място. Тези функции на учителя изискват притежаването на набор от съвременни умения – цифрови, социални, емоционални, организационни, комуникационни. Резонен е въпросът университетската подготовка на студентите, по-специално на тези, изучаващи чужд език, отговаря ли на тази образователна ситуация и на актуалните изисквания към учителската професия? „Имаме ли подготвени специалисти, които да обучат следващите поколения учители?“ (Джумайов 2020: 45). Дисциплината във ВУЗ „Методика на обучението по чужд език“ отразява ли изброените промени в професионалния профил на учителя по чужд език? Прегледът на специализираната литература, както и на няколко лекционни курса ясно установява, че тя все още е силно теоретична дисциплина. Нуждата теорията да бъде допълнена от широк спектър от умения, е належаща. Защото съвременният учител по чужд език (и не само) обучава поколението на „дигиталните номади“ (пак там), които живеят изцяло в онлайн света, където протича и съществена част от тяхното обучение.

Настоящата статия има за цел да представи съдържателен анализ на методическата литература и на актуалното състояние на подготовката на бъдещите учители по чужд език в български контекст, за да се обоснове необходимостта от осъвременяване на лекционния курс по методика на обучението по чужд език в условията на нарастващото влияние на глобалните и цифровите фактори.

Целта на изследването се постига чрез изпълнение на следните задачи:

1. Да се проучат специализираните източници в областта на чуждоезиковото обучение за периода 2015 – 2025 г. Този период се характеризира с интензивно навлизане в образованието на информационните и комуникационните технологии (ИКТ), на компютърно подпомагано езиково обучение, на езиково обучение чрез мобилни устройства, а през последните няколко години – и на изкуствения интелект.
2. Да се разгледа съдържанието на дисциплината „Методика на обучението по чужд език“ (френски, испански, италиански, новогръцки), която е част от учебния план на специалности в бакалавърска степен с чужд език в Пловдивския университет „Паисий Хилендарски“ (ПУ), и да се съпостави с това в други два български университета с традиции в подготовката на учители по чужд език − Софийския университет „Св. Климент Охридски“ (СУ) и Великотърновския университет „Св. св. Кирил и Методий“ (ВТУ), бакалавърска степен, редовна форма на обучение.
3. Да се предложи осъвременяване на лекционния курс „Методика на обучението по чужд език“ в Пловдивския университет „Паисий Хилендарски“.

Обект на изследването е университетската подготовка на бъдещите учители по чужд език, в частност дисциплината „Методика на обучението по чужд език“, която заема централно място в техния професионален профил.

Предмет на изследването е съответствието между съдържанието на методическата подготовка и съвременните изисквания към дейността на учителя по чужд език, свързани с развитието на нови умения.

Застрашена ли е професията на учителя от изкуствения интелект? Според анализа на Фондацията на бизнеса за образованието (вж. ФБО 2025) образователният сектор не попада сред рисковите, а учителската професия е сред търсените и перспективни на съвременния пазар на труда в България. Но тази перспективност не означава статичност. По данни на Националния статистически институт (вж. НСИ 2025) за

учебната 2024/2025 г. в общообразователните училища делът на учителите под 25 г. е най-нисък – 2.35 %, на тези между 25 и 29 г. се увеличава съвсем леко, а най-висок е този на учителите над 50-годишна възраст – почти 50%. До заключението за застаряването на преподавателския състав и за недостига на учители в България достига и Световният доклад на ЮНЕСКО (вж. Световен доклад 2024, в който страната ни се нарежда до Естония, Литва, Латвия и Грузия. Тази статистика доказва още, че търсенето на кадри в образованието през следващите години ще се увеличава. Ето защо в Стратегическата рамка (вж. Стратегическа рамка 2021) за развитие за образованието, обучението и ученето в България (2021 – 2030) и в Плана за действие до 2030 г. към нея е разработена приоритетна област 3. Мотивирани и креативни учители с две основни оперативни цели: първата − повишаване на привлекателността и престижа на учителската професия и обезпечаване на системата на образованието в дългосрочен план с учители във всички образователни институции и по всички дисциплини, втората − развитие на компетентностите в съответствие с променящата се роля на учителя. Оттук възниква и необходимостта от качествена подготовка на студентите в педагогическите специалности и в частност – в тези, които подготвят бъдещи учители по чужд език. През последните години все по-осезаемо се засилва интересът към професията и се очертава тенденцията на широко отворените врати на университетите за „всеки желаещ да получи учителска правоспособност“ (Делибалтова, 2024: 738). Още по-отчетливо обаче се констатира необходимостта от модернизация на системите за подготовка и обучение в университета (Михова 2018; Веселинов 2024), защото не отразяват съвременната образователна ситуация и роля на учителя, която е съществено променена от навлизането на технологиите в обучението. Като се съгласяваме напълно с това твърдение, че:

> […] предизвикателствата пред съвременното чуждоезиково обучение са свързани с различни аспекти като мотивация на учениците, технологиите, методите на преподаване и културната осведоменост. За да се решат тези проблеми, е необходимо прилагането на комплексен подход, включващ нови стратегии и адаптиране към съвременните условия.
>
> (Цацова 2024: 163)

Ще добавим, че към този комплексен подход би било добре да се интегрира и методическата университетска подготовка на бъдещите учители, за да се създаде ново поколение учители с много добре развити технологични, организационни и социално-емоционални умения.

Дигиталните умения са с най-бързо нарастваща роля в практиката на учителя, но не присъстват или са слабо застъпени в съществуващите университетски програми. Навлизането на изкуствения интелект и разширяването на традиционната учебна среда с дигитална такава изискват нов тип професионализъм, защото образователните ресурси и приложения, базирани на изкуствен интелект, несъмнено са по-атрактивни и ефективни за съвременното дигитално поколение. Учителят по чужд език не може да пренебрегне леснодостъпните и разнообразни приложения, които, от една страна, улесняват неговата работа, оптимизират времето и ресурсите, а от друга – подпомагат постигането на впечатляващи резултати от учениците. Цацова отбелязва, че внедряването на технологиите в обучението може да улесни преодоляването на редица предизвикателства (Цацова 2024). Мотивацията на учениците например може да се повиши чрез въвеждане на персонализирано обучение според техните интереси и нужди, чрез използване на автентични текстове, видео- и аудиоматериали, чрез интерактивни практически упражнения за развиване както на рецептивните, така и на продуктивните езикови умения. Дигиталните ресурси успешно надграждат традиционните методи на преподаване, които си остават все още фокусирани основно върху граматичен и лексикален материал и по тази причина са недостатъчно ефективни за участие в комуникативни ситуации.

Използването на изкуствен интелект в процеса на чуждоезиковото обучение представлява едно от основните предизвикателства на настоящето. Веселинов основателно посочва, че:

> […] една от възможните насоки за положителното му интегриране в образованието е разглеждането му като вариант за индивидуално обучение по чужди езици и култури, ориентирано към адекватното използване на разнообразни езикови средства за правилно изразяване на мисловни фрагменти, за овладяване на устна и писмена реч, както и на средства за използване на официален, неутрален и алтернативен регистър на общуване, съставяне и структуриране на писмени текстове и т.н.
>
> (Веселинов 2024: 8)

Променената роля на учителя по чужд език изисква задълбочено познаване на възможностите на новите технологии и критично отношение към прилагането на инструментите, ползващи изкуствения интелект, в процеса на преподаване и изучаване на чужд език. Наред с това от педагога се очаква да подпомага развитието на умения за критичен подбор и осмисляне на езиковите ресурси, както и да насочва към автентична, контекстуално обоснована комуникация.

Основен документ, който описва дигиталните умения в образователен контекст, е Европейската рамка за цифрова компетентност на преподавателите (вж. Европейска рамка 2.2 2022). Това е научно обоснован документ, издаден от Европейската комисия през 2017 г., за да отговори на нуждата на преподавателите от специфични цифрови компетентности. Предназначен е за педагогически специалисти от всички нива на образованието и по всички предмети, включително учителя по чужд език. Неговата цел е да опише уменията, необходими на педагога, като ги разпределя в шест области – професионална ангажираност, цифрови ресурси, преподаване и учене, оценяване, овластяване на обучаемите, подпомагане и улесняване на дигиталната компетентност на обучаемите. Учителите трябва да бъдат ролеви модели, демонстриращи дигитална компетентност, както и критично и творческо използване на технологиите. Друго важно умение на всеки преподавател е да умее да идентифицира източниците според целите на обучение, групата обучаеми и стила на преподаване, както и да адаптира и развива ресурсите в помощ на своята практика. На учителите по чужди езици се препоръчва да адаптират методите си към дигиталната среда и да използват технологии за мотивация и ангажираност на учениците.

Съдържателният преглед на специализираната литература на национално ниво доказва, че цифровите технологии несъмнено намират своето приложение в сферата на чуждоезиковото обучение (Джумайов 2020; Искърова 2023; Цацова 2024). Влиянието на дигиталната компетентност на учителя върху обучението по чужд език е подробно анализирано (Димова, Цветков, Павлов 2024) с цел да се изведат предимствата, но и предизвикателствата, свързани с новите технологии, в часа по чужд език. Установените положителни страни са свързани с „…подпомагане развиването на езиковите умения по четене, слушане, писане, говорене, както и на способността за уместна и адекватна употреба на езика в различни комуникативни ситуации“ (Димова, Цветков, Павлов 2024: 471).

Това осигурява достъп до автентични документи, а чрез тях – и възможност за практикуване на езика в реални комуникативни ситуации. Друго предимство на използването на технологии в часа по чужд език е по-активната роля на учащите в процеса на учене на езика. От една страна, те се учат да бъдат по-самостоятелни и сами да контролират процеса на учене, като следват собствен ритъм и стил на учене, а от друга – по-лесно се прилагат съвременните методи на преподаване, като обърната класна стая, проблемно ориентирано обучение, образователни игри. Решаването на различни по сложност проблеми разчупва

традиционните рамки на часа по чужд език и „…създава условия обучаваните да се превърнат в активни, самостоятелни субекти на собственото си учене“ (Нейкова 2017: 150). Макар да изисква повече време, усилия и подготовка на преподавателя и да има значение и неговата нагласа към използването на съвременните технологии, чрез различни онлайн платформи (Искърова 2023, Цацова 2024) и приложения (Тодоров 2021) е възможно да се провежда и диференцирано преподаване в час по чужд език с цел обучаемите да усвояват знания чрез интересни и полезни учебни дейности.

За родените в края на поколението Z[1] и на тези от Alpha генерацията особен интерес представлява обучението чрез компютърни игри (Фъркова, Боянова, Колева 2025; Младенова 2022, Тодоров, Йем, Дешева 2025). Геймификацията има редица предимства: интерактивност, бързи реакции, визуална стимулация и творческо мислене, логическа, зрителна, слухова памет. Този метод провокира интереса, ангажира вниманието и повишава мотивацията на учащите, което пък от своя страна осигурява спокойна, приятна и по-ефективна учебна среда. Игрите често са първата среща за „косвена интеркултурна комуникация, наред с киното и литературата“ (Миланова 2024: 758). Но за разлика от последните игрите предоставят възможност на играча да участва лично, да бъде в реална комуникативна ситуация, както и да се запознае с културата и с основните правила на общуване и речеви модели, да приеме различното поведение, да прояви толерантност. А това налага на учителя по чужд език да преосмисли използването на традиционните методи и техники на преподаване. След като разглежда предисторията на геймификацията в чуждоезиковото обучение, ролята на мотивацията при усвояването на чужд език, ползите (преодоляване на страха[2], положителна самооценка и подобрени учебни резултати), авторски колектив (Фъркова, Боянова, Колева 2025) стига до същото заключение:

> Въпреки че традиционните методи на преподаване все още са – и в бъдеще ще останат – широко използвани, геймификацията предлага

[1] За целите на настоящия текст използваме класификацията по възрастов признак на поколенията на австралийския антрополог Марк Маккриндъл, подробно представена от Витанова и Герова (2020), според която границите на поколението Z се простират между 1995 и 2008 г., а тези на Алфа – от 2009 г.

[2] „Анимираните герои, които носят забавни черти на младото поколение и никак не са дидактични в поведението си, предразполагат в по-голяма степен потребителите да се включват в общуването и ги освобождават от страха, че ще се изложат“ (Фъркова, Боянова, Колева 2025: 68).

> нови възможности за подобряване на обучението, защото традиционните методи често не успяват да отговорят на някои потребности на съвременното дигитално поколение, което има различни начини на учене и предпочитания за интерактивност и незабавна обратна връзка.
> (Фъркова, Боянова, Колева 2025: 62)

И допълва, че:

> […] предвид застаряващата възрастова структура на преподавателите в България, огромната част от това съсловие са част от поколението Y или принадлежат дори към предходното поколение X. Това означава, че иновативните подходи в образованието съставляват по-голямо предизвикателство за педагозите, отколкото за обучаващите се.
> (Фъркова, Боянова, Колева 2025: 63)

Съдържателният анализ на източниците в областта на чуждоезиковото обучение недвусмислено доказва положителните аспекти на използването на технологиите, допълнени и от позитивните нагласи на самите обучаеми (Джумайов 2021), както и сериозната необходимост традиционните методи на преподаване на чужд език да бъдат надградени от съвременни такива, базирани на дигитални инструменти. Един от начините тази промяна да се случи планирано и всеобхватно през следващите години, е посредством обучението по методика на обучението по чужд език във ВУЗ на бъдещите учители по чужд език.

Наред с дигиталните умения в специализираната литература все повече се засягат и въпросите за социалните (Коцев, Пейчев 2021) и емоционалните умения на учителите. Вече се наблюдават призиви за необходимост от психологизация на учебния процес (Боянова-Минкова 2021). Социално-емоционалните умения на учителя допринасят за по-добра комуникация не само с учениците, но и с колегите и родителите. Ученикът е в центъра на учебния процес, но последният е променен, защото вече не се ограничава само до отношенията в конкретната учебна ситуация или класна стая. Вече е наличен съвсем различен тип отношения, „които следва да се изграждат на основата на нова етична взаимна отговорност, синергия и творческо сътрудничество“ (Боянова-Минкова 2021: 379). Известно е, че в реална учебна среда ежедневният стрес за учителя е висок заради промяната в поведението на учениците, нарастващите прояви на вербална и физическа агресия, на затруднена комуникация с родителите, увеличаващи се административни изисквания към професията. Заради тези и редица други условия от учителя се изисква сериозна емоционална стабилност, „…да демонстрира висок самоконтрол, запазване на професионалния тон“ (Коцев, Пейчев 2021:

117). Цацова препоръчва „…учителите да бъдат обучавани да разбират и отговарят на емоционалните нужди на учениците, създавайки поддържаща и мотивационна учебна среда, която насърчава откритост и увереност в използването на чуждия език“ (Цацова 2024: 169), а училищните учебни програми да развиват социални и емоционални умения, като работа в екип, емоционална интелигентност и креативно мислене.

Създаването на положителна учебна среда, в която учениците се чувстват ценени и подкрепяни (Данов 2024), е възможно за учители с добри комуникативни и организационни способности (Иванов 2024, Георгиев 2020), които изграждат доверие и съпричастност, адаптират съдържание, знаят как да предоставят обратна връзка, за да бъде класната стая безопасно пространство.

В така описаната съвременна образователна ситуация логично възниква въпросът за степента, в която методическата подготовка на бъдещите учители по чужд език отговаря на съвременните изисквания към професията. Въпреки че въпросите за подготовката и професионалната квалификация на учителите намират място в анализи, препоръки и срещи, се оказва, че темите за дигиталните, социалните, емоционалните умения не намират отражение в университетската методическа подготовка, както посочва и Михова:

> Естествено е модернизацията на съвременните образователни системи да бъде резултат от наличието на ефективни системи за подготовка и обучение на учителите. Университетите, и по-конкретно преподавателите, които подготвят учители, следва перманентно да променят своите учебни програми и заложените в тях информационни и технологични аспекти.
>
> (Михова 2018: 9)

Обучението по методика на обучението по чужд език е част от учебния план на специалностите в бакалавърска степен, в които студентите се подготвят за учителската професия. За нуждите на настоящото изследване първоначалната цел беше да се проучат учебните планове и съответният лекционен курс в три от най-големите университети с традиции в подготовката на учители по чужд език − Софийския университет „Св. Климент Охридски“, Великотърновския университет „Св. св. Кирил и Методий“ и Пловдивския университет „Паисий Хилендарски“, чийто представител е авторът.

Необходимо е да се уточни, че в процеса на работа издирването на учебна програма за курс по методика на обучението по чужд език за

бакалавърска степен в Софийския университет „Св. Климент Охридски“ беше затруднено и такава със свободен достъп не беше намерена. Но се откри полезна информация за магистърската специалност „Методика на чуждоезиковото обучение в междукултурна среда“, чийто учебен план отговаря на съвременния профил на учителя по чужд език с включени дисциплини като: „Иновации в образованието“, „Информационни и комуникационни технологии в обучението и работа в дигитална среда“, „Дигитална компетентност и дигитална креативност“, „Лидерство в образованието“, „Медийно образование и изграждане на умения за обучител по медийна грамотност“, „Технология на урока по чужд език“ и др. Делибалтова изследва именно учебните планове на специалности, изучавани в Софийския университет „Св. Климент Охридски“, с квалификация „учител“ (не е посочено по чужд език) в пет[3] области на висшето образование (Делибалтова 2024). Целта на проучването е да се проследи съответстват ли учебните планове на държавните изисквания за подготовка на учители в частта точно за развитие на дигитална компетентност у студентите. Установява се, че информационно-комуникационните технологии (ИКТ) заемат трето място в учебните планове, т.е. има засилен интерес към тяхното изучаване.

Със свободен достъп са програмите на лекционния курс по методика на обучението по немски и по френски език във Великотърновския университет „Св. св. Кирил и Методий“. Методическите теми по френски език следват традиционното представяне на методи, цели, принципи, обучение по фонетика, лексика, граматика, развитие на продуктивни и рецептивни умения, видове уроци, учебните системи по чужд език. Към настоящия момент се установява съвпадение на съдържанието с идентичния курс в Пловдивския университет „Паисий Хилендарски“.

Учебното съдържание на курса „Методика на обучението по немски език“ във ВТУ обхваща гореизброените теми, но фигурират и две по-актуални, свързани с компетентностите на учителя по чужд език и с вербалната и невербалната комуникация в обучението.

Подробният съдържателен анализ на лекционния курс по дисциплината „Методика на обучението по чужд език“ показва, че съвременните изисквания за дигитални, социални, емоционални умения на бъдещия учител по чужд език не са включени официално в университетския курс на бакалавърските специалности в два от изброените три

[3] Педагогически, хуманитарни, социални, стопански, правни и природни науки, математика и информатика.

университета (ПУ и ВТУ). Бихме добавили, че познаването на нормативните документи на национално ниво и актуалните международни анализи и препоръки също не присъства, а смятаме това за важно.

С цел да подготви ново поколение учители по чужд език и след като установи необходимостта от осъвременяване на съдържанието на курса „Методика на обучението по чужд език“ в ПУ, се предлага следното включване на модули по:

- дигитална и медийна компетентност (работа с ИИ, електронни ресурси и техния дизайн с ИИ, етични аспекти на технологиите, управление на онлайн взаимодействия и др.);
- социално-емоционални и комуникативни умения на бъдещите учители;
- съвременни методи на преподаване и учене на чужд език, вкл. в хибридно обучение;
- нормативната рамка, описваща професията „учител по чужд език“;
- кариерни умения на начинаещи учители.

В заключение може да се обобщи, че професионалният профил на съвременния учител по чужд език изисква ново равнище на подготовка, в която традиционните методически знания се допълват от умения за работа в дигитална, динамична и междукултурна среда. Присъединяваме се към мнението на Веселинов, според когото в съвременното образователно пространство „…се изисква нова визия за етапното формиране на модерна лингводидактологична компетентност като интегративна професионална характеристика както на бъдещите, така и на действащите учители по чужд език и литература“ (Веселинов 2024: 7).

Актуализирането на университетските програми е предпоставка не само за по-високо качество на обучението, но и за по-привлекателен обществен образ на учителската професия не само днес, но и в утрешния ден.

Литература

Боянова-Минкова 2021: Боянова-Минкова, Д. За необходимостта от психологизация на съвременния образователен процес. [Boyanova-Minkova, D. Za neobhodimostta ot psihologizatsiya na savremenniya obrazovatelen protses.] // *Чуждоезиково обучение*, 2021, № 4, (48), 379 – 385.

Веселинов 2024: Веселинов, Д. Лингводидактологични измерения на иновативната образователна среда. [Veselinov, D. Lingvodidaktologichni izmereniya na inovativnata obrazovatelna sreda.] // *Чуждоезиково обучение*, София: „Аз-буки“, 2024, № 1 (54), 7 – 8.

Витанова, Герова 2020: Витанова, Н., Герова, Г. Поколенията „Z“ и „Алфа“ и мултитаскингът (многозадачността) в сферата на образованието. [Vitanova, N., Gerova, G. Pokoleniyata „Z“ i „Alfa“ i multitaskingat (mnogozadachnostta) v sferata na obrazovanieto.] // *Педагогика,* София: „Аз-буки“, 2020, № 9, 1207 – 1224.

Георгиев 2020: Георгиев, С. *5 принципа на позитивната класна стая.* [Georgiev, S. 5 printsipa na pozitivnata klasna staya.] София: РААБЕ, 2020.

Данов 2024: Данов, Д. Положителната учебна среда за обучение по дигитална и медийна грамотност. [Danov, D. Polozhitelnata uchebna sreda za obuchenie po digitalna i mediyna gramotnost.] // *Чуждоезиково обучение*, София: „Аз-буки“, 2024, № 5 (51), 596 – 603.

Делибалтова 2024: Делибалтова, В. Учебните планове на специалности в СУ „Св. Климент Охридски“ с професионална квалификация учител в контекста на развитието на дигиталните компетентности. [Delibaltova, V. Uchebnite planove na spetsialnosti v SU “Sv. Kliment Ohridski” s profesionalna kvalifikatsiya uchitel v konteksta na razvitieto na digitalnite kompetentnosti.] // *Стратегии на образователната и научната политика*, София: „Аз-буки“, 2024, № 6, 735 – 745.

Джумайов 2020: Джумайов, Г. Съвременните технологии и тяхната роля в (чуждо)езиковото обучение през XXI век. [Dzhumayov, G. Savremennite tehnologii i tyahnata rolya v (chuzhdo)ezikovoto obuchenie prez XXI vek.] // *Чуждоезиково обучение*, София: „Аз-буки“, 2020, № 1 (47), 44 – 54.

Димова, Цветков, Павлов 2024: Димова, И., Цветков, Пл., Павлов, М. Педагогическо приложение на дигиталните технологии в обучението по чужд език: предимства и предизвикателства. [Dimova, I., Tsvetkov, Pl., Pavlov, M. Pedagogichesko prilozhenie na digitalnite tehnologii v obuchenieto po chuzhd ezik: predimstva i predizvikatelstva.] // *Чуждоезиково обучение*, София: „Аз-буки“, 2024, № 4 (51), 467 – 479.

Европейска рамка 2.2 2022: The Digital Competence framework for citizens – With new examples of knowledge, skills and attitudes,

Publications Office of the European Union, 2022, <https://data.europa.eu/doi/10.2760/115376> (26.08.2025).

Иванов 2024: Иванов, И. Комуникативните компетентности на педагога. Теоретични постановки и решения. [Ivanov, I. Komunikativnite kompetentnosti na pedagoga. Teoretichni postanovki i resheniya.] // *Съвременна хуманитаристика*, Габрово: Издателство „ЕКС-ПРЕС", 2024, № 1 (20), 76 – 85.

Искърова 2023: Искърова, Н. Диференцирано преподаване в час по чужд език – слушане с разбиране и четене с разбиране чрез LearningApps. [Iskarova, N. Diferentsirano prepodavane v chas po chuzhd ezik – slushane s razbirane i chetene s razbirane chrez LearningApps.] // *Чуждоезиково обучение*, София: „Аз-буки", 2023, № 5 (50), 470 – 579.

Коцев 2021: Коцев, В., Пейчев, И. *Ефективна комуникация и работа с родители.* [Kotsev, V., Peychev, I. Efektivna komunikatsiya i rabota s roditeli.] София: РААБЕ, 2021.

Миланова 2024: Миланова, Е. Компютърните игри с митологично съдържание – бягство от реалността или нов образователен хоризонт. [Milanova, E. Kompyutarnite igri s mitologichno sadarzhanie – byagstvo ot realnostta ili nov obrazovatelen horizont.] // *Чуждоезиково обучение*, София: „Аз-буки", 2024, № 6 (51), 758 – 768.

Михова 2018: Михова, М. Учебната дисциплина „Педагогика" в контекста на съвременните изисквания за подготовка на учители. [Mihova, M. Uchebnata distsiplina „Pedagogika" v konteksta na savremennite iziskvaniya za podgotovka na uchiteli.] // *Професионалната подготовка на студента от педагогическите специалности*. Велико Търново: УИ „Св. св. Кирил и Методий", 2018, 9 – 24.

Младенова 2022: Младенова, В. Игровият подход в онлайн обучението по испански език. [Mladenova, V. Igroviyat podhod v onlayn obuchenieto po ispanski ezik.] // *Език и професионална комуникация. 4. Учене, преподаване и оценяване на чужди езици за общи и професионални цели*. София: УИ „Св. Климент Охридски", 2022, 22 – 33.

Нейкова 2017: Нейкова, М. Проблемно обучение, електронно учене и мобилни технологии при изучаването на чужд език. [Neykova, M. Problemno obuchenie, elektronna uchene i mobilni tehnologii pri izuchavaneto na chuzhd ezik.] // *Чуждоезиково обучение*, София: „Аз-буки", 2017, № 2 (44), 150 – 157.

НСИ 2025: Национален статистически институт: Статистически данни. [National Statistical Institute: Statistical data.] <https://www.nsi.bg/statistical-data/197/616 (26.08.2025)>.

Световен доклад 2024: Rapport mondial de suivi sur l'éducation. <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000393186> (26.08.2025).

Стратегическа рамка 2021: Стратегическа рамка за развитие на образованието, обучението и ученето в България (2021 – 2030). [Strategic Framework for the Development of Education, Training and Learning in Bulgaria.] <https://www.navet.government.bg/> (10.09.2025).

Тодоров 2021: Тодоров, П. Интегриране на приложението Duolingo for Schools в обучението по чужд език. [Todorov, P. Integrirane na prilozhenieto Duolingo for Schools v obuchenieto po chuzhd ezik.] // *Чуждоезиково обучение*, София: „Аз-буки", 2021, № 3 (48), 266 – 280.

Тодоров, Йем, Дешева 2025: Тодоров, П., Йем, Н., Дешева, К. Прилагането на методи, базирани на дигитални инструменти в чуждоезиковото обучение. [Todorov, P., Yem, N., Desheva, K. Prilaganeto na metodi, bazirani na digitalni instrumenti v chuzhdoezikovoto obuchenie.] // *Чуждоезиково обучение*, София: „Аз-буки", 2025, № 2 (52), 168 – 180.

ФБО 2025: Фондация на бизнеса за образованието: Какви професии и умения ще се търсят у нас според CEDEFOP и готов ли е българският пазар на труда. [Fondatsiya na biznesa za obrazovanieto: Kakvi profesii i umeniya shte se tarsyat u nas spored CEDEFOP i gotov li e balgarskiyat pazar na truda.] < https://fbo.bg/какви-професии-и-умения-ще-се-търсят-у-н/> (2.11.2025).

Фъркова, Боянова, Колева 2025: Фъркова, Г., Боянова, Г., Колева, А. Геймификацията и усвояването на чужд език. [Farkova, G., Boyanova, G., Koleva, A. Geymifikatsiyata i usvoyavaneto na chuzhd ezik.] // *Чуждоезиково обучение*, София: „Аз-буки", 2025, № 1 (52), 59 – 77.

Цацова 2024: Цацова, Д. *Акценти в чуждоезиковото обучение: теоретична основа и съвременни практики.* [Tsatsova, D. Aktsenti v chuzhdoezikovoto obuchenie: teoretichna osnova i savremenni praktiki.] София: Парадигма, 2024.

ПЛОВДИВСКИ УНИВЕРСИТЕТ „ПАИСИЙ ХИЛЕНДАРСКИ“ – БЪЛГАРИЯ
НАУЧНИ ТРУДОВЕ, ТОМ 63, КН. 1, СБ. Б, 2025 – ФИЛОЛОГИЯ,
PAISII HILENDARSKI UNIVERSITY OF PLOVDIV – BULGARIA
RESEARCH PAPERS, VOL. 63, BOOK 1, PART B, 2025 – LANGUAGES AND LITERATURE

DOI 10.69085/ntf2026b287

AI AND ASSESSMENT: BEYOND THE CAT AND MOUSE GAME?

Irina Kyulanova
St. Kliment Ohridski University of Sofia

kjulanova@uni-sofia.bg

This paper discusses the results of an informal survey of student opinions on the use of AI tools in assessment and the approaches that can be adopted to ensure academic integrity, fairness and validity of assessments. The results of the survey challenge generalised assumptions of students being keen AI users or unanimously viewing detection and penalisation of AI in assessment in a negative way. Instead, it reveals divided views on the usefulness, effectiveness and ethics of AI in education, highlighting the connection between choices of using AI tools and students' broader ethical principles and motivation to learn.

Key words: AI in assessment; academic integrity; student perspectives

Introduction

Three years after the public release of ChatGPT in November 2022, GenAI tools are more advanced and more widely used. The number and variety of chatbots have increased, and beyond text generation, there is a growing number of tools for creating images, sound, videos and formats for specific purposes, for example presentations. Additionally, AI functions are integrated into various platforms, search engines and applications, making AI increasingly pervasive in the digital environment. These developments have continued to affect higher education, heightening the pressure to meaningfully incorporate AI tools into teaching and assessment, amidst tensions around innovation, pedagogical currency and productivity on the one hand, and concerns about academic integrity, ethics, environmental damage and negative cognitive impact on the other.

In the context of academic integrity, AI tools have created new means of plagiarism both among students, and in academic publishing (Pudasaini et al. 2024: 1138; Lannoy 2023: 44). On university courses, as Wiley puts it, AI

instruments "contaminate" the previously persuasive evidence of student learning that pre-AI assessments used to provide (Wiley 2025: 865). ChatGPT and other models have been known to have passed course assessments and admission exams (Pudasaini et al. 2024: 1138), which has led to concerns about graduates' failure to acquire key academic and professional skills (Upsher et al. 2024: 129) and about the loss of value of academic education (Shaw 2025: 5821). In some fields, including highly specialised ones, such as computer science, AI plagiarism and obfuscation carry the risk of enabling learners to successfully pass assessments with limited technological literacy (Sağlam et al. 2024: 297). AI plagiarism is believed to be especially accessible and tempting because of its ease of use, the uncertainty of ethical boundaries regarding authorship, and, as Shaw observes, its "wanting to be used" (Shaw 2025: 5820). The adjustments to curricula and assessments prompted by the advancement of AI tools have been met with mixed responses, from concerns about the deterioration of the quality of higher education courses to enthusiasm about innovation and revising obsolete assessment practices to achieve greater flexibility and authenticity.

In this paper, I provide a brief critical overview of current approaches to tackling AI in assessment in higher education and of some of the assumptions underpinning decision-making in this area. I test these assumptions in a small-scale informal survey of student views and practices of AI use to establish applicability of the suggested solutions for preventing AI-powered plagiarism and nurturing student achievement and academic integrity.

Overview of AI-Aware Approaches to Assessment

Over the past three years universities, researchers and individual tutors have responded to the challenges of AI in assessment mostly by adopting one of the following three loosely defined approaches: designing AI-resilient assessments; regulating, containing, and penalising inappropriate use of AI; and strategically integrating use of AI at particular stages of the assessments to both deter misuse of AI tools and enhance the quality of learning and assessment. These approaches often overlap, as for example AI-resilient assessments, like AI-incorporating ones, may allow for some tasks to be performed using AI tools. Regulation of AI use may also include assessments incorporating AI, as it seeks to differentiate between appropriate and inappropriate use. Assessments which integrate AI tools may in turn require some level of regulation to ensure that AI tools are used only for the specific tasks they have been planned for. All three approaches

are imperfect solutions, continually under pressure to adapt to the rapid and unpredictable rate of development of AI functionalities.

AI-resilient assessments include tasks which are considered a challenge for AI tools or in which human agency cannot be circumvented. Commonly cited examples in the literature are tasks incorporating reflection and analysis, personalised tasks related to students' identity or experience, multi-modal assignments, which require output in different formats, and assignments requiring higher-order cognitive skills (Kovari 2024). The key challenge to AI-resilient assessments is the actual strength of their resilience, especially in the face of constantly evolving technology. Individualised and reflective assessments may indeed be less vulnerable to AI use because they require understanding of the private, unique experience of the writer, while GenAI models work by predicting the most likely / common sequences. However, GenAI tools can successfully produce texts within specified discourses, and careful prompt-engineering and role-play can be used to achieve specific, fine-tuned responses that meet the expectations of reflective writing. Multi-modality does provide more creative opportunities and may still require and inspire significant student engagement. Nevertheless, it is important to be aware of the mushrooming of AI tools for generating scripts, videos, presentations and podcasts, as well as multi-modal output, and to bear in mind that a variety of formats does not necessarily make an assessment safe from inappropriate AI use. In general, the less tutors are familiar with the capabilities of constantly evolving GenAI tools, the greater the likelihood that they overestimate how AI-proof assessments are.

Regulation, the second approach to AI in assessment, is based on differentiation between appropriate and inappropriate use of GenAI tools in specific contexts; definition of degrees of acceptability (for instance through traffic light systems), and detection and penalties when the rules are broken. The challenges with this approach include difficulties with determining boundaries, communicating rules to diverse cohorts of staff and students, and gathering solid evidence in suspected violations. According to a study by Corbin et al., both teachers and students struggle with interpreting AI policies on assessment, and students tend to develop their own, unique ethical frameworks of acceptability, based on analogies or perceived judgement of the teacher's attitude to AI, rather than on the actual policies or feedback (Corbin et al. 2025b: 9). Difficulties are compounded by the unreliability and limited availability of AI detection tools. According to Pudasaini et al., detection tools tend to always be "one step behind," especially due to obfuscation software, and their unreliability is likely to be

exacerbated with the development of more advanced LLMs (Pudasaini et al. 2024: 1138 – 1139). Another concern with the detection and penalty route is that it may lead to "over-policing student work and presuming a propensity to cheat", which can negatively impact the relationship between students and teachers (Upsher et al. 2024: 132).

A more effective strategy for combatting AI-powered plagiarism is believed to be education about AI tools and academic integrity. Raising awareness of AI policies and the ethical use of AI are key in this process (Pudasaini et al. 2024: 1162; Kovari 2024). In addition, allowing students to evaluate the performance of AI tools and their shortcomings when completing complex academic tasks has been shown to serve as a persuasive deterrent against inappropriate use of AI (Niekerk et al. 2025: 10).

The third approach to AI and assessment suggests that integrating AI tools into stages of the completion of assignments is an effective countermeasure to AI plagiarism because it brings it out into the open and allows for its strategic use. According to Corbin et al., building AI tools into the structure of an assignment would remove the ambiguity around acceptability (Corbin et al. 2025b: 10). Showing students how to productively use AI tools for their learning could shift the focus away from cheating, and thresholds of admissible AI content could provide clear guidelines on appropriate use (Pudasaini et al. 2024: 1162). However, such thresholds may be rather mechanical and not really indicative of the amount of student engagement in a task. Rules on selective application of AI tools could be confusing for students and difficult to enforce by staff.

The incorporation of AI tools into assessments is usually justified not as a mere antiplagiarism measure, but as having intrinsic value, as it allows students to perform more demanding tasks and demonstrate more advanced and relevant skills. AI tools are believed to facilitate authentic assessments: complex tasks, set in wider societal context, containing innovative and transformative elements, and requiring higher-order skills (Powell, Forsyth 2024: 119). Authentic assessments are resilient to AI tools in the sense that they are impossible to complete with AI tools alone, but AI tools can have a supportive role by providing students with individual guidance and aiding them in making and justifying their own decisions (Powell, Forsyth 2024: 120). Tasks focusing on lower-order skills, which are easily performed by AI, do not usually qualify as authentic assessments, but can be delegated to AI as part of a complex authentic task, so that students can instead focus on higher-order skills such as interpersonal communication, meta-cognitive skills or decision-making (Upsher et al. 2024: 130).

AI tools could be productively integrated at various stages of the completion of an assignment: research, selection and evaluation of sources (Powell, Forsyth 2024: 123); identifying appropriate search words and synthesising information from sources in preparation for writing a literature review (Smith, Francis 2024: 143 – 145); brainstorming ideas and drafting a paper (Smith, Francis 2024: 147); obtaining feedback on the completed assignment (Powell, Forsyth 2024: 126). To avoid blurring the line between human and AI output and the uncritical use of AI tools, this approach suggests incorporating evaluation of the gains and losses of AI use. Strategic and reflective incorporation of AI tools in assessment is said to require a shift of focus from the final product to the process of learning (Powell, Forsyth 2024: 126), for example through processfolios containing both formative submissions and reflection on the learning journey (Upsher et al. 2024: 136).

Issues arising with the incorporation approach are honesty of declared use and failure to test the command of more basic skills, which have been delegated to AI tools. Another key concern is whether AI use will be limited to the purposes specified in assignment briefs or whether this would be a "slippery slope" to plagiarism (Shaw 2025: 5820). While an oral component could be used to ensure the robustness of the assessment (Powell, Forsyth 2024: 122), it may be exclusive for students with social anxiety (Upsher et al. 2024: 131).

A significant benefit of including AI in assessments, and respectively in the learning process, is that it would teach effective use in preparation for the requirements of the labour market, creating "AI-ready professionals" (Upsher et al. 2024: 129). This task presents a significant challenge for university degrees which are not directly linked to particular professions. The application of AI tools in work environments tends to be industry-specific, in many cases still at an experimental stage, and longer-term implications especially in the field of the Humanities are hard to predict.

All the approaches above have their strengths but are also fraught with challenges and compromises on what is being tested. Corbin et al. frame the challenging nature of the issue of AI and assessment as a "wicked problem": a problem that evades a fixed consensus formulation and has no right / wrong answer, only better or worse responses (Corbin et al. 2025a: 2; 5). For this reason, rather than chasing "a silver bullet" solution, they recommend building adaptive capacity and constant readjustment in response to dynamic and specific local contexts.

Assumptions about AI and Assessment

Decisions about which of the above-mentioned routes to take when developing AI-aware assessments are often underpinned by certain assumptions, often in favour of integration of AI tools:

(1) AI tools are available, accessible, they are "here to stay" (Ng 2025: 1697). Students will use them, whether they are allowed to or not, so it is wiser to accommodate this use.

(2) Resisting AI in education is old-fashioned and retrograde, embracing it is progressive, innovative and forward-looking.

(3) Using detection and prohibition is a cat and mouse game which pits tutors against students and damages trust between them.

In order to examine these assumptions and explore appropriate solutions to assessment, it is important to invite students into the conversation, especially where assumptions are made on their behalf. For this purpose, I decided to conduct an informal online survey on students' existing practices of using AI and their opinions on the possibilities of regulating and integrating AI tools in assessments. The survey enriches the existing critical discussion by demonstrating the diversity in students' perspectives on AI and reveals a perhaps surprising negative strand in some opinions, which challenge the assumptions above and add to the complexity of making judgements about assessment.

Survey on Student Perspectives of AI and Academic Integrity

The overall intention of the survey was to gain an insider view of how students use AI tools, what their motives are, how ethical they find the use of these tools at various stages of assignments in which AI tools are not permissible, and whether and how AI tools can be integrated while keeping assessments valid and fair. On a practical level, understanding the students' opinions and taking them into consideration when adapting assignments would enhance face validity. Beyond that, however, the survey was not simply diagnostic but intended to serve as a step towards involving students in an open dialogue, which in itself can undermine the cat and mouse opposition and contribute to fostering academic integrity.

The study was designed as an informal anonymous online questionnaire, which was shared with approximately 150 students of Sofia University's English Philology BA degree in November 2025. Participation was completely voluntary and anonymous, with no incentives, and was not connected to any specific course or assignment in order to provide students with maximum freedom of choice and safety. There were 32 self-selected

respondents, out of whom 11 attended follow-up focus group discussions. Certainly, given the size of the entire cohort of students invited to contribute, the number of participants in the survey and focus group discussions is of limited statistical value. However, lower participation rates are understandable with a voluntary survey on sensitive issues which students are not often consulted about. The fact that the survey was unrelated to any specific assessment meant that participation added to students' workload and the self-selected cohort willingly made an effort to take part. This is an indication of the participants' intrinsic motivation, which was confirmed during the focus group discussions: the students who elected to participate are deeply invested in the topic, have expressed strong views on it, and demonstrate a sense of collective responsibility around issues of academic integrity, rather than a preference for navigating them individually. So, while the self-selection process and the limited number of contributors may have led to sample bias, it has also ensured well thought-through critical contributions related to deeper personal and communal values.

Most of the questions in the survey addressed use of AI in assessments in which it is prohibited, i.e. they belong to the detection and regulation approach, as this is still the most common type of assessment in the participants' local context. To protect students from feeling directly targeted and make them comfortable providing answers, most questions did not address the respondents' own use of AI, but rather their observations of its prevalence among the students on their degree course as a whole. This inevitably makes the results impressionistic and subjective. On the other hand, direct measurement of prohibited AI is impossible. The data from this survey may not be numerically precise but are nonetheless indicative of existing trends and attitudes among students. Students were directly asked about their own opinion in questions about the ethics of use of AI and the appropriateness of measures of preventing AI-enabled plagiarism. The majority of the questions were multiple-choice, and the pre-set answers, especially on measures for tackling AI-powered plagiarism or on the acceptability of using AI at specific stages of an assessment, were derived from the research on the three approaches on AI in assessment summarised above.

Regarding prevalence of the use of AI among students, opinions varied significantly, with 37.5% of respondents believing more than half of students use AI in assessments which prohibit AI use, and another 34.4% estimating the proportion of AI users at less than half. Only 12.5% of participants in the survey believed that prohibited AI use is limited to isolated cases. These results suggest that a significant number of students are believed to be using AI tools in assessments that prohibit them.

In answer to the question about what type of assignments respondents think AI tools are used in, predictably the majority of respondents agreed that inappropriate use of AI is most common in homework tasks, both in continuous assessment and research papers. Regarding in-person exams there was some division in opinions, with about a third of respondents claiming use of AI is not common in those cases, versus approximately two-thirds agreeing that it is fairly common or very common. Importantly, with in-person exams, participants report that use of AI in tasks requiring regurgitation of factual information is as common as in analytical tasks. This goes against claims in the literature that assignments requiring higher-order skills are less vulnerable to AI tools and should serve as a reminder that analytical questions do not necessarily make an assessment AI-resilient.

In order to elicit a granular response about students' views of the ethics of using AI in assignments that prohibit it, the ethics question specified use at different stages of the assignment: from understanding the brief, through brainstorming and planning to producing partial or full answers. Logically, and reassuringly, a strong majority of respondents find the use of AI unethical where there is less to no human agency involved, for example for generating a full draft for editing (considered unethical by 71.88% of respondents) or a final draft to be submitted with minimal editing (unethical according to 81% of respondents). There seems to be more hesitation regarding understanding the brief, generating ideas or polishing the students' own work, with more respondents finding AI aid not particularly problematic or justifiable at these stages. For example, with brainstorming, only 25% of respondents found use of AI unethical, while 31.25% found it completely ethical; and the remaining approximately 40% selected the two more nuanced answers: "not entirely ethical, but not a big deal either" and "not ethical, but justifiable if it earns you a good mark". These responses are important as they indicate that simply prohibiting the use of AI tools for all stages of the assignment does not convince students that AI use is unethical, nor is prohibition necessarily a deterrent if AI use may result in a higher mark. The examples of AI use which a relatively large number of respondents selected as less ethically problematic are consistent with the stages at which researchers favouring integration recommend that AI tools can be productively incorporated (e.g. Powell, Forsyth 2024: 123; Smith, Francis 2024: 143 – 147). Respondents' flexibility in these cases suggests that there may be a case for adopting AI tools. At the same time, ethical considerations need to be combined with pedagogical reasoning, and students need to be invited to examine how innocuous AI-aided practices are

at any stage of an assignment and consider whether they may lead to loss of creativity or organisational skills.

Another question aimed to identify students' specific concerns about the illicit AI use in assessments. Results showed that overall between half and two-thirds of respondents share the key concerns about cognitive impact, credibility of qualifications, and environmental effects. The most serious concern, selected by 71.9 % of respondents, was AI's negative effect on cognitive skills (Niekerk et al. 2025: 1; Shaw 2025: 5821), which I summarised by the slang word "brain rot": a term common in the target group's culture and which was selected as Oxford Word of the Year for 2024 (Brain Rot 2024). Respondents were also concerned about AI impacts such as loss of expertise (59.5%) and erosion of the value of their degrees (62.5%), fairness (40.6%); and environmental damage (59.4%), consistent with issues identified in scholarly work (Kovari 2024; Upsher et al. 2024: 129; Moorhouse 2024: 387 – 388).

These high levels of concern cohere with the arguments of respondents who object not only to unauthorised use of AI, but to legitimising its use in future assessments. When asked about whether AI should be incorporated in assessment instead of prohibited, a surprisingly high percentage of participants, i.e. 51.3%, were against, and another 31.3% were undecided. Only 15.5 % of respondents were in favour of integration. The answers to the follow-up open-ended question on why AI tools should not be allowed in assessments in the future echoed students' concerns about unauthorised use of AI cited earlier, for example:

> AI is horrible to the environment and our brains;
>
> 1) environmental concerns with all AI use 2) erodes students' ability to employ critical thinking skills
>
> Even though there could be creative ways to integrate AI into the study process, this has nothing to do with how dangerous to the environment it is.

Another concern was that GenAI tools use was unethical and unfair to "us students who are choosing to do our degrees because of genuine interest in our field". Students also disapproved of AI due to copyright issues ("AI is a huge plagiarism machine that is built on the nonconsensual integration of the work of others") and being destructive to human creative capacities ("it is a death to creativity").

Students' negative perceptions of AI tools as expressed above make important corrections to the assumptions outlined earlier. While it may be true that the use of AI tools is common, if respondents' estimates about prevalence in the first question are correct, it is also evident that the mere existence of AI tools does not mean that all students are willing to use them.

In fact, over half of respondents were against integration in assessment, and about a quarter of students found any use of AI unethical. Moreover, regarding the assumption about the inherent progressiveness of AI use, respondents' objections are not symptomatic of old-fashioned nostalgia or general resistance to change, but legitimate current concerns about environmental safety, human creativity and literacy – concerns which are usually acknowledged in emerging research but are often overridden by effectiveness and pedagogical usefulness.

Given that a significant proportion of respondents do not support integration of AI tools, the question about the measures that could be taken to make AI-incorporating assessments valid and fair logically received fewer responses (19 out of 32). Out of those nineteen who provided an answer, 78.9% supported the inclusion of an oral component to prove understanding and authorship of the assignment, 68.4% selected clear rules about acceptability, 52.6% approved the inclusion of reflection on the usefulness of AI tools, and 57.9% – the detailed declaration of AI use. These answers can be helpful in future decisions when reforming assessments, bearing in mind that the most popular method, the oral component, is also the one that most directly investigates the use of AI tools, which suggests respondents' perceived need for convincing proof of human authorship.

Considering the potential benefits of integrating AI tools (a question which for similar reasons was answered only by 15 participants), most respondents agreed that this would provide an opportunity to learn how to use AI effectively (66.7%). Other popular answers included increased authenticity (46.7%), and higher complexity of the task (53.3%). These answers reveal the division in opinions among students on the matter of whether and how AI tools can be integrated in assessment and highlight a need for education on productive AI use. The range of opinions – from integration for the sake of mastering AI tools to vocal opposition to any use of AI – presents significant challenges for educators, as these opposing views seem to require contradictory measures.

The final question I have selected for analysis tests students' tolerance of measures to prevent unauthorised use of AI, as such employment of AI tools, as discovered through earlier questions, is seen as unethical in at least some of its dimensions as well as causing a variety of concerns. The most popular technique for enforcing regulation (similar to the responses about integration) was to use oral exams in suspected cases of AI plagiarism (56.3%). Educational measures such as persuasive reasons not to use AI and clearer instructions of permissibility were supported by a little over 40% of students, a result which is consistent with Kovari's claim about the

effectiveness of academic integrity campaigns (Kovari 2024). Interestingly, some of the more restrictive measures were also approved by some students. For example, a little over 40% were in favour of stricter invigilation during exams and use of AI detection tools, and a 37.5% support stricter or more consistent penalties for inappropriate AI use. Although the respondents favouring stricter control and penalties are a minority, they still represent a non-negligible proportion of respondents. Their opinions undermine the third assumption that students necessarily see themselves as victims in a cat and mouse game and demonstrate that some students are invested in the process of maintaining good academic practices even through unpopular measures.

Conclusion

The results from my informal online study on student views about use of AI in assessment challenge common assumptions about the inevitability of AI use by students, its innate progressivism and innovativeness, and its prohibition and control being perceived by students entirely negatively. While these assumptions may hold true for some students, respondents' answers have revealed a much greater range of views, including a number of students opposed to both unauthorised use of AI in violation of existing rules and future integration for a variety of reasons (environmental damage, cognitive and creative decline, erosion of professionalism and institutional credibility, equity).

Students support a variety of measures for tackling AI-related plagiarism, including more restrictive measures, while some participants also support integrating AI into assessments and training for effective use. While participants represent an overall rather small and possibly biased sample, the outcomes of the survey demonstrate significantly polarised opinions which would need to be considered and addressed regardless of numbers. This division in opinions further complicates the "wicked problem" of AI in assessment, as defined by Corbin et al., and is also consistent with one more "wicked problem" characteristic: that it is symptomatic of other issues (Corbin et al. 2025a: 9). The arguments provided by students on how to approach AI in assessment are indicative of other differences in attitudes not necessarily related to AI, but rather to students' motivation for their studies, their engagement with broader social and environmental issues, their interest in their subject and their understanding of the ethics of personal achievement and collective responsibility. Solutions to the AI in assessment conundrum need to address explicitly the individual challenges, viewpoints and motivations of students and aim to foster shared values of belonging to an academic culture that has

academic integrity and achievement at its heart, with firm boundaries in terms of acceptable academic behaviour, but which is open and inclusive to various goals, skills and learning styles.

REFERENCES

Brain Rot 2024: Brain Rot. // *Oxford University Press*. Dec. 2024. <https://corp.oup.com/news/brain-rot-named-oxford-word-of-the-year-2024/> (18.01.2026).

Corbin et al. 2025a: Corbin, T., Bearman, M., Boud, D., Dawson P. The Wicked Problem of AI and Assessment. // *Assessment and Evaluation in Higher Education*. 2025: 1 – 17. <https://doi.org/10.1080/02602938.2025.2553340> (10.01.2026).

Corbin et al. 2025b: Corbin, T. Dawson, P., Nicola-Richmond, K., Partridge, H. "Where's the Line? It's an Absurd Line": Towards a Framework for Acceptable Uses of AI in Assessment. // *Assessment and Evaluation in Higher Education*. 2025, № 50.5: 1 – 13. <https://doi.org/10.1080/02602938.2025.2456207> (10.01.2025).

Kovari 2024: Kovari, A. Ethical Use of ChatGPT in Education – Best Practices to Combat AI-Induced Plagiarism. // *Frontiers in Education*. 2024, № 9. <https://doi.org/10.3389/feduc.2024.1465703> (18.09.2025).

Lannoy 2023: Lannoy, V. AI-Based Plagiarism Detectors: Plagiarism Fighters or Makers? // *Medical Writing*. 2023, № 32.3: 44 – 47. <https://doi.org/10.56012/ovnr4109> (18.09.2025).

Moorhouse 2024: Moorhouse, B. L. Generative Artificial Intelligence and ELT. // *ELT Journal*. 2024, № 78.4: 379 – 392. <https://doi.org/10.1093/elt/ccae032> (10.01.2026).

Ng 2025: Ng, O. AI and Assessment: Finding the Sweet Spot through Flexible and Balanced Integration. // *Medical Teacher*. 2025, №47.10: 1697. <https://doi.org/10.1080/0142159X.2025.2495639> (18.09.2025).

Niekerk et al. 2025: Niekerk, J., Delport, P. M. J., Sutherland, I. Addressing the Use of Generative AI in Academic Writing. // *Computers and Education: Artificial Intelligence*. 2025, № 8: 1 – 11. <https://doi.org/10.1016/j.caeai.2024.100342> (18.09.2025).

Powell, Forsyth 2024: Powell, S., Forsyth, R. Generative AI and the Implications for Authentic Assessment. // *Using Generative AI Effectively in Higher Education: Sustainable and Ethical Practices for Learning, Teaching and Assessment*. Ed. by S. Beckingham et al.

London: Routledge, 2024, 119 – 128. <https://doi.org/10.4324/9781003482918> (18.09.2025).

Pudasaini et al. 2024: Pudasaini, S., Miralles-Pechuán, L., Lillis, D., Llorens Salvador, M. Survey on AI-Generated Plagiarism Detection: The Impact of Large Language Models on Academic Integrity. // *Journal of Academic Ethics*. 2024, № 23: 1137 – 1170. <https://doi.org/10.1007/s10805-024-09576-x > (18.09.2025).

Sağlam et al. 2024: Sağlam, T., Hahner, S., Schmid, L., Burger, E. Automated Detection of AI-Obfuscated Plagiarism in Modeling Assignments. // *2024 IEEE/ACM 46th International Conference on Software Engineering: Software Engineering Education and Training*. Lisbon, 2024, 297 – 308. <https://doi.org/10.1145/3639474.3640084> (18.09.2025).

Shaw 2025: Shaw, D. The Digital Erosion of Intellectual Integrity: Why Misuse of Generative AI Is Worse Than Plagiarism. // *AI and Society*. 2025, № 40: 5819 – 5821. <https://doi.org/10.1007/s00146-025-02362-2> (18.09.2025).

Smith, Francis 2024: Smith, D., Francis, N. Process Not Product in the Written Assessment. // *Using Generative AI Effectively in Higher Education: Sustainable and Ethical Practices for Learning, Teaching and Assessment*. Ed. by S. Beckingham et al. London: Routledge, 2024, 141 – 152. < https://doi.org/10.4324/9781003482918> (18.09.2025).

Upsher et al., 2024: Upsher, R., Heard, C., Yalcintas, S., Pearson, J., Findon, J. Embracing Generative AI in Authentic Assessment. // *Using Generative AI Effectively in Higher Education: Sustainable and Ethical Practices for Learning, Teaching and Assessment*. Ed. by S. Beckingham et al. London: Routledge, 2024, 129 – 141. <https://doi.org/10.4324/9781003482918> (18.09.2025).

Wiley 2025: Wiley, D. Asking a More Productive Question about AI and Assessment. // *Techtrends*. 2025, № 69: 864 – 853. <https://doi.org/10.1007/s11528-025-01118-5> (18.09.2025).

Пловдивски университет
„Паисий Хилендарски“

НАУЧНИ ТРУДОВЕ
том 63, кн. 1, сб. Б, 2025

Филология

Коректор: Гергана Иванова

Предпечатна подготовка: Гергана Георгиева

Печат и подвързия: Пловдивско университетско издателство

Пловдив, 2026

ISSN 0861-0029